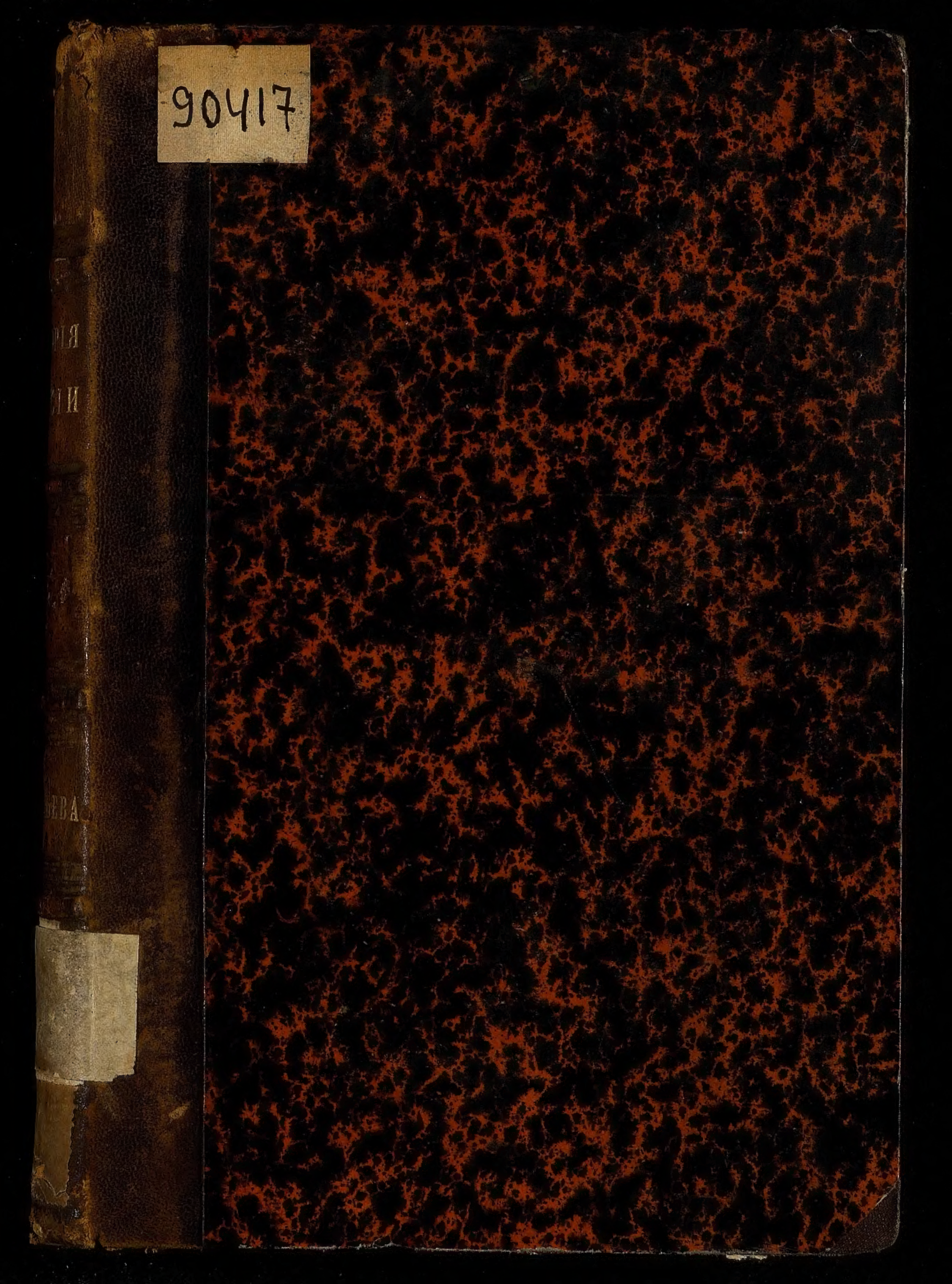
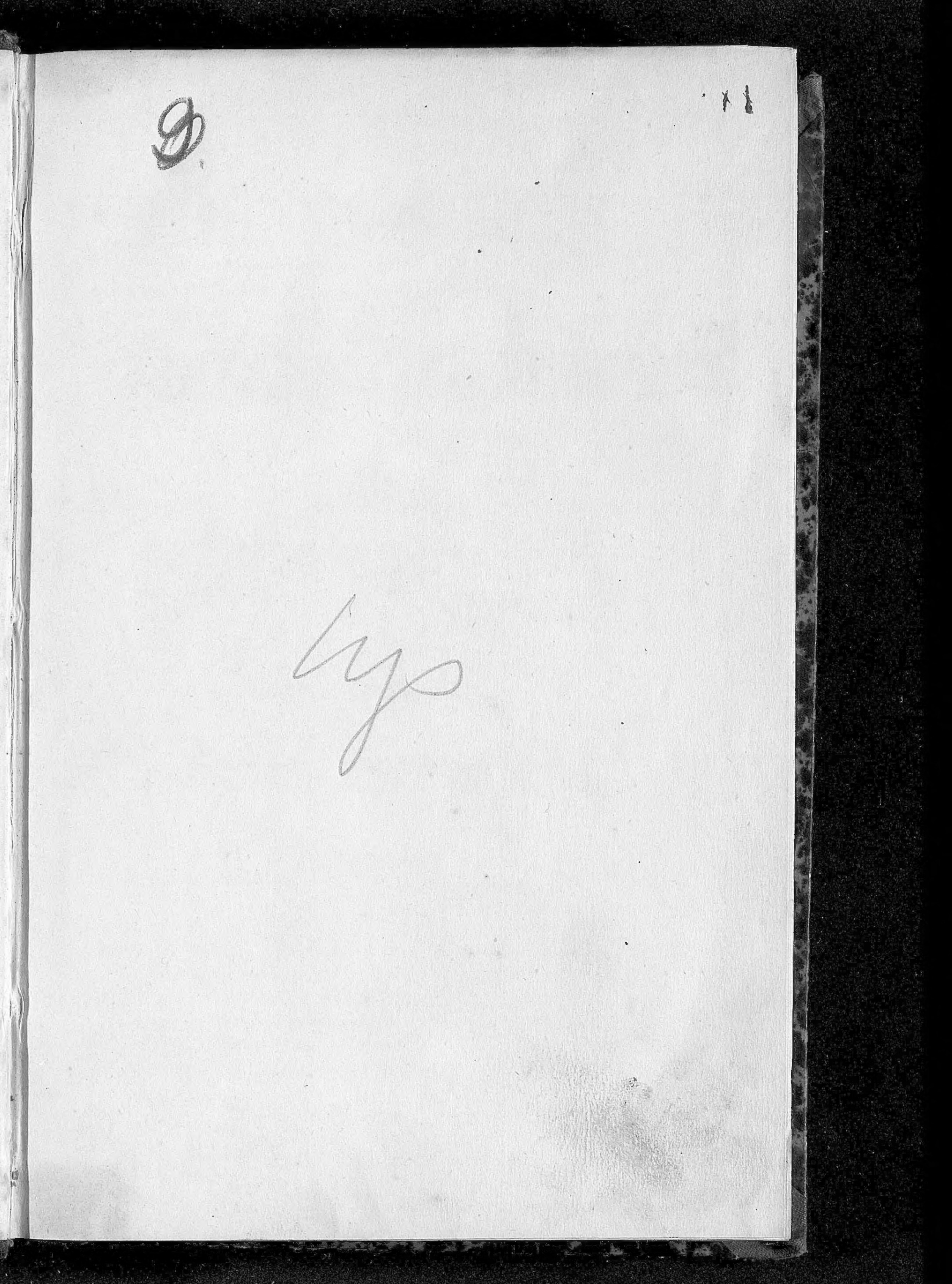


90417



ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

С Ъ

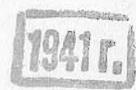
ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

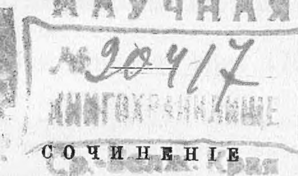
МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1875.



ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

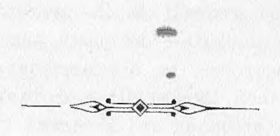
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ IIй.



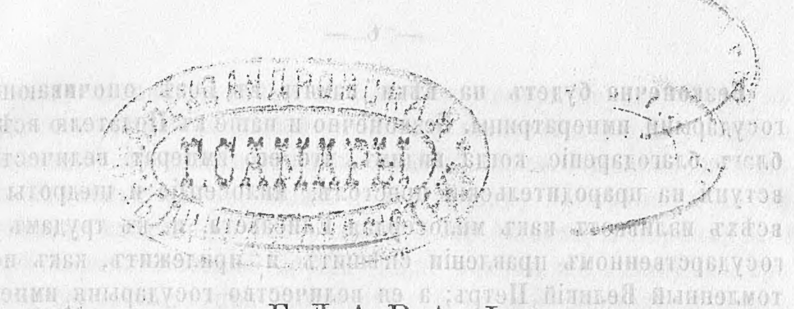
СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.



МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1875.



ГЛАВА I.

Царствованіе Императора Петра III Θеодоровича.

25 декабря 1761—28 іюня 1762 года.

Милости новаго государя.—Возвращеніе ссыльныхъ.—Новый генералъ-прокуроръ Глѣбовъ.—Новый совѣтъ.—Голштинскіе принцы и другіе вліятельные люди. — Первыя распоряженія въ Сенатѣ. — Манифестъ о вольности дворянской. — Уничтоженіе Тайной Канцеляріи. — Судный департаментъ въ Сенатѣ; раздѣленіе Юстицъ и Вотчиной Коллегій и Суднаго приказа на департаменты.—Рѣшеніе по дѣлу о церковныхъ имѣніяхъ.—Указъ о возвращеніи бѣжавшихъ раскольниковъ.—Крестьянскія волненія.—Состояніе финансовъ.—Военныя приготовленія.—Миръ и союзъ съ Пруссіею.—Столкновенія съ Даніею.—Сношенія съ Австріею, Франціею, Англіею, Швеціею, Польшею и Турціею.—Неудовольствіе въ Россіи на перемѣну внѣшней политики. — Затруднительное положеніе канцлера Воронцова и Ив. Ив. Шувалова. —Неудовольствіе самыхъ приближенныхъ лицъ.—Неудовольствіе духовенства и войска.—Признаки разстройства правительственной машины.— Общее неудовольствіе вслѣдствіе поведенія Петра III-го. — Опасенія прусскихъ министровъ относительно этого неудовольствія.—Переписка Фридриха II съ Петромъ III по этому поводу.—Румянцевъ и заграничная армія.—Иванъ Антоновичъ.—Тяжкое положеніе императрицы Екатерины.—Н. И. Панинъ; гетманъ Разумовскій.—Движенія въ гвардіи. — Княгиня Дашкова. — Орловы. — Ускореніе движенія въ пользу Екатерины. — Провозглашеніе ея самодержавною императрицею 28 іюня.—Походъ ея въ Петергофъ.—Неудачныя попытки Петра III; онъ отказывается отъ престола.

Большинство встрѣтило мрачно новое царствованіе: знали характеръ новаго государя, и не ждали ничего хорошаго. Меньшинство людей, обѣщавшихъ себѣ важное значеніе въ царствованіе Петра III, разумѣется, должно было стараться разсѣять грустное расположеніе большинства, доказывать, что оно обманывается въ своихъ черныхъ предчувствіяхъ.

«Безконечна будетъ на вѣки память въ Бозѣ опочивающей государыни императрицы. Безконечно и наше къ Подателю всѣхъ благъ благодареніе, когда видимъ, что его императ. величество, вступя на прародительскій престолъ, милосердіе и щедроты на всѣхъ изливаетъ какъ милосердая Елисавета, и къ трудамъ въ государственномъ правленіи спѣшитъ и прилежитъ, какъ неутомленный Великій Петръ; а ея величество государыня императрица, непрестанно посѣщая тѣло любезнѣйшія своея тетки и смѣшивая свои слезы со слезами приходящихъ для прощенія, самое то бремя на себя снимать является, которое налагаетъ на насъ естество и усердная любовь къ имени и крови Петра Великаго».

Такъ окончилъ свое описаніе кончины Елисаветы конференцъ-секретар Волковъ. Новый императоръ сравненъ здѣсь съ покойною теткою своею относительно милосердія и щедротъ. На какія же щедроты можно было указать? Отъ новаго правителя ждутъ обыкновенно милосердія къ опальнымъ прошедшаго царствованія. На другой день по вступленіи на престолъ Петра, 26 декабря по именному указу велѣно было прекратить слѣдствіе надъ губернаторами Салтыковымъ и Пушкинымъ; но здѣсь могли видѣть заступничество сильныхъ людей за свою братью; только послѣ услыхали объ освобожденіи людей, долго страдавшихъ въ заточеніи, хотя и тутъ чуждыя и даже ненавистныя имена мѣшали впечатлѣнію. 17 января подписаны были указы о возвращеніи изъ ссылки сына Менгдена, жены, сына и дочери Лиліенфельда, Натальи Лопухиной, Миниха съ сыномъ; двое послѣднихъ могли возвратиться въ Петербургъ, остальнымъ запрещено было въѣзжать туда, гдѣ живетъ императоръ. Знаменитый сложностію и обширностію своего слѣдственнаго дѣла, пензенскій воевода Жуковъ освобожденъ изъ-подъ ареста [1]. По указу 4 марта возвращенъ изъ Ярославля въ Петербургъ бывшій герцогъ Биронъ съ фамиліею. Легко себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ и старые, и молодые смотрѣли на этихъ когда-то заклятыхъ враговъ, Бирона и Миниха, появившихся во дворцѣ и обществѣ. Минихъ, несмотря на лѣта и несчастія, отличался большою живостію и умѣлъ стать однимъ изъ близкихъ людей къ императору. 6 мая состоялся указъ: вмѣсто взятаго у генералъ-фельдмаршала графа Миниха на Васильевскомъ

острову каменнаго двора, въ которомъ теперь Морской Корпусъ, купя изъ казны за 25,000 рублей у шталмейстера Нарышкина, состоящій на адмиралтейской сторонѣ близь Семеновскаго моста Каменный дворъ, отдать графу Миниху въ вѣчное и потомственное владѣніе [2]. Возвращены были Минихъ и Биронъ; этой парѣ соотвѣтствовала другая пара такихъ же заклятыхъ враговъ, сосланныхъ при Елисаветѣ, то были — Лестокъ и Бестужевъ-Рюминъ; о Лестокѣ было кому напомнить: въ первый же день восшествія на престолъ, 25 декабря канцлеръ графъ Воронцовъ подалъ императору докладъ, въ которомъ между прочимъ находилась статья: «О помилованіи и освобожденіи изъ ссылки несчастнаго графа Лестока» [3]. Но понятно, что въ докладахъ Воронцова мы не найдемъ статьи о возвращеніи изъ ссылки *несчастнаго* графа Бестужева; да и кромѣ Воронцова никто изъ имѣвшихъ доступъ къ императору и вліяніе на него не имѣлъ побужденій просить за Бестужева; подлѣ Петра III не было ни одного человѣка расположеннаго къ бывшему канцлеру, а самъ Петръ былъ сильно нерасположенъ къ нему. У иностранцевъ находимъ извѣстіе, будто Петръ объявилъ Воронцову, Волкову и Глѣбову относительно Бестужева: «Я подозрѣваю этого человѣка въ тайномъ соумышленничествѣ съ моею женою и кромѣ того держу въ памяти, что покойная тетушка на смертномъ одрѣ говорила мнѣ о Бестужевѣ: она мнѣ строго наказывала никогда не освобождать его изъ ссылки» [4]. Разумѣется мы не можемъ вполнѣ успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что свидѣтели подозрительны—Воронцовъ, Волковъ и Глѣбовъ; но, какъ бы то ни было, Лестокъ былъ возвращенъ, а Бестужевъ по прежнему остался въ ссылкѣ [5]. Впечатлѣніе, произведенное этимъ на безпристрастное большинство, представить легко: возвращенъ Лестокъ, возвращенъ Биронъ, возвращены другіе люди съ чуждыми именами; не возвращенъ одинъ русскій человѣкъ, такъ долго и дѣятельно служившій русскимъ интересамъ.

Но, быть можетъ, другія милости изглаживали непріятное впечатлѣніе; быть можетъ радовались приближенію къ государю людей достойныхъ, удаленію отъ него людей, не слывшихъ благонамѣренными?

25 декабря, когда Елисавета находилась при послѣднемъ издыханіи, за двѣ комнаты отъ спальни умирающей помѣстились

бывшій генералъ-прокуроръ, князь Никита Юр. Трубецкой, и бывшій оберъ-прокуроръ Сената, теперь генералъ-кригсъ-коммиссаръ, Александръ Ив. Глѣбовъ. Здѣсь, расположась за письменнымъ столомъ, подзывали они къ себѣ то того, то другого изъ людей близкихъ къ наслѣднику, перешептывались съ ними, потомъ что-то писали и ходили какъ будто съ докладами или для полученія наставленій къ великому князю, который, большею частію, находился передъ спальнею умирающей тетки. Тутъ же между прочими придворными, въ страшномъ горѣ, какъ тѣни, *шатались* два старика—одинъ птенецъ Петра Великаго, знаменитый сенаторъ и конференцъ-министръ Ив. Ив. Неплюевъ, другой генералъ-прокуроръ князь Шаховской. Но присутствіе этихъ стариковъ было непріятно людямъ, ходившимъ съ докладами къ наслѣднику, и Неплюеву съ Шаховскимъ именемъ великаго князя было сдѣлано внушеніе, чтобъ они удалились. Вскорѣ послѣ этого Шаховской долженъ былъ опять отправиться во дворецъ, потому что получилъ повѣстку о кончинѣ императрицы. Не ожидая для себя ничего хорошаго въ новое царствованіе, Шаховской обратился къ одному изъ приближенныхъ императора, Льву Александр. Нарышкину, чтобъ тотъ доложилъ Петру его просьбу объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ [6]. Просьба была исполнена: того же 25 декабря Шаховской былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а генералъ-прокуроромъ назначенъ Глѣбовъ, оставшійся и генералъ-кригсъ-коммиссаромъ, потому что не хотѣлось разстаться съ доходною должностью. Того же числа была оказана милость Воронцовымъ, одной изъ наиболѣе любимыхъ фамилій: родной братъ канцлера, дядя фаворитки, Елисаветы Романовны Воронцовой, Иванъ Ларіоновичъ былъ назначенъ сенаторомъ и отправленъ въ Москву на первенствующее мѣсто въ старой столицѣ, мѣсто управляющаго сенатскою конторою. Черезъ два дня, 28 декабря узнали о другихъ милостяхъ: фельдмаршалъ князь Никита Юр. Трубецкой былъ пожалованъ въ подполковники Преображенскаго полка (полковникомъ былъ самъ государь); Шуваловы, Петръ и Александръ были произведены въ фельдмаршалы [7]. Графъ Петръ не долго пользовался почестями новаго званія, дни его уже были сочтены; но, не смотря на тяжкую болѣзнь, истощившую его силы, онъ жаждалъ государственной дѣятельности и велѣлъ перенести себя на рукахъ изъ соб-

ственнаго дома въ домъ своего пріятеля, выведеннаго имъ въ люди, новаго генералъ-прокурора Глѣбова, потому что Глѣбовъ жилъ ближе къ дворцу. Императоръ не только сносился съ нимъ черезъ Глѣбова, но и самъ часто пріѣзжалъ къ нему говорить о дѣлахъ; но такое умственное напряженіе, какъ думали тогда, ускорило смерть графа Петра, послѣдовавшую 4 января [8]. Ив. Ив. Шуваловъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе тремя корпусами—сухопутнымъ, морскимъ и артиллерійскимъ, и, оставаясь кураторомъ Московскаго университета, былъ такимъ образомъ какъ бы министромъ новорожденнаго русскаго просвѣщенія; только Академія Наукъ находилась по прежнему подъ президентствомъ графа Кирилла Разумовскаго. О старшемъ Разумовскомъ, графѣ Алексѣѣ 6 марта былъ объявленъ указъ: «Генералъ-фельдмаршалу графу Разумовскому быть уволеннымъ и вѣчно свободнымъ отъ всей военной и гражданской службы, съ тѣмъ, что какъ у двора, такъ и гдѣ бъ онъ жить ни пожелалъ, отдается ему по чину его должное почтеніе, обѣщая его импер. величество сами сохранить къ нему непремѣнную милость и высочайшее благоволеніе» [9].

На пятый мѣсяцъ царствованія обозначились лица, пользовавшіяся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора. 20 мая Сенатъ слушалъ указъ: «Чтобъ многія его импер. в—ства къ пользѣ и славѣ имперіи его и къ благополучію вѣрныхъ подданныхъ принятыя намѣренія наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли, то избрали его импер. в—ство трудиться подъ собственнымъ его импер. в—ства руководствомъ и призрѣніемъ надъ многими до того принадлежащими дѣлами его высочество герцога Георгія, его свѣтлость принца Голштейнъ-Бекскаго, генералъ-фельдмаршала Миниха, генералъ-фельдмаршала князя Трубецкого, канцлера графа Воронцова, генералъ-фельдцейгмейстера Вильбоа, генералъ-поручика князя Волконскаго, генералъ-поручика Мельгунова и дѣйств. статск. совѣтника тайнаго секретаря Волкова [10].

На первыхъ мѣстахъ въ этомъ совѣтѣ видимъ родственниковъ императора по отцу, принцевъ голштинскихъ. Первый, дядя Петра III, принцъ Георгій, генералъ прусской службы, вызванный въ Россію тотчасъ по восшествіи на престолъ Петра, который былъ чрезвычайно къ нему привязанъ: онъ произвелъ его въ

генералъ-фельдмаршалы и полковники лейбъ-гвардіи Коннаго полка съ жалованьемъ по 48,000 рублей въ годъ. Другой принцъ Петръ Августъ-Фридрихъ Голштейнъ-Бекскій былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, командиромъ надъ всѣми полевыми и гарнизонными полками, находившимися въ Петербургѣ, въ Финляндіи, Ревелѣ, Эстляндіи и Нарвѣ [11]. Слѣдующіе три члена совѣта—Минихъ, Трубецкой и Воронцовъ намъ извѣстны. Генералъ-поручикъ Вильбоа получилъ должность генералъ-фельдцейгмейстера, праздную по смерти графа Петра Ив. Шувалова; какъ видно изъ отзывовъ современниковъ, Вильбоа пользовался хорошею репутаціею. Князь Волконскій намъ извѣстенъ особенно какъ посланникъ въ Польшѣ. Генералъ-поручикъ Алексѣй Петр. Мельгуновъ выдвинулся съ помощію Ив. Ив. Шувалова, и сблизился съ Петромъ при Елисаветѣ по управленію кадетскимъ корпусомъ, котораго великій князь былъ шефомъ. Наконецъ Волковъ пріобрѣлъ славу самаго искуснаго составителя рескриптовъ во время управленія своего канцеляріею конференціи; кромѣ того могъ быть указанъ Шуваловыми и Воронцовымъ какъ человѣкъ преданный, и занялъ мѣсто въ новомъ совѣтѣ, какое занималъ въ прежней, упраздненной теперь конференціи: съ 31 января Волковъ назывался тайнымъ секретаремъ.

Если къ этимъ членамъ новаго совѣта присоединимъ генералъ-прокурора Глѣбова и Ив. Ив. Шувалова, то исчерпаемъ кругъ людей, хотѣвшихъ и могшихъ имѣть вліяніе на важныя правительственныя рѣшенія въ началѣ царствованія Петра III, ибо люди близкіе, какъ-то генералъ-адъютанты Гудовичъ и Унгернъ-Штернбергъ и шталмейстеръ Левъ Нарышкинъ этого вліянія имѣть не могли.

17 января императоръ прибылъ въ Сенатъ, гдѣ оставался отъ 10 до 12 часовъ. Тутъ онъ подписалъ указы о возвращеніи изъ ссылки Менгдена, Лиліенфельдовъ, Миниховъ, Лопухиной; потомъ соизволилъ указать: въ продажѣ соли цѣну уменьшить и положить умѣренную, если совсѣмъ вольною торговлею сдѣлать нельзя, о чемъ Сенату разсуждать. Кронштадтскую гавань, которая весьма повреждена, такъ что съ трудностію корабли приставать могутъ, немедленно починить, углубя оную и обдѣлывая камнемъ. Сенату разсуждать, какъ бы Рогервицкую га-

вань додѣлывать вольными людьми, а каторжныхъ перевести въ Нерчинскъ. Тутъ же Петру доложено было предложеніе покойнаго графа Петра Ив. Шувалова о водяномъ сообщеніи отъ рѣки Волхова до Рыбной слободы; въ предложеніи говорилось: отъ слободы Рыбной чрезъ Тверь, Боровицкіе пороги, Новгородъ до Новой Ладоги суда ходятъ 1120 верстъ, а есть отъ Рыбной слободы до Новой Ладоги другой водяной трактъ, а именно: отъ Рыбной рѣками Волгою, Мологою, Чагодощею, Горюномъ, озеромъ Соминскимъ, рѣкою Соминою, рѣчкою Болчинкою, озеромъ Крупинымъ, рѣкою Тихвиною, Сясью, а изъ Сяси надобно быть каналу до рѣки Волхова и противъ Ладожскаго канала прямо на семи верстахъ; этимъ трактомъ всего 592 версты. Сенатъ доложилъ при этомъ, что для освидѣтельствованія и описанія этого тракта отправленъ былъ генералъ - лейтенантъ Рязановъ, который уже исполнилъ свое порученіе. Императоръ разсмотрѣлъ планы, одобрилъ и приказалъ всю эту работу производить вольными людьми.

Въ то же засѣданіе императоръ приказалъ Сенату имѣть попеченіе о Петербургѣ, котораго строеніе происходятъ весьма обширно и по большей части деревянное; надобно стараться его ограничить и производить строеніе каменное, и хотя не очень пространно, но регулярно, и болѣе въ вышину, нежели въ широту. За этимъ императоръ приказалъ Сенату имѣть конференцію съ Синодомъ о монастырскихъ крестьянахъ. Въ заключеніе Петръ объявилъ свое рѣшеніе относительно дворянской службы: «Дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ, и когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на такомъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается.» На другой день, 18 января генералъ-прокуроръ Глѣбовъ словесно предложилъ: не соизволитъ ли прав. Сенатъ въ знакъ отъ дворянства благодарности за оказанную къ нимъ всевысочайшую милость о продолженіи ихъ службы по своей волѣ гдѣ пожелаютъ, сдѣлать его импер. величества золотую статую, расположа отъ всего дворянства и о томъ подать его император. величеству докладъ [12]? Докладъ не былъ утвержденъ; есть извѣстіе, что императоръ отвѣчалъ: «Сенатъ можетъ дать золоту лучшее назначеніе, а я своимъ царствованіемъ надѣюсь воздвигнуть болѣе долговѣчный па-

мятникъ въ сердцахъ моихъ подданныхъ [13].» Только черезъ мѣсяцъ, 18 февраля былъ обнародованъ манифестъ о вольности дворянской [14]; въ немъ императоръ говорилъ, что при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ нужно было принуждать дворянъ служить и учиться, отъ чего послѣдовали неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу; однимъ словомъ заключить, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность, а потому и не находимъ мы той необходимости, въ разсужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была». Всѣ дворяне, на какой бы службѣ они ни находились, на военной или на гражданской, могли продолжать ее или выйти въ отставку; но военные не могли проситься въ отставку и брать отпускъ во время кампаніи и за три мѣсяца до ея начатія. Неслужащій дворянинъ могъ безпрепятственно ѣхать за границу и вступать въ службу иностранныхъ государей, но обязанъ былъ возвратиться со всевозможною скоростію по первому призыву правительства. «Мы надѣемся, говорилось въ манифестѣ, что все благородное россійское дворянство, чувствуя толикія наши къ нимъ и потомкамъ ихъ щедроты, по своей къ намъ всеподданнической вѣрности и усердію, побуждены будутъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать, и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную, по крайней возможности, продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ, ибо всѣ тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, но только какъ сами въ лѣности и праздности все время препровождать будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества своего ни въ какія полезныя науки не употреблять, тѣхъ мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору нашему пріѣздъ или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ».

Здѣсь прежде всего останавливаетъ насъ то обстоятельство, что манифестъ о вольности дворянской явился спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ императоръ объявилъ свою волю въ Сенатѣ. Зная характеръ Петра [15], мы не удивимся этому. Люди приближенные, желавшіе удержать за собою важное значеніе въ новое царствованіе и естественно желавшіе сообщить этому царствованію блескъ и популярность, разсѣять мрачныя мысли тѣхъ, которые знали, въ чьихъ рукахъ теперь судьбы Россіи,—люди приближенные къ Петру постарались внушить ему о необходимости принять нѣкоторыя мѣры, которыя облегчатъ, обрадуютъ народъ, въ числѣ этихъ мѣръ было и желанное многими освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы. Императоръ заявилъ всѣ эти мѣры въ одно присутствіе въ Сенатѣ; но, заявивъ свою волю объ освобожденіи дворянъ отъ службы, онъ не поручилъ Сенату заняться дѣломъ, обдумать его хорошенько и поднести докладъ на высочайшее утвержденіе. Воля императора была заявлена; Сенатъ пошелъ съ докладомъ о золотой статуѣ, получилъ въ отвѣтъ не очень скромную фразу и все дѣло этимъ кончилось, императоръ занялся другими дѣлами. Понятно, что люди, которымъ дорога была слава царствованія и которымъ хотѣлось поскорѣе объявить и привести въ исполненіе популярную мѣру, очень безпокоились, видя, что о ней забываютъ. Князь Щербатовъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ «о поврежденіи нравовъ въ Россіи», передаетъ разсказъ, слышанный имъ отъ Дмитр. Вас. Волкова, какъ императоръ, желая скрыть отъ фаворитки, графини Елизаветы Романовны Воронцовой свои ночныя забавы, сказалъ при ней Волкову, что хочетъ провести съ нимъ всю ночь въ занятіяхъ важнымъ дѣломъ, касающимся государственнаго благоустройства. Ночь наступила, Петръ пошелъ веселиться, сказавши Волкову, чтобъ онъ къ утру написалъ какой-нибудь важный указъ, и Волковъ былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Несчастный секретарь не зналъ, о чемъ писать, а писать надобно; наконецъ вспомнилъ онъ, о чемъ всего чаще твердилъ государю графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, именно о вольности дворянской. Волковъ написалъ манифестъ, который на другой день былъ утвержденъ государемъ.

Ясно, что разсказъ Щербатова или Волкова относится къ

написанію манифеста, а не къ первой мысли о вольности дворянства, ибо мысль была заявлена мѣсяцъ тому назадъ. Разсказъ этотъ важенъ для насъ потому, что открываетъ человѣка, который твердилъ императору о вольности дворянской: то былъ графъ Романъ Воронцовъ, особенно заинтересованный популярностію новаго царствованія, по отношеніямъ своего семейства къ императору. Но представляются сомнѣія на счетъ справедливости Щербатовскаго разсказа; говорятъ, что манифестъ былъ написанъ не Волковымъ, а Глѣбовымъ и приводятъ объ этомъ свидѣтельство Штелина; но по какому праву мы будемъ вѣрить болѣе Штелину чѣмъ Щербатову, или самому Волкову? Говорятъ, что тотъ же Волковъ въ оправдательномъ письмѣ своемъ, написанномъ по восшествіи на престолъ Екатерины II, ни полслова не говоритъ, что онъ былъ сочинителемъ манифеста о вольности дворянской въ томъ мѣстѣ письма, гдѣ хвалится произведеніями своего пера. Дѣйствительно Волковъ не говоритъ, что написалъ манифестъ о вольности дворянской; но не говоритъ, что и не писалъ его, слѣдовательно нисколько не противорѣчитъ своему разсказу, приведенному Щербатовымъ. Волковъ говоритъ: «что жь до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ, то *главные* моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о тайной канцеляріи и 3) пространный указъ о коммерціи [16]», а что онъ не включилъ манифеста о вольности дворянской въ число главныхъ трудовъ своихъ, заблагоразсудилъ умолчать о немъ, на то онъ имѣлъ важныя причины. Какъ человѣкъ очень умный, Волковъ не могъ не сознавать, что манифестъ написанъ плохо; да и трудно было написать лучше безъ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія такого важнаго дѣла. Съ одной стороны слышались сильныя жалобы, что дворяне, обязанные вѣчною службою, не могутъ заниматься устройствомъ своихъ имѣній; съ другой стороны недостатокъ въ людяхъ, необходимость для государства поддержать свое значеніе и выгоды многочисленнымъ регулярнымъ войскомъ, не позволяли ему освободить дворянъ отъ обязательной службы. Давно уже принимались мѣры для соглашенія интересовъ государства съ интересами землевладѣльцевъ: продолжительные отпуски при Екатеринѣ I, сокращеніе срока службы при Аннѣ. Манифестомъ 1736 года дворянинъ обязанъ былъ служить только 25 лѣтъ, начиная отъ

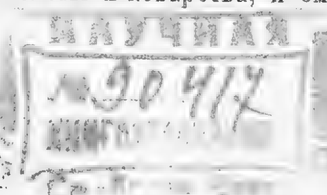
двадцатилѣтняго возраста; но когда явилось слишкомъ много охотниковъ воспользоваться закономъ о двадцатилѣтнемъ срокѣ, то въ 1740 году правительство, въ виду войны, принуждено было всячески затруднять увольненіе въ отставку [17] и потому, какъ видно, двадцатипятилѣтній срокъ остался только на бумагѣ, ибо Ив. Ив. Шуваловъ въ предложеніи своемъ императрицѣ Елисаветѣ о фундаментальныхъ законахъ, говоритъ: «дворянину служить 26 лѣтъ, считая отъ времени дѣйствительной службы его, т.-е. отъ 20 лѣтъ возраста [18].» Этотъ двадцатишестилѣтній срокъ, назначаемый Шуваловымъ, показываетъ намъ, съ какою осторожностію самые образованные и либеральные люди относились тогда къ вопросу о дворянской вольности относительно службы; ихъ пугала мысль, что множество дворянъ выйдетъ въ отставку, нѣкоторые дѣйствительно для хозяйственныхъ занятій, но другіе для праздной жизни въ имѣніяхъ и многія мѣста въ войскѣ останутся незанятыми, въ слѣдствіе чего нужно будетъ наполнять ихъ иностранцами. Страхъ предъ усиленіемъ иностраннаго элемента въ войскѣ заставилъ того же Шувалова предложить какъ фундаментальный законъ, чтобъ въ гвардіи, арміи и флотѣ три части генераловъ и офицеровъ были русскіе, а четвертая лифляндцы, эстляндцы и иностранные.

Въ манифестѣ 18-го февраля не только не было указано никакихъ мѣръ противъ слишкомъ большаго выхода въ отставку и противъ нерадѣнія о воспитаніи дворянъ, но даже ничего не было упомянуто о томъ призывѣ дворянъ къ службѣ, на который указалъ императоръ въ Сенатѣ: «когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на такомъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается.» Манифестъ 18-го февраля долженъ былъ очень обрадовать многихъ; но эту радость въ такой степени не могли раздѣлять дворяне, занимавшіе высшія должности, которые имѣли всѣ побужденія продолжать службу, дававшую имъ значеніе и выгоды. У этихъ людей гораздо больше на сердцѣ были другія льготы—освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, уничтоженіе конфискаціи дворянскихъ имуществъ. Ив. Ив. Шуваловъ внесъ въ свой проектъ фундаментальныхъ законовъ: «Впадшее въ преступленіе дворянство теряетъ только конфискаціею собственно нажитое собою имѣніе, а не родовое. Отъ безчестной политической казни дворянство сво-

бодить». Этихъ-то наиболѣе желанныхъ льготъ дворянству не было дано, а безъ нихъ свобода отъ службы не имѣла особенно важнаго значенія, особенно для дворянъ, составлявшихъ высшій петербургскій кругъ, предъ которымъ Волковъ и былъ въ отвѣтѣ. Здѣсь, въ этомъ кругу хвалиться манифестомъ 18-го февраля было неудобно, и Волковъ ловко обошелъ его, не поставилъ его въ число *главныхъ* дѣлъ своихъ.

Въ числѣ этихъ трехъ главныхъ трудовъ, которыми хвалится Волковъ, былъ трудъ о тайной Канцеляріи. 7-го февраля императоръ объявилъ въ Сенатѣ, что отнынѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи быть не имѣетъ. 21-го февраля изданъ былъ манифестъ, въ которомъ говорилось: «Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и не исправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ; но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей. Вышеупомянутая тайная розыскныхъ дѣлъ Канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся. Ненавистное израженіе, а именно: «слово и дѣло» не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и мы запрещаемъ—не употреблять онаго никому; о семъ кто отнынѣ оное употребитъ, въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники. Напротивъ того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему же воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать или донести словесно, если кто не умѣетъ грамотѣ. Всѣ въ воровствѣ, смертоубійствѣ и въ другихъ смертныхъ преступленіяхъ пойманные, осужденные и въ ссылки, такъ же на каторги

сосланные колодники ни о какихъ дѣлахъ доносителями быть не могутъ. Если явится доноситель по первымъ двумъ пунктамъ, то его немедленно подъ караулъ взять и спрашивать, знаетъ ли онъ силу помянутыхъ двухъ пунктовъ, и если найдется, что не знаетъ и важнымъ дѣломъ почелъ другое, такъ тотчасъ отпускать безъ наказанія. Если же найдется, что доноситель прямое содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ знаетъ, такого спрашивать тотчасъ, въ чемъ самое дѣло состоитъ; когда же дѣло свое доноситель объявитъ, а къ доказательству ни свидѣтелей, ниже что либо достовѣрнаго на письмѣ не имѣетъ, такого увѣщевать, не напрасноли на кого затѣялъ? Если доноситель не отречется отъ своего доноса, то посадить его на два дня подъ крѣпкій караулъ и не давать ему ни питья, ни пищи, но оставить ему все сіе время на размышленіе; по прошествіи же сихъ дней паки спрашивать со увѣщаніемъ, истиненъ ли его доносъ, и буде и тогда утвердится, въ такомъ случаѣ доносителя подъ крѣпкимъ карауломъ отсылать, буде близко отъ Санктпетербурга или Москвы, то въ Сенатъ или Сенатскую Контору, буде же нѣтъ, то въ ближайшую губернскую Канцелярію, а того или тѣхъ, на кого онъ безъ свидѣтеля или письменныхъ доказательствъ доноситъ, подъ караулъ не брать, ниже подозрительными не почитать до того времени, пока дѣло въ вышпемъ мѣстѣ надлежаще разсмотрѣно будетъ, и объ тѣхъ на кого донесено, указъ воспослѣдуетъ. Буде же доказатель имѣетъ и доказательства, и свидѣтелей, что доносъ его правъ, то и доносителя и свидѣтелей, и тѣхъ или того, на кого доносъ, забравъ подъ крѣпкій караулъ, тотчасъ доносить со всѣми обстоятельствами въ нашъ Сенатъ и ожидать указу. Если кто изъ дворянъ, офицеровъ или знатнаго купечества доносителемъ найдется и въ первомъ судебномъ мѣстѣ въ томъ утвердится, такого тотчасъ подъ крѣпкимъ карауломъ для изслѣдованія отсылать въ Сенатъ, но до указа изъ онаго однакожъ отнюдь не забирать подъ караулъ и подозрительными не почитать тѣхъ, на кого доносъ будетъ. Что до резиденціи принадлежитъ, то свѣдѣніе дѣлъ, могущихъ касаться до двухъ первыхъ пунктовъ, нарочно намъ самимъ предоставляется, дабы показать и въ томъ примѣръ, какъ можно и надлежитъ кротостію изслѣдованія, а не кровопролитіемъ прямую истину раздѣлять отъ клеветы и коварства, и смотрѣть, не



найдутся ли способы самимъ милосердіемъ злонравныхъ привести въ раскаяніе, и показать имъ путь къ своему исправленію; но какъ не всякій и съ справедливымъ своимъ доносомъ можетъ иногда такъ скоро до насъ дойти, какъ того нужда требовала бы, да притомъ и то отвращать надлежитъ, чтобъ позволеніемъ свободнаго каждому доступа не поострить людей къ доносамъ, то повелѣваемъ, чтобъ каждый, кто имѣетъ намъ донести о дѣлѣ важномъ, справедливомъ и дѣйствительно до двухъ первыхъ пунктовъ принадлежащемъ, приходилъ съ онымъ безъ всякаго опасенія къ нашимъ генералъ-поручикамъ Льву Нарышкину и Алексѣю Мельгунову, да тайному секретарю Дмитрію Волкову, кои для того монаршею нашею довѣренностію удостоены» [19].

Давно уже жаловались, что Сенатъ обремененъ судными дѣлами по аппелляціямъ и не имѣетъ времени заниматься государственными дѣлами. Ив. Ив. Шуваловъ предлагалъ императрицѣ Елисаветѣ: «въ Москвѣ учредить въ сенатской конторѣ нѣсколько сенаторовъ, придавъ къ нимъ достойныхъ членовъ, дабы аппелляціонныхъ челобитчиковъ дѣла вершались, а Сенату оставили время для дѣлъ государственныхъ» [20]. Теперь эту мысль поспѣшили привесть въ исполненіе, учредили особый департаментъ, только не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. 29 января Сенатъ слушалъ именной указъ: «Его импер. величеству извѣстно, что въ Сенатѣ, Юстицъ и Вотчинной Коллегіи и въ Судномъ Приказѣ нерѣшенныхъ дѣлъ умножилось: такъ для лучшаго порядка и скорѣйшаго рѣшенія указовъ какъ въ Сенатѣ для рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ аппелляціонныхъ дѣлъ учинить особый департаментъ, такъ и въ Юстицъ и Вотчинной Коллегіяхъ, и въ Судномъ приказѣ учредить для челобитчиковыхъ дѣлъ въ каждомъ мѣстѣ по три департамента; въ Сенатѣ быть изъ Сенаторовъ тремъ или четыремъ особамъ, а въ Коллегіяхъ и Приказѣ изъ членовъ тѣхъ мѣстъ, и правленіе дѣлъ въ этихъ департаментахъ расписать по губерніямъ; когда же департаментамъ чего-либо рѣшить собою нельзя будетъ, съ такими дѣлами приходить въ полное собраніе». Въ тотъ же день послѣдовалъ указъ — конференціи не быть, и дѣла изъ нея принять въ Сенатъ и въ иностранную Коллегію; [21] но мы видѣли, что 20 мая учреждено было что-то безъимянное, чтобъ намѣренія императора

наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли. Въ члены этого безъимяннаго учрежденія изъ сенаторовъ вошли только двое: канцлеръ графъ Воронцовъ и фельдмаршалъ князь Никита Юр. Трубецкой. Сенатъ въ это время состоялъ изъ 13 членовъ, кромѣ генералъ-прокурора; эти члены были: графъ Михаилъ Лар. Воронцовъ, графъ Романъ Лар. Воронцовъ, князь Никита Юр. Трубецкой, князь Петръ Никитичъ Трубецкой, князь Мих. Мих. Голицынъ, кн. Алексѣй Дмитр. Голицынъ, графъ Александръ Шуваловъ, князь Ив. Вас. Одоевскій, Ив. Ив. Неплюевъ, Александръ Борис. Бутурлинъ, Александръ Григ. Жеребцовъ, Петръ Спиридон. Сумароковъ, Ив. Ив. Кастюринъ.

Сенатъ спѣшилъ окончить дѣло, тянувшееся съ 1757 года, дѣло о церковныхъ имѣніяхъ. 7-го января онъ пересмотрѣлъ дѣло и рѣшилъ имѣть съ Синодомъ общую конференцію, принявъ тѣ основанія соглашенія, чтобъ монастырскіе крестьяне платили по 50 копѣекъ въ казну и по 50 копѣекъ въ монастырь или архіерейскій домъ, которымъ принадлежали. 17-го января самъ императоръ приказалъ Сенату имѣть конференцію съ Синодомъ о крестьянахъ на положенномъ основаніи. Но это намѣреніе было отклонено; сочли нужнымъ повершить дѣло покруче, и 16 февраля данъ былъ именной указъ: «Какъ ея величество государыня императрица Елисавета Петровна, соединяя благочестіе съ пользою отечества и премудро различая вкравшіяся злоупотребленія и предубѣжденія отъ прямыхъ догматовъ вѣры и истинныхъ основаній православныя восточныя церкви, за потребно нашла монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій и въ слѣдствіе того, присутствуя своею особою въ тогдашней конференціи, а именно 30 сентября 1757 года, сама такое полезное всему государству о управленіи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ узаконеніе положить изволила, которое одно, независимо отъ прочихъ великихъ ея импер. величества дѣлъ и благодѣяній своему отечеству, достаточно было бы учинить славную ея память безсмертною: но хотя его императ. величество, присутствуя недавно самъ въ Сенатѣ, и повелѣли помянутое узаконеніе немедленно и обще съ Синодомъ въ дѣйствительное исполненіи привести, однакоже какъ въ разсужденіи важности сей матеріи, такъ и дабы паки въ безплодныхъ порѣшенныхъ толь

справедливо и предусмотрительно дѣлу совѣтованіяхъ и сношеніяхъ не тратить напрасно время, восхотѣли его импер. величество чрезъ сіе точнѣе Сенату повелѣть, чтобы выше изображенное узаконеніе императрицы Елисаветы Петровны какъ на искоряе по точному и прямому содержанію безъ всякаго изъятія самымъ дѣломъ въ дѣйство произведено и непремѣнно навсегда исполняемо было. За потребно еще его импер. величество находитъ указъ императора Петра Великаго о непострпженіи въ монастыри безъ особливыхъ именныхъ указовъ подтвердить чрезъ сіе во всемъ его содержаніи и силѣ». По этому указу должна была выполниться и первоначальная мысль Елисаветы, чтобъ монастырскія имѣнія управлялись не монастырскими служками, но отставными штабъ и оберъ-офицерами, и Сенатъ приказали: 1) для управленія всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и къ церквамъ приписанныхъ вотчинъ быть Коллегіи экономіи, въ которую опредѣлить президента съ членами и прокурора, наравнѣ съ другими Коллегіями, и состоять ей подъ вѣдомствомъ Сената. 2) Крестьянамъ платить рубль, при чемъ отдать имъ землю, которую они прежде пахали на архіереевъ, монастыри и церкви. 3) Доходъ собирать весь на монастыри, но употреблять изъ него въ расходъ только то, что по штатамъ положено, а остальное хранить, такъ чтобъ, всегда зная о числѣ сберегаемой суммы, раздавать изъ нея на монастырское строеніе. Коллегіи экономіи стараться всѣмъ монастырямъ и пустынямъ, располагая ихъ по классамъ, сочинить штаты, послѣ чего платить: монахамъ денегъ по 6 рублей, хлѣба по 5 четвертей, дьяконамъ по 8 рублей и хлѣба по 7 четвертей, казначею 18 рублей и 8 четвертей, намѣстнику 24 рубля и 8 четвертей, проповѣднику 30 рублей и 30 четвертей, игумену 50 рублей и 8 четвертей, архимандриту 100 рублей и 8 четвертей; втораго класса монастыри получаютъ половинное противъ этого содержаніе. Находящихся въ монастыряхъ отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, которыхъ всѣхъ 1358 человѣкъ, содержать Коллегіи на прежде опредѣленномъ жалованьѣ. Президентомъ въ Коллегію экономіи опредѣленъ тайный сов. князь Василій Оболенскій [22]. Во всенародное извѣстіе это распоряженіе объявлено было въ указѣ 21-го марта: здѣсь троимъ архіереямъ, Московскому, Новгородскому и С.-Петербургскому опредѣлено годовое содержаніе

въ 5000 рублей, остальнымъ архіереямъ въ 3000, да на содержаніе семинарій по 3000 рублей; архимандритамъ: «перваго класса ставропигіальнымъ десяти монастырямъ по 500 рублей, а прочимъ половинѣ втораго класса по 200 рублей, а послѣднимъ третьяго класса по 150 рублей каждому въ годъ, противъ тогожъ на три класса всѣ монастырскіе въ штатѣ опредѣленные расходы расположены быть имѣютъ». Но когда еще не было ничего сдѣлано для того, чтобъ новое учрежденіе получило правильное движеніе, когда монастыри еще не были распредѣлены на классы, не были окончательно составлены штаты, 4-го апрѣля Сенату былъ объявленъ именной указъ — со времени высочайшихъ указовъ 16-го февраля и 21-го марта (съ какого же именно времени?) всѣ собранныя денежныя суммы возвратить и содержать впредь на опредѣленные тѣмъ епархіямъ по тому указу расходы; а съ крестьянъ во всѣхъ тѣхъ епархіяхъ никакихъ сборовъ не чинить и посланныхъ отъ нихъ (т. е. отъ епархій) для того взысканія изъ тѣхъ вотчинъ выслать» [23].

Волковъ въ своемъ оправдательномъ письмѣ говоритъ: «Чтожъ до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ, то главные моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о тайной Канцеляріи, и 3) пространный указъ о коммерціи. На первый поступалъ я тѣмъ охотнѣе, что и дѣло казалось мнѣ справедливое, и радъ я былъ случаю — воздать должную хвалу памяти покойной государыни императрицы. Но, по несчастію, перепорчена въ Сенатѣ совсѣмъ вся сія исторія». Какимъ образомъ однако исторія перепорчена была въ Сенатѣ, объ этомъ Волковъ не говоритъ, и мы не знаемъ. Мы знаемъ, что Сенатъ долженъ былъ 1-го іюня поднести императору докладъ: положенный съ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ годовой оброкъ по рублю съ души высочайше повелѣно начать сбирать со второй половины этого года, который сборъ не иначе, какъ въ исходѣ этого года начатъ будетъ, а между тѣмъ на монастырскія и жалованныя монашествующимъ и отставнымъ дачи производить не изъ чего; а какъ тѣ вотчины изъ владѣнія архіереевъ и монастырскихъ властей выбыли почти съ начала этого года, т. е. отъ марта мѣсяца, къ томужъ и земли крестьянамъ отданы: то не соизволитъ ли ваше импер. величество указать съ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ окладъ по рублю взять на весь нынѣшній 1762 годъ

при наступленіи перваго платежа подушныхъ денегъ? Императоръ конфирмовалъ докладъ [24].

Соперникъ Волкова по участію въ главныхъ трудахъ, по сочиненію манифестовъ, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ 29 января объявилъ Сенату именной указъ, что государь позволяетъ бѣжавшимъ въ Польшу и другія заграничныя страны раскольникамъ возвратиться въ Россію и поселиться въ Сибири, въ Барабинской степи и другихъ подобныхъ мѣстахъ, при чемъ имъ не должно дѣлать никакого препятствія въ содержаніи закона по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ, ибо «внутри Всероссійской имперіи и иновѣрные яко магометане и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники—христіане, точію въ едином застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно [25]». Въ слѣдъ за тѣмъ Сенатъ далъ указъ: развѣдать, нѣтъ ли гдѣ раскольническихъ для сожженія своего сборищъ, и если такія богомерзкія сборища гдѣ окажутся, то немедленно посылать туда достойныхъ людей и велѣть имъ всячески стараться чрезъ увѣщанія отъ такого пагубнаго намѣренія удерживать, и спрашивать ихъ, для чего они хотятъ это дѣлать; если будутъ показывать, что такое намѣреніе приняли они отъ притѣсненій и забиранія подъ караулъ, то увѣрить ихъ, что производимыя о нихъ слѣдствія уже велѣно уничтожить, и дѣйствительно ихъ теперь оставить, и содержажащихся подъ карауломъ тотчасъ отпустить подомамъ, и вновь никого не забирать.—Въ Петербургъ явился Аѳанасій Ивановъ, повѣренный записныхъ раскольниковъ, разныхъ лѣсовъ келейныхъ жителей Нижегородской губерніи, Балахонскаго и Юрьевецкаго уѣздовъ. Ивановъ подалъ въ Сенатъ просьбу, въ которой раскольники жаловались, что терпятъ притѣсненія отъ духовныхъ правленій изъ за взятокъ; что въ 1716 году въ Нижегородской губерніи по переписи было раскольниковъ обоего пола до 40,000 душъ, въ томъ числѣ келейныхъ жителей до 8000; но отъ притѣсненій принуждены они были разойтись врознь, и теперь осталось не болѣе 5000 душъ; раскольники просили, чтобы положенныя на нихъ деньги платить прямо въ раскольническую контору, а для защиты отъ обидъ припи-

сать ихъ къ желѣзному Верхъ-исетскому заводу графа Романа Лар. Воронцова на вѣки. Сенатъ приказалъ для защиты этихъ раскольниковъ назначить изъ отставныхъ оберъ-офицеровъ опеку — на человѣка достойнаго, на котораго въ этомъ дѣлѣ можно было бы положиться, и деньги за расколъ платить имъ прямо въ раскольничью контору [26].

Раскольники просили приписать ихъ къ заводу; но крестьяне, приписные къ заводамъ верхотурскаго купца Походяшина, подали жалобу на хозяина, и Сенатъ нарядилъ слѣдствіе; черезъ полтора мѣсяца подали челобитную крестьяне приписные къ заводамъ графа Ив. Григ. Чернышева и Демидовыхъ Николая и Евдокима, жаловались, что управители и прикащики притѣсняютъ ихъ, бьютъ, а нѣкоторыхъ и до смерти убили. Сенатъ поручилъ слѣдствіе генералъ-майору Кокошкину и полковнику Лопатину. Такъ какъ до сихъ поръ волновались преимущественно крестьяне приписные къ фабрикамъ и заводамъ, то запрещено было фабрикантамъ и заводчикамъ покупать деревни съ землями и безъ земель, пока не будетъ конфирмовано новое уложеніе, велѣно имъ довольствоваться вольнонаемными людьми. Но скоро пришло извѣстіе и о волненіяхъ пашенныхъ крестьянъ. Въ вотчинахъ стат. совѣт. Евграфа Татищева (сына знаменитаго Василья Никитича) и гвардіи поручика Петра Хлопова въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, крестьяне отложились отъ помѣщиковъ по наученію тверского отставного подъячаго Ивана Собакина, у Татищева хоромы срыли и разбросали, у Хлопова домъ и житницы съ хлѣбомъ и оброчныя деньги разграбили, а помѣщикамъ своимъ приказывали сказать, чтобъ они къ нимъ не ѣздили, прикащиковъ и дворовыхъ людей хотѣли побить до смерти и изъ вотчинъ выбили вонъ. Вслѣдъ за тѣмъ поступили донесенія: отъ прокурора Московской Губернской Канцеляріи Зыбина о возмущеніи его бѣлевскихъ крестьянъ; отъ княгини Елены Долгорукой о возмущеніи галицкихъ; отъ капитана Балкъ-Полева каширскихъ; коллеж. совѣтн. Афросимова тульскихъ и епифанскихъ; жены полковника Дмитріева-Мамонова волоколамскихъ. У Татищева возмутилось 700 душъ, у Хлопова 800, у Зыбина 340, у кн. Долгорукой 2000, у Балкъ-Полева 950, у Афросимова 650, у Дмитріева-Мамонова 400. Кромѣ того, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Вишенкахъ староста и крестьяне

съ дубьемъ пришли въ домъ помѣщицы Эрчаковой, ругали ее и выгнали изъ сельца. Въ Сенатъ явилось четверо крестьянъ Татищева съ жалобою на помѣщика, что онъ не малое число изъ нихъ развелъ въ другія свои деревни и беретъ къ себѣ въ дворовые люди; остальные всегда на его работѣ, и взыскиваетъ съ нихъ оброкъ съ прибавкою и рекрутскія деньги. Сенатъ велѣлъ этихъ крестьянъ наказать нещадно плетьми, Собакина сыскивать всѣми способами, а противъ возмутившихся крестьянъ послать военную команду. Но крестьяне Татищева и Хлопова напали на команду, ранили одного офицера, солдаты были всѣ побиты или ранены, а 64 человѣка не явились, и гдѣ находятся никто не зналъ. Послѣ получены были подробнѣйшія извѣстія: крестьяне разбили команду, разсвирѣпѣвъ отъ того, что она убила у нихъ трехъ человѣкъ и переранила до двѣнадцати человѣкъ; крестьяне захватили 64 человѣка солдатъ и держали подъ карауломъ три дня, потомъ отправили въ Тверь съ постороннимъ сотскимъ, а съ лошадьми послали пятерыхъ крестьянъ съ женщинами и дѣтьми. По рѣшенію Сената, противъ нихъ отправлена была команда изъ 400 человѣкъ и съ четырьмя пушками; но по указу императора отправленъ былъ генералъ-майоръ Виттенъ съ кирасирскимъ полкомъ. Наконецъ въ Вяземской Воскресенской волости 1000 человѣкъ крестьянъ князей Долгорукихъ прибили и разграбили прикащиковъ и послали въ Сенатъ съ просьбою приписать ихъ къ дворцовымъ волостямъ.

Волненіе обнаружилось и въ Москвѣ между фабричными рабочими. Содержатель главной московской суконной мануфактуры Василій Суровщиковъ донесъ, что мастеровые и рабочіе, согласясь съ находящимися на той фабрикѣ солдатскими дѣтьми, присланными изъ школъ по непонятности къ ученію, начали волноваться какъ прежде въ 1746 и 1749 годахъ. Въ послѣднихъ числахъ февраля суконщикъ Ѳедоръ Андреевъ сказалъ за собою *важность*, почему и отосланъ въ мануфактуръ-контору; и въ то же время нѣкоторые изъ солдатскихъ дѣтей подали доношеніе въ главный коммиссаріатъ съ жалобою, что удерживаются у нихъ заработанныя деньги и дается на дѣланіе суконъ негодная шерсть. 22 февраля юнкеръ князь Мещерскій и два солдата привели суконщика Андреева изъ мануфактуръ-конторы съ тѣмъ, чтобъ наказать за ложную важность; но когда хотѣли наказы-

вать при собраніи всѣхъ фабричныхъ, то суконщикъ сталъ противиться, а солдатскія дѣти подняли страшный крикъ и наказывать его не дали. Юнкеръ отвелъ Андреева назадъ въ мануфактуръ-контору безъ наказанія; а солдатскія дѣти прибили начальствующаго надъ ними сержанта и немалыми партіями стали своевольно отлучаться отъ суконнаго дѣла, нѣкоторые стали разглашать, что посланные въ 1749 году въ ссылку возвращены, а содержатель Суровщиковъ, по прошенію ихъ, въ Петербургѣ подъ арестомъ [27].

Но болѣе всего озабочивали Сенатъ финансы. Мы видѣли, что Волковъ хвалился «пространнымъ указомъ о коммерціи», какъ своимъ произведеніемъ. Указъ этотъ былъ написанъ по поводу просьбы Шемякина и Саввы Яковлева объ отдачѣ имъ на откупъ таможенныхъ сборовъ еще на 10 лѣтъ. Таможенный сборъ былъ имъ отданъ на откупъ; но тутъ же приказано вывозить хлѣбъ безпрепятственно изъ всѣхъ портовъ, не исключая лежащихъ на Каспійскомъ и Черномъ моряхъ, при чемъ пошлину собирать половинную противъ той, которая собирается въ рижскомъ, ревельскомъ и перновскомъ портахъ, по той причинѣ, что тамъ этотъ торгъ давно уже заведенъ и привозъ и отпускъ хлѣба не такъ затруднителенъ. Также позволенъ отпускъ за море изо всѣхъ портовъ не только соленаго мяса, но и живой скотины. Изъ архангельскаго порта дозволенъ свободный вывозъ товаровъ также и привозъ въ него съ равною противъ петербурскаго и другихъ портовъ пошлиною; нѣкоторые товары, которые сдѣланы безпошлинными натянутымъ истолкованіемъ прежнихъ указовъ, обложены пошлиною, напримѣръ, сахарный песокъ и хлопчатая бумага.

Выгоды отъ этихъ мѣръ были еще впереди, а между тѣмъ въ казнѣ денегъ не было.

8 мая Сенатъ принужденъ былъ принять зловѣщее рѣшеніе: начатіемъ новой водяной коммуникаціи отъ Рыбной слободы до Волхова до разсмотрѣнія удержаться по случаю нынѣ въ деньгахъ крайней нужды. Государю было доложено: государственныхъ доходовъ состоитъ 15,350,636 рублей $93^1/_4$ копѣйки; изъ нихъ расходуется: 1) на войско 10,418,747 рублей $70^3/_4$ коп.; 2) въ комнату императора изъ соляныхъ и таможенныхъ доходовъ идетъ милліонъ сто пятьдесятъ тысячъ рублей; 3) на со-

держаніе двора, придворные отпуски и на канцелярію строеній 603,333 рубля 33¼ коп.; 4) малороссійскому гетману 98,147 рублей 85 коп.; 5) на окладные и чрезвычайные по штатсъ-конторѣ отпуски и жалованныя дачи вмѣстѣ съ долгомъ, считающимся на штатсъ-конторѣ, 4,232,432 рубля, итого 16,502,660 рублей, слѣдовательно приходовъ въ расходъ не достаетъ на 1,152,023 рубля; а когда изъ винныхъ, соляныхъ и новоположенныхъ съ черносошныхъ крестьянъ, употребляемые теперь единовременно на удовлетвореніе заграничной арміи 1,400,000 рублей отданы будутъ въ штатсъ-контору, тогда въ ея расходахъ такого недостатка быть не можетъ [28].

Сенатъ указывалъ, что дефицитъ происходитъ отъ содержанія арміи за границею; но избѣжать этого расхода не предполагалось и потому прибѣгли къ средству, котораго такъ остерегались при Елисаветѣ. На третій день послѣ доклада государю о дефицитѣ, 25 мая объявленъ былъ Сенату именной указъ объ учрежденіи банка: «По восшествіи нашемъ на престолъ первое наше попеченіе было о тѣхъ дѣлахъ, кои по своей важности скорѣйшаго требовали исправленія и рѣшенія. Передѣлъ мѣдныхъ денегъ, ихъ облегченіе и умноженіе по составленному еще до того и Сенатомъ уже утвержденному проекту, казался однимъ изъ самонужнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и таковымъ намъ отъ Сената представленъ, почему и не умедлили мы тогда жъ наше на то соизволеніе дать; но какъ тогда жъ предусматривали мы, что сіе по нуждѣ сысканное средство хотя и дѣлаетъ нѣкоторое облегченіе, но не отвращаетъ однакожъ всѣхъ сопряженныхъ съ тѣмъ несходствій, такъ искусство (опытъ) и время утвердили насъ и болѣе въ сей истинѣ; сего ради и не переставали мы помышлять о изобрѣтеніи легчайшаго и надежнѣйшаго средства хожденіе мѣдныхъ денегъ облегчить и въ самой коммерціи удобнымъ и полезнымъ сдѣлать. Учрежденіе знатнаго государственнаго банка, въ которомъ бы всѣ и каждый, по мѣрѣ своего капитала и произволенія, за умѣренные проценты пользоваться могли, и хожденіе банковыхъ билетовъ представилось тотчасъ яко самое лучшее и многими въ Европѣ примѣрами извѣданное средство. Оставляя времени великую отъ банка всему государству пользу дать чувствовать и пріохотить, чтобъ партикулярными своими капиталами въ ономъ

участвовали, хотимъ теперь собственно отъ насъ сіе важное всей имперіи, а паче купечеству и коммерціи показать благодѣяніе, и для того повелѣваемъ: надѣлать какъ наискорѣе банковыхъ билетовъ на пять милліоновъ рублей на разныя суммы, а именно на 10, 50, 100, 500 и 1000. По надѣланіи вдругъ-сихъ пяти милліоновъ, будутъ оные тотчасъ раздѣлены по такимъ казеннымъ мѣстамъ, откуда наибольшая выдача денегъ бываетъ съ тѣмъ, дабы оныя употребляли ихъ въ расходъ, какъ самыя наличныя деньги, ибо мы хотимъ и чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобъ сіи билеты и въ самомъ дѣлѣ за наличную монету ходили. Отъ сего жъ времени собственнымъ нашимъ капиталомъ государственный въ пяти милліонахъ рубляхъ состоящій банкъ учреждаемъ, который двумя равными, здѣсь и въ Москвѣ конторами управляемъ быть имѣетъ. Симъ конторамъ ввѣряемъ мы теперь тотчасъ два милліона рублей, одинъ въ серебряной, а другой въ мѣдной монетѣ состоящіе, а прочіе три милліона рублей вступятъ въ оныя чрезъ три года, а именно въ каждый годъ по милліону. Конторы и помянутый капиталъ къ тому только назначаются, чтобъ тѣмъ, кто съ билетами у нихъ явится и наличныя вмѣсто того деньги имѣть похочетъ, тотчасъ наличными жъ за пріемъ билетовъ деньгами выдавали безъ всякихъ росписокъ и письменнаго производства, а еще больше безъ всякаго задержанія и волокиты; или кто наличныя деньги принесетъ, а вмѣсто того на равную сумму билеты имѣть похочетъ, то и таковыхъ равномѣрно довольствовали». Директорами конторы въ Петербургѣ назначались: оберъ-директоръ Роговиковъ, петербургскіе купцы Барминъ и Ямщиковъ, тульскій купецъ Пастуховъ, калужскій Губкинъ, англійскій купецъ Риттеръ; въ Москвѣ: тамошніе купцы Земскій, Журавлевъ, Ситниковъ, тульскій Лугининъ, ярославскій Иванъ Затрапезновъ, иностранный купецъ Вольфъ. Въ концѣ указа о банкѣ говорилось: «Передѣлъ мѣдныхъ денегъ въ легчайшую монету изъ тяжелой, по прежнему плану неотмѣнно продолжать, но вновь изъ мѣди не дѣлать и оной въ казну не брать, а велѣть, чтобъ заводчики отпускали оной больше за море и продавали на ефимки». За день до конца царствованія Сенатъ слушалъ именной указъ: въ розданныхъ взаймы изъ дворянскаго и купеческаго банковъ деньгахъ отсрочекъ больше не дѣлать, но все неотложно собрать [29].

Деньги были нужны, потому что главныхъ расходовъ, расходовъ на войско уменьшить было нельзя, напротивъ они должны были увеличиться въ слѣдствіе усиленныхъ военныхъ приготовленій. 6 марта Сенатъ слушалъ именной указъ: «Съ того времени, какъ регулярство и военная дисциплина дѣйствительно заведены въ войскахъ нашихъ, имперія наша и большую гораздо знатность и новое расширеніе получила; но какъ почти всѣ европейскіе государи, а особливо съ нѣкотораго времени, неутомленное прилагаютъ стараніе войска свои сколько можно въ лучшее состояніе приводить, и въ двухъ неоспоримыхъ истинахъ признаться надобно: первое, что военное званіе и ремесло во многомъ весьма перемѣнились и гораздо большаго достигли совершенства, и второе, что и долгъ насъ обязуетъ и внутренно чувствуемъ мы превеликое, но справедливое удовольствіе, прилагая всевозможные къ тому труды и старанія, чтобъ, приводя имперію нашу въ цвѣтущее состояніе, поставить и военную нашу силу сколько можно въ лучшее еще и для пріятелей почтительнѣйшее, а для непріятелей страшное состояніе: — то за потребно разсудили мы, для достиженія сего намѣренія, учредить нарочную военную коммиссію, а главную дирекцію оной на насъ самихъ снимаемъ, членами же оной опредѣляемъ: его высочество голштинскаго принца Георгія, нашего любезнаго дядю, яко генералъ-фельдмаршала, генералъ-фельдмаршала князя Трубецкого, генералъ-фельдмаршала принца Голштейнъ-Бекскаго, генералъ-фельдцейгмейстера Вильбоа, генералъ-прокурора и генералъ-кригсъ-коммиссара Глѣбова, генералъ-поручика Мельгунова и нашего генералъ-адъютанта барона Унгерна [30].» Еще прежде, 16 февраля по именному указу учреждена была нарочная коммиссія для приведенія флота въ надлежащее и съ безопасностію и честію имперіи сходственное состояніе [31]. По приказанію императора, данному 1 марта, флотъ должно было вооружить весь [32]. 11 мая императоръ приказалъ остановить всѣ публичныя каменныя работы и прочія сверхъ штатнаго положенія раздачи на то время, пока доходы паки умножатся, по причинѣ великаго числа доставляемой къ арміи суммы [33].

Кромѣ русскаго войска Петръ вознамѣрился составить особое голштинское войско и вербовщики отправились въ Лифляндію

и Эстляндію съ наказомъ вербовать вольныхъ людей, а не изъ подданныхъ его императ. величества; отправились и въ Малороссію для набора изъ Волоховъ и Поляковъ, но никакъ не изъ Малороссіянъ [34].

Для чего же нужно было усиленіе войска и флота и столько издержекъ на содержаніе заграничной арміи? Быть можетъ это было нужно, чтобъ сдѣлать послѣднее усиліе для окончанія войны съ Пруссіею, для полученія себѣ и союзникамъ честнаго мира? Но мы уже видѣли [35], что Петръ давно обнаруживалъ сильное уваженіе къ Фридриху II и несочувствіе къ политической системѣ, господствовавшей при его теткѣ. Мы считаемъ себя въ правѣ принимать съ большею осторожностію разныя извѣстія о таинственныхъ сношеніяхъ наслѣдника русскаго престола съ Фридрихомъ II-мъ; объ этихъ сношеніяхъ заключали изъ собственныхъ словъ Петра; но мы знаемъ, какъ рябячески онъ могъ увлекаться въ своихъ разсказахъ, какія небывалыя вещи могъ себѣ приписывать. Слѣдующіе два разсказа княгини Дашковой, какъ нарочно одинъ за другимъ помѣщенные, всего лучше могутъ установить взглядъ на это дѣло. Однажды, говоритъ кн. Дашкова, Петръ III ужиналъ у канцлера Воронцова; Дашкова находилась подлѣ императора и слышала разговоръ его съ графомъ Мерси, австрійскимъ посломъ: Петръ разсказывалъ, какъ отецъ его, герцогъ голштинскій, поручилъ ему экспедицію противъ цыганъ, и какъ онъ въ минуту разбилъ ихъ съ своимъ отрядомъ. Вслѣдъ за тѣмъ кн. Дашкова разсказываетъ, какъ въ другой разъ на праздникѣ во дворцѣ, долго разговаривая о своемъ любимомъ предметѣ, о королѣ прусскомъ, Петръ вдругъ обратился къ Волкову съ вопросомъ: «Неправда ли, сколько разъ мы съ тобою смѣялись надъ секретными приказаніями, которыя императрица Елисавета посылала къ своему войску въ Пруссію?» Волковъ былъ сильно смущенъ этимъ обращеніемъ, и кн. Дашкова, въ своемъ нерасположеніи къ Петру и Волкову, считая разсказъ о цыганахъ сказкою, принимаетъ слова о сношеніяхъ съ Фридрихомъ II за правду и обвиняетъ Волкова, что тотъ, въ угоду великому князю, пересылалъ копіи секретныхъ рескриптовъ прусскому королю. Но мы, отдаленные слишкомъ на сто лѣтъ отъ описываемыхъ лицъ и событій, не можемъ успокоиваться на этихъ противорѣчіяхъ, и

должны основываться только на доказательствахъ безспорныхъ [36].

Но если мы и не имѣемъ права принимать на вѣру разсказы за обѣдомъ, подобные разсказамъ о разбитіи цыганъ въ Голштиніи, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что прусскія привязанности Петра не уменьшились во время Семилѣтней войны, поддерживаясь особенно голштинскими офицерами, въ кругу которыхъ Петръ всего болѣе любилъ проводить время: нѣкоторые изъ этихъ голштинцевъ сами служили въ прусскомъ войскѣ, а всѣ вообще, по сѣверо-германскому патріотизму, благоговѣли предъ своимъ національнымъ героемъ, Фридрихомъ II. Штелинъ разсказываетъ, что чѣмъ сильнѣе разгаралась Семилѣтняя война, тѣмъ сильнѣе становились выходки Петра противъ политической системы, которой слѣдовала Россія; онъ говорилъ, что императрицу обманываютъ относительно короля прусскаго, что совѣтники ея подкуплены Австріею и проведены Франціею. Читая въ газетахъ извѣстія о побѣдахъ союзниковъ, смѣялся и говорилъ: «Это все неправда, мои извѣстія говорятъ иное.» Изъ этихъ словъ заключали, что Петръ получалъ свѣдѣнія изъ Пруссіи; если онъ самъ давалъ такой видъ дѣлу, что имѣлъ какія то таинственныя сношенія, то разсказъ о цыганахъ невольно приходитъ на память; но всего скорѣе въ этихъ словахъ заключалась полная правда: Петръ получалъ прусскія газеты, вѣрилъ только извѣстіямъ, въ нихъ заключающимся, и потому называлъ эти извѣстія своими, въ противоположность извѣстіямъ, шедшимъ отъ враждебной ему стороны.

Въ этомъ отношеніи любопытно донесеніе саксонскаго совѣтника посольства Прассе своему двору осенью 1758 года. Полковникъ Розенъ привезъ въ Петербургъ извѣстіе о Цорндорфской битвѣ. Слуга, пріѣхавшій съ нимъ, началъ разсказывать здѣсь и тамъ, что битва проиграна Русскими, за что былъ посаженъ на дворцовую гауптвахту. Узнавши объ этомъ, великій князь велѣлъ привести его къ себѣ и сказалъ: «Ты поступалъ какъ честный малый, разскажи мнѣ все, хотя я хорошо и безъ того знаю, что Русскіе никогда не могутъ побить Пруссаковъ.» Когда слуга Розена разсказалъ все, какъ умѣлъ или хотѣлъ, то Петръ, указывая ему на голштинскихъ офицеровъ, сказалъ: «Смотри! это все Пруссаки: развѣ такіе люди могутъ быть по-

биты Русскими?» Петръ отпустилъ разскащика, подаривши ему пять рублей и обнадеживъ своимъ покровительствомъ [37].

Послѣ этого легко понять, чт было въ головѣ Петра относительно войны и перемѣны политической системы во время кончины Елисаветы. Въ самый день кончины императрицы канцлеръ Воронцовъ подалъ докладъ, въ которомъ, между прочимъ, спрашивалось: «Не изволитъ ли его императ. величество указать отправить одного изъ придворныхъ кавалеровъ (къ родственникамъ) къ королю шведскому, да гвардіи офицера къ владѣтельному принцу Ангальтъ-Цербстскому съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ? и какимъ образомъ отправить обвѣстительную къ королю прусскому грамоту: чрезъ генералъ-фельдмаршала графа Бутурлина, или чрезъ находящагося при австрійской арміи графа Чернышева, или же, по собственному сего государя примѣру, чрезъ обрѣтающихся въ Варшавѣ министровъ, россійскаго и прусскаго [38]?»

Исполненіе по докладу не замедлило, только не чрезъ Бутурлина, не чрезъ Чернышева или русскаго министра въ Варшавѣ: въ тотъ же самый день, 25-го декабря любимецъ новаго императора, бригадиръ и камергеръ Андрей Гудовичъ отправленъ былъ къ принцу Ангальтъ-Цербстскому съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Петра, и вмѣстѣ повезъ грамоту императора къ Фридриху II-му. Послѣ извѣщенія о кончинѣ Елисаветы и о восшествіи на престолъ Петра, въ грамотѣ говорилось: «Не хотѣли мы умедлить чрезъ сіе ваше королевское величество увѣдомить, въ совершенной надеждѣ пребывая, что ваше величество, по имѣвшейся съ нашими императорскими предками дружбѣ, въ такомъ новомъ происшествіи не токмо участіе воспріять, но особливо въ томъ, что до возобновленія, распространенія и постояннаго утвержденія между обоими дворами, къ взаимной ихъ пользѣ, добраго согласія и дружбы касается, съ нами единаго намѣренія и склонности быть изволите, даже мы по отличнымъ къ вашему величеству мнѣніямъ съ своей стороны всегда особливое стараніе о томъ прилагать и ваше величество и нашей истинной и ненарушимой къ тому склонности вящше и вящше удостовѣривать всякими случаями съ удовольствіемъ пользоваться будемъ [39].»

Гудовичъ нашелъ прусскій дворъ и министра, завѣдывавшаго

иностранными дѣлами, графа Финкенштейна, въ Магдебургѣ; но самъ Фридрихъ II былъ въ Бреславлѣ. Первое извѣстіе о смерти Елисаветы получилъ онъ изъ Варшавы 19-го января н. с. Легко понять, какія мысли и надежды возбудило въ немъ это извѣстіе при такомъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ онъ тогда находился. Разумѣется онъ не могъ надѣяться на полноту счастія, какое готовилось для него въ Петербургѣ; онъ не думалъ, что оттуда сдѣланъ будетъ первый шагъ къ начатію непосредственныхъ сношеній, и потому поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ Кейту поздравить императора и императрицу отъ имени ихъ «стараго друга». 31-го января получилъ Фридрихъ изъ Магдебурга извѣстіе о пріѣздѣ Гудовича и о привезенномъ имъ письмѣ Петра. «Благодареніе небу», написалъ король брату своему Генриху: «нашъ тылъ свободенъ» [40]. «Голубица, принесшая масличную вѣтвь въ ковчегъ» [41],—Гудовичъ былъ приглашенъ въ Бреславль и принятъ съ распростертыми объятіями.

28 января с. с. Фридрихъ отвѣчалъ Петру: «Особенно я радуюсь тому, что ваше императ. величество получили нынѣ ту корону, которая вамъ давно принадлежала не столько по наслѣдству, сколько по добродѣтелямъ, и которой вы придадите новый блескъ. Удовольствіе мое о помянутомъ происшествіи усугубляется тѣмъ, что ваше императ. величество благосклонно изволили меня обнадежить о непремѣнной дружбѣ вашей и склонности къ возобновленію и распространенію полезнаго обоимъ дворамъ согласія. Я всегда ласкалъ себя надеждою, что ваше императ. величество не измѣнитесь въ склонности вашей ко мнѣ, и что я опять найду въ васъ прежняго и такого друга, къ которому я, съ своей стороны, имѣю неотмѣнно самое истинное и особенное высокопочитаніе и преданность. Увѣряю, что всего искреннѣе желаю соблюсти несказанно драгоцѣнную мнѣ дружбу вашу, и, возстановивъ прежнее обоимъ дворамъ столь полезное доброе согласіе, распространить его и утвердить на прочномъ основаніи, чему я, съ своей стороны, всячески способствовать готовъ» [42].

Отъ словъ спѣшили перейти къ дѣлу. Плѣнные съ обѣихъ сторонъ были освобождены. Въ самый день восшествія своего на престолъ Петръ освободилъ двоихъ значительнѣйшихъ прусскихъ плѣнниковъ, генерала Вернера и полковника графа Гордта

(родомъ Шведа), которые явились при дворѣ и стали въ число любимѣйшихъ собесѣдниковъ императора. 15 февраля Петръ писалъ Фридриху: «Не умедлилъ я ни мало потребные указы отправить, дабы плѣнные вашего величества, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были, сколь скоро мнѣ донесено, что ваше величество, освобождая моихъ плѣнныхъ, ревнуете съ вашей стороны тотъ узелъ утвердить, который уже съ давняго времени насъ обоихъ соединялъ, и который вскорѣ наши народы соединить имѣетъ. Согласно симъ взаимнымъ склонностямъ, не могу я далѣе здѣсь удерживать вашего генералъ-поручика Вернера и вашего полковника графа Горта, хотя всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ бы я ихъ при моемъ дворѣ. Я не могу безъ того обойтись, чтобъ не отдать справедливость ихъ поведенію и ревности, которую они къ службѣ вашего величества являть не преставали, такъ что первому изъ нихъ не усумнился я довѣрить мои мнѣнія, а потому и прошу ваше величество благосклонно его выслушать и вѣру тому подать, что онъ съ моей стороны вамъ донесетъ. Но ваше величество крайне обяжете меня, когда соизволите къ поданнымъ уже мнѣ дружбы вашей опытамъ присовокупить еще единый, дозволяя Вернеру въ мою службу вступить и показуя Горту отличную и единственную милость, которой онъ уповать смѣетъ, премѣнивъ нынѣшнее состояніе его полку въ состояніе напольнаго полка. Одинъ здѣсь, а другой въ арміи вашего величества будутъ мнѣ залогомъ вашей дружбы и свидѣтельствомъ для всего свѣта сентиментовъ почтенія и преданности, съ коими я есмь, господинъ мой братъ, вашего величества добрый братъ и другъ Петръ». Фридрихъ отвѣчалъ: «Вы просите генерала Вернера: располагайте имъ; но такъ какъ я теперь совершенно безъ генераловъ и на рукахъ у меня сильная война, то не позволите ли ему остаться при мнѣ еще одну кампанію? Впрочемъ если вамъ угодно взять его и ранѣе, то онъ будетъ у ногъ вашихъ къ назначенному вами времени [43].»

Генералъ князь Волконскій, находившійся въ Помераніи, увѣдомилъ императора отъ 28 января, что штетинскій губернаторъ, герцогъ Бевернскій предлагаетъ заключить генеральное перемиріе. Петръ немедленно приказалъ Волконскому исполнить желаніе герцога, и перемиріе было заключено 5 марта: Русскіе

удержали свои квартиры въ Помераніи и Неймаркѣ; Одеръ до Варты составлялъ границу. Волковъ по этому случаю разсказываетъ слѣдующее: «Князю Михаилу Никитичу Волконскому предложилъ принцъ Бевернскій перемиріе, а онъ безъ указа на то не поступалъ. За то тотчасъ пожалованъ онъ былъ въ дураки и въ злонамѣренные. Но я, не устрашась его оправданія, сочинилъ ему въ отвѣтъ такія кондиціи перемирія, кои предъ всѣмъ свѣтомъ, къ чести нашего государства и оружія, служатъ, и коимъ не токмо дивились многіе, что я смѣлъ положить толь строгіе законы королю прусскому, но между другими, помню я, сказалъ мнѣ князь Никита Юрьевичъ (Трубецкой), что онъ мнѣ за то статую поставилъ бы. Но, признаться надобно, что въ то время еще не весьма трудно было служить отечеству и исполнять свою присягу. Тогда не было еще здѣсь Гольца и Штебена и не возвратилось еще громкое наше посольство изъ Бреславля. Пріѣздъ сихъ людей скоро далъ другую форму и дѣламъ, и моему состоянію».

Кто же были эти люди, пріѣздъ которыхъ далъ другую форму дѣламъ?

Посольство Гудовича Волковъ называетъ въ насмѣшку громкимъ, указывая на ничтожность посланника. Но люди ничтожные дѣлаются сильными чрезъ подчиненіе страстямъ, слабостямъ сильныхъ. Гудовичъ былъ отправленъ къ Фридриху какъ человѣкъ вполнѣ раздѣлявшій симпатію своего государя; пріемъ «голубицы» въ Магдебургѣ, и особенно въ Бреславлѣ, былъ таковъ, что «голубица», по возвращеніи, уже не знала мѣры своему усердію къ прусскому королю, а усердіе было выгодно, потому что очень нравилось: за вѣрныя и усердныя службы Гудовичъ получилъ шесть слободъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ [44]. Гудовичъ пробылъ въ Бреславлѣ до 12 февраля; въ это время прусскій король уже получилъ извѣстіе, что Чернышеву велѣно отдѣлиться отъ австрійскаго войска и идти къ Вислѣ, и потому въ письмѣ, которое повезъ Гудовичъ, Фридрихъ писалъ Петру: «Я узналъ, что корпусъ графа Чернышева получилъ приказаніе отдѣлиться отъ Австрійцевъ. Надобно быть совершенно безчувственнымъ, чтобъ не сохранить вѣчной признательности къ вашему величеству. Да угодно будетъ небу помочь мнѣ найти случай доказать мою признатель-

ность на дѣлѣ; ваше величество можете быть увѣреннымъ, что чувство благодарности никогда во мнѣ не изгладится».

Съ Гудовичемъ Фридриху нельзя было вести никакихъ переговоровъ, потому что онъ не имѣлъ никакихъ инструкцій. Чтобъ заключить миръ, а, если можно, и союзъ съ Россіею, надобно было отправить въ Петербургъ своего посланника. Выборъ палъ на двадцатишестилѣтняго Гольца, адъютанта и камергера, котораго король передъ посылкою въ Россію произвелъ въ полковники. Гольцъ повезъ подарокъ Петру — прусскій орденъ, при чемъ Фридрихъ писалъ: «Льщу себя надеждою, что вы примете его (орденъ) въ знакъ дружбы и искреннихъ отношеній, въ которыхъ желаю быть съ вами. Вы обязывали меня еще до вступленія вашего на престолъ и несчетное число разъ обязали меня съ того недавняго времени, какъ вы на престолѣ. Льщу себя надеждой, что представится случай, и я на дѣлѣ докажу всю благодарность. Поступая столь благородно, столь необыкновенно, какъ рѣдко поступаютъ въ нашемъ вѣкѣ, вы должны ожидать къ себѣ удивленія, которое столь справедливо вызвано дѣяніями вашего величестав; первыя же распоряженія вашего величества, по восшествіи на престолъ, привлекли на васъ благословеніе всѣхъ вашихъ подданныхъ и самой благомыслящей части Европы. Да будетъ царствованіе ваше долго и счастливо!» Петръ отвѣчалъ: «Ваше величество конечно смѣетесь надо мной, когда хвалите такъ мое царствованіе, дивитесь ничтожностямъ, тогда какъ я долженъ удивляться дѣяніямъ вашего величества; добродѣтели и качества ваши необыкновенны, я вижу въ васъ одного изъ величайшихъ героевъ міра.»

Фридрихъ II, отправляя Гольца для заключенія мира, далъ ему слѣдующую инструкцію: «Существенная цѣль вашей посылки состоитъ въ прекращеніи этой войны и въ совершенномъ отвлеченіи Россіи отъ ея союзниковъ. Доброе расположеніе русскаго императора позволяетъ надѣяться, что условія не будутъ тяжки. Я вовсе не знаю видовъ императора въ точности; все, что я объ нихъ знаю, вращается около двухъ главныхъ пунктовъ, а именно: что дѣла голштинскія по крайней мѣрѣ также близки къ сердцу императора, какъ и дѣла русскія, и вовторыхъ, что онъ принимаетъ большое участіе въ моихъ интересахъ. Вы должны внушать голштинскимъ фаворитамъ, или импе-

ратрицѣ, или что еще лучше, самому императору, что я до сихъ поръ отклонялъ всѣ предложенія союза со стороны Даніи, такъ какъ императоръ желалъ этого отъ меня при началѣ войны и такъ какъ я надѣялся, что это будетъ ему пріятно. Теперь разсмотримъ, какія мирныя предложенія могутъ намъ дѣлать эти люди. 1) Они предложатъ отвести свои войска за Вислу, возвратить намъ Померанію, но захотятъ удержать Пруссію или навсегда, или до заключенія общаго мира. На послѣднее вы соглашайтесь; но 2) если они захотятъ оставить за собою Пруссію навсегда, то пусть они вознаградятъ меня съ другой стороны. 3) Если они захотятъ очистить всѣ мои владѣнія, подъ условіемъ, чтобъ я гарантировалъ имъ Голштинію, то подписывайте сейчасъ же, особенно если вы успѣете выговорить у нихъ гарантію Силезіи. 4) Если императоръ захочетъ, чтобъ я обязался сохранять нейтралитетъ во время войны его съ Даніею, подписывайте, но требуйте величайшей тайны. 5) Вы можете сказать, что я сильно бы желалъ, чтобъ императоръ помогъ шведскому королю противъ преслѣдующей его партіи, и чтобъ русскій посланникъ объявилъ Сенату о мирныхъ намѣреніяхъ своего государя: это объявленіе непремѣнно понудитъ Шведовъ къ миру и такимъ образомъ императоръ сдѣлается умиротворителемъ всего сѣвера и блестящимъ образомъ начнетъ свое царствованіе. 6) Старайтесь проникнуть въ виды петербургскаго двора: хочетъ ли онъ окончить войну для устройства внутреннихъ дѣлъ или для приготовленія къ датской войнѣ, или хочетъ играть роль посредника между воюющими державами. 7) Вы должны пользоваться всякимъ случаемъ для внушенія петербургскому двору недовѣрія къ Австрійцамъ и Саксонцамъ; если недовѣріе можетъ дойти до зависти, то тѣмъ лучше. Вы можете разсказывать, съ какимъ лукавствомъ Австрійцы выставляли русскія войска на опасность, чего сами вы были очевидцемъ въ нынѣшнемъ году; можете указывать коварство Австрійцевъ и недостойныя средства, какія они позволяютъ себѣ въ политикѣ для достиженія своихъ цѣлей».

Фридрихъ самъ разсказываетъ, въ какомъ безпокойствѣ находился онъ относительно успѣха Гольцова порученія въ Петербургѣ. «На какомъ основаніи можно было предполагать, что переговоры въ Петербургѣ примутъ благопріятный оборотъ? Дворы

версальскій и вѣнскій гарантировали Пруссію покойной императрицѣ; Русскіе спокойно владѣли ею; молодой государь, вступившій на престолъ, откажется ли самъ собою отъ завоеванія, которое ему обезпечено союзниками? Любостяжаніе или слава, какую бросаетъ на начало царствованія всякое пріобрѣтеніе, не удержатъ ли его? Для кого, для чего, по какому побужденію онъ откажется отъ него? Всѣ эти трудные для разрѣшенія вопросы наполняли духъ неизвѣстностію относительно будущаго. «Но, продолжаетъ Фридрихъ, исходъ дѣла былъ болѣе счастливъ, чѣмъ какъ можно было ожидать. Такъ трудно угадать причины второстепенныя и распознавать различныя пружины, опредѣляющія волю человѣческую. Оказалось, что Петръ III имѣлъ превосходное сердце и такія благородныя и возвышенныя чувства, какихъ обыкновенно не бываетъ у государей. Удовлетворяя всѣмъ желаніямъ короля, онъ пошелъ даже далѣе того, чего можно было ожидать» [45].

Гольцъ пріѣхалъ въ Петербургъ 21 февраля и прежде всего обратился къ англійскому посланнику Кейту, который оставался вѣренъ политикѣ прежняго кабинета и отличался приверженностію къ прусскому союзу. Кейтъ указалъ Гольцу вліятельныхъ людей, которые расположены къ Пруссіи, и тѣхъ, которыя противъ нея. Оказывалось, что послѣднихъ гораздо болѣе, чѣмъ первыхъ, но собственный взглядъ императора и расположеніе людей самыхъ близкихъ къ нему ручались Кейту и Гольцу за успѣхъ; въ пользу прусскаго дѣла служило и то, что послы австрійскій, французскій и испанскій раздражили императора, отказавшись сдѣлать визитъ самому любимому, самому близкому къ нему человѣку, принцу голштинскому Георгію. Само собою разумѣется, что Гольцъ поспѣшилъ къ принцу Георгію съ привѣтствіемъ отъ своего короля, у котораго принцъ находился до того времени въ службѣ.

24 февраля Гольцъ представлялся императору. Едва только успѣлъ онъ выговорить поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ и увѣреніе въ дружбѣ своего короля, какъ Петръ осыпалъ его самыми горячими увѣреніями въ дружбѣ и безконечномъ уваженіи своемъ къ Фридриху II-му, ясныя доказательства чему онъ надѣется представить, и потомъ сказалъ на ухо Гольцу, что у него много есть о чемъ съ нимъ переговорить. Послѣ

аудіенціи Петръ пошелъ къ обѣднѣ, и Гольцъ послѣдовалъ за нимъ въ церковь. Во время службы императоръ все говорилъ съ нимъ то о Фридрихѣ II-мъ, то о прусской арміи, подробными свѣдѣніями о которой изумлялъ Гольца; не было полка въ которомъ бы Петръ не зналъ трехъ или четырехъ послѣднихъ поколѣній шефовъ и главныхъ офицеровъ. Въ тотъ же день вечеромъ, во время карточной игры, Петръ показалъ Гольцу на своемъ пальцѣ перстень съ портретомъ Фридриха II и велѣлъ также принести большой портретъ прусскаго короля. Послѣ ужина Петръ долго разговаривалъ съ Гольцомъ о томъ, сколько онъ терпѣлъ въ прошедшее царствованіе за привязанность къ Фридриху, о томъ, какъ онъ радовался, что былъ удаленъ изъ конференціи, ибо причиною тому было уваженіе его къ королю.

2 марта Петръ сказалъ Гольцу, что ему было бы очень пріятно, еслибъ король прислалъ проектъ мирнаго договора. Донося объ этомъ Фридриху, Гольцъ просилъ, чтобъ проектъ былъ присланъ какъ можно скорѣй, ибо противная партія, которая очень многочисленна, можетъ воспользоваться медленностію съ прусской стороны. Англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Митчель далъ знать Кейту въ Петербургъ, что Пруссаки перехватили депешу французскаго министра въ Петербургѣ Бретёйля, въ которой говорится, что нечего бояться переворота въ русской политикѣ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ все пойдетъ по старому, какъ было при Елисаветѣ, потому что Волковъ душою и тѣломъ преданъ старой системѣ. Гольцъ писалъ по этому поводу къ Фридриху, что заодно съ Волковымъ Шуваловъ (Ив. Ив.) и Мельгуновъ, и что перехваченное письмо поможетъ сломить Волкову шею. Волковъ, въ извѣстномъ письмѣ своемъ, разсказываетъ, какъ и дѣйствительно старались сломить ему шею: «Штебенъ (капитанъ Штеубенъ, бывшій вмѣстѣ съ Гольцомъ въ Петербургѣ) явился на меня доносителемъ въ тайныхъ съ графомъ Мерсіемъ (австрійскимъ посломъ) свиданіяхъ, а король прусскій, изъ особливой ко мнѣ атенціи, прислалъ перехваченное будто Бретелево письмо, въ коемъ изъ всей силы превозносятъ мои таланты и усердіе. Потому взятъ я былъ въ допросъ какъ злодѣй, но допрашиванъ такъ, что обвинители мои были отъ меня скрыты. Императоръ самъ меня не спрашивалъ, но токмо Левъ Александровичъ (Нарышкинъ) и Алексѣй Петро-

вичъ (Мельгуновъ) успокоивали меня обнадеживаніями, что когда миръ совершится, то и опасность моя минуется, давая мнѣ чувствовать, что я не долженъ ничего упоминать противъ желаній короля прусскаго».

Фридрихъ, получивши отъ Гольца извѣстіе, что Петръ предоставилъ ему составленіе проекта мирнаго договора, не медлилъ этимъ дѣломъ, и для бо̀льшаго еще усиленія своего вліянія въ Петербургѣ, отправилъ туда съ проектомъ графа Шверина, хорошо извѣстнаго императору, потому что онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими войсками и жилъ извѣстное время въ Петербургѣ. Швернинъ повезъ письмо: «Вамъ угодно, писалъ Фридрихъ, получить отъ меня проектъ заключенія мира—посылаю его, потому что вашему императ. величеству это угодно; но ввѣряюсь другу; распоряжайтесь этимъ проектомъ какъ угодно, я все подпишу; ваши выгоды мои, я не знаю другихъ. Природа надѣлила меня чувствительнымъ и благодарнымъ сердцемъ; я искренно тронутъ всѣмъ, что для меня сдѣлано вашимъ императ. величествомъ. Я никогда не въ состояніи заплатить за все, чѣмъ вамъ обязанъ. Отнынѣ все, чѣмъ могу я васъ обязать, все, что вамъ нравится, все, что отъ меня зависитъ, все будетъ сдѣлано, чтобъ убѣдить ваше императ. величество въ моей готовности предупреждать всѣ ваши желанія.—Посылаю графа Шверина; я долженъ былъ бы присылать къ вашему императ. величеству лицъ высшихъ чиновъ; но еслибъ вы знали положеніе, въ которомъ нахожусь я теперь, то увидали бы, что мнѣ невозможно посылать такихъ лицъ; ихъ нѣтъ, всѣ въ дѣлѣ. Въ теченіе этой войны я потерялъ 120 генераловъ, 14 въ плѣну у Австрійцевъ, наше истощеніе ужасно. Я отчаялся бы въ своемъ положеніи; но въ величайшемъ изъ государей Европы нахожу еще вѣрнаго друга: разсчетамъ политики онъ предпочитаетъ чувство чести».

29 марта императоръ сказалъ Гольцу, чтобъ онъ переговаривалъ о мирѣ съ тайнымъ секретаремъ Дмитр. Васил. Волковымъ, потому что канцлеръ былъ боленъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Гольцъ писалъ Фридриху, что онъ употребитъ всѣ усилія для удовлетворительнаго окончанія дѣла, отстраняя, по возможности, препятствія, которыя противная сторона всѣ болѣе и болѣе старается ему ставить. Для поясненія этихъ послѣднихъ словъ можетъ служить разсказъ Волкова: «Императоръ велѣлъ

Гольцу, чтобъ присланный къ нему отъ короля мирный проектъ онъ мнѣ подалъ, и самъ часъ къ тому назначилъ, сказавъ мнѣ, чтобъ я его дожидался. Господинъ Гольцъ, знавши, что я живу во дворцѣ, поѣхалъ въ Семеновскій полкъ къ Андр. Андр. Волкову и, не заставъ его дома, тотчасъ отрапортовалъ, что меня нигдѣ найтить не могъ. Тутъ мой арестъ и совершенное несчастіе были рѣшены; но чудеснымъ образомъ весь тотъ день прокурилъ у меня табакъ баронъ Унгарнъ, и такъ онъ меня оправдалъ, а дѣло обратилось въ шутку надъ Андреемъ Андреевичемъ. Я, съ моей стороны, вѣдая, что война съ Даніею всегда была рѣшеннымъ дѣломъ и противное тому упоминаніе могло бы стоить жизни, устремлялся къ тому: 1) чтобъ сію войну самыми къ ней приготовленіями, сколько можно, въ даль протягивать; 2) между тѣмъ и Пруссію, и Померанію за нами удерживать и оными пользоваться, и притомъ 3) смотрѣть, не будетъ ли способа, хотя похлѣбствуя королю прусскому, вмѣшаться въ примиреніе Европы, и тѣмъ не такъ вѣчный свой стыдъ загладить, какъ паче обнадежиться, что, по замиреніи Европы, лучшій нашъ другъ и государь король прусскій самъ не допуститъ насъ начать войну съ Даніею. Сего ради, пользуясь претекстомъ датской войны, толковалъ я непрестанно, что пока наша армія останется внѣ границъ, намъ никакъ не можно возвратить его прусскому величеству завоеванныя у него земли, и тѣмъ до того довелъ было, что велѣно мнѣ, обще съ тайнымъ совѣтникомъ Вольфомъ, сдѣлать контра-проектъ. Черное сочиненіе найдется всемѣрно въ моихъ бумагахъ. Не совсѣмъ оно согласно съ моимъ желаніемъ, но кто зналъ тогдашнее время, стремительное желаніе бывшаго императора и мое состояніе, тотъ удивится и едва ль повѣритъ, чтобъ я смѣлъ столь много стоять за интересы и славу отечества, а тому еще болѣе, что когда я съ чернымъ пришелъ, а тутъ были принцъ Георгій и баронъ Гольцъ, то господинъ Вольфъ, оробѣвъ и солгавъ своему слову, отперся отъ того, что онъ со мною согласенъ, сказавъ мнѣ въ пагубную похвалу, что онъ не успѣлъ въ окошко выглянуть, какъ у меня уже все готово было; яжъ, напротивъ того, довольно имѣлъ не смѣлости, но вѣрно истиннаго усердія вооружиться не токмо противъ принца Георгія и барона Гольца, но и противъ самаго бывшаго императора, такъ что, наконецъ, первые

молчать, а онъ мое сочиненіе опробовать принуждены были. Такой негоціаторъ не по вкусу былъ барона Гольца, потому онъ, выпрося съ моего проекта копію, чтобъ ея лучше высмотрѣть, сочинилъ новый проектъ по своему».

Этотъ проектъ договора Гольцъ постарался прочесть императору одному, безъ свидѣтелей, и, получивъ согласіе Петра на всѣ статьи, отправилъ проектъ къ канцлеру при запискѣ: «Имѣю честь препроводить къ его сіятельству г. канцлеру Воронцову проектъ мирнаго трактата, который я имѣлъ счастіе вчера поутру читать его императорскому величеству и который удостоился его одобренія во всѣхъ частяхъ». По этому договору, подписанному 24 апрѣля, прусскому королю возвращались всѣ его земли, занятыя русскимъ войскомъ въ бывшую войну; оба государя соглашались включить въ свой миръ короля и корону шведскую. Въ отдѣльномъ параграфѣ говорилось, что оба государя, искренно желая соединиться еще тѣснѣе для безопасности своихъ владѣній и для взаимныхъ выгодъ, согласились приступить немедленно къ заключенію союза.

Послѣ заключенія мира начали составлять проектъ союзнаго договора «сходнаго съ нынѣшними конъюнктурами.» Договоръ былъ оборонительный. Если сдѣлано будетъ нападеніе на одну изъ договаривающихся сторонъ, или и начатыя непріятельскія дѣйствія будутъ продолжаться, то другой союзникъ обязанъ отправить на помощь войско, состоящее изъ 12,000 пѣхоты и 4000 конницы, и это войско не можетъ быть отозвано прежде, пока обиженная сторона не получитъ совершеннаго вознагражденія или выплачиваетъ ежегодно по 800,000 рублей. Одинъ союзникъ не можетъ заключить ни мира, ни перемирія съ непріятелемъ безъ вѣдома и согласія другаго. Въ первомъ секретномъ артикулѣ говорилось, что его королевское величество прусское, будучи весьма доволенъ оказанными ему со стороны его императ. величества всероссійскаго какъ сначала восшествія его величества на всероссійскій престолъ, такъ и при заключеніи вѣчнаго мира великими весьма снисхожденіями и уступками, желаетъ въ знакъ своего за то признанія дѣйствительно и всѣми способами помогать, чтобъ его величество всероссійское могъ получить отъ короля датскаго герцогство шлезвигское и удовлетвореніе во всѣхъ своихъ справедливыхъ и законныхъ

притязаніяхъ: поэтому королевское величество прусское обѣщаетъ и торжественнѣйше обязуется употребить сперва при датскомъ дворѣ всевозможныя представленія и сильнѣйшія увѣщанія, чтобъ Данія удовольствовала его императорское величество, а его императ. величество обѣщаетъ всякую съ своей стороны податливость показывать. Но если, несмотря ни на что, датскій дворъ будетъ упорствовать и всероссійскій императоръ будетъ принужденъ доставать прародительскія наслѣдственныя свои владѣнія силою оружія, то королевское величество прусское не только не будетъ тому препятствовать, но и отдастъ въ распоряженіе императора корпусъ своихъ войскъ, и если во время датской войны Россія подвергнется нападенію, то король прусскій обязуется послать ей на помощь выговоренное въ трактатѣ число войска, независимо отъ корпуса, отправленнаго для датской войны, или выплачивать означенную сумму денегъ, если нападутъ на Россію Турки или Татары.

Во второмъ секретномъ артикулѣ Фридрихъ II обязался помогать избранію голштинскаго герцога Георга Лудвига въ герцоги курляндскіе, а бывшему герцогу Бирону возвратить владѣніе Вартембергъ съ титуломъ княжества, амтъ Бигенъ, имѣнія Миличъ и Гаскичъ, такъ какъ Биронъ отрекся за себя и потомковъ своихъ отъ всѣхъ правъ на Курляндію. Въ третьемъ секретномъ артикулѣ союзники обязались не допускать никакой перемѣны въ формѣ польскаго правленія, и въ случаѣ кончины нынѣшняго короля польскаго Фридрихъ II обязался всѣми силами содѣйствовать, чтобъ избрана была въ польскіе короли особа, угодная императору всероссійскому.

Въ первомъ сепаратномъ артикулѣ было постановлено, что прусскій король не помогаетъ войскомъ Россіи въ войнѣ ея съ Персіею, Турціею и Татарами, а русскій императоръ не помогаетъ Пруссіи войскомъ въ войнѣ ея съ Франціею или Англіею, а помогаютъ деньгами по милліону двѣсти тысячъ рублей ежегодно. Во второмъ сепаратномъ артикулѣ говорилось: «Его императ. величество всероссійское и его королев. величество прусское, видя съ великимъ соболѣзнованіемъ тяжкое утѣсненіе, въ которомъ отъ многихъ лѣтъ находятся единовѣрные обѣихъ сторонъ въ Польшѣ и Литвѣ, между собою соединились и обязались помянутыхъ своихъ единовѣрныхъ, а именно: подъ име-

немъ диссидентовъ разумѣющихся греческаго исповѣданія и реформатской и лютерской религіи обывателей Польши и Литвы наилучшимъ образомъ защищать и дружескими сильными представленіями у короля и республики польской къ тому приводить, чтобъ помянутые диссиденты могли паки достигнуть отнятыхъ у нихъ правъ въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ; или, если этого тотчасъ получить нельзя, то чтобъ соблюдены быть могли въ томъ состояніи, въ какомъ теперь обрѣтаются, до лучшихъ временъ и конъюнктуръ».

Полномочнымъ посломъ въ Пруссію былъ отправленъ генералъ-майоръ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, который нашелъ Фридриха II въ лагерѣ въ деревнѣ Зейтендорфѣ, недалеко отъ Бреславля. 29 іюня Репнинъ представился королю и поднесъ ему шарфъ и знакъ, присланные отъ Петра III; Репнинъ доложилъ, не соизволитъ ли король перемѣнить чего-нибудь какъ въ нихъ, такъ и въ мундирѣ; но Фридрихъ II изъявилъ свое удовольствіе и признательность за учтивость, приказалъ чтобъ все по прежнему осталось. Потомъ Репнинъ доложилъ, что императоръ требуетъ новаго доказательства дружбы, и желаетъ, чтобъ король былъ посредникомъ на берлинскомъ конгрессѣ между Россіею и Даніею и для этого отправилъ бы туда полномочнаго министра. Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ уже предупредилъ желаніе императора и отправилъ въ Берлинъ графа Финкенштейна, которому императоръ долженъ прямо приказывать, а онъ, король, велѣлъ ему повиноваться во всемъ императору. Король спросилъ объ отъѣздѣ императора въ армію; Репнинъ отвѣчалъ, что вѣрнаго ничего не знаетъ, но что при отъѣздѣ его изъ Петербурга императоръ имѣлъ это намѣреніе.

Репнинъ обѣдалъ у короля 29 и 30 іюня. Оба раза Фридрихъ пилъ здоровье Петра, говоря, что онъ «не можетъ довольно часто пить столь дражайшее здоровье [46].»

Фридриха не нужно было просить о томъ, чтобъ онъ былъ посредникомъ между Петромъ и датскимъ королемъ; война Россіи съ Даніею ему очень не нравилась, вопервыхъ потому, что онъ долженъ былъ принять въ ней участіе, отдѣлить для нея часть своего войска, а вовторыхъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, онъ боялся удаленія Петра изъ Россіи для датской войны. Мы видѣли, какъ Фридрихъ при первомъ извѣстіи о восшествіи на

престолъ Петра разсчиталъ, что отношенія новаго императора къ Даніи могутъ имѣть самое полезное вліяніе на отношенія Россіи къ Пруссіи, но теперь, когда успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, надобно было постараться, чтобъ датской войны не было или чтобъ началась она какъ можно позднѣе.

Извѣстіе о восшествіи на престолъ Петра III имѣло въ Даніи необходимымъ слѣдствіемъ усиленное вооруженіе, о которомъ русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, Корфъ и сообщилъ въ Петербургъ. «Все вниманіе императора, доносилъ Гольцъ Фридриху отъ 25 февраля, обращено на Голштинію.» — «Я знаю навѣрное, что Датчане меня атакуютъ», сказалъ онъ Гольцу. Тотъ отвѣчалъ, что сомнѣвается: не захочетъ Данія нажить себѣ такого страшнаго врага, какъ русскій императоръ; она конечно предпочтетъ дружественную сдѣлку, и конечно съ достоинствомъ великаго русскаго монарха гораздо сообразнѣе стать умиротворителемъ Сѣвера, чѣмъ отнимать силою оружія то, что Датчане, по всѣмъ вѣроятностямъ, отдадутъ добровольно, въ слѣдствіе категорическаго требованія, сдѣланнаго со стороны Россіи. «Я подозрѣваю, прибавилъ Гольцъ, что извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ датскаго двора выдуманы непріязненными дворами для запутанія дѣлъ, изъ боязни передъ готовящимся соглашеніемъ между Россіею и Пруссіею».

1 марта отправленъ былъ Корфу рескриптъ, въ которомъ приказывалось объявить датскому министерству, что чѣмъ искреннѣе желаніе императора продолжать и увеличивать постоянную дружбу и доброе сосѣдство съ датскимъ королемъ, тѣмъ прискорбнѣе видѣть противное съ датской стороны, именно угрозы, вооруженія, и потому императоръ видитъ себя принужденнымъ требовать формальнаго объясненія, намѣренъ ли его величество король жить съ нимъ въ согласіи и удовлетворить справедливымъ его требованіямъ относительно герцогства Шлезвигскаго, ибо въ противномъ случаѣ какъ по нуждѣ, такъ и для того, чтобъ дать силу неоспоримымъ правамъ своимъ, императоръ будетъ принужденъ принять такія мѣры, отъ которыхъ могутъ послѣдовать крайнія бѣдствія; но теперь еще бѣдствія эти могутъ быть предупреждены. На это объявленіе Корфъ получилъ отвѣтъ, что король нимало не уклоняется формально объявить императору, что онъ съ его величествомъ готовъ жить

не только въ мирѣ, но и въ согласіи и дружбѣ. Почему, если его величество, россійскій императоръ соизволитъ возобновить прежніе трактаты, и, назнача кого-нибудь изъ своихъ министровъ, приметъ или предложитъ мѣстомъ конференцій удобный для обѣихъ сторонъ городъ, какъ напримѣръ Гамбургъ или Любекъ, то и король сдѣлаетъ то же.

Въ концѣ марта, Гольцъ снова внушалъ Петру, что гораздо соотвѣтственнѣе его величію пожертвовать какими нибудь ничтожными землями, какія онъ можетъ завоевать у Даніи, и пріобрѣсти славу умиротворенія Сѣвера. Датчане никогда не нападутъ первые и всѣ ихъ движенія происходятъ отъ страха подвергнуться нападенію. 24-го мая отправленъ былъ къ Корфу такой рескриптъ: «Послѣдній отвѣтъ датскаго двора и усиленныя съ того времени приготовленія къ войнѣ на морѣ и сухомъ пути могутъ не только для насъ, но и для всего свѣта служить неопровержимымъ доказательствомъ, что Данія вовсе не имѣетъ никакой склонности раздѣлаться съ нами полюбовно, но, почитая долгое и спокойное владѣніе похищенными землями за право, видимымъ образомъ старается только выиграть время, въ надеждѣ, что не всегда армія наша будетъ въ близости къ Даніи и потому въ состояніи доставить намъ справедливое удовлетвореніе, а тѣмъ временемъ обстоятельства могутъ измѣниться въ пользу Даніи. Поэтому датскій дворъ, не упоминая ничего въ своемъ отвѣтѣ о надлежащемъ намъ удовлетвореніи, коротко указываетъ на медленные переговоры. Намъ не оставалось бы другаго рѣшенія, какъ, объявя извѣстную и безъ того свѣту справедливость нашего дѣла, воспользоваться слѣдующими обстоятельствами: 1) что армія наша находится, по большей части, въ Помераніи, слѣдовательно въ близости отъ Голштиніи, и, по благополучномъ нынѣ заключеніи мира съ королемъ прусскимъ, ничто ей не препятствуетъ оказать намъ въ Голштиніи новыя заслуги и возвратиться въ отечество съ новою славою. 2) Что не только можемъ мы выставить превосходныя противъ датскихъ силы; но надобно отдать справедливость нашимъ войскамъ, что они привыкли къ трудамъ и побѣдамъ, тогда какъ датскія войска уже много лѣтъ не знали войны. 3) Данія имѣетъ нѣкоторыя мѣстныя противъ насъ выгоды, потому что армія ея всегда будетъ находиться внутри своихъ областей и близко отъ своихъ крѣ

постей. Но и наша армія, кромѣ того что не имѣетъ нужды щадить чужія области, имѣетъ и другія выгоды: тылъ ея будутъ окружать области или нейтральныя или очень намъ дружескія; сверхъ того король прусскій, по особенной къ намъ дружбѣ, предоставилъ намъ одну изъ наилучшихъ своихъ крѣпостей, именно Штетинъ какъ плясдармъ, а еслибъ нужда потребовала, то мы увѣрены, что не откажетъ намъ и въ Кистринѣ. 4) Быть можетъ Данія имѣетъ на своей сторонѣ много доброжелателей, ибо не много такихъ, которые желаютъ нашего усиленія на Балтійскомъ морѣ и въ Германіи; но затѣмъ нисколько не замѣчаемъ мы, чтобъ датскій дворъ имѣлъ прямыхъ союзниковъ, отъ которыхъ могъ бы ожидать существенной помощи. Мы имѣемъ напротивъ короля прусскаго, государя для этой войны необходимаго, совершенно въ нашихъ интересахъ; а Швеція, если не въ состояніи воспользоваться этимъ случаемъ противъ Датчанъ, то тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать, имѣя много побужденій желать намъ успѣха.

«Несмотря на то, намѣрены мы испытать послѣдній способъ, нельзя ли избѣжать этихъ крайностей, и потому положили: 1) принять конгрессъ, предложенный датскимъ дворомъ. 2) Мѣсто ему назначить въ Берлинѣ. 3) Срокъ собранію положить первое число іюля. 4) Полномочнымъ на конгрессъ назначаемъ васъ и нашего конференцъ-совѣтника Сальдерна. 5) Предложенія наши на конгрессѣ должны служить ультиматомъ, и непринятіе ихъ разрушаетъ весь конгрессъ. 6) Король прусскій будетъ посредникомъ. — Впрочемъ пока эти переговоры будутъ производиться, было бы для насъ непростительно спокойно ожидать ихъ окончанія, тѣмъ болѣе, что не съ большою надеждою ожидаемъ мы себѣ плода отъ нихъ, а потомъ, принявъ участіе въ войнѣ между королемъ прусскимъ и императрицею-королевою и желая участвовать въ будущемъ мирѣ, мы должны приготовить къ походу наши войска, находящіяся въ Помераніи» [47].

Датскій дворъ согласился на все, и въ Пруссіи были очень довольны. Гольцъ писалъ Фридриху: «Я почти увѣренъ, что война не начнется нынѣшнимъ годомъ. Съ какою бы поспѣшностію ни выслали съ обѣихъ сторонъ коммиссаровъ въ Берлинъ, все они пріѣдутъ не ранѣе половины іюля (по новому стилю); прежде чѣмъ будутъ сдѣланы первыя предложенія и начнутся серіозные

переговоры, наступитъ августъ, а тутъ уже будетъ поздно выступать въ походъ». Возлагали большія надежды на втораго уполномоченнаго, Голштинца Сальдерна, человѣка вполнѣ преданнаго Пруссіи. Въ одномъ изъ рескриптовъ Фридриха Гольцу король предписываетъ послѣднему сойтись съ конференцъ-совѣтникомъ Сальдерномъ, и объявить ему, что король существенными знаками докажетъ ему свою благодарность; Гольцъ долженъ былъ также удержать Сальдерна отъ возвращенія въ Голштинію, потому что онъ могъ быть еще полезенъ Фридриху въ Петербургѣ. По поводу назначенія Сальдерна уполномоченнымъ въ Берлинъ, Гольцъ писалъ королю, что онъ очень желалъ бы удержать Сальдерна въ Петербургѣ; но что онъ будетъ очень полезенъ и въ Берлинѣ для улаженія дѣла, если только есть возможность его уладить.

Фридрихъ II желалъ отклонить датскую войну, потому что она мѣшала ему добить Австрію, покинутую Россіею. Тотчасъ по восшествіи Петра на престолъ, на представленіи дипломатическаго корпуса новому императору, австрійскій посолъ, графъ Мерси, игравшій до сихъ поръ первую роль въ Петербургѣ, поздравивъ Петра, выразилъ увѣренность, что новый императоръ будетъ слѣдовать славнымъ принципамъ своей покойной тетки и поддержитъ прежнія союзническія отношенія къ императрицѣ-королевѣ и ея супругу, римскому императору. Петръ отвѣчалъ коротко и сухо: «Надѣюсь, что мы останемся друзьями съ ихъ величествами». Черезъ три дня послѣ этого канцлеръ Воронцовъ объявилъ, что императоръ непремѣнно хочетъ мира, для достиженія котораго употребитъ всѣ свои старанія. Петръ не допускалъ къ себѣ болѣе Мерси, который вслѣдствіе этого потерялъ все свое прежнее значеніе: люди, которые прежде заискивали въ немъ, теперь заботливо избѣгали съ нимъ встрѣчи; изъ высшихъ сановниковъ никто не отваживался говорить съ нимъ о дѣлахъ. Отъ 9-го февраля былъ отправленъ въ Вѣну къ князю Дмитрію Мих. Голицыну рескриптъ такого содержанія: «сколь свято ни почитаемъ мы принятыя для настоящей войны обязательства блаженной памяти государынею императрицею, нашею любезною теткою, и сколь ни желали бы оныя во всей ихъ силѣ содержать: но въ настоящемъ состояніи дѣлъ, по причинѣ несноснаго въ имперіи нашей истощенія денежной казны и людей,

находимъ сіи обязательства весьма тягостными; и такъ для пользы и благосостоянія нашихъ вѣрноподданныхъ, при счастливомъ начатіи государствованія нашего, желая видѣть конецъ чрезъ толь долгое время продолжающемуся кровопролитію, не хотимъ умедлить объявить сіе участвующимъ съ нами въ сей войнѣ союзнымъ дворамъ. Мы довольно предусматриваемъ, что такое наше, хотя и на самой справедливости основанное, намѣреніе сперва однакожь покажется союзнымъ дворамъ, а паче вѣнскому, страннымъ, и потому конечно будутъ происходить всякія противныя толкованія; но предпочитая всему на свѣтѣ благосостояніе государствъ нашихъ, не можемъ мы инако поступать, и для того довольствуемся желать, чтобъ и союзники сію правду, въ разсужденіи собственныхъ ихъ земель, равно признали: ибо по неизвѣстности военнаго жребія ничего точно предвидѣть и предопредѣлить не можно. Стараясь единственно о возстановленіи толь нужнаго всей Европѣ мира, и чтобъ доказать еще, сколь безкорыстны наши въ томъ виды, повелѣваемъ мы вамъ ея величеству императрицѣ-королевѣ пристойнымъ образомъ дать знать, что со дня вступленія нашего на престолъ отступаемся мы отъ субсидій вѣнскаго двора; сверхъ того можете вы по усмотрѣнію обстоятельствъ твердить, что для способствованія сему общеполезному предмету, не жалѣемъ мы жертвовать и всѣми въ нынѣшнюю войну пріобрѣтеніями, которыя однако Россіи столь много крови и иждивенія стоили. Впрочемъ надлежитъ вамъ вѣнскому двору при всѣхъ додающихся случаяхъ внушать, что къ поспѣшествованію мирной негоціаціи лучше всего начать оную перемиріемъ».

Когда Голицынъ объявилъ содержаніе рескрипта графамъ Коллоредо и Кауницу, тѣ отвѣчали, что вѣнскій дворъ вмѣстѣ съ союзниками своими давно уже доказалъ всему свѣту склонность свою къ миру, и аугсбургскій конгрессъ не состоялся единственно по нежеланію англійскаго двора и союзниковъ его; что вѣнскій дворъ не можетъ отвѣчать на русскую декларацію безъ соглашенія съ союзниками, а между тѣмъ будутъ дожидаться отъ русскаго двора дополнительныхъ изъясненій, какимъ образомъ императоръ желаетъ способствовать возстановленію тишины въ Европѣ. Потомъ они спросили, правда ли, что корпусъ Чернышева отозванъ отъ австрійской арміи и между рус-

скимъ и прусскимъ войскомъ заключено перемиріе. Голицынъ отвѣчалъ, что не имѣетъ объ этомъ извѣстій.

Надобно было дать дополнительныя изъясненія, какимъ образомъ Петръ хочетъ способствовать возстановленію тишины въ Европѣ. Эти изъясненія заключались въ рескриптѣ отъ 9-го апрѣля. «Дожидаться такого генеральнаго мира, каковъ былъ Вестфальскій, говорилось въ рескриптѣ,—значитъ воевать безконечное время и притомъ быть увѣренными, что постановляемый такимъ образомъ миръ не можетъ всѣхъ удовольствовать, слѣдовательно не можетъ быть и прочнымъ. На Вестфальскомъ мирѣ надобно было за каждымъ утвердить пріобрѣтенныя уже владѣнія, права и вольности, а теперь дѣло идетъ о томъ, чтобъ удовлетворить претензіямъ и желаніямъ, родившимся изъ самой войны; но эти претензіи такъ различны, что къ совершенному ихъ соглашенію почти нѣтъ способовъ, и надобно признаться, что въ началѣ нынѣшней войны прилагалось больше старанія о томъ, чтобъ вовлечь въ нее какъ можно болѣе державъ, а не разсуждалось, каково будетъ окончаніе столь многихъ наскоро сдѣланныхъ трактатовъ и принятыхъ обязательствъ. Русскій дворъ одинъ только всегда настаивалъ на томъ, чтобъ согласить различные интересы и желанія прежде чѣмъ генеральный конгрессъ начнется, справедливо предусматривая, что безъ такого соглашенія конгрессъ скоро можетъ поссорить самихъ союзниковъ между собою и, вмѣсто мира, разжечь войну еще больше. Вѣнскій дворъ и Франція чувствовали, кажется, то и другое, а именно, что и различныя претензіи согласить трудно, и отъ собираемаго конгресса мало плода ожидать должно. Потому, не отвѣчая никогда прямо на здѣшнія требованія и домогательства, вѣнскій дворъ коротко ссылался на постановленные въ пользу его договоры, и, оставляя притязанія другихъ въ молчаніи, всего успѣха ожидалъ, повидимому, отъ могущаго быть счастія въ оружіи, а Франція, отклоняя и болѣе притязанія другихъ, такъ хлопотала объ отдѣльномъ *и самокорыстливомъ* мирѣ, что вѣнскій дворъ о томъ только и думалъ, чтобъ не было чего-нибудь постановлено прямо противъ него, и дѣйствительно вѣнскій дворъ обязанъ освобожденіемъ отъ этой опасности только великимъ запросамъ съ англійской стороны. Съ другой стороны Швеція, безъ всякой пользы и надежды, съ большимъ ущербомъ

прежней славы, нынѣшнею войною истощенная, кажется, будто не смѣетъ ни продолжать, ни окончить ее. А Данія напротивъ того, начавъ дѣлать превеликія вооруженія въ такое время, когда мы сами не удалены отъ переговоровъ, явно тѣмъ показываетъ, какого мы должны ожидать удовлетворенія въ справедливыхъ нашихъ притязаніяхъ. При этомъ ничего не было бы желательнѣе для датскаго двора, какъ еслибы мы продолжали истощать силы наши и государственныя иждивенія на постороннюю войну. Мы навлекли бы на себя упреки цѣлаго свѣта, когда бы, защищаясь столько лѣтъ единственно правотою своего дѣла и не промѣнявъ ни на какія предложенія того, чѣмъ мы должны нашему достоинству и нашему дому, теперь, когда мы вдвойнѣ обязаны заботиться о благосостояніи и знатности нашего дома и когда имѣемъ дарованные намъ отъ Бога къ тому способы, не послѣдовали датскому примѣру и не приложили старанія подкрѣпить наши неоспоримыя права съ такою же готовностію, съ какою датскій дворъ думаетъ повидимому утвердить за собою свои пріобрѣтенія, хотя и намѣрены мы испытать всѣ пути и средства къ полюбовному соглашенію по голштинскимъ дѣламъ прежде, нежели рѣшимся на какую-либо крайность.

«Всѣ участвующіе въ нынѣшней войнѣ дворы, кажется, только выжидаютъ, кто сдѣлаетъ первый и самый важный шагъ къ достиженію мира; страждущіе народы ищутъ того, кого они должны благодарить за свое избавленіе и благополучіе; а мы, благоволеніемъ Божіимъ, одни теперь въ такомъ состояніи, что единственно изъ любви къ миру, изъ сожалѣнія о страждущемъ человѣчествѣ и изъ личнаго уваженія къ дружбѣ и оказываемымъ намъ угодностямъ отъ его величества короля прусскаго, можемъ услужить роду человѣческому своимъ безкорыстіемъ: намъ слѣдовательно и надобно сдѣлать этотъ первый шагъ. Поэтому повелѣваемъ вамъ все вышеизображенное представить тамошнему двору и прибавить отъ нашего имени совѣтъ послѣдовать нашему примѣру и предупредить всѣ слѣдствія, могущія произойти отъ продолженія войны, а чрезъ это доставить намъ способъ безмятежно соблюдать и распространять давнюю дружбу между обоими императорскими дворами».

На это сообщеніе Голицына Кауницъ отвѣчалъ, что вѣнскій дворъ считалъ и себя не менѣе другихъ полезнымъ союзникомъ

Россіи, а императорскій вице-канцлеръ Коллоредо сказалъ, что его дворъ и самъ очень радъ миру, но нельзя его заключить по упорству непріятелей, которые не дали состояться аугсбургскому конгрессу. 2-го мая пошелъ къ Голицыну другой рескриптъ: «Достави нынѣ имперіи нашей вожделѣнный миръ, могли бы мы удалиться вовсе отъ войны; но извѣстно, что покой государства не можетъ быть проченъ, когда окрестные народы находятся во враждѣ, и потому находимъ мы, что по вкоренившейся ненависти австрійскаго дома къ королю прусскому, съ которымъ издавна соединяетъ насъ взаимная дружба, и по корыстнымъ этого двора намѣреніямъ получить, во что бы то ни стало, Силезію и графство Глацкое, вся причина продолженія войны происходитъ отъ австрійскаго дома, и, по упорству его въ своихъ проектахъ, нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы императрица-королева, пока силы ея будутъ такъ знатны и велики, согласилась добровольно на возстановленіе мира: почему предвидя, что употребленіе съ нашей стороны добрыхъ услугъ не только не принесло бы никакой пользы, но и отверженіе ихъ послужило бы къ предосужденію нашего достоинства,— соображая всѣ эти обстоятельства, къ сожалѣнію нашему удостовѣряемся, что мы должны употребить послѣднее средство для возвращенія человѣчеству драгоцѣннаго покоя, именно помочь его величеству королю прусскому нашимъ войскомъ, ибо причину продолженія военныхъ бѣдствій должно приписывать одному только упорству вѣнскаго двора и извѣстному намѣренію его отнять у короля прусскаго то, что ему уступлено торжественнѣйшими трактатами».

На это сообщеніе Кауницъ отвѣчалъ: «Ея величество императрица-королева въ декларацiи русскаго посланника видитъ слѣдствіе сильнаго желанія со стороны его величества, императора всероссійскаго, возстановить миръ между нею и королемъ прусскимъ. Ея величество льститъ себя надеждою, что декларація дѣйствительно продиктована этимъ чувствомъ, и потому только рѣшилась отвѣчать дружелюбно. Ея величество, которая никогда не обнаруживала удаленія отъ справедливаго и разумнаго мира съ королемъ прусскимъ, не знаетъ до сего дня самаго главнаго, именно: расположенъ ли къ миру этотъ государь? Объ этомъ-то прежде всего и нужно увѣдомить импе-

ратрицу. Предполагая согласіе на миръ короля прусскаго, я имѣю приказаніе императрицы объявить, что она искренно расположена къ миру съ нимъ и для ускоренія этого дѣла готова заключить перемиріе и начать переговоры».

Въ Петербургѣ графъ Мерси, на конференціи съ канцлеромъ, далъ пространное объясненіе этого отвѣта: «Австрійскій домъ говорилъ онъ, находясь такъ давно въ дружбѣ съ Россіею, привыкъ почитать эту державу своею постоянною и естественною пріятельницею, и потому, не взирая на недавно случившееся, въ Вѣнѣ не могутъ еще себѣ вообразить, что петербургскій дворъ перемѣнитъ самый существенный пунктъ своей политической системы, именно нарушеніемъ союза съ австрійскою монархіею. Хотя извѣстно все то, что настоящее поведеніе императора всероссійскаго заключаетъ въ себѣ досадительнаго для древнихъ его союзниковъ, однако римско-императорскія величества утѣшаютъ себя надеждою, что такой поступокъ только временный и что наконецъ императоръ взглянетъ на дѣло другимъ, болѣе сходнымъ съ его интересами взглядомъ; тогда убѣдится онъ, какъ необходимо ему предпочитать австрійскій союзъ всякому другому. Вотъ что побудило императрицу-королеву дать такой умѣренный отвѣтъ. Было бы несправедливое и неслыханное дѣло, еслибъ императоръ всероссійскій, думая, что къ исполненію его желанія находятся затрудненія, сталъ бы ихъ приписывать такой державѣ, которая съ самаго начала болѣе всѣхъ оказывала склонность къ примиренію, и къ примиренію съ такою державою, которая еще не заблагоразсудила о томъ изъясниться. Если императоръ всероссійскій приметъ способы, сходные съ правосудіемъ, чистосердечіемъ и съ уваженіемъ должными той державѣ, которая издавна была ему искреннею союзницею; если склонитъ онъ короля прусскаго къ изъясненію его намѣреній и видовъ; если наконецъ употребитъ средства безпристрастныя, то можетъ быть увѣренъ, что скоро достигнетъ своей цѣли и достигнетъ ея честнымъ образомъ, достойнымъ государя, на котораго теперь вся Европа обратила свои взоры, въ ожиданіи, какое мнѣніе она должна принять о его правилахъ и намѣреніяхъ» [48].

Но эти объясненія не вели ни къ чему. Фридрихъ спѣшилъ пользоваться обстоятельствами и потребовалъ у Петра гарантіи

не только Силезіи и Глаца, но и всѣхъ тѣхъ земель, которыя онъ завоюетъ у Маріи Терезіи до заключенія мира. Петръ отвѣчалъ: «Я въ восторгѣ и готовъ на все; но я буду просить ваше величество заключить такое же условіе со мной: обезпечить за мной то, что я буду въ состояніи взять у Датчанъ, чтобъ разомъ заключить съ ними миръ, славный для моего голштинскаго дома». Фридрихъ писалъ ему: «Я не удовольствуюсь только гарантіей за вами всего того, что вы найдете нужнымъ; независимо отъ этого я добиваюсь чести способствовать предпріятіямъ в. и. в. Распоряжайтесь штетинскимъ портомъ и всѣмъ, что я имѣю, какъ вашей собственностію. Скажите, сколько нужно вамъ прусскихъ войскъ, нисколько не стѣсняйтесь, и просто скажите, чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ? Хотя я старъ и изломанъ, но самъ пошелъ бы противъ вашихъ враговъ, еслибъ зналъ, что принесу пользу, жертвуя собою для столь достойнаго государя, для такого великодушнаго и рѣдкаго друга. Вы великодушно предлагаете мнѣ вашу гарантію и ваши войска; будьте увѣрены, я вполнѣ чувствую всю цѣну столь благороднаго поступка. Если вамъ угодно дать мнѣ изъ своихъ войскъ тысячъ 14 съ тысячью козаковъ, то этого будетъ достаточно». Петръ отвѣчалъ: «Союзный договоръ будетъ готовъ чрезъ нѣсколько дней, и чтобъ задержка его не могла помѣшать вашему величеству противъ вашихъ враговъ, *которые также и мои*, я приказалъ генералу Чернышеву сдѣлать все возможное, чтобъ прибыть по крайней мѣрѣ въ началѣ іюня въ вашу армію съ 15,000 регулярнаго войска и тысячью козаковъ. Ему приказано состоять въ распоряженіи в. в. Чернышевъ лучшій генералъ послѣ Румянцева, котораго я не могу отозвать: онъ противъ Датчанъ. Но если бы Чернышевъ и ничего не смыслилъ, то онъ не можетъ худо дѣйствовать подъ командою такого великаго герала, какъ в. в.» [49] Такимъ образомъ въ Берлинѣ собирался конгрессъ съ цѣлію если не отвратить датскую войну, то по крайней мѣрѣ оттянуть ее до будущей весны и не имѣть надобности посылать прусскаго войска на помощь Петру; а между тѣмъ 16,000 русскаго войска уже соединились съ прусскимъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ Австріи!

Австрія употребила послѣднее средство, предложила деньги и вспомогательное войско противъ Даніи. Императоръ отвѣчалъ:

«Деньги мнѣ не нужны, я надѣюсь одинъ управиться съ своими врагами, а понадобится помощь, стану искать ее въ другомъ мѣстѣ, только не въ Вѣнѣ».

Австрія, находившаяся въ крайне затруднительномъ положеніи, считала необходимымъ умѣрять тонъ своихъ протестовъ противъ перемѣны русской политики; но Франція не считала этого необходимымъ.

Когда Чернышевъ подалъ герцогу Шуазелю декларацію о заключеніи мира между Россіею и Пруссіею, тотъ, съ трудомъ скрывая свое раздраженіе, отвѣчалъ: «Не могу скрыть, что эта декларація крайне насъ удивляетъ: какъ безъ всякаго предварительнаго сношенія съ союзниками, система, казавшаяся такъ твердо установленною, вдругъ и до основанія разрушена! Иначе поступилъ третьяго и прошлаго года король, мой государь, хотя также сильно чувствовалъ надобность дать миръ своимъ подданнымъ; во всѣхъ случаяхъ онъ предпочиталъ интересъ союзниковъ своему собственному. Вы должны отдать нашему двору полную справедливость, потому что черезъ васъ шли тогда переговоры.» — «Тогда были одни обстоятельства, а теперь другія», отвѣчалъ Чернышевъ, и распространился о томъ, какъ поступокъ Петра доказываетъ попеченіе его о благѣ своего народа и вообще его человѣколюбіе. — «Однако, возразилъ Шуазель, исполненіе принятыхъ обязательствъ надобно предпочитать всему другому.» — «Нашъ разговоръ, замѣтилъ Чернышевъ, начинаетъ касаться правъ, но такимъ образомъ мы можемъ далеко зайти, и все же другъ съ другомъ не согласимся». Этимъ разговоръ о русской деклараціи и кончился.

«Здѣшняго двора обстоятельства теперь очень критическія, доносилъ Чернышевъ. Сухопутное войско въ дурномъ состояніи и мало надежды на его успѣхи въ будущую кампанію, а флотъ еще хуже. Англичане хватаютъ множество французскихъ судовъ, другія не смѣютъ отходить отъ берега, въ слѣдствіе чего торговля страдаетъ. Въ казнѣ сильный недостатокъ, народъ обѣднѣлъ и съ крайнею нуждою взыскиваютъ съ него деньги, налагая налогъ на налогъ».

Отвѣтная декларація французскаго короля была написана въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: «Его величество готовъ согласиться на предложенія прочнаго и честнаго мира, но онъ всегда

будетъ поступать въ этомъ дѣлѣ съ совершеннаго согласія своихъ союзниковъ и будетъ принимать только такіе совѣты, которые будутъ продиктованы честію и честностію (par l'honneur et par la probité); король счелъ бы себя виновнымъ въ измѣнѣ, еслибъ принялъ участіе въ тайныхъ переговорахъ; король помрачилъ бы свою и своего государства славу, еслибы покинулъ своихъ союзниковъ; король увѣренъ, что каждый изъ нихъ съ своей стороны останется вѣренъ тѣмъ же принципамъ. Король не можетъ забыть главнаго закона, предписаннаго государямъ отъ Бога—вѣрности договорамъ и точности въ исполненіи обязательствъ». Людовикъ XV пересталъ говорить съ Чернышевымъ на выходахъ.

А въ Петербургѣ между тѣмъ занимались важнымъ дѣломъ: отъ иностранныхъ министровъ потребовали, чтобъ они сдѣлали первый визитъ принцу Георгію голштинскому. Бретейль, Мерси и министръ испанскій маркизъ Алмодовара отвѣчали, что сдѣлаютъ первый визитъ, если принцъ первый объявитъ имъ о своемъ пріѣздѣ. Принцъ не согласился, и канцлеръ, пригласивъ ихъ къ себѣ, именемъ императора объявилъ, что они не будутъ допущены на аудіенцію къ императору, пока не согласятся съ принцемъ Георгіемъ на счетъ визитовъ. Графъ Шуазель говорилъ Чернышеву, какъ странно и удивительно въ Петербургѣ смѣшиваютъ два разныя дѣла: одно совершенно частное и никакой важности въ себѣ не заключающее, согласятся ли извѣстныя лица между собою на счетъ визитовъ или нѣтъ; такіе случаи при всѣхъ дворахъ часто бываютъ; и ему самому Шуазелю случилось въ Вѣнѣ столкнуться на счетъ визитовъ съ принцемъ Карломъ лотарингскимъ, братомъ императорскимъ, не согласились, и до сихъ поръ визиты съ обѣихъ сторонъ не дѣлаются. Однако вѣнскій дворъ считалъ это дѣло постороннимъ для себя, а при русскомъ дворѣ приняло оно такое неожиданное и необыкновенное значеніе. Другое же дѣло, касающееся аудіенціи, государственное: необходимо, чтобъ министры допускались къ государямъ, при которыхъ они аккредитованы, ибо безъ этого они не могутъ исполнять свою должность и пребываніе ихъ при дворахъ было бы совершенно лишнее. «Прошу васъ, окончилъ Шуазель, донести объ этомъ ко двору его импер. величества, представить о различіи, какое находитъ въ этомъ

дѣлѣ здѣшній дворъ и о необходимости допустить нашего министра на аудіенцію безъ дальнѣйшаго отлагательства; странное смѣшеніе двухъ различныхъ дѣлъ можетъ объясниться развѣ тѣмъ, что нарочно ищутъ предлоговъ къ разрыву». На донесеніи объ этомъ Чернышева Воронцовъ написалъ для императора: «Вчера баронъ Бретель, будучи у меня, равномѣрныя представленія чинилъ, на что ему вопреки довольные резоны сказаны были, и сей непріятный разговоръ съ горячестію съ обѣихъ сторонъ продолжался около часа съ заключеніемъ тѣмъ, что о представленіи его вашему импер. величеству мною донесено будетъ, но что я не надѣюсь, чтобъ ваше величество отмѣнили объявленное ему свое намѣреніе, какъ бы впрочемъ охотны ни были королю французскому оказать знаки своей дружбы. Наконецъ г. Бретель просилъ только о сообщеніи ему послѣдней резолюціи вашего величества, отозвался притомъ, что ежели бы оная не полезна для него послѣдовала, онъ съ первымъ курьеромъ просить станетъ своего рапеля.»

Послѣ описаннаго разговора, Чернышевъ сообщилъ Шуазелю, что министры шведскій, датскій и англійскій имѣли уже аудіенціи у императора, потому что не сдѣлали никакого затрудненія относительно перваго визита принцу Георгію; но аудіенція барона Бретейля отложена, потому что онъ не хочетъ слѣдовать примѣру другихъ министровъ. Императоръ надѣется отъ дружбы французскаго двора, что онъ уступитъ его требованію, впрочемъ медленность въ допущеніи Бретейля на аудіенцію не можетъ быть вовсе причиною холодности между двумя дворами, а уступчивость французскаго двора въ дѣлѣ визита императоръ признаетъ за новый знакъ дружбы, которую онъ, съ своей стороны, имѣетъ неотмѣнное намѣреніе соблюдать и еще болѣе утверждать. «Послѣдніе два пункта, писалъ Чернышевъ, принялъ онъ, графъ Шуазель, пристойнымъ образомъ и съ оказаніемъ удовольствія, что я примѣтивъ, нарочно повторилъ ему то же самое, въ такомъ точно разсужденіи, что здѣшній дворъ, взявъ въ надлежащее уваженіе столь знатный для него пунктъ, легче склонится на рѣшеніе дѣла, касающагося до визиты его высочеству принцу Георгію, происшедшаго единственно отъ грубаго, упрямаго и малоразсудительнаго Бретелева нрава и загладитъ тѣмъ нескладный его въ томъ поступокъ».

Но французскій дворъ не склонился къ уступкѣ въ дѣлѣ визита. Отъ 27 мая Чернышевъ писалъ: «Здѣшній дворъ самъ довольно видитъ неблагоразуміе свое въ этомъ дѣлѣ; но, зайдя такъ далеко, изъ гордости и упрямства своего отступить стыдится; и такъ опредѣлено: Бретейля изъ Петербурга отозвать и назначить его посломъ къ шведскому двору». Шуазель объявилъ Чернышеву, что въ Петербургъ назначенъ будетъ повѣренный въ дѣлахъ или резидентъ, однимъ словомъ, министръ третьяго класса, который бы не былъ подверженъ никакому церемоніалу, въ слѣдствіе чего Чернышевъ объявилъ, что отъѣзжаетъ изъ Франціи, оставляя въ ней повѣреннымъ въ дѣлахъ секретаря посольства Хотинскаго [50].

Въ Петербургѣ думали, что перемѣна политики, тѣсное сближеніе съ Пруссіею и удаленіе отъ Австріи и Франціи сблизятъ Россію съ Англіею. Съ первыхъ минутъ воцаренія своего Петръ обратился съ полнымъ довѣріемъ къ англійскому посланнику Кейту, какъ человѣку, который долженъ былъ болѣе всѣхъ другихъ сочувствовать его новой политикѣ. Гольцъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, также обратился къ Кейту за совѣтами и указаніями, и Кейтъ оказалъ ему самыя дружественныя услуги. Но Кейтъ въ Петербургѣ и Митчель въ Берлинѣ держались старой англійской политики, политики Питта; а мы уже видѣли, что новое англійское министерство Бюта смотрѣло иначе на дѣло, и не желало тратиться, поддерживая прусскаго короля въ войнѣ, теперь совершенно безполезной для Англіи. Но какъ Петръ не справился о взглядахъ новаго англійскаго министерства, взглядахъ, которые такъ сильно поддерживалъ русскій посланникъ въ Лондонѣ, такъ точно Бютъ не зналъ, что съ новымъ императоромъ рушатся всѣ прежнія политическія отношенія.

По полученіи извѣстія о восшествіи на престолъ Петра, графъ Бютъ выразился кн. Голицыну, что теперь единственно состоитъ въ волѣ императора дать миръ Европѣ. «У насъ, говорилъ Бютъ, довольно чувствуютъ, что прусскій король при настоящихъ своихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ не можетъ ласкать себя надеждою получить миръ безъ значительныхъ уступокъ изъ своихъ владѣній; почти уже шесть недѣль тому назадъ какъ я, по указу королевскому, поручилъ нашему министру при берлинскомъ дворѣ Митчелю объявить прусскому министерству,

что давно уже пришло время серьезно о томъ подумать, и что здѣшній дворъ не можетъ вѣчно воевать въ угоду его прусскаго величества. По словамъ здѣшнихъ прусскихъ министровъ, король ихъ надѣется найти теперь больше къ себѣ расположенія при русскомъ дворѣ, но конечно надежда эта химерическая; прусскимъ министрамъ естественно, какъ утопающимъ, хвататься за все и ласкать себя малѣйшею надеждою; но я не могу думать, чтобъ императоръ промѣнялъ своихъ естественныхъ союзниковъ на короля прусскаго. Здѣшній дворъ, стараясь о мирѣ, не можетъ притомъ сильно желать, чтобъ русскія войска, дѣйствовавшія противъ Пруссіи, были возвращены, какъ быть можетъ прусскій король надѣется, ибо чрезъ это вмѣсто мира надобно ожидать продолженія войны: съ одною императрицею-королевою король прусскій можетъ долго воевать, чего здѣшній дворъ не желаетъ, а напротивъ старается—избавя короля прусскаго отъ конечной гибели, склонить его пожертвовать Маріи Терезіи своими областями, какъ требуетъ справедливость. Прошу васъ эти мои рѣчи содержать въ глубочайшей тайнѣ, ибо я съ вами говорилъ не какъ министръ королевскій, но какъ пріятель, вполнѣ на васъ полагающійся. Откровенность за откровенность, желалъ бы я отъ васъ узнать, какую часть изъ прусскихъ завоеваній государь вашъ хочетъ за собою удержать».

— «До сихъ поръ, отвѣчалъ Голицынъ, я не имѣю еще извѣстія о намѣреніяхъ государя, только изъ манифеста его могу заключить, что онъ хочетъ во всемъ подражать своимъ предкамъ, слѣдовательно хочетъ пребывать неразлучно съ своими естественными союзниками, именно съ вѣнскимъ дворомъ; потомъ, также по примѣру предковъ, сохранять и утверждать дружбу съ его британскимъ величествомъ. Мира мой государь искренно желаетъ, но мира честнаго, и, какъ вы, графъ, справедливо замѣтили, прусскій король не иначе можетъ получить миръ какъ жертвуя значительною частію своихъ областей, и невозможно ему ласкать себя надеждою, чтобъ императоръ, въ предосужденіе славы высочайшаго своего имени и пользы своей имперіи, промѣнялъ интересы своихъ главныхъ и полезныхъ союзниковъ на интересъ такого опаснаго сосѣда, какъ король прусскій, чтобъ вывелъ свои войска изъ прусскихъ областей и возвратилъ ихъ Фридриху II-му, который самъ почитаетъ ихъ

невозвратно потерянными: такой поступокъ не былъ бы согласенъ ни съ славою, ни съ честію, ни съ безопасностію императора, который намѣренъ начало своего царствованія прославить присоединеніемъ къ имперіи всего королевства Прусскаго по праву завоеванія, тѣмъ болѣе, что эта провинція никакой связи съ Германскою имперіею не имѣетъ; что же принадлежитъ до другихъ завоеваній, то они могутъ быть уступлены за какія-нибудь не столь тягостныя для короля прусскаго вознагражденія».

Описавъ этотъ разговоръ, Голицынъ прибавлялъ: «Графъ Бютъ, казалось, былъ очень доволенъ моими отвѣтами. Я долженъ донести, что здѣсь теперь крайне скучаютъ союзомъ съ королемъ прусскимъ и съ радостію воспользовались бы первымъ удобнымъ случаемъ оставить его; слѣдовательно теперь въ волѣ вашего величества не только исходатайствовать высокимъ союзникамъ справедливое удовлетвореніе, но и Пруссію (провинцію) удержать въ вѣчномъ владѣніи: англійскій дворъ охотно на это согласится». Канцлеръ Воронцовъ написалъ на реляціи: «Сія реляція князя Голицына заслуживаетъ великой похвалы и апробаціи, на которую въ отвѣтъ исторически ему отписать о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ и о высочайшемъ соизволеніи его императ. величества въ разсужденіи прежней системы и что съ королемъ прусскимъ, кромѣ дружеской обсылки, еще никакой негоціаціи здѣсь не начато, хотя повѣренная персона отъ его величества сюда и прислана». Реляція Голицына была отъ 26 января; императоръ читалъ ее 2 марта.

Голицынъ еще при Елисаветѣ получилъ указъ, что отзывается изъ Лондона на вице-канцлерское мѣсто. На мѣсто его былъ назначенъ извѣстный Гроссъ; но король Георгъ III велѣлъ объявить Голицыну, что онъ, по разнымъ причинамъ, не можетъ принять Гросса; тогда назначенъ былъ полномочнымъ министромъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

Передъ отъѣздомъ Голицына графъ Бютъ сообщилъ ему полученныя извѣстія изъ Магдебурга, гдѣ находился тогда Фридрихъ II, о посылкѣ Гольца въ Петербургъ. Бютъ выражалъ сильное неудовольствіе, что Фридрихъ не сообщилъ лондонскому двору инструкцій, данныхъ Гольцу. «Это значитъ, говорилъ Бютъ, что инструкціи не могутъ быть намъ пріятны; здѣсь догадываются, что, вопервыхъ, прусскій король будетъ всяче-

ски стараться поднять Россійскую имперію противъ вѣнскаго двора къ немалому предосужденію европейской вольности; во-вторыхъ, для полученія себѣ выгоднѣйшихъ отъ русскаго императора условій что-либо заключить съ русскимъ дворомъ противъ датскаго короля».

Бютъ давалъ знать Голицыну, чтобъ разговоръ ихъ оставался въ величайшей тайнѣ; но Петръ иначе распорядился реляціею Голицына: онъ показалъ ее Гольцу и не только позволилъ снять копію, но и прямо приказалъ переслать эту копію Фридриху. Получивши ее, Фридрихъ писалъ Петру: «Я былъ бы самый неблагодарный и недостойный изъ людей, еслибъ не чувствовалъ и вѣчно не благодарилъ бы васъ за великодушные поступки. Ваше импер. величество открываете измѣну моихъ союзниковъ, помогаете мнѣ въ то время, когда весь свѣтъ меня покинулъ и я единственно вашей особѣ обязанъ тѣмъ, что случается со мною счастливаго». Фридрихъ велѣлъ Финкенштейну показать голицынскую депешу англійскому посланнику въ Берлинѣ, Митчелю, и когда послѣдній увѣдомилъ объ этомъ свое правительство, то Бютъ отвѣчалъ, что русскій посланникъ или не понялъ его, или память ему измѣнила, или Голицынъ слишкомъ увлекся своею преданностію австрійскому дому; но что онъ, Бютъ ничего подобнаго ему не говорилъ.

Новый русскій министръ, назначенный въ Англію, графъ Александръ Воронцовъ получилъ отъ императора такую инструкцію: «1) Надлежитъ всѣми мѣрами стараться, чтобъ привесть короля англинскаго въ такія же добрыя намѣренія касательно короля прусскаго, въ каковыхъ онъ прежде сего находился. 2) Надлежитъ изыскивать случай, чтобъ открыть королю, а наипаче англійскому народу обманы фаворита его графа Бюта касательно короля прусскаго, представляя имъ послѣдуемый изъ того для всей націи неописанный стыдъ, и особливо въ томъ, если Англія вознамѣрится, оставляя короля прусскаго, заключить съ королевою венгерскою особенный миръ. 3) Стараться всевозможнымъ образомъ о истребленіи остальной королевской дружбы съ Даніею, и притомъ домогаться, чтобъ совершенно разрушить ихъ союзъ. 4) Всѣми жъ силами стараться, чтобъ Англію вовлечь въ заключенный между королемъ прусскимъ и мною союзъ, давая, съ одной стороны, разумѣть, сколь великую пользу ка-

сательно торговли получить они могутъ, а съ другой доказывая происходимое въ противномъ случаѣ бѣдствіе. 5) А особливо примѣтить имъ надлежитъ, что если Россія слѣдующіе товары отниметъ у Англіи, а именно: пеньку, мачтовыя деревья, мѣдь, желѣзо и конопляное масло, безъ которыхъ Англичане не могутъ обойтись, то будутъ они приведены въ конечное разореніе. 6) Наблюдать доброе согласіе съ министромъ короля прусскаго столь прилежно, что если услышите вы или отъ англійскаго министерства получите какія-либо его величеству предосудительныя піесы, то долженствуете его министру немедленно оныя сообщить, дабы могъ онъ о томъ къ своему двору доносить» [51].

Мы видѣли, что при первыхъ сношеніяхъ Россіи съ Пруссіею въ новое царствованіе, сношеніяхъ, отъ которыхъ находились въ зависимости всѣ политическія дѣла, уже былъ вопросъ о Швеціи.

Остерманъ изъ Стокгольма писалъ новому императору, что большая часть шведскихъ предпріятій много зависитъ отъ узнанія его воли. «Вся здѣшняя публика, доносилъ Остерманъ, почитаетъ неизбѣжною войну между Россіею и Даніею и толкуетъ о желаніи вашего величества заключить тройной союзъ между Россіею, Пруссіею и Швеціею». Послѣ толковъ Остерманъ сообщилъ сдѣланное ему министромъ иностранныхъ дѣлъ Экеблаттомъ заявленіе, что Швеція, будучи истощена войною, должна помышлять о честномъ соглашеніи съ королемъ прусскимъ.

Императоръ былъ очень радъ этому соглашенію, которое дѣйствительно и послѣдовало; но онъ не обратилъ вниманія на побужденіе къ соглашенію, выставленное Экеблаттомъ, именно истощеніе Швеціи, и потребовалъ, чтобъ Швеція приняла участіе въ войнѣ его съ Даніею.

4 іюля Остерманъ имѣлъ разговоръ съ Экеблаттомъ. Выслушавши предложеніе Остермана относительно совокупнаго дѣйствія Россіи и Швеціи противъ Даніи, шведскій министръ отвѣчалъ, что доложитъ объ этомъ королю, но потомъ объявилъ собственное мнѣніе не формальнымъ и не министеріальнымъ образомъ: онъ началъ рѣчь съ объявленія крѣпкой надежды короля, что императоръ, какъ по родству, такъ и по доброжелательству къ Швеціи, будетъ смотрѣть снисходительнымъ окомъ

на настоящее положеніе шведскаго двора. Тѣ же самыя причины, которыя побудили этотъ дворъ къ заключенію мира съ Пруссіею, побуждаютъ его не желать новой войны, и потому королю очень пріятно будетъ слышать о полюбовномъ соглашеніи Россіи съ Даніею; и какъ съ одной стороны уваженіе къ императору, такъ съ другой уваженіе къ прежде принятымъ Швеціею обязательствамъ по гарантіи (Шлезвига Даніи) заставляютъ искать такого средства, которое никого не могло бы раздражить. «Обнадеживаю васъ, закончилъ Экеблаттъ, что здѣшній дворъ не склонится ни на какія лестныя предложенія датскаго двора, противныя интересу императора».—«Когда дѣйствительно ваше желаніе, возразилъ Остерманъ, состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть полюбовное соглашеніе по нашему дѣлу съ Даніею, то мнѣ кажется, что пристойное внушеніе отъ вашего двора датскому и въ случаѣ, если внушеніе не подѣйствуетъ, подкрѣпленіе претензій императора на самомъ дѣлѣ, равно какъ вспоможеніе русскому флоту въ шведскихъ гаваняхъ и русскому войску въ Помераніи, послужитъ лучшимъ средствомъ къ достиженію вашей цѣли». Экеблаттъ отвѣчалъ, что по такому деликатному дѣлу онъ не можетъ дать никакого формальнаго отвѣта.

Но изъ его словъ уже легко было догадаться, въ какомъ смыслѣ будетъ королевскій отвѣтъ, который былъ переданъ Остерману 18 іюня: «Король не можетъ оказать императору большей довѣренности, какъ повторить съ прежнею откровенностію объ изнурительномъ состояніи своего государства, не дозволяющемъ принимать никакихъ мѣръ, которыя бы могли дать малѣйшій поводъ къ разрыву дружбы съ какою-либо державою. Въ такомъ разсужденіи королю очень пріятно было слышать достохвальную миролюбивую склонность императора къ добровольному соглашенію съ датскимъ дворомъ и сердечно онъ будетъ желать, чтобъ это дѣло совершилось, чему онъ, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать сколько возможно. Что же касается желаемаго императоромъ вспоможенія русскимъ войскамъ въ Помераніи за справедливую уплату и входа русскихъ кораблей въ шведскія гавани, то король не преминетъ сдѣлать все то, что обыкновенно называется officia humanitatis (обязанности человѣчества), если какой-нибудь изъ русскихъ кораблей по-

розпь принужденъ будетъ зайти въ шведскую гавань для полученія необходимой помощи; также и войску русскому за справедливую уплату показано будетъ всевозможное удовольствіе». Когда Экеблаттъ передалъ королевскій отвѣтъ Остерману, тотъ спросилъ: «можно надѣяться, что officia humanitatis не будутъ распространяться на Данію?»—«Трудно будетъ, отвѣчалъ Экеблаттъ, отказать въ нихъ датскому двору».

Остерманъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначили дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Миниха [52].

Также отозванъ былъ и Воейковъ изъ Варшавы съ назначеніемъ къ арміи, по собственному его всегдашнему желанію, какъ видно изъ письма его къ Воронцову; на мѣсто Воейкова былъ назначенъ бывшій уже въ Польшѣ и потомъ въ Вѣнѣ графъ Кейзерлингъ.

Король польскій и курфирстъ саксонскій, какъ слабѣйшій, долженъ былъ болѣе всѣхъ другихъ союзниковъ сокрушаться перемѣною русской политики. По всей Польшѣ распространились тревожные слухи, что страшная опасность будетъ грозить этой странѣ, если Пруссія соединится съ Россіею, ибо нѣтъ сомнѣнія, что между этими обѣими державами произойдетъ соглашеніе на счетъ Польши: она непремѣнно потеряетъ нѣсколько областей, которыя пойдутъ на вознагражденіе Россіи за возвращеніе Пруссіи Фридриху II-му. Графъ Брюль началъ хлопотать о примиреніи Чарторыйскихъ со дворомъ въ надеждѣ, что племянникъ Чарторыйскихъ, стольникъ литовскій Понятовскій можетъ дѣйствовать въ пользу польскаго двора чрезъ новую императрицу по ея благосклонности къ нему въ прежнее время въ Петербургѣ. Надежда эта очень скоро рушилась; но люди безъ надежды не живутъ, и въ мартѣ въ Варшавѣ стали надѣяться, что политика Петра, особенно отобраніе церковныхъ имѣній, произведетъ безпокойства въ Россіи [53].

Надеждою этою питались до тѣхъ поръ, пока она осуществилась, а между тѣмъ переживали тяжелое время. Между Россіею и Пруссіею безпримѣрный въ исторіи тѣсный союзъ. Отъ Фридриха II ждать добра нечего, а Петръ III, по привязанности своей къ Фридриху, давно уже враждебно относился къ саксонскому дому, и вражда эта усилилась, когда императрица Елисавета согласилась на возведеніе въ курляндскіе герцоги сына Августа

III, принца Карла саксонскаго, тогда какъ Петръ прочилъ на это мѣсто дядю своего, принца Георгія голштинскаго. Великій князь обошелся очень холодно съ принцемъ Карломъ, когда тотъ явился при дворѣ Елисаветы, и, узнавши чрезъ Шувалова, что императрица сердится на эту холодность, Петръ написалъ теткѣ, что онъ не можетъ лучше обходиться съ принцемъ, запятнавшимъ себя постыднымъ бѣгствомъ при Цорндорфѣ [54]. Разумѣется, одною изъ первыхъ мыслей Петра III-го, по восшествіи его на престолъ, была мысль о сверженіи принца Карла съ курляндскаго престола и о возведеніи на его мѣсто принца Георгія. Сдѣлать это было легко: Курляндія была Польша въ миніатюрѣ, подвергаясь вліянію перваго сильнаго, который считалъ нужнымъ заняться ею, а сильнѣе всѣхъ былъ императоръ русскій, въ слѣдствіе чего Курляндцы давно привыкли смотрѣть на своихъ герцоговъ, какъ на губернаторовъ, назначаемыхъ въ Петербургѣ. Опираться при этихъ назначеніяхъ на волю шляхетства, на его избраніе было легко, ибо постоянно существовали партіи, преданныя тому или другому изъ кандидатовъ; партію легко было употребить для почина дѣла, а равнодушное большинство готово было признавать герцогомъ всякаго, кого поддерживало русское войско, и кто обѣщалъ чины и аренды. Петръ не велѣлъ извѣщать о своемъ восшествіи на престолъ принца Карла, и тѣмъ заявилъ, что не признаетъ его законнымъ герцогомъ курляндскимъ. Русскій уполномоченный въ Митавѣ, Симолинъ, старавшійся при Елисаветѣ объ избраніи въ герцоги принца Карла, теперь получилъ приказаніе раздѣлать собственное дѣло и поддерживать партію, противную Карлу. Симолинъ схватился за главную причину неудовольствія противъ принца Карла въ протестантской Курляндіи, именно, что принцъ былъ католикъ. Курляндской депутаціи, пріѣхавшей въ Петербургъ поздравить Петра съ восшествіемъ на престолъ, было объявлено сожалѣніе императора, «сколь мало съ фундаментальными правами герцогства Курляндскаго сходственно имѣть имъ католическаго принца своимъ герцогомъ, умалчивая о другихъ нарушеніяхъ ихъ правостей». Сначала движеніе, направленное противъ принца Карла, шло во имя стараго Бирона, и только въ концѣ іюня Симолинъ выставилъ принца Георгія, которому Биронъ уступилъ свои права. Въ слѣдствіе этого образовались въ Курляндіи три партіи: принца Карла, Бирона и принца Георгія [55].

Перемѣна русской политики должна была отразиться и на отношеніяхъ къ Турціи.

Обрѣзковъ, не зная о рѣзкой перемѣнѣ политики своего двора, отъ 19 февраля доносилъ новому государю о дѣйствіяхъ прусскаго посланника въ Константинополѣ и доносилъ, по привычкѣ, въ очень нелестныхъ выраженіяхъ. Онъ писалъ о сугубомъ стараніи посланника склонить Порту, прежде весны прибавить къ дружественному и торговому трактату артикулъ союза; кромѣ «надмѣрныхъ посуловъ» посланникъ старался доказать сановникамъ Порты, какой вредъ получитъ Порта, если она не соединитъ своихъ интересовъ съ интересами короля прусскаго, при чемъ превозносилъ могущество и необыкновенныя воинскія способности своего короля; но потомъ, увидя, что эти восхваленія ни къ чему не служатъ и что взятіе Кольберга нельзя болѣе утаивать, перемѣнилъ, по выраженію Обрѣзкова, высокомѣрный языкъ даже до подлости, сталъ объявлять Портѣ, что безъ дѣйствительной и скорой ея помощи его государь непремѣнно будетъ стѣсненъ множествомъ непріятелей, въ слѣдствіе чего принужденъ будетъ предаться русскому двору, ожидающему его съ отверстыми объятіями, а это не можетъ быть Портѣ полезно. Увидавъ, что Порта и отъ этихъ представленій его не приходитъ въ жалость и страхъ, прусскій посланникъ сталъ домогаться, чтобъ по меньшей мѣрѣ Порта сдѣлала какое-нибудь движеніе, которое принудило бы петербургскій и вѣнскіе дворы выставить нѣсколько военныхъ силъ на южныхъ границахъ. Видя такія домогательства Порта рѣшила попытать русскаго, австрійскаго и французскаго пословъ на счетъ состоянія европейскихъ дѣлъ. Къ Обрѣзкову явился секретарь Рейсъ-еффенди, и послѣ разныхъ разговоровъ спросилъ, что онъ думаетъ о домогательствахъ прусскаго посланника и какое, по его мнѣнію, должно быть рѣшеніе Порты. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что эти домогательства нисколько не удивительны: прусскій король, обманувшись въ своихъ замыслахъ завоевать значительную часть Европы, угрожаемый совершеннымъ разореніемъ, ищетъ охотниковъ раздѣлить давящую его тяжесть, какъ обезьяна, видя разгорѣвшимися брошенные ею въ огонь каштаны, ищетъ кошкиной лапы, чтобъ ихъ вытащить; что же касается рѣшенія Порты, то его не трудно угадать, принимая въ соображеніе

мудрость великаго визиря, который не захочетъ лишить Турцію покоя и подвергнуть опасностямъ войны въ угодность королю прусскому, другу Порты со вчерашняго дня, тѣмъ болѣе, что религія запрещаетъ ей вмѣшиваться въ раздоры христіанскихъ державъ. Секретарь соглашался вполнѣ съ Обрѣзковымъ, что Порта никогда не заключитъ союза съ прусскимъ королемъ, но прибавилъ почти сквозь зубы: «одно развѣ Порта можетъ сдѣлать, предложить свои добрыя услуги для примиренія Россіи съ Пруссіею.» — «Это опять хитрости прусскаго посланника, отвѣчалъ Обрѣзковъ: онъ хочетъ другимъ путемъ достигнуть той же цѣли — охлажденія между Россіею и Портою, ибо держава, предлагающая свои добрыя услуги, обижается когда ихъ не принимаютъ, а Россія не можетъ принять добрыхъ услугъ Порты, не желая оскорбить другія державы, предлагающія подобныя услуги и самое посредничество.» Чтобъ еще болѣе убѣдить секретаря, Обрѣзковъ на прощаніи подарилъ ему золотые часы въ 72 рубля. Но въ Петербургѣ хотѣли совсѣмъ другаго.

28 апрѣля любимецъ императора Гудовичъ пріѣхалъ къ канцлеру съ устнымъ указомъ императора предписать Обрѣзкову внушить Портѣ, что если она разсудитъ теперь начать непріятельскія дѣйствія противъ австрійскаго дома, то императоръ въ эту войну отнюдь вмѣшиваться не будетъ. Этотъ указъ внушенъ былъ Петру прусскимъ посланникомъ Гольцомъ, который 11 мая пріѣхалъ къ канцлеру навѣдаться, отправленъ ли указъ къ Обрѣзкову, потому что онъ, Гольцъ, уже писалъ о немъ своему государю. Воронцовъ отвѣчалъ, что въ коллегіи готовится обыкновенная въ каждомъ мѣсяцѣ экспедиція и указъ пошлется при ней; но такъ какъ въ Петербургѣ совершенно извѣстно о миролюбіи Порты, которая дала сосѣднимъ державамъ точныя увѣренія въ дружбѣ, то исполненіе упомянутаго указа подвержено будетъ весьма предосудительной огласкѣ безъ малѣйшей пользы; и такъ не лучше ли бы было съ русской стороны внушенія Портѣ не дѣлать до тѣхъ поръ, какъ прусскій посланникъ Рексенъ успѣетъ побудить Порту къ войнѣ съ Австріею; пусть турецкое министерство само отзовется къ русскому резиденту о намѣреніи своемъ сдѣлать диверсію противъ Австріи въ пользу Пруссіи, и въ такомъ случаѣ русскій резидентъ объявитъ, что его государь въ предпринимаемой войнѣ

участія имѣть не будетъ. Притомъ же русскій дворъ имѣетъ съ вѣнскимъ особенный вѣчный трактатъ противъ Порты: оба двора обязались взаимно помогать другъ другу противъ Турокъ. Гольцъ согласился съ канцлеромъ, что прежде долженъ дѣлать представленія Рексенъ, русскій резидентъ долженъ его подкрѣплять, а не мѣшать, и просилъ Воронцова отправить указъ въ этомъ смыслѣ. Воронцовъ отвѣчалъ, что такъ какъ это дѣло великой важности и должно быть содержано въ высшемъ секретѣ, то надобно остерегаться, чтобъ себя не компрометировать. Гольцъ и съ этимъ согласился и обѣщалъ писать отъ себя къ Рексену. Это согласіе Гольца на представленія канцлера объясняется свидѣтельствомъ Волкова, что онъ съ другой стороны дѣйствовалъ въ пользу принятія предложенія Воронцова. Какъ видно канцлеръ и Волковъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ не безъ взаимнаго согласія. «Императоръ, говоритъ Волковъ, по домогательству принца Георгія и барона Гольца, приказалъ канцлеру отправить въ Константинополь къ Обрѣзкову указъ, и велѣть, чтобъ онъ старался поднять Турокъ противъ вѣнскаго двора, и объявилъ бы, что наши съ онымъ обязательства разорваны. Каково коротко было приказаніе, не много пространнѣе того сочиненъ былъ и указъ въ коллегію. Но коль скоро принесли ко мнѣ изъ коллегіи протоколъ для подписанія, я не только въ коллегію мнѣніе противъ того письменно послалъ, но осмѣлился и самому бывшему императору сдѣлать представленіе, и столько одержалъ, что не велѣно уже Обрѣзкову самому вызываться, но развѣ Турки спросятъ: будемъ ли мы вѣнскому двору помогать, то отвѣтствовалъ бы онъ собою, что послѣ столь тягостной войны конечно не поступимъ мы на новую.»

А между тѣмъ Обрѣзковъ отъ 20 мая писалъ императору: «принялъ я вольность вашему императ. величеству съ рабскимъ подтвержденіемъ всеподданнѣйше предложить о употребленіи старанія преклонить его величество короля прусскаго на отзывъ пребывающаго здѣсь посланника его Рексена и вовсе уничтожить основанное при Портѣ министерство его, которое дерзновеніе принять не что иное побудило меня какъ всеподданнѣйшая рабская моя ревность къ службѣ и искренняя усердность къ высочайшимъ вашимъ интересамъ, по предусматриванію, что отъ продолженія при Портѣ прусскаго министерства для оныхъ

вашихъ интересовъ впредь разныя неудобства быть могутъ, чему уже и неоспоримыя доказательства являться начинаютъ.» По донесенію Обрѣзкова, Фридрихъ II писалъ Портѣ, что по причинѣ медленности ея заключеніемъ съ нимъ союза, онъ былъ принужденъ помириться съ Россіею; несмотря на то однако онъ имѣетъ истинное, точное и непоколебимое намѣреніе сохранять дружбу съ Портою и во всемъ поступать по ея совѣтамъ.

Получивъ указъ объясниться съ Портою относительно диверсіи ея противъ Австріи, Обрѣзковъ писалъ, что Порта не только не готова къ такому предпріятію, но и едва ли о томъ серіозно когда-нибудь думала. При этомъ Обрѣзковъ увѣдомлялъ, что 20 мая у министровъ Порты было разсужденіе—заключать ли союзъ съ прусскимъ королемъ, и рѣшено: заключить союзъ, но постановить, что его дѣйствіе не простирается на настоящую войну, а только на будущее время; узнавъ же о тѣсномъ союзѣ Пруссіи съ Россіею и о посылкѣ съ русской стороны на помощь Фридриху II вспомогательнаго корпуса, Порта отложила заключеніе союза и на этомъ условіи, принявъ выжидательное положеніе [56].

Такъ произошла внезапная, рѣзкая, рѣшительная перемѣна въ политикѣ Россіи. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвела эта перемѣна въ различныхъ государствахъ Европы, смотря по тому, какъ она относилась къ ихъ интересамъ; теперь взглянемъ какое впечатлѣніе она произвела внутри Россіи.

Послѣ Петра Великаго, послѣ сокрушенія могущества Швеціи, русскіе люди привыкли считать себя безопасными со стороны Запада, гдѣ нечего было бояться ни отъ слабой Швеціи, ни отъ слабой Польши, гдѣ союзъ съ Австріею обезпечивалъ со стороны Турціи, гдѣ самымъ главнымъ врагомъ Россіи считалась отдаленная Франція, не могшая однако враждовать непосредственно, могшая вредить только интригами, подкупами: борьба съ Франціею ограничивалась борьбою дипломатическою. Но въ концѣ первой половины XVIII вѣка эта безопасность со стороны Запада исчезла: здѣсь вдругъ выдвинулась на первый планъ Пруссія, игравшая до тѣхъ поръ второстепенную роль; знаменитый король ея, искуснѣйшій полководецъ времени, не разбиралъ средствъ для усиленія своего государства захватомъ чужихъ

областей; Швеція, Польша, Турція вошли въ кругъ дѣятельности Фридриха II, и вездѣ интересы его необходимо сталкивались съ русскими. Россія приняла дѣятельное участіе въ союзѣ, составленномъ для сокращенія силъ прусскаго короля. Война высказала еще болѣе эти силы, высказала вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость со стороны союзниковъ не уставать въ преслѣдованіи своей цѣли, и Россія дѣйствовала неутомимо, несмотря на всѣ внутреннія и внѣшнія препятствія. Цѣль великихъ усилій и пожертвованій достигалась, Фридрихъ II доведенъ былъ до послѣдней крайности:—и въ эту самую минуту вдругъ все перемѣняется. Эта перемѣна не была торжествомъ извѣстной стороны, которая держалась совершенно противоположныхъ взглядовъ и теперь воспользовалась перемѣною царствующаго лица для проведенія этихъ взглядовъ; не было русскихъ людей, которые сочувствовали Фридриху II и не сознавали необходимости сдержать его въ непосредственныхъ интересахъ отечества. Русскіе люди безспорно тяготились продолжительною войною и желали мира, но мира честнаго, и этотъ честный миръ былъ уже въ рукахъ, дожидаться его было не долго; награда за всю кровь, за всѣ пожертвованія были готовы. Новый императоръ возбудилъ бы къ себѣ полное сочувствіе въ русскихъ людяхъ, еслибы явился вооруженнымъ посредникомъ въ умиреніи Европы, еслибы, признавая по примѣру англійскаго министерства, необходимость для Фридриха II удовлетворить требованіямъ противниковъ, въ то же самое время умѣрилъ бы эти требованія. Самъ Фридрихъ сознавалъ необходимость уступокъ съ своей стороны, что ясно видно изъ его инструкціи Гольцу; онъ готовъ былъ уступить Россіи Восточную Пруссію, заявляя желаніе получить вознагражденіе съ другой стороны (очень вѣроятно, что онъ имѣлъ въ виду западную, польскую Пруссію, которая дала бы ему возможность удержать титулъ прусскаго короля, и понятно опасеніе, возникшее между Поляками, что соглашеніе между Россіею и Пруссіею произойдетъ на счетъ Польши). Фридрихъ II хотѣлъ стать въ то же положеніе, въ какое при концѣ своего поприща становился Карлъ XII относительно Петра Великаго, уступая Россіи всѣ ея завоеванія съ тѣмъ, чтобъ Россія помогла ему получить *еквивалентъ* въ другомъ мѣстѣ. Но что имѣлъ право сдѣлать Петръ I, раздраженный непріязненными поступ-

ками своихъ союзниковъ, на то не имѣлъ права Петръ III относительно союзниковъ Россіи въ Семилѣтнюю войну. На одно имѣлъ онъ право—въ случаѣ сильныхъ препятствій къ мирному соглашенію отказаться отъ своей доли вознагражденія отъ Пруссіи, ибо хотя великодушіе въ политикѣ обыкновенно не приноситъ плодовъ, но было бы удовлетворено чувство народа, нуждавшагося въ честномъ мирѣ, а не въ лишнемъ клочкѣ не русской земли. Но сдѣланное Петромъ III глубоко оскорбляло русскихъ людей, потому что шло наперекоръ всеобщему убѣжденію, отзывалось насмѣшкою надъ кровью, пролитою въ борьбѣ, надъ тяжелыми пожертвованіями народа для дѣла народнаго, праваго и необходимаго; миръ, заключенный съ Пруссіею, никому не представлялся миромъ честнымъ; но, что всего было оскорбительнѣе, видѣли ясно, что русскіе интересы приносятся въ жертву интересамъ чуждымъ и враждебнымъ; всего оскорбительнѣе было то, что Россія подпадала подъ чужое вліяніе, чужое иго, чего не было и въ печальное время за двадцать лѣтъ тому назадъ, ибо и тогда люди, стоявшіе на верху, люди не русскаго происхожденія, Остерманъ, Минихъ, Биронъ были русскіе подданные и не позволяли посламъ чужихъ государей распоряжаться, какъ теперь распоряжался прусскій камергеръ Гольцъ. Прожили двадцать лѣтъ въ утѣшительномъ сознаніи народной силы, въ сознаніи самостоятельности и величія Россіи, имѣвшей могущественное, рѣшительное вліяніе на европейскія дѣла, а теперь до какого позора дожили! Иностранный посланникъ заправляетъ русскою политикою, чего не бывало со временъ татарскихъ баскаковъ, но и тогда было легче, ибо рабство невольное не такъ позорно какъ добровольное. И хотя бы такою страшно дорогою цѣною купленъ былъ миръ? Но одна война кончалась для того, чтобъ начать другую,—какую, зачѣмъ? затѣмъ, что русскій государь не могъ рѣшиться быть только русскимъ государемъ.

Къ чести тогдашнихъ русскихъ людей, стоявшихъ на верху, надобно сказать, что они не могли помириться съ новымъ положеніемъ дѣлъ, исключая очень немногихъ ничтожностей, какъ напр. голубицу Фридриха II, Андрея Гудовича. Затруднительнѣе другихъ было положеніе великаго канцлера графа Мих. Лар. Воронцова, потому что при перемѣнѣ внѣшней политики на него

были обращены глаза всѣхъ, его требовали къ отвѣту, зачѣмъ не противодѣйствуетъ своими совѣтами, представленіями, зачѣмъ соглашается, подписываетъ свое имя подъ актами, возбуждающими всеобщее негодованіе? Воронцовъ все это чувствовалъ, ему слышались эти страшные вопросы; но, вопервыхъ, у него недоставало твердости характера и выдающихся способностей для борьбы; затрудняло его и разстройство денежныхъ дѣлъ, наконецъ болѣзненное состояніе, невозможность постоянно слѣдить за дѣлами, противодѣйствовать чуждымъ вліяніямъ. Несмотря на то, Воронцовъ боролся сколько могъ. Въ запискѣ объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ, поданной императору 23-го января, Воронцовъ говорилъ: «россійскій императорскій дворъ принялъ въ войнѣ противъ короля прусскаго участіе по двумъ причинамъ: первая состояло въ томъ, чтобъ умножившуюся чрезъ мѣру силу сего государя, которая всѣмъ сосѣднимъ дворамъ становилась страшною, возвратить для будущей безопасности въ умѣренные предѣлы и отворить себѣ въ европейскія, а особливо имперскія дѣла путь, и ближайшую инфлюенцію, которыя по натуральному своему интересу старался король прусскій затруднять явнымъ образомъ; наипаче же не допустить его до новыхъ завоеваній, слѣдственно, при уменьшеніи силъ сосѣдовъ его, и до вящаго приращенія; а другая (причина) происходила отъ принятыхъ съ вѣнскимъ дворомъ общихъ обязательствъ». Въ заключеніе записки, упомянувъ, что едвали аугсбургскій конгрессъ можетъ теперь повести къ миру, Воронцовъ продолжаетъ: «Вашему импер. величеству предоставлено отъ Всевышняго Провидѣнія слава совершить къ общему благополучію сіе великое дѣло. Россія чувствуетъ тягость войны, но меньше другихъ: не претерпѣла она во внутреннихъ своихъ провинціяхъ опустошенія и не знаетъ, каковы бываютъ слѣды непріятельскаго нашествія. Отъ высочайшей вашего импер. величества воли зависитъ употребить къ поспѣшествованію мира тѣ способы, кои вы сами избрать изволите; но должности моей дѣло представить, что нужно весьма объявить союзнымъ дворамъ о правилахъ, по какимъ ваше величество впредь систему имперіи вашей учредить намѣрены. Многажды оказывали они всѣ, что искренне желаютъ мира, да нельзя имъ онаго не желать, когда послѣдніе истощаются способы къ продолженію

войны, но желаютъ прочнаго и удовлетворительнаго. Не меньше надобенъ миръ Англіи и королю прусскому. Первая изнурила себя, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, жертвованіемъ ужасныхъ суммъ, отъ которыхъ народный кредитъ, все богатство ея составляющій, однимъ ударомъ невозвратно потрястись можетъ; а король прусскій видитъ большую часть земель своихъ разоренными почти въ конецъ. Трудность состоитъ въ томъ, какъ согласовать множество толь разнствующихъ интересовъ; но нужда заставитъ каждаго уменьшать свои требованія и довольствоваться чѣмъ ни есть малымъ вмѣсто того, чтобъ, гонясь за мечтами, доводить себя до крайности и совершеннаго изнеможенія».

Представленія канцлера не могли быть приняты: въ нихъ указывалось на необходимость для Россіи принять участіе въ Семилѣтней войнѣ для сдержанія прусскаго короля; въ нихъ совѣтовалось принять вооруженное посредничество и склонить всѣхъ умѣрить свои требованія, тогда какъ было рѣшено заставить всѣхъ отказаться отъ своихъ требованій и удовлетворить требованіямъ одного короля прусскаго. Для достиженія этой цѣли мѣшала противная елисаветинская конференція, начавшая и поддерживавшая съ такимъ постоянствомъ борьбу противъ Фридриха II-го; ея члены и теперь не откажутся отъ своихъ мнѣній. 29-го января объявленъ указъ о небытіи конференціи и о принятіи изъ нея дѣлъ частію въ Сенатъ, частію въ иностранную Коллегію. Воронцовъ счелъ своею обязанностію представить о рановременности этой мѣры, облекая это представленіе въ самыя льстивыя формы: «Достойно и праведно превозносить съ благоговѣніемъ монаршее в. и. в. намѣреніе, прямо великаго самодержца достойное, чтобъ всѣ дѣла управлять собственнымъ вашимъ трудомъ и руководствовать вашимъ просвѣщеніемъ. Въ семъ разсужденіи не настоитъ дѣйствительно никакой надобности продолжать конференцію или учредить другой совѣтъ, и я крайне удаленъ что-либо такое вашему величеству представлять, что бы противно было монаршему намѣренію всѣ дѣла своимъ трудомъ управлять. Но, почитая главною и существительною всеподданнѣйшею должностью содѣйствовать сему великодушному о пользѣ и славѣ имперіи вашей попеченію, обязаннымъ себя нахожу всеподданнѣйше представить: 1) что генеральныя дѣла

Европы въ такую теперь кризу пришли, что систему или совсѣмъ новую принять, или же во многомъ перемѣнить надобно будетъ. Сію новую систему составить, ни одной пользы не пропустить, а все то предусмотрѣть, что слѣдствіи вреднаго произвести могутъ и всѣ распоряженія согласно тому учредить, не можетъ ни Сенатъ, ни иностранная Коллегія. Пачеже 2) когда пойдутъ дѣла на перепискахъ между Сенатомъ и Коллегіями, то секретъ подверженъ во многихъ рукахъ великой опасности, а дѣла промедленію, а притомъ и то легко случиться можетъ, что между разными мѣстами произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, отъ того несогласія, а отъ несогласія разногласные в. и. в-ству доклады». Изъ этого канцлеръ выводилъ необходимость или продолжить конференцію или учредить какой-нибудь тому подобный совѣтъ съ прежними или другими членами. Воронцовъ рѣшился даже защитить старую конференцію: «Я почти напередъ увѣрить смѣю, что чрезъ краткое время конференція прилежными трудами и ревнительнымъ исполненіемъ монаршей вашей воли, удостоится высочайшей апробаціи и довѣренности, какъ я и теперь предъ в. и. в. по чести и съ чистою совѣстію справедливо засвидѣтельствовать могу, что управленіе ея по сію пору дѣлами было всегда руководствовано истиннымъ и усерднымъ о пользѣ государственной попеченіемъ и патріотическою къ в. в. вѣрностію, да и не сдѣлано опять здѣшнему двору ни отъ кого нареканія, но паче служило къ пріобрѣтенію оному у всѣхъ дворовъ почтенія». [57] Это патріотическое заявленіе о патріотической вѣрности конференціи уничтожало дѣйствіе ѳиміама, воскуреннаго вначалѣ доклада; конференція не была возстановлена, и совѣтъ съ самымъ неопредѣленнымъ характеромъ былъ учрежденъ только 20-го мая, а между тѣмъ новая система установлялась подъ руководствомъ прусскаго министра Гольца.

Уже было упомянуто, что разстройство въ денежныхъ дѣлахъ увеличивало печальное положеніе канцлера. Въ мартѣ онъ былъ принужденъ подать императору просьбу: «Я теперь болѣе 200,000 рублей долгу на себѣ имѣю и не остается мнѣ другаго способа, какъ всенижайше просить в. и. в., дабы изъ великодушія и особливой ко мнѣ милости высочайше повелѣть изволили домъ мой со всѣми уборами въ казну взять, съ заплатою изъ монетной

канцеляріи или мѣднаго банка 250,000 рублей (которые по истинной цѣнѣ новой монеты сочиняютъ только 62,500 рублевъ); а ежели неугодно будетъ домъ мой за оную цѣну взять, то повелѣть изъ мѣднаго банка безъ процентовъ выдать мнѣ взаймы 300,000 рублевъ. Довольно понимаю я, всемилостивѣйшій государь, что въ настоящихъ обстоятельствахъ казна в. в. великіе расходы имѣть должна; но когда нынѣ, при счастливомъ вашемъ царствованіи Всемогущій Богъ Европѣ драгоцѣнный миръ ниспосылаетъ, слѣд. и всѣ чрезвычайныя въ государствѣ издержки прекратятся, а по возвращеніи арміи и расточенные многіе милліоны въ Россію возвратиться имѣютъ, то и полагаюсь я съ совершенною надеждою на сродное в. и. в. милосердіе, что сіе мое всеподданнѣйшее прошеніе милостиво услышать соизволите».

Затруднительныя денежныя обстоятельства заставляли Воронцова держаться своего мѣста, хотя онъ чувствовалъ, что со степени канцлера низошелъ на степень правителя канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, заготовляющаго бумаги по требованіямъ объявленнымъ ему Гольцомъ или принцемъ Георгіемъ Голштинскимъ. Воронцовъ видѣлъ себя принужденнымъ подчиниться требованію Петра, чтобъ не смѣлъ поперечить ему въ прусскихъ дѣлахъ. Но иногда горечь положенія становилась нестерпимою, и въ одну изъ такихъ минутъ Воронцовъ писалъ Петру: «Несчастное состояніе чрезъ продолженіе долговременной моей болѣзни и слабости лишаетъ меня удовольствія видѣть часто дражайшія очи в. и. в. и получать монаршія ваши повелѣнія, равно какъ и по званію чина и должности моей имѣть счастіе по дѣламъ докладывать в. в—ству. Сіе несчастное для меня состояніе мнѣ крайнюю печаль приноситъ, что я какъ по вѣрности и усердной моей ревности, такъ паче по преданности моей къ собственной персонѣ в. в—ства и къ службѣ вашей, не могу надлежаще, какъ я желаю, должность мою исполнить и принужденъ чрезъ пересылку и чрезъ третьи руки в. в—ству доклады чинить, подвергаясь тѣмъ нѣкоторому непріятному истолкованію и гнѣву, какъ и въ самомъ дѣлѣ случилось, якобы в. и. в—ству чрезъ господина Волкова донесено, что я предпріятія ваши противъ Даніи химерическими поставлялъ, когда я говорилъ, что рановременнымъ походомъ нашей арміи безъ заготовленія довольныхъ магазейновъ въ пути въ Германіи и безъ готовыхъ въ на-

личности великихъ суммъ денегъ, безъ подкрѣпленія сильнаго флота и безъ помощи короля прусскаго или какой-либо другой державы сей походъ былъ бы совсѣмъ безплоденъ и къ невозвратному убытку и безславію послѣдовалъ, что и нынѣ по совѣсти и вѣрности моей къ в. в—ству иного сказать не могу. В. и. в. повелѣли мнѣ поступать согласно съ мнѣніемъ вашимъ въ разсужденіи склонности вашей къ его в—ству королю прусскому. Мое наиглавнѣйшее правило было и нынѣ есть да и впредь будетъ исполнять во всемъ волю моихъ самодержцевъ, въ чемъ я и ни малѣйше не преступаю. В. и. в. соизволите быть совершенно увѣрены, что я ни къ какой державѣ ни малѣйшей предилекціи не имѣлъ и нынѣ не имѣю; а что касается до мирнаго трактата съ е. в. королемъ прусскимъ, я до нынѣ о содержаніи его никакого сообщенія и свѣдѣнія не имѣю и не знаю ни воли, ни намѣренія вашего, на какихъ кондиціяхъ оный постановленъ и заключенъ быть имѣетъ. Впрочемъ я съ крайнею горестію слышалъ отзывъ вашъ, якобы я къ Франціи преданъ былъ. Сіе мнѣ смертельную печаль наноситъ; ежели в. в. о вѣрности моей къ вамъ и отечеству сумнѣнія имѣть изволите, я конечно недостоинъ ни единаго часа въ званіи чина моего остаться: сего ради, припадая къ стопамъ вашимъ, всенижайше прошу отъ сего напраснаго нареканія и горестной печали меня освободить, и буде, по несчастію и паче чаянія моего, какое-либо сомнѣніе, ненадежность или неугодность въ продолженіи моей службы в. в. имѣть изволите, то всенижайше прошу пожаловать меня милостиво уволить и дать мнѣ свободу остальное время страждущей моей жизни въ тишинѣ и покоѣ препроводить, не лишая меня, но паче обнадежа монаршею в. в. протекціею, которую я при сохраненіи репутаціи моей внутри и внѣ отечества почту себѣ за верхъ благополучія моего, предпочитая всякому видимому награжденію и многимъ сокровищамъ. Я не могу и не умѣю лицѣмирить и льстить, а хочу и стараюсь в. в—ству служить съ честію и славою, равно какъ съ доброю вѣрою и правдою, и въ сихъ сентиментахъ до конца жизни моей пребуду, и ежели иногда завидующіе мнѣ и недоброжелательные какія-либо внушенія противъ меня в. в—ству учинили, всенижайше прошу для оправданія моего мнѣ немедленно дать знать. Что же касается до даннаго мнѣ вчера пове-

ѣнія говорить англійскому министру Кейту о присылкѣ нынѣшнимъ лѣтомъ въ диспозицію вашу англинскаго флота, я при первомъ свиданіи съ г. Кейтомъ говорить буду; токмо в. в. съ Англинскимъ дворомъ союзнаго трактата не имѣете, и что Англія, будучи нынѣ въ двойной войнѣ противъ Франціи и Гишпаніи, не въ состояніи, да и безъ взаимныхъ себѣ отъ васъ авантажей не похочетъ прислать нѣкоторое число кораблей, къ тому же, сколько мнѣ извѣстно, Англія уже декларовала, что въ имѣющихся распряхъ между в. и. в—ствомъ и королемъ датскимъ участія принимать не будетъ, то сіе требованіе можетъ подвержено быть непріятному отказу, а о семъ дѣлѣ испрашиваю я дальнѣйшаго повелѣнія» [58].

Подлѣ великаго канцлера видимъ и вице-канцлера, князя Александра Мих. Голицына, перемѣщеннаго въ послѣднее время елисаветинскаго царствованія изъ Лондона; но если и канцлеръ не зналъ о важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики, то тѣмъ менѣе зналъ объ нихъ вице-канцлеръ. Въ послѣднее время Елисаветинскаго царствованія канцлеру помогалъ Ив. Ив. Шуваловъ, котораго мы видимъ и участвующимъ въ конференціяхъ съ иностранными послами. Но при Петрѣ III Шуваловъ долженъ былъ потерять всякое вліяніе по противоположности тѣхъ началъ въ политикѣ, которыя онъ проводилъ *въ свое время*, съ началами, господствовавшими теперь. Ему предоставлена была скромная въ то время дѣятельность въ завѣдываніи учебными заведеніями; и тутъ онъ долженъ былъ обращаться къ Волкову за совѣтомъ, какъ ему лучше сдѣлать императору необходимыя по устройству ввѣренныхъ ему учрежденій представленія, причемъ долженъ былъ выставлять важное значеніе этихъ учрежденій: «Вы лучше меня знаете, писалъ онъ Волкову, что счастіе государства состоитъ въ томъ, когда всѣ части, его образующія, направляются стройно и опредѣленно. Я поручаю вашей благосклонности двѣ изъ таковыхъ частей, которыя въ образованный вѣкъ составляютъ славу и честь народовъ, именно науки и искусства. Въ моемъ завѣдываніи находится университетъ и академія (художествъ), и мнѣ нужны правила, мнѣ нужны инструкціи [59].»

Ив. Ив. Шуваловъ призналъ необходимымъ для себя, для своей славы быть безкорыстнымъ и не искать почестей; въ одномъ

изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что отказался отъ званія вице-канцлера и отъ земель, которыя предлагалъ ему Петръ III, приводитъ въ свидѣтели Гудовича, какъ онъ, Шуваловъ, на колѣняхъ умолялъ императора избавить его отъ всѣхъ знаковъ милости [60]. Но онъ не могъ быть доволенъ, потерявши всякое вліяніе, на которое считалъ себя въ правѣ по своимъ нравственнымъ средствамъ; онъ не могъ быть доволенъ, когда система, которой онъ такъ ревностно служилъ, была ниспровергнута, когда все пошло такимъ образомъ, что бѣда грозила Россіи внутри и униженіе извнѣ. Шуваловъ высказалъ свое неудовольствіе; тогда съ нимъ перестали обращаться съ прежнею благосклонностію, и Шуваловъ счелъ нужнымъ держать себя въ отдаленіи отъ двора и отъ особы императора. Прусаки, Гольцъ и Шверинъ произвели Шувалова въ главы заговора. «Первый и самый опасный человѣкъ здѣсь, писалъ Шверинъ Фридриху II, это Ив. Ив. Шуваловъ, фаворитъ покойной императрицы. Этотъ человѣкъ, живущій интригами, хотя внутренно и ненавидимъ императоромъ, однако такъ хорошо умѣлъ уладить свои дѣла посредствомъ друга своего генерала Мельгунова, любимца императора, что государь поручилъ ему кадетскій корпусъ и главный надзоръ за дворцомъ, должности, которыя дѣлаютъ пребываніе его въ столицѣ необходимымъ, тогда какъ это самый вредный и опасный человѣкъ! Этотъ господинъ не умѣетъ притворяться и скрывать недостойные и позорные замыслы, питаемые имъ въ сердцѣ. Бѣшенство и негодованіе написаны на его лицѣ, и я готовъ прозакладывать что угодно, что у негодяя страшные планы въ головѣ. Второй изъ этихъ вредныхъ людей есть генералъ Мельгуновъ; онъ пожалуй былъ бы еще опаснѣе перваго, еслибы былъ также уменъ. Императоръ совершенно ему довѣрился; а между тѣмъ этотъ человѣкъ, вмѣстѣ съ господиномъ Иваномъ Ивановичемъ и еще однимъ Волковымъ, самые главные его враги и ждутъ только перваго удобнаго случая, чтобъ лишить его престола. Я пространно говорилъ объ этомъ съ императоромъ, и даже назвалъ имена опасныхъ лицъ; но его величество отвѣчалъ, что знаетъ о неблагонамѣренности этихъ людей, но онъ далъ имъ столько занятій, что у нихъ нѣтъ досуга думать о заговорахъ и потому онъ безопасенъ съ этой стороны. Очень прискорбно, что этотъ государь такъ побла-

жаетъ этимъ господамъ, которые живутъ одною мыслію, какъ бы его погубить, а чрезъ удаленіе этихъ негодяевъ онъ могъ бы сидѣть на престолѣ совершенно покойно. Но какъ нарочно онъ готовъ дать имъ самый благопріятный случай, которымъ они конечно какъ можно скорѣе воспользуются: императоръ рѣшился принять лично начальство надъ войскомъ, назначеннымъ противъ Датчанъ.»

И такъ Ив. Ив. Шуваловъ глава заговора, по увѣренію Гольца и Шверина, онъ ждетъ только удаленія Петра изъ Россіи, чтобъ свергнуть его: ясно, что если Петръ непремѣнно хочетъ уѣхать, то нельзя оставлять безъ него Шувалова въ Петербургѣ. Петръ самъ говоритъ Шувалову: «Прусскій король мнѣ пишетъ, что ни одинъ изъ подозрительныхъ мнѣ людей, не долженъ оставаться въ Петербургѣ въ мое отсутствіе.» Шуваловъ могъ подумать, что это къ нему вовсе не относится; но въ слѣдъ за тѣмъ Петръ чрезъ Мельгунова велѣлъ сказать Шувалову, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ армію въ качествѣ волонтера [61].

Ив. Ив. Шуваловъ не могъ быть главою заговора, потому что не былъ способенъ къ этому по своей природѣ; но важно то, что Гольцъ и Шверинъ говорятъ о его сильномъ неудовольствіи, котораго онъ не могъ скрыть, говорятъ о бѣшенствѣ и негодованіи, написанномъ на его лицѣ. Но еще важнѣе то, что Гольцъ и Шверинъ считаютъ заговорщиками и Мельгунова съ Волковымъ и этимъ вполнѣ подтверждаютъ показанія Волкова относительно ненависти къ нему Прусаковъ и принца Георгія: «Принцъ Георгій, говоритъ Волковъ, озлобился на меня столькожь, какъ Гольцъ, буде не больше, будучи наущаемъ и съ другой стороны Хорватами и Глѣбовыми, и до того дошелъ, что 9-го іюня, будучи пьянъ, слѣдовательно, откровененъ и искрененъ, обвинилъ меня ненавистію къ Нѣмцамъ, угрaживая доказать мнѣ, какъ дважды два четыре, что я тотъ человѣкъ, который составилъ проектъ выгнать изъ Россіи всѣхъ Нѣмцевъ, и сему странному происшествію, а моей на весь день горести, былъ весь дворъ свидѣтель».

Прусаки ничего не говорятъ о Глѣбовѣ, вѣроятно потому, что онъ не имѣлъ вліянія на иностранныя дѣла. Два главные дѣльца Волковъ и Глѣбовъ были въ ссорѣ и старались вредить другъ другу. Смотря потому, что Глѣбовъ, при перемѣнѣ пра-

вительства, остался въ прежнемъ значеніи, нельзя думать, чтобъ его считали очень довольнымъ при Петрѣ; да и трудно было кому-нибудь быть довольнымъ при анархіи, когда не было никакой силы, на которую можно было бы опереться, когда, захвативши удобную минуту, можно было провести какое-нибудь дѣло, но это дѣло раздѣлывалось другимъ въ слѣдующую минуту. Такимъ образомъ люди, которые на первыхъ порахъ, желали и могли поддерживать правительство Петра III, дѣлать его популярнымъ, очень скоро увидали, что ничего сдѣлать не въ состояніи, и съ отчаяніемъ смотрѣли на будущее отечества, находившееся въ рукахъ иностранцевъ бездарныхъ и министровъ чужого государя, наканунѣ бывшаго заклятымъ врагомъ Россіи.

Къ неудовольствію отдѣльныхъ лицъ присоединялось неудовольствіе могущественныхъ сословій—духовенства, войска. Рѣзкое, крутое рѣшеніе вопроса о церковныхъ имуществахъ возбудило сильное негодованіе духовенства. Гольцъ доносилъ своему государю 25-го мая: «Духовенство подало императору представленіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, гдѣ жалуется на насилія и странные поступки съ собою въ слѣдствіе указа объ отобраніи церковныхъ имуществъ; такихъ поступковъ духовенство не могло ожидать и отъ варварскаго правительства, а теперь принуждено терпѣть ихъ отъ правительства православнаго, и это тѣмъ горестнѣе, что духовные люди терпятъ насиліе потому только, что они суть служители Божіи. Эта бумага, подписанная архіепископами и многими изъ духовенства, составлена въ чрезвычайно сильномъ тонѣ: это не просьба, а скорѣе протестъ противъ государя. Донесенія, полученныя вчера и третьяго дня отъ воеводъ отдаленныхъ областей, говорятъ о стараніи духовенства подустить народъ противъ монарха. Въ донесеніяхъ говорится, что духъ мятежа и неудовольствія сталъ до того всеобщимъ, что они, воеводы, не знаютъ, какія мѣры предпринять, а потому требуютъ настановленій отъ правительства». Мы знаемъ, что крестьянскія возстанія были сильныя и не въ однихъ отдаленныхъ областяхъ, но знаемъ также, что причины ихъ были другія, и потому можемъ не принимать второй половины Гольцова извѣстія; но первую не принять трудно. Когда Петръ былъ великимъ княземъ, то выражалъ свое нерасположеніе къ русскому духовенству ребяческимъ образомъ, высовываніемъ языка

священникамъ и дьяконамъ во время богослуженія [62]. Но теперь дѣло пошло серіознѣе. 26-го марта былъ данъ императоромъ такой указъ Синоду: «Уже съ давняго времени къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну примѣчено, что приходящіе въ Синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ Синодѣ или не исполняется существительная онаго должность или же и того хуже дѣлается одна только потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ Синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ. Приложенныя при семъ челобитныя черниговской епархіи священника Бордяковскаго и діакона Шаршановскаго суть новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ, ибо несмотря на данные Синоду еще съ 1754 года именные указы о рѣшеніи ихъ дѣла неисполнены потому и донынѣ, а только отсылаются они на разсмотрѣніе въ ту же епархію. Мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ Синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить и не только по симъ двумъ челобитнымъ немедленное рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшить, нашимъ императорскимъ словомъ чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины накажется какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ Синодѣ къ настольнымъ указамъ присовокупить [63].» Для наблюденія, чтобъ не было неправильностей въ ходѣ дѣлъ, въ Синодѣ былъ оберъ-прокуроръ: оберъ-прокурору нужно было сдѣлать строгое внушеніе, смѣнить его, если онъ не исполнялъ своихъ обязанностей, или поддерживать его въ борьбѣ съ членами коллегіи, когда онъ ратовалъ противъ «нарушенія истины,» въ оскорбительныхъ же указахъ не было никакой нужды.

Черное духовенство было раздражено внезапнымъ отнятіемъ

монастырскихъ вотчинъ; бѣлое—повелѣніемъ брать въ военную службу священническихъ и дьяконскихъ сыновей; а тутъ раздраженнымъ дается средство передавать свое раздраженіе и другимъ. Упомянувъ о нѣкоторыхъ постановленіяхъ новаго царствованія, возбудившихъ удовольствіе, русскій современникъ говоритъ: «Но послѣдовавшія за тѣмъ другія распоряженія императора возбудили сильный ропотъ и негодованіе въ подданныхъ, и болѣе всего то, что онъ вознамѣрился было перемѣнить совершенно религію нашу, къ которой оказывалъ особенное презрѣніе. Онъ призвалъ первенствующаго архіерея (новгородскаго) Димитрія Сѣченова и приказалъ ему, чтобъ въ церквахъ оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, а другихъ бы не было, также, чтобъ священники обрили бороды и носили платье какъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, какъ изумился этому приказанію архіепископъ Димитрій. Этотъ благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такого неожиданнаго повелѣнія и усматривалъ ясно, что государь имѣлъ намѣреніе перемѣнить православіе на лютеранство. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знатнѣйшему духовенству, и хотя дѣло на этомъ до времени остановилось, однако произвело во всемъ духовенствѣ сильное неудовольствіе, содѣйствовавшее потомъ очень много перевороту [64].» Домовыя церкви были запечатаны. Писатель иностранный, сочувствующій Петру, выставляетъ все неблагоразуміе распоряженія относительно выноса иконъ изъ церкви, прибавляя, что Димитрій Сѣченовъ за протестъ противъ этой мѣры былъ удаленъ, но скоро опять возвращенъ изъ страха предъ народнымъ неудовольствіемъ [65].

Къ неудовольствію духовенства присоединялось неудовольствіе войска. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго царствованія было распущеніе елисаветинской лейбъ компаніи. Уничтоженіе этой «гвардіи въ гвардіи» разумѣется могло возбудить только удовольствіе, еслибы на мѣстѣ старой русской лейбъ-компаніи не увидали тотчасъ же новой, только иностраннаго происхожденія, голштинской гвардіи, пользовавшейся явнымъ предпочтеніемъ императора, что и возбуждало сильнѣйшее неудовольствіе въ русской гвардіи. Первенствующее значеніе въ войскѣ получилъ иностранный принцъ, Георгъ голштинскій, не имѣвшій ника-

кихъ заслугъ и постаравшійся тотчасъ же своимъ характеромъ и поступками возбудить противъ себя ненависть. Самъ Гольцъ долженъ былъ потомъ сознаться предъ Фридрихомъ II, что принцъ Георгій много содѣйствовалъ возбужденію сильной ненависти противъ Нѣмцевъ и ускорилъ паденіе своего государя [66]. Опять, какъ во времена Бирона, стали говорить, что гвардіи придетъ скоро конецъ, что ее распредѣлятъ по армейскимъ полкамъ; Петръ, будучи еще великимъ княземъ, часто говаривалъ, что гвардейцы, живя въ своихъ казармахъ съ семействами, точно держатъ резиденцію въ осадѣ и будутъ опасны правительству; Петръ называлъ гвардейцевъ янычарами [67]. При такихъ основныхъ причинахъ неудовольствія все неправилось, все возбуждало ропотъ, роптали на перемѣну формы, на частое и долгое ученье по новому, прусскому образцу. Русскій современникъ очевидецъ такъ говоритъ о неудовольствіи въ войскѣ и его причинахъ: «Негодованіе во многихъ произвелъ и число недовольныхъ собою увеличилъ онъ Петръ и тѣмъ, что съ самаго того часа, какъ скончалась императрица, не сталъ уже онъ болѣе скрывать той непомѣрной приверженности и любви, какую имѣлъ всегда къ королю прусскому. Онъ носилъ портретъ его на себѣ въ перстнѣ безпрерывно, и другой, большой повѣшенъ былъ у него подлѣ кровати. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать себѣ мундиръ такимъ покроемъ, какъ у Прусаковъ, и не только сталъ самъ всегда носить оный, но восхотѣлъ и всю гвардію свою одѣть такимъ же образомъ; а сверхъ того носилъ всегда на себѣ и орденъ прусскаго короля, давая ему преимущество предъ всѣми россійскими. А всѣмъ тѣмъ не удовольствуясь, восхотѣлъ перемѣнить и мундиры во всѣхъ полкахъ, и вмѣсто прежнихъ одноцвѣтныхъ зеленымъ подѣлалъ разноцвѣтные узкіе, и такимъ покроемъ, какимъ шьются у Прусаковъ оные. Наконецъ и самымъ полкамъ не велѣлъ болѣе называться по прежнему, по именамъ городовъ, а именоваться уже по фамиліямъ своихъ полковниковъ и шефовъ; а сверхъ того, введя уже во всемъ наистрожайшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ ежедневно экзерцироваться, не смотря, какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, и особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе [68]».

Вельможи, старики, имѣвшіе почетное мѣсто въ гвардіи, должны были подчиниться новымъ порядкамъ, если не хотѣли навлечь на себя неудовольствія и насмѣшекъ императора. Извѣстный Болотовъ, пріѣхавшій въ это время въ Петербургъ, такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него проходившимъ отрядомъ гвардіи: «шелъ тутъ строемъ деташементъ гвардіи, разряженный, распудренный и одѣтый въ новые тогдашніе мундиры и маршировалъ церемоніею. Но ничто меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ низенькій и толстенькій старичокъ съ своимъ эспантономъ и въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздою на груди и голубою лентою подъ кафтаномъ и едва примѣтною».—«Это что за человѣкъ? спросилъ я.—«Какъ! развѣ вы не узнали? это князь Никита Юрьевичъ Трубецкой!»—«Какъ же это? я считалъ его дряхлымъ и такъ болѣзнью ногъ отягощеннымъ старикомъ, что, какъ говорили, онъ затѣмъ и во дворецъ и въ Сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было почти никому доступа?» – «О! отвѣчали мнѣ: это было во время оно; а нынѣ, рече Господь, времена перемѣнились, нынѣ у насъ больные и небольные, и старички самые поднимаютъ ножки и, на ряду съ молодыми, маршируютъ и также хорошохонько топчутъ и мѣсятъ грязь какъ солдаты» [69]. Старшій Разумовскій, Алексѣй Григорьевичъ избавился отъ подобнаго положенія увольненіемъ отъ всѣхъ должностей; но младшій, гетманъ Кирилла долженъ былъ держать у себя на дому молодого офицера, который давалъ ему уроки въ новой прусской экзерциціи [70], и все же не спасался отъ выговоровъ и насмѣшекъ Петра III, и говорили, что императоръ находилъ особенное удовольствіе смѣяться надъ Разумовскимъ, неспособнымъ, по природѣ, къ военнымъ упражненіямъ [71].

Много веселыхъ минутъ доставляли императору также придворныя дамы, которыхъ онъ заставилъ перемѣнить старый русскій поклонъ на французское присѣданье; многіе дамы, особенно старухи, никакъ не умѣли приловчиться къ присѣданью, и комическое положеніе ихъ при этомъ доставляло Петру величайшее удовольствіе: онъ наблюдалъ за ними и потомъ передразнивалъ [72].—«Я была очень смѣшлива, разсказывала потомъ одна знатная дама-современница: государь бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя [73]».

Сильное неудовольствіе распространялось въ Петербургѣ; но и въ мѣстахъ отдаленныхъ не могли не замѣтить, что въ правительственной машинѣ какое-то разстройство. Въ началѣ царствованія государь велѣлъ перевести мануфактуръ-коллегію изъ Москвы въ Петербургъ; но потомъ опять указъ: «хотя и повелѣли Е. И. В. мануфактуръ-коллегію изъ Москвы взять сюда, а тамъ Контору оставить: но какъ всѣ фабрики или въ Москвѣ или по близости отъ оной, и здѣсь такъ мало, что и ни въ какое противъ того сравненіе поставить нельзя, слѣдовательно мануфактуръ-коллегія, будучи здѣсь, имѣла бы, такъ сказать, заочное за своею должностію смотрѣніе, то повелѣваетъ коллегію паки немедленно къ Москвѣ возвратить; а здѣсь по прежнему Контору оставить [74]». 9 января именнымъ указомъ уничтожены полицеймейстеры въ городахъ, полиція поручена губернскимъ провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ; а 22 марта именнымъ же указомъ полицеймейстеры возстановлены [75].

И въ мѣстахъ отдаленныхъ видѣли разстройство въ правительственной машинѣ; въ Петербургѣ видѣли отъ чего происходитъ это разстройство. Въ слѣдствіе дѣтской слабости характера Петръ быстро перенималъ все у людей, среди которыхъ обращался, къ которымъ привязывался. Пристрастившись къ голштинскимъ офицерамъ, заключившись въ ихъ обществѣ, Петръ перенялъ казарменныя привыки и грубый кутежъ сдѣлалъ своимъ любимымъ препровожденіемъ времени. При императрицѣ Елисаветѣ о табакѣ не было слышно во дворцѣ, потому что она терпѣть его не могла, и самъ Петръ сначала не могъ его терпѣть; но какъ скоро увидалъ, что Голштинцы, которыхъ онъ считалъ образцовыми людьми, героями, курятъ, то и началъ курить. Когда прежній наставникъ его Штелинъ изумился, увидавъ его въ первый разъ съ трубкою за пивомъ, то Петръ сказалъ ему: «чему ты удивляешься, глупая голова! развѣ ты видалъ хотя одного настоящаго браваго офицера который бы не курилъ?» За пивомъ послѣдовало и вино [76]. «Всеобщія негодованія, по словамъ современника-очевидца Болотова, увеличились еще болѣе, когда стали разсѣяваться повсюду слухи и достигать до самаго подлаго народа, что государь не успѣлъ вступить на престолъ, какъ предался публично всѣмъ своимъ невоздержностямъ и совсѣмъ неприличнымъ такому великому монарху дѣламъ, и что онъ не

только съ графинею Воронцовою, какъ съ публичною своею любовницею, препровождалъ почти все свое время, но сверхъ того, въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала въ дворцѣ еще во гробѣ, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими, въ пиршествахъ и питьѣ, приглашая иногда къ тому такихъ людей, которые ни мало не достойны были сообщества и дружескаго собесѣдованія съ императоромъ, какъ напримѣръ, италіянскихъ театральныхъ пѣвицъ и актрисъ, вкупѣ съ ихъ толмачами; а что всего хуже, разговаривая на пиршествахъ таковыхъ вьявь обо всѣхъ и обо всемъ, и даже о самыхъ величайшихъ таинствахъ и дѣлахъ государственныхъ.... Голосъ у него былъ очень громкій, скаросый и непріятный, и было въ немъ нѣчто особое и такое, что отличало его такъ много отъ всѣхъ прочихъ голосовъ, что можно было его не только слышать издалека, но и отличать отъ всѣхъ прочихъ». Болотовъ былъ адъютантомъ главнаго начальника полиціи, генерала Корфа (Николая), ѣздилъ съ нимъ во дворецъ и наблюдалъ издали, что тамъ происходило за обѣдами и ужинами. «Мы, говоритъ онъ, могли всегда въ растворенныя двери слышать, что государь ни говорилъ съ другими, а иногда и самого его и всѣ дѣянія видѣть. Но сіе было для насъ удовольствіемъ только сначала, а въ послѣдствіи времени скоро дошло до того, что мы желали уже, что бы таковые разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо какъ рѣдко стали уже мы заставать государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до обѣда нѣсколько бутылокъ аглинскаго пива, до котораго онъ былъ превеликій охотникъ, уже опорознившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что при слушаніи оныхъ обливалось даже сердце кровію отъ стыда предъ иностранными министрами, видящими и слышащими то и безсомнѣнно смѣющимися внутренно. Истинно, бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неоглядкою отъ зрѣлища таковаго: такъ больно было все то видѣть и слышать. Но никогда такъ много не поражался я досадными зрѣлищами таковыми, какъ въ то время, когда случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцевъ и вельможей своихъ и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ отмѣнное свое благоволеніе, какъ напр.

и генералъ мой и многіе другіе, а за ними и всѣ ихъ адъютанты и ординарцы. Табунъ бывало цѣлый поскачетъ вслѣдъ за поѣхавшими, и хозяинъ успѣвай только всѣхъ угащивать и потчивать. Одни только трубки и табакъ привалживали мы съ собою изъ дворца свои. Ибо какъ государь былъ охотникъ до куренія табака и любилъ, чтобъ и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались; то и приказывалъ государь всюду, куда ни поѣдетъ, возить съ собою цѣлую корзину голандскихъ глиняныхъ трубокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими табаками, и не успѣемъ куда пріѣхать, какъ и закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо, и онъ ходючи по комнатѣ только что шутилъ, хвалилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы уже ни шло, еслибъ не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ Россіянъ постыднѣйшаго. Но то-то и была бѣда наша! Не успѣютъ, бывало, сѣсть за столъ, какъ и загремятъ рюмки и покалы и столь прилежно что вставши изъ-за стола, сдѣлаются иногда всѣ какъ маленькіе ребягочки и начнутъ шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущія. А однажды, какъ теперь вижу, дошли до того, что вышедши съ балкона прямо въ садъ, ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькіе ребятки; ну всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей. А по сему судите, каковожь намъ было тогда смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть симъ образомъ всѣхъ первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, вдругъ спрыгивающихъ, толкущихся и другъ друга на земь валяющихъ? Хохотъ, крики, шумъ, біеніе въ ладоши раздавались только всюду, а покалы только что гремѣли».

У русскихъ людей сердце обливалось кровію отъ стыда предъ иностранными министрами. Эти иностранные министры въ донесеніяхъ своимъ дворамъ оставили единогласныя свидѣтельства о неприличіи пирушекъ Петра III [77], возбуждавшихъ сильное неудовольствіе въ народѣ. Объ этомъ неудовольствіи приведемъ слова того же очевидца: «Ропотъ на государя и негодованіе ко всѣмъ дѣяніямъ и поступкамъ его, которые чѣмъ далѣе, тѣмъ становились хуже, но только во всѣхъ знатныхъ съ часу на часъ

увеличивалось, но начинало дѣлаться уже почти и всенароднымъ, и всѣ будучи крайне недовольными заключеннымъ съ Прусаками перемиріемъ и жалѣя о ожидаемомъ потеряніи Пруссіи, также крайне негодуя на безпредѣльную приверженность государя къ королю прусскому, на ненависть и претензіи его къ закону, на крайнюю холодность, оказываемую къ государынѣ, его супругѣ, на слѣпую его любовь къ Воронцовой, и паче всего наоказываемое потому болѣе презрѣніе ко всѣмъ Русскимъ и даваемое преимущество предъ ними всѣмъ иностранцамъ, а особливо Голштинцамъ,—отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить, и судить, и рядить всѣ дѣла и поступки государевы. Всѣмъ намъ тяжелый народный ропотъ и всеобщее часъ отъ часу увеличивающееся неудовольствіе на государя было извѣстно, и какъ со всякимъ днемъ доходили до насъ о томъ непріятные слухи, а особливо когда извѣстно сдѣлалось намъ, что скоро съ прусскимъ королемъ заключится миръ и что приготовлялся уже для торжества мира огромный и великолѣпный фейерверкъ, то нерѣдко сошедшись на досугѣ, всѣ вмѣстѣ говаривали и разсуждали мы о всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ и начинали опасаться, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, и особливо отъ огорченной до крайности гвардіи».

Мы видѣли, что посланцы Фридриха II, Гольцъ и Шверинъ скоро замѣтили сильное неудовольствіе и дали знать о немъ своему государю, выставляя самыми опасными для Петра людьми Ив. Ив. Шувалова, Мельгунова и Волкова. Они были увѣрены и увѣряли короля, что эти люди воспользуются отъѣздомъ Петра къ арміи по поводу датской войны и произведутъ возстаніе. Поэтому они стали уговаривать императора не ѣздить, увѣряя, что его присутствіе въ Россіи необходимо для блага имперіи; но Петръ отвѣчалъ, что онъ изумляется ихъ словамъ, которыя доказываютъ ему только одно, что они его не любятъ. Тогда они обратились къ Фридриху II, и Шверинъ писалъ королю 8-го апрѣля: «Никто въ мірѣ, кромѣ в. в., не можетъ отвратить императора отъ этого опаснаго путешествія. Письмо отъ в. в., въ которомъ вы посовѣтуете ему остаться въ Россіи, заставитъ его перемѣнить намѣреніе. Онъ навѣрное послѣдуетъ вашему совѣту, потому что питаетъ къ в. в. совершенное довѣріе».

Гольцъ 2-го мая писалъ королю о томъ же, выставляя необ-

ходимость для Петра прежде похода короноваться. Но 4-го мая (н. с.) Фридрихъ уже писалъ Петру: «Признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ в. в. уже короновались, потому что эта церемонія производитъ сильное впечатлѣніе на народъ, привыкшій видѣть коронованіе своихъ государей. Я вамъ скажу откровенно, что не довѣряю Русскимъ. Всякій другой народъ благословлялъ бы небо, имѣя государя съ такими выдающимися и удивительными качествами, какія у в. в. (éminentes et admirables qualités); но эти русскіе чувствуютъ ли они свое счастіе, и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожнаго человѣка развѣ не можетъ побудить его къ составленію заговора или къ поднятію возстанія въ пользу этихъ принцевъ брауншвейгскихъ? Припомните, в. и. в., что случилось въ первое отсутствіе императора Петра I, какъ его родная сестра составила противъ него заговоръ! Предположите, что какой-нибудь негодяй съ безпокойною головой начнетъ въ ваше отсутствіе интриговать для возведенія на престолъ этого Ивана, составитъ заговоръ съ помощію иностранныхъ денегъ, чтобъ вывести Ивана изъ темницы, подговорить войско и другихъ негодяевъ, которые и присоединятся къ нему:— не должны ли вы будете тогда покинуть войну противъ Датчанъ, хотя бы все шло съ отличнымъ успѣхомъ, и поспѣшно возвратиться, чтобъ тушить пожаръ собственнаго дома. Эта мысль привела меня въ трепетъ, когда пришла мнѣ въ голову, и совѣсть мучила бы меня всю жизнь, еслибъ я не сообщилъ эту мысль в. и. в. Я здѣсь въ глубинѣ Германіи, я вовсе не знаю вашего двора, ни тѣхъ, къ которымъ в. в. можетъ имѣть полную довѣренность, ни тѣхъ, кого можете подозрѣвать: по этому вашему высокому разуму принадлежитъ различить, кто преданъ и кто нѣтъ; я думаю одно, что если в. в. угодно принять начальство надъ арміею, то безопасность требуетъ, чтобъ вы прежде короновались, и потомъ, чтобъ вы вывезли въ своей свитѣ за границу всѣхъ подозрительныхъ людей. Такимъ образомъ в. в. будете обезпечены; для большей безопасности надобно заставить также всѣхъ иностранныхъ министровъ слѣдовать за вами, этимъ вы уничтожите въ Россіи всѣ сѣмена возмущенія и интриги, а чтобъ всѣ эти господа не были вамъ въ тягость, вы можете всегда ихъ отправить въ Ростокъ или Висмаръ или въ какое-нибудь другое мѣсто позади арміи, чтобъ они не могли

передавать Датчанамъ вашихъ плановъ. Я не сомнѣваюсь также, что вы оставите въ Россіи вѣрныхъ надсмотрщиковъ, на которыхъ можете положиться, Голштинцевъ или Ливонцевъ, которые зорко будутъ за всѣмъ наблюдать и предупреждать малѣйшее движеніе».

Что же отвѣчалъ Петръ? «В. в. пишете, что, по вашему мнѣнію, я долженъ короноваться прежде выступленія въ походъ, именно по отношенію къ народу. Но я долженъ вамъ сказать, что такъ какъ война почти начата, то я не вижу возможности прежде короноваться точно также по отношенію къ народу; коронація должна быть великолѣпна по обычаю, и я не могу сдѣлать великолѣпной коронаціи, не имѣя возможности ничего въ скорости здѣсь найти. Что касается Ивана, то я держу его подъ крѣпкою стражею, и еслибы Русскіе хотѣли сдѣлать мнѣ зло, то могли бы уже давно его сдѣлать, видя, что я не принимаю никакихъ предосторожностей, предавая себя въ защиту Господа Бога, ходя пѣшкомъ по улицамъ, что Гольцъ можетъ засвидѣтельствовать. Могу васъ увѣрить, что когда умѣешь обходиться съ ними, то можно быть покойнымъ на ихъ счетъ. В. В.! что подумаютъ обо мнѣ эти самые Русскіе, видя, что я сижу дома въ то самое время, когда идетъ война въ моей родной землѣ, Русскіе, которые всегда желали одного — быть подъ властію государя, а не женщины; двадцать разъ я самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: «Дай Богъ, чтобъ вы скорѣе были нашимъ государемъ, чтобъ не быть намъ больше подъ властію женщины.» Но, что всего важнѣе: я никогда не прощу себѣ этой подлой трусости, я умру съ тоски отъ мысли, что я, будучи первымъ принцемъ моего дома, остался въ бездѣйствіи, когда велась война для возвращенія того, что было несправедливо отнято у его предковъ, и в. в. много потеряли бы изъ своего уваженія ко мнѣ, еслибы я это сдѣлалъ».

Такимъ образомъ отъѣздъ къ арміи былъ рѣшенъ, несмотря даже на отсоватованія Фридриха II-го. Послѣдній главнокомандующій арміею, графъ Бутурлинъ былъ отозванъ въ Петербургъ еще при жизни Елисаветы. Онъ ѣхалъ оправдываться предъ государынею, которая хотя и была согласна съ конференціею на счетъ ошибокъ его; но все же онъ могъ разсчитывать на милостивый пріемъ, какъ видно изъ письма его къ Ив. Ив. Шувалову:

«Я въ моей горести единое утѣшеніе имѣю, когда отъ в. п-ства милостивое письмо удостоюсь получить, какъ и сегодня отъ 17-го сентября принялъ съ моимъ вѣчнымъ благодареніемъ, а наипаче къ сердечному моему обрадованію, что я еще въ числѣ вѣрныхъ рабовъ у е. п. в. нахожусь, и что по милости конференціи давно бы меня на свѣтѣ не было. Сперва не только величали меня и ублажали паче мѣръ моихъ, а нынѣ живаго во гробъ вселяютъ и поютъ: святый Боже! Моего промедленія нигдѣ и никогда промедленіе не было напрасное. Вступитесь за вѣрнаго раба е. в.: еще нынѣ получилъ къ обидѣ моей, чтобы и Ангюрнова отдалъ графу Румянцеву, кой у меня одинъ и есть и всѣ секретные дѣла на него положены, а я остался одинъ писаремъ и копіистомъ. Я нечаялъ бы такой жестокой обиды отъ его высокородія Волкова [78]». Бутурлинъ не засталъ въ живыхъ Елисаветы; онъ на дорогѣ получилъ рескриптъ новаго императора, въ которомъ обнадеживался въ непремѣнной милости и благоволеніи. [79] Графъ Ферморъ 19 февраля былъ вовсе уволенъ отъ службы [80]. Главное начальство надъ заграничною арміею поручено было графу Петру Семен. Салтыкову. Но уже при Елисаветѣ, по распоряженіямъ относительно Бутурлина, было ясно видно, что старые главнокомандующіе не будутъ болѣе дѣйствовать, ибо Семилѣтняя (для Россіи пятилѣтняя) война выказала молодыя способности. Между ними первое мѣсто принадлежало покорителю Кольберга, графу Петру Александр. Румянцову. Понятно, что и Петръ, замысливъ датскую войну, послѣдовалъ общему указанію и поручилъ ему кампанію. Февраль мѣсяцъ Румянцевъ пробылъ въ Петербургѣ, вызванный туда императоромъ; и въ началѣ марта, заручившись дружбою перваго дѣльца по всѣмъ частямъ, Волкова, отправился къ своему корпусу въ Померанію для приготовленій къ походу. 21-го мая отправлены были ему наставленія считать войну съ Даніей не только неизбѣжною, но и дѣйствительно объявленною, и потому спѣшить утвердиться въ Мекленбургѣ прежде чѣмъ Датчане туда войдутъ [81]. Наставленіе было отправлено съ большою тайною, но одинъ пріятель показалъ копію съ него Гольцу, и тотъ остался очень недоволенъ, потому что Прусаки надѣялись, что дѣло уладится или оттянется Берлинскимъ конгрессомъ. «Излишне указывать в. в-ству, писалъ Гольцъ королю, на коварство составителя этого

указа относительно конгресса и непослѣдовательность, которая обнаруживается въ каждомъ словѣ; приказаніе устроить магазины въ Ростокѣ и Висмарѣ, и особенно ввести армію въ Мекленбургъ въ высшей степени странно, по моему мнѣнію. Не надобно приписывать этого е. и. в-ству, потому что рѣшеніе состоялось иначе въ совѣтѣ; виноватъ г. Волковъ, который осмѣлился дать ему такую окончательную форму. Императоръ утаилъ отъ меня это приказаніе. В. в-ство усмотрите, какъ это мнѣ непріятно, что при всѣхъ милостяхъ и довѣріи императора ко мнѣ, противная партія можетъ заставить его скрыть отъ меня самыя важныя дѣла, которыя в. в-ство должны знать прежде всякаго другаго». Между тѣмъ принцъ Георгъ Голштинскій настоятельно убѣждалъ Гольца упросить Фридриха II, чтобъ тотъ уговорилъ Петра не ѣздить къ арміи. «Вамъ хорошо извѣстно, сказалъ ему на это Гольцъ, какъ е. и. в-ство отвѣчалъ королю на подобные совѣты: онъ отвѣчалъ, что лучше его знаетъ внутреннее состояніе своей страны, что увѣренъ въ преданности своихъ подданныхъ, и что его слава требуетъ отъѣзда къ арміи. Послѣ такого отвѣта я конечно уже не рѣшусь просить короля моего государя повторить тѣ же самые свои совѣты императору. Зачѣмъ такъ поспѣшили обнародовать объ отъѣздѣ императора, зачѣмъ дали знать министрамъ иностраннымъ, чтобъ они слѣдовали за нимъ? теперь я уже не вижу, какъ можетъ императоръ остаться безъ потери своего достоинства, послѣ всѣхъ этихъ разглашеній: въ Европѣ увидятъ, что причиною такой перемѣны намѣренія было опасеніе какихъ-нибудь волненій въ странѣ въ слѣдствіе отсутствія государя». Принцъ продолжалъ толковать о дурномъ состояніи войска, назначаемаго въ походъ, о недостаткѣ денегъ и съѣстныхъ припасовъ. «Два мѣсяца, отвѣчалъ Гольцъ, я толкую съ вами и съ самимъ императоромъ, что надобно принять мѣры противъ этого, если уже война казалась ему неизбѣжною; что нечего грозиться задавить Датчанъ, если еще нѣтъ увѣренности, что все готово; мнѣ постоянно отвѣчали, что всѣ приготовленія сдѣланы, тогда какъ я хорошо зналъ что нѣтъ. Видя наконецъ, что мои представленія ни къ чему не служатъ, и могутъ только навлечь на меня гнѣвъ е. и. в-ства, я замолчалъ; теперь зная дурное состояніе дѣлъ, надобно обречь себя на неудачную войну, которой можно было избѣжать переговорами.»

До полученія инструкціи 21 мая Румянцевъ находился въ сильномъ безпокойствѣ: его мучила мысль, что войны не будетъ, что ему не удастся отличиться блестящимъ походомъ. Получивъ инструкцію, онъ писалъ Волкову изъ Кольберга 8 іюня: «Правда, что мое смущеніе не мало было и на время большое, что я отъ васъ, моего вселюбезнаго друга, не получалъ никакого отвѣта. Я уже отчаялъ вовсе быть для меня дѣлу каковому-либо; нынѣ же, получа всепріятнѣйшее ваше письмо со обнадеживаніемъ вашей дружеской милости продолженія и съ подтвержденіемъ мнѣ наибезцѣннѣйшей милости и благоволенія, я столь больше обрадованъ: вы знаете, что всякій ремесленникъ работѣ радъ. Дай Боже только, чтобъ всѣ обстоятельства соотвѣтствовали моему желанію и усердію, то не сумнѣваюсь, что я всевысочайшую волю моего великаго государя исполню. Въ полковники и штабъ-офицеры я докладъ подалъ. Правда, что умедлилъ маленько, да и разборъ мой великъ былъ, я все притомъ соблюлъ, что мнѣ только можно было для пользы службы, я тѣхъ, кои не изъ дворянъ и не офицерскихъ дѣтей вовсе не произвелъ: случай казался мнѣ наиспособнѣйшій очиститься отъ проказы, чрезъ подлые поступки вся честь и почтеніе къ чину офицерскому истребились [82].»

Но вслѣдъ за этимъ письмомъ, выражавшимъ радость ремесленника, добывшаго себѣ работу, Румянцевъ принужденъ былъ посылать совсѣмъ другіе донесенія императору; онъ писалъ, что недостатокъ съѣстныхъ припасовъ приводитъ его въ крайнее отчаяніе, а съ другой стороны, Прусаки, вмѣсто помощи, затрудняютъ его своими требованіями возвращенія померанскихъ мѣстъ. Но послѣднія донесенія Румянцева уже не застали Петра на престолѣ [83].

Въ іюнѣ мѣсяцѣ «время было шаткое и самое критическое: опасались, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, а особливо отъ огорченной до крайности гвардіи [84].» Но въ чье же имя могло произойти возстаніе? Фридрихъ II указывалъ сопериика Петру въ человѣкѣ, который прежде Петра носилъ титулъ императора всероссійскаго и который теперь томился въ шлюссельбургской крѣпости [85]. Петръ отвѣчалъ Фридриху, что держитъ Ивана подъ крѣпкою стражею. Черезъ недѣлю послѣ своего восшествія на престолъ, 1 января Петръ, командируя на

смѣну извѣстнаго намъ Овцына капитана гвардіи князя Чурмантѣева «для караула нѣкотораго важнаго арестанта въ шлюссельбургской крѣпости,» далъ ему указъ: «Буде сверхъ нашего чаянія ктобъ отважился арестанта у васъ отнять, въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта живаго въ руки не отдавать.» Въ инструкціи Чурмантѣеву, подписанной граф. Александромъ Шуваловымъ, говорилось: «Если арестантъ станетъ чинить какіе непорядки или вамъ противности или же что станетъ говорить непристойное, то сажать тогда на цѣпь, доколѣ онъ усмирится, а буде и того не послушаетъ, то бить по вашему разсмотрѣнію палкою и плетью.» Въ слѣдъ за тѣмъ, отъ 11 января Чурмантѣевъ получилъ секретнѣйшій указъ: «Безъ нашего указа того арестанта никуда не перевозить и никому не отдавать, а когда соизволеніе наше будетъ въ какое другое мѣсто арестанта перевесть, тогда присланъ будетъ нашъ генералъ-адъютантъ князь Голицынъ или генералъ же адъютантъ баронъ фонъ-Унгернъ съ именнымъ указомъ за подписаніемъ собственной нашей руки, а окромѣ оныхъ хотябъ кто и съ именнымъ указомъ за подписаніемъ собственной руки нашей пріѣхалъ и сталъ требовать арестанта, тому не вѣрить и, задержавъ подъ карауломъ, писать для донесенія намъ къ нашему генералъ-фельдмаршалу графу Шувалову.» Того же числа отправленъ былъ секретнѣйшій указъ шлюссельбургскому коменданту Бередникову, чтобъ допустилъ Голицына или Унгерна, и если прикажутъ Чурмантѣеву съ арестантомъ и его командою изъ крѣпости выѣхать, то не воспрещать.»

Приведенное предписаніе прямо указываетъ на желаніе императора взять на нѣкоторое время Ивана Антовича изъ Шлюссельбурга, и подтверждаетъ извѣстіе, что узникъ дѣйствительно былъ привозимъ въ Петербургъ, гдѣ Петръ его видѣлъ. Это свиданіе должно было происходить 22-го марта, потому что въ этотъ день Чурмантѣевъ получилъ указъ: «къ колоднику имѣете тотчасъ допустить нашего генералъ-адъютанта барона Унгерна и съ нимъ капитана Овцына, а потомъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ баронъ Унгернъ пропустить прикажетъ». Между «всѣми тѣми» долженъ былъ находиться и самъ императоръ. 24-го марта другой указъ Чурмантѣеву: «Арестантъ, послѣ учиненнаго ему третьяго дня посѣщенія легко получить можетъ какія-либо новыя мысли, и потому новыя

вранья дѣлать станетъ. Сего ради повелѣваю вамъ примѣчаніе ваше и находящаго съ вами офицера Власьева за всѣми словами арестанта умножить и что услышите или новаго примѣтите, о томъ со всѣми обстоятельствами и немедленно ко мнѣ доносите. Петръ. PS. Рапорты ваши имѣете отправлять прямо на мое имя».

1 апрѣля Унгернъ опять былъ допущенъ къ Ивану. 3 апрѣля завѣдываніе дѣлами шлюссельбургскаго арестанта было взято отъ гр. Александра Шувалова и поручено Нарышкину, Мельгунову и Волкову въ слѣдствіе общаго распоряженія, по которому всѣ дѣла, вѣдавшіяся прежде въ тайной канцеляріи, переходили къ упомянутымъ тремъ лицамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ узнику были приставлены новые офицеры: премьеръ-майоръ Жихаревъ и капитаны Уваровъ и Батюшковъ [86].

Петръ писалъ Фридриху, что держитъ Ивана подъ крѣпкою стражею, и потому нечего опасаться; онъ могъ убѣдиться теперь, что несчастный Иванъ не можетъ быть опаснымъ соперникомъ и по состоянію своихъ умственныхъ способностей. То, что прежде извѣстно было очень немногимъ, сохранявшимъ глубочайшую тайну, то теперь, въ слѣдствіе свиданія Петра при свидѣтеляхъ, должно было распространиться въ кругу болѣе обширномъ, и англійскій посланникъ Кейтъ имѣлъ возможность сообщить своему двору совершенно вѣрныя извѣстія объ Иванѣ Антоновичѣ. Императоръ, писалъ Кейтъ, видѣлъ Ивана III-го и нашелъ его физически совершенно развитымъ, но съ разстроенными умственными способностями. Рѣчь его была безсвязна и дика. Онъ говорилъ между прочимъ, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ, что государь Іоаннъ давно уже взятъ на небо, но онъ хочетъ сохранить притязанія особы, имя которой онъ носитъ [87].

Поэтому попытка произвести переворотъ во имя правнука царя Іоанна Алексѣевича противъ внука Петра Великаго могла произойти только отъ людей темныхъ, не имѣвшихъ соприкосновенія съ высшими сферами; для другого же рода людей было одно средство—не прерывая наслѣдственной линіи, замѣнить отца сыномъ, средство, съ одной стороны, легкое, ибо сынъ, великій князь Павелъ Петровичъ былъ еще ребенокъ и потому не могло быть никакихъ столкновеній съ его волею, съ его сыновними отношеніями; но съ другой стороны, малолѣтство того,

въ чье имя должно было происходить движеніе, отнимало вождя у движенія, отнимало у этого движенія единство, силу, стройность, отнимало твердость у его послѣдствій, ибо надобно было искать другого вождя, изъ подданныхъ, и какъ было его найти? надобно было имѣть дѣло со многими, съ партіями. Поэтому естественно и необходимо вниманіе всѣхъ обращалась на императрицу Екатерину, которая уже давно была извѣстна и славна противоположностію своего поведенія съ поведеніемъ мужа, давно была извѣстна и славна своими блестящими способностями, своимъ обворожительно ласковымъ обращеніемъ, своимъ вниманіемъ ко всему достойному вниманія, своимъ уваженіемъ къ русскимъ людямъ и ко всему, что имъ было дорого: только отъ ея вліянія на мужа можно было ожидать хорошаго, но этого вліянія не было; самое близкое лицо явилось самымъ далекимъ, супруга была отвергнута, отвергнутъ былъ совѣтъ и разумъ; Екатерина подвергалась явнымъ оскорбленіямъ; она страдала вмѣстѣ съ русскими людьми, и крѣпкій союзъ образовался между ними и ею. Фридрихъ III, получавшій очень неудовлетворительныя извѣстія изъ Петербурга, думалъ сначала, что Екатерина будетъ имѣть большое вліяніе на дѣла, и только 7-го марта прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Финкенштейнъ писалъ Гольцу, что по точнѣйшимъ свѣдѣніямъ Екатерина не имѣетъ никакого вліянія, и можетъ произойти только вредъ, если къ ней обращаться, притомъ она вовсе и не такъ благосклонна къ Пруссіи, какъ самъ императоръ[88]. Но французскій посолъ Бретейль еще съ 31-го декабря 1761 года началъ писать своему двору о печальномъ положеніи Екатерины: «Въ день поздравленія съ восшествіемъ на престолъ, доносилъ онъ, на лицѣ императрицы была написана глубокая печаль; ясно, что она не будетъ имѣть никакого значенія, и я знаю, что она старается вооружиться философіею: но это противно ея характеру.—Императоръ удвоилъ вниманіе къ графинѣ Воронцовой. Надобно признаться, что у него странный вкусъ: она не умна; что же касается наружности, то трудно себѣ представить женщину безобразнѣе ея; она похожа на трактирную служанку.—Императрица находится въ самомъ жестокомъ положеніи, съ нею обходятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она неравнодушно переноситъ обращеніе императора и высокомѣріе Воронцовой. Трудно себѣ представить, чтобъ Екатерина

(я знаю ея отважность и страстность), рано или поздно не приняла какой-нибудь крайней мѣры. Я знаю друзей, которые стараются ее успокоить, но, если она потребуетъ, они пожертвуютъ всѣмъ для нея.—Императрица пріобрѣтаетъ всеобщее расположеніе. Никто усерднѣе ея не выполнялъ обязанностей относительно покойной императрицы, обязанностей, предписываемыхъ греческимъ исповѣданіемъ: духовенство и народъ этимъ очень тронуты и благодарны ей за это. Она наблюдаетъ съ точностію праздники, посты, все, къ чему императоръ относится легкомысленно и къ чему Русскіе не равнодушны. Наконецъ она не пренебрегаетъ ничѣмъ для пріобрѣтенія всеобщей любви и расположенія отдѣльныхъ лицъ. Не въ ея природѣ забыть угрозу императора заключить ее въ монастырь, какъ Петръ Великій заключилъ свою первую жену. Все это, вмѣстѣ съ ежедневными униженіями, должно страшно волновать женщину съ такою сильною природою и должно вырваться при первомъ удобномъ случаѣ.—Императрица сильно предается горю и мрачнымъ мыслямъ; люди, ее видающіе, говорятъ, что она не узнаваема, что она чахнетъ и скоро сойдетъ въ могилу». Это послѣднее извѣстіе было написано въ началѣ апрѣля, и въ началѣ іюня Бретейль доносилъ: «Императрица обнаруживаетъ мужество: она любима и уважаема всѣми въ той же степени, какъ Петръ ненавидимъ и презираемъ [89]».

Эта хроника вскрываетъ намъ лучше всего страшное положеніе Екатерины въ шесть мѣсяцевъ, отъ 25-го декабря 1761 до 28-го іюня 1762 года; она указываетъ намъ эти переходы отъ мрачныхъ мыслей къ отчаянію, разрушительно дѣйствующему на здоровье, и отъ отчаянія къ твердости, когда надежда на избавленіе усиливалась и когда надобно было ободрять своихъ приверженцевъ. Екатерина говоритъ, что эти приверженцы, со дня смерти императрицы Елисаветы, внушали ей о необходимости отстранить Петра и самой стать въ челѣ правленія; но что она начала склоняться на ихъ представленія съ того дня, когда Петръ публично нанесъ ей страшное оскорбленіе. Во время празднованія мира съ Пруссіею, за торжественнымъ обѣдомъ императоръ предложилъ три тоста: 1) здоровье императорской фамиліи; 2) здоровье короля прусскаго; 3) за сохраненіе счастливаго мира, заключеніе котораго праздновалось. Когда Ека-

терина, выпила за здоровье императорской фамиліи, Петръ велѣлъ Гудовичу, стоявшему сзади его креселъ, пойти спросить императрицу, зачѣмъ она не встала, когда пили первый тостъ. Екатерина отвѣчала, что императорская фамилія состоитъ только изъ троихъ членовъ, изъ ея супруга, сына и ея самой, и потому она не понимаетъ, почему нужно вставать. Когда Гудовичъ передалъ этотъ отвѣтъ, Петръ снова велѣлъ ему подойти къ Екатеринѣ и сказать ей бранное слово, ибо она должна знать, что двое его дядей, принцы голштинскіе принадлежатъ также къ императорской фамиліи; но, боясь, чтобъ Гудовичъ не ослабилъ выраженія, императоръ самъ закричалъ Екатеринѣ бранное слово, которое и слышала большая часть обѣдавшихъ. Императрица сначала залилась слезами отъ такого оскорбленія, но потомъ, желая оправиться, обратилась къ стоявшему за ея кресломъ камергеру Александру Серг. Строганову и попросила его начать какой-нибудь забавный разговоръ для разсѣянія, что Строгановъ и исполнилъ [90].

Но дѣло не кончилось однимъ оскорбленіемъ. Въ тотъ же вечеръ императоръ приказалъ своему адъютанту, князю Борятинскому арестовать Екатерину. Борятинскій, испуганный этимъ приказаніемъ, не торопился его выполнить, и, встрѣтивъ принца Георгія Голштинскаго, разсказалъ ему о порученіи, полученномъ отъ императора. Тотъ бросился къ Петру и уговорилъ его отмѣнить приказаніе. [91] Приказаніе было отмѣнено; но никто не могъ поручиться, что оно не будетъ повторено, ибо приказанія отдавались по первой вспышкѣ, по первому внушенію, сдѣланному въ пользу или во вредъ извѣстнаго лица, и Екатерина начинаетъ слушать предложенія своихъ приверженцевъ. Кто же были эти приверженцы?

Мы видѣли, что Шверинъ и Гольцъ указывали на Ив. Ив. Шувалова, Мельгунова и Волкова, какъ на самыхъ опасныхъ людей, ждущихъ перваго удобнаго случая для отнятія у Петра престола. Но Фридрихъ II долженъ былъ убѣдиться, какъ обманулись его министры въ своихъ наблюденіяхъ: «Лица, пишетъ онъ, на которыхъ смотрѣли какъ на заговорщиковъ, всего менѣе были виновны въ заговорѣ. Настоящіе виновники работали молча и тщательно скрывались отъ публики». [92] Было однако время, когда Ив. Ив. Шуваловъ предлагалъ Екатеринѣ свои услуги. Въ одной изъ

записокъ о событіяхъ своего времени Екатерина разсказываетъ, что предъ кончиною императрицы Елисаветы Ив. Ив. Шуваловъ обратился къ Никитѣ Ив. Панину, говоря что «иные клонятся, отказавъ и выславъ изъ Россіи великаго князя Петра съ супругою, сдѣлать правленіе именемъ сына ихъ Павла Петровича, которому былъ тогда седьмой годъ; что другіе хотятъ выслать лишь отца, а оставить мать съ сыномъ, и что всѣ единодушно думаютъ, что Петръ не способенъ. Панинъ отвѣтствовалъ, что всѣ сіи проекты суть способы къ междоусобной погибели, что въ одномъ критическомъ часу того перемѣнить безъ мятежа и бѣдственныхъ слѣдствій не можно, что двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено. Панинъ, продолжаетъ Екатерина, о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ притомъ, что больной императрицѣ еслибъ представили, чтобъ мать съ сыномъ оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ. Но къ сему, благодаря Богу, ея фавориты не приступили, но оборотя всѣ мысли свои къ собственной безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предуспѣли» [93].

Записка эта, написанная, разумѣется, позднѣе событія, можетъ быть и очень поздно, требуетъ нѣкотораго объясненія. Выраженіе: «благодаря Богу,» очень понятно: еслибы фавориты приступили къ удаленію Петра Ѳедоровича отъ престола, то императоромъ былъ бы провозглашенъ великій князь Павелъ Петровичъ, и Екатерина не царствовала бы; кромѣ того, неспособность Петра не была еще такъ очевидна, какъ послѣ шестимѣсячнаго его царствованія, и удаленіе его могло бы повести къ тому, что выставилъ въ своемъ отвѣтѣ Панинъ. «Фавориты не приступили,» потому что Шуваловъ отъ Панина услышалъ рѣшительный отказъ въ содѣйствіи великой княгини и ея приверженцевъ ихъ плану. Быть можетъ отказъ этотъ былъ и не искренній; Панинъ счелъ нужнымъ обезопасить себя этимъ отказомъ, онъ могъ заподозрить предложеніе, исходившее отъ непріязненныхъ ему людей; что Панинъ не успокоился на своемъ отвѣтѣ, доказательствомъ служитъ то, что онъ имѣлъ съ Екатериною разговоръ о предложеніи и внушалъ о возможности, со стороны Елисаветы, согласиться на удаленіе Петра. О своемъ отвѣтѣ Пани-

ну на это внушеніе Екатерина намъ не говоритъ. Можетъ быть положено было ждать новаго предложенія отъ «фаворитовъ». Но послѣдніе, получивъ рѣзкій отказъ, не сочли болѣе нужнымъ и безопаснымъ повторять свое предложеніе, а, можетъ быть, не имѣли уже для того и времени, и отвергнутые Екатериною, должны были обратиться къ Петру. Теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они имѣли печальное удовольствіе видѣть, какія страданія должна была терпѣть Екатерина за отвергнутіе ихъ предложенія. Быть можетъ, теперь они ждали отъ нея предложенія. Но дѣло начато было безъ нихъ, было и кончено безъ нихъ.

Шуваловъ передъ смертію Елисаветы обращался къ Панину съ предложеніемъ измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, и это показываетъ намъ важное значеніе Панина. Въ царствованіе Елисаветы мы имѣли часто случай говорить о его дѣятельности въ Швеціи, гдѣ онъ былъ посланникомъ. Носились слухи, что онъ былъ удаленъ въ Швецію въ слѣдствіе придворной интриги, удаленъ Шуваловыми, которые хотѣли отстранить въ немъ соперника Ив. Ив. Шувалову [94]. Если это правда, то, разумѣется, здѣсь должно было залечь основаніе вражды его къ Шуваловымъ и преимущественно къ Ив. Ивановичу. Но и безъ этого были другія сильныя причины вражды. Тѣсно связанный съ канцлеромъ Бестужевымъ, будучи, можно сказать, его воспитанникомъ, Панинъ, въ довольно долгое пребываніе свое въ Стокгольмѣ, ревностно проводилъ бестужевскую систему, борясь дипломатически съ господствовавшимъ въ Швеціи французскимъ вліяніемъ. Панинъ воспитался, окрѣпъ въ этой борьбѣ, ненависть къ Франціи, необходимость борьбы съ нею стали его политическимъ символомъ вѣры. И вдругъ ему велятъ перемѣнить политику, собственно говоря, велятъ переродиться, дѣйствовать заодно съ французскимъ посланникомъ. Но мы знаемъ очень хорошо, что сдѣлать это русскому посланнику въ Стокгольмѣ было страшно тяжко: ему нужно было бросить своихъ друзей и подчиниться французскому посланнику, который, по своимъ средствамъ, теперь еще болѣе усилившимся, не хотѣлъ и не могъ уступить русскому посланнику равнаго съ собою значенія. Чѣмъ самостоятельнѣе, сильнѣе духовными средствами былъ русскій посланникъ, тѣмъ тягостнѣе становилось ему его поло-

женіе. Панинъ не вытерпѣлъ, протестовалъ; но мы видѣли, какой *репримандъ* получилъ онъ за этотъ протестъ. Оскорбленный выговоромъ, удрученный своимъ невыносимымъ положеніемъ, Панинъ приписывалъ всѣ эти бѣды Шуваловымъ, ихъ обвинялъ въ сближеніи съ Франціею. Скоро покровитель его, Бестужевъ, былъ сверженъ, что также Панинъ приписывалъ Шуваловымъ и Воронцову, котораго и прежде считалъ своимъ врагомъ. Теперь Воронцовъ сталъ завѣдывать иностранными дѣлами при помощи, или, лучше сказать, подъ вліяніемъ Ив. Ив. Шувалова; Панину не было возможности болѣе оставаться на дипломатическомъ поприщѣ, и онъ былъ отозванъ изъ Швеціи. Но мы видѣли, что Елисавета не любила отнимать дѣятельность у людей, выдававшихся своими способностями и образованностію, и бывшій посланникъ въ Швеціи получилъ важное мѣсто воспитателя великаго князя Павла Петровича. Это-то новое значеніе Панина, предполагавшее необходимо большое довѣріе къ нему Елисаветы и въ то же время приводившее его въ сношенія съ Екатериною, которая не могла не сочувствовать ему, какъ близкому человѣку къ А. П. Бестужеву, — это-то значеніе Панина и заставило Шувалова обратиться къ нему по вопросу о возведеніи на престолъ великаго князя Павла по удаленіи отца его изъ Россіи.

Обращеніе не имѣло послѣдствій; Петръ III вступилъ на престолъ и оправдалъ опасенія тѣхъ, которые не ждали отъ его правленія ничего хорошаго. Панину было тяжело болѣе другихъ. Правда, къ Франціи послѣдовало сильное охлажденіе; но дѣло шло не о французскихъ отношеніяхъ, когда внѣшнею политикою Россіи заправлялъ прусскій посланникъ Гольцъ, а гдѣ дѣло дѣлалось мимо Гольца, такъ это именно только тамъ, гдѣ желанія Гольца совпадали съ русскими интересами, т. е. въ дѣлахъ датскихъ. Кромѣ общихъ для всѣхъ русскихъ людей причинъ къ неудовольствію, у Панина были особыя причины. Онъ не могъ поддерживать своего значенія, ибо по своему образу мыслей, по своимъ привычкамъ онъ не могъ быть въ приближеніи у Петра III, принимать участія въ его забавахъ; по своей флегматической, жаждущей физическаго спокойствія природѣ, Панинъ болѣе, чѣмъ кто-либо не выносилъ капральства, введеннаго Петромъ, за что послѣдній рѣзко обнаруживалъ про-

тивъ него свое неудовольствіе [95]. Въ донесеніи Гольца Фридриху II отъ 30 марта находится любопытное извѣстіе относительно Панина: «е. и. в. съ удовольствіемъ соглашается на желаніе в. в—ства включить Швецію въ мирный договоръ. Онъ мнѣ сказалъ по секрету, что пошлетъ туда Панина, воспитателя великаго князя. Это человѣкъ очень способный, и потому не можетъ быть сомнѣнія въ успѣхѣ переговоровъ.» И такъ Панину грозила опасность отправиться въ Швецію и хлопотать тамъ, согласно съ требованіемъ Пруссіи, о возстановленіи самодержавія, противъ чего онъ, находясь прежде въ Швеціи, ратовалъ всѣми средствами. Но, дѣлать нечего, пришлось бы отправиться и въ Швецію, ибо въ Россіи онъ могъ потерять свое значеніе воспитателя великаго князя наслѣдника престола: громко говорили, что Петръ намѣренъ развестись съ женою, заточить ее, намѣренъ отвергнуть и сына. Отъ характера Петра и отъ слѣдствій образа жизни, который онъ велъ, всего можно было ожидать; разъ уже велѣлъ онъ арестовать Екатерину; въ другой разъ и заступничество принца Георга не поможетъ. Одинаковость интересовъ естественно сближала Панина съ Екатериною, которая могла разсчитывать на его согласіе на перемѣну, могла быть увѣрена, что при перемѣнѣ найдетъ въ немъ человѣка, готоваго служить ей добрымъ совѣтомъ, способнаго помочь ей въ трудныхъ обстоятельствахъ, — но этимъ все и должно было ограничиться: Панинъ, по своему характеру и образу мыслей, не могъ принять непосредственнаго участія въ движеніи, направленномъ къ перемѣнѣ, тѣмъ менѣе могъ стать во главѣ его.

Панинъ не былъ въ приближеніи у Петра III; но и между людьми пользовавшимися особеннымъ расположеніемъ императора, Екатерина знала нѣсколько лицъ, на которыхъ могла положиться при движеніи, которыя, такъ или иначе, заявили ей о своей преданности. Это были: генералъ-фельдцейгмейстеръ Вильбуа, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, племянникъ бывшаго канцлера Бестужева, уже извѣстный намъ на дипломатическомъ и военномъ поприщѣ, директоръ полиціи Николай Корфъ. Одни изъ этихъ лицъ побуждались патріотизмомъ; другіе, видя, что при всеобщемъ неудовольствіи дѣло неминуемо должно кончиться дурно для Петра, спѣ-

шили заранѣе стать подъ то знамя, которому принадлежало торжество. Но изъ тогдашней знати Екатерина болѣе всѣхъ должна была надѣяться на гетмана графа Кирилла Разумовскаго, который жилъ тогда въ Петербургѣ и пользовался, повидимому, расположеніемъ императора. Но это расположеніе не препятствовало ему питать прежнюю преданность къ Екатеринѣ: если она такъ разсчитывала на эту преданность шесть лѣтъ тому назадъ [96], то имѣла основаніе разсчитывать и теперь. Приближеніе къ Петру не могло повредить этой преданности, ибо, мимо всѣхъ другихъ побужденій, никто изъ приближенныхъ къ этому государю не могъ разсчитывать на слѣдующую минуту, и шелъ слухъ, что Петру хочется наградить малороссійскимъ гетманствомъ своего любимца Гудовича [97]. Вмѣстѣ съ гетманомъ Разумовскимъ къ услугамъ Екатерины былъ и его наставникъ Тепловъ, безнравственный, смѣлый, умный, ловкій, способный хорошо говорить и писать. Ревность Теплова въ пользу перемѣны правленія усиливалась еще тѣмъ, что онъ, по приказу императора, сидѣлъ уже въ крѣпости за нескромныя слова [98]. Изъ оффиціальнаго извѣстія объ отношеніяхъ Теплова къ правительству въ описываемое время до насъ дошелъ любопытный указъ Петра III отъ 23 марта: «Всемилостивѣйше пожаловали мы статскаго совѣтника и нашего голштинскаго двора камергера Григорья Теплова за извѣстную намъ его къ службѣ ревность въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники, которому повелѣваемъ быть въ отставкѣ по прежнему [99].»

Но понятно, что какъ бы ни было много людей, желавшихъ перемѣны и какъ бы ни были сильны средства этихъ людей, они не могли тронуться, начать дѣло безъ помощи гвардіи. Гвардія была недовольна; но надобно было сосредоточить и направить это неудовольствіе, сдѣлать его готовымъ выразиться при первомъ удобномъ случаѣ. Екатерина нашла два орудія, способныя дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, и однимъ изъ этихъ орудій была молодая осьмнадцатилѣтняя женщина, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, родная сестра фаворитки. Лишившись въ младенчествѣ матери, графиня Екатерина Воронцова была воспитана въ домѣ дяди своего, канцлера Михаила Ларіоновича. Получивши средства въ изученіи иностранныхъ языковъ, преимущественно французскаго, живая и способная дѣвочка

бросилась пользоваться этими средствами тѣмъ болѣе, что въ окружавшихъ ее не находилось людей, которые бы заняли ея чувство и умъ, привлекли къ себѣ. Не находя по себѣ живыхъ людей, она со всею страстностію своей натуры предалась чтенію: Бэль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ были прочитаны, что повело къ ранновременному развитію. Эта образованность и страсть къ чтенію сблизили Екатерину Романовну съ другою образованнѣйшею женщиною въ Россіи, такою же усердною читательницею Бэля, Монтескьё и Вольтера, великою княгинею Екатериною Алексѣевною: «Многіе изъ друзей моего дяди, говоритъ Дашкова, описали меня великой княгинѣ молодою дѣвушкою, которая посвящала все свое время наукѣ; уваженіе, которымъ она удостоила меня въ послѣдствіи, очевидно проистекло изъ этого пристрастнаго описанія; взаимно великая княгиня внушила мнѣ энтузіазмъ и преданность, заставившіе меня броситься въ сферу дѣятельности, о которой я такъ мало тогда думала, и имѣли вліяніе на всю остальную мою жизнь. Я не побоюсь утверждать, что въ то время, о которомъ говорю, въ цѣлой имперіи было только двѣ женщины, великая княгиня и я, которыя занимались серіозным чтеніемъ, и такъ какъ ея восхитительное обращеніе производило неотразимое вліяніе на тѣхъ, кому она хотѣла нравиться, то легко понять, какъ сильно было это вліяніе на молодое созданіе, какъ я, имѣвшее едва пятнадцать лѣтъ и столь способное подчиниться ему [100].»

Легко понять также, что на сколько великая княгиня производила обаянія надъ молодою Екатериною Романовною, на столько великій князь отталкивалъ женщину, начитавшуюся Монтескьё и Вольтера. Тщетно онъ обращался къ сестрѣ своей фаворитки съ фразою, кѣмъ-нибудь ему продиктованною: «Вспомните, что гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми грубыми, но честными, какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ умницами, которыя высасываютъ сокъ апельсина и потомъ бросаютъ корку». Екатерина Романовна не могла выносить общества и развлеченій Петра Ѳедоровича. «Любимое удовольствіе великаго князя, говоритъ она, состояло въ томъ, чтобъ курить табакъ съ Голштинцами. Эти офицеры были, большею частію, капралами и сержантами въ прусской службѣ; это была сволочь, сыновья нѣмецкихъ сапожниковъ. Вечера оканчивались баломъ и ужиномъ въ залѣ, убранной сосновыми

вѣтками и носившей нѣмецкое названіе въ соотвѣтствіе вкусу убранства и съ фразеологіею, бывшею въ модѣ у компаніи; компанія эта въ своихъ разговорахъ примѣшивала столько нѣмецкихъ словъ, что необходимо было знаніе нѣмецкаго языка для избѣжанія насмѣшекъ отъ нея. Иногда великій князь давалъ свои праздники въ маленькомъ загородномъ домѣ недалеко отъ Ораніенбаума: здѣсь пуншъ, чай, табакъ и смѣшная игра *campis* служили развлеченіемъ. Какой поразительный контрастъ съ духомъ, вкусомъ, здравымъ смысломъ и приличіемъ, царствовавшими на праздникахъ великой княгини»!

Въ то страшное время, когда всѣ убѣдились, что Елисаветѣ осталась не много дней жизни, княгиня Дашкова является ночью къ Екатеринѣ съ вопросомъ: «Можно ли принять какія-нибудь мѣры предосторожности противъ грозящей опасности и отвратить гибель, готовую васъ постигнуть? Ради Бога, положитесь на меня; я докажу, что достойна вашего довѣрія. Составили ли вы какой-нибудь планъ? Обезпечена ли ваша безопасность? Благоволите дать мнѣ приказанія и научить меня, что дѣлать».—«Я не составила никакого плана, отвѣчала Екатерина, я ничего не предприму, и думаю, что мнѣ остается одно: мужественно встрѣтить событія, какія бы они ни были. Поручаю себя Всемогущему и на Его покровительство полагаю всю мою надежду».

Новый императоръ скоро усилилъ безпокойство Дашковой, начавши однажды говорить съ нею тихо, отрывочными фразами, изъ которыхъ однако не трудно было понять, въ чемъ дѣло; дѣло шло о томъ, чтобъ удалить *ее*, какъ выражался Петръ, разумѣя Екатерину, и на ея мѣсто возвести *Романовну*, какъ онъ обыкновенно называлъ Елисавету Воронцову: «Будьте къ *намъ* немножко повнимательнѣе, говорилъ онъ Дашковой: придетъ время, когда вы будете жалѣть о томъ, что съ такимъ пренебреженіемъ, обходились съ своею сестрою; ваши интересы требуютъ, чтобъ вы изучили мысли своей сестры и старались снискать ея покровительство.»

У мужа Дашковой были товарищи, пріятели между гвардейскими офицерами, капитаны Преображенскаго полка, Пассекъ и Бредихинъ, майоръ Рославлевъ и братъ его капитанъ, оба въ Измайловскомъ полку. Всѣ эти молодые офицеры были согласны съ княгинею въ необходимости произвести перемѣну въ пра-

вительствѣ, и пылкая молодая женщина уже начала смотрѣть на себя, какъ на главу заговора, долженствовавшаго рѣшить судьбу имперіи. Кромѣ Рославлевыхъ она познакомилась еще съ третьимъ офицеромъ Измайловскаго полка, Ласунскимъ, о которомъ ей сказали, что онъ имѣетъ вліяніе на гетмана Разумовскаго: этого богача и любимца гвардіи за щедрость Дашкова хотѣла привлечь на свою сторону, не зная, что уже опоздала Съ Никит. Ив. Панинымъ она могла сноситься непосредственно, потому что онъ доводился ей дядя; она заговаривала съ нимъ о необходимости перемѣны на престолѣ; Панинъ иногда соглашался съ нею и прибавлялъ, что не дурно было бы также установить правительственную форму на началахъ шведской монархіи; но Дашкова сама признается, что ей нельзя было надѣяться вдругъ пріобрѣсти довѣріе такого благоразумнаго и разсчетливаго политика какъ Панинъ. Гораздо откровеннѣе съ нею былъ любимый племянникъ Панина, знаменитый впослѣдствіи князь Николай Васил. Репнинъ. Однажды послѣ пира въ новомъ зимнемъ дворцѣ Репнинъ является ночью къ Дашковой и съ отчаяніемъ говоритъ: «Все погибло, любезная кузина: ваша сестра получила Екатерининскій орденъ, и мнѣ предстоитъ опасность быть послану къ королю прусскому министромъ, или, лучше сказать, лакеемъ.» Мы видѣли, что опасенія Репнина оправдались: онъ долженъ былъ ѣхать къ Фридриху II-му.

Дашкова сознается, что когда, послѣ тревожнаго посѣщенія Репнина, она серіозно задумалась о своемъ дѣлѣ, то всѣ толки объ исполненіи дѣла, которые ей приходилось до сихъ поръ слышать отъ своихъ соумышленниковъ, показались ей или фантазіями, не могшими осуществиться, или замыслами безъ опредѣленнаго принципа, безъ твердости и безъ средствъ къ исполненію. Всѣ были согласны въ одномъ только, что отъѣздъ императора къ заграничной арміи могъ служить сигналомъ къ движенію. Видя, что оставалось еще много сдѣлать, а рѣшительное время приближалось, она обратилась къ Панину, чтобъ добиться отъ него наконецъ чего-нибудь опредѣленнаго. Сцена была любопытная, потому что трудно себѣ представить большую противоположность, чѣмъ та, какая существовала между осторожнымъ, медленнымъ Панинымъ и его пылкою осьмнадцатилѣтнею племянницею. Молодая женщина начала съ признанія, что состав-

ленъ заговоръ съ цѣлію произвести революцію. Панинъ выслушалъ внимательно, и началъ настаивать на соблюденіи формъ при такомъ событіи, на необходимость участія Сената. Дашкова отвѣчала, что это было бы очень хорошо, да трудно сдѣлать. Потомъ Панинъ началъ настаивать, и Дашкова должна была ему уступить, чтобъ не выставлять правъ Екатерины на престолъ, а передать ей только регентство до совершеннолѣтія сына. Но болѣе всего Панинъ выражалъ свое безпокойство на счетъ дальнѣйшихъ слѣдствій переворота, на счетъ возможности междоусобія. «Только начнемъ дѣйствовать, возражала Дашкова, и не найдется ни одного человѣка изо ста, который бы не призналъ причиною событія гибельныхъ злоупотребленій, для уничтоженія которыхъ нѣтъ другаго средства, кромѣ перемѣны царствующаго лица». Наконецъ Дашкова объявила имена соумышленниковъ: двое Рославлевыхъ, Ласунскій, Пассекъ, Бредихинъ, Баскаковъ, Хитрово, князь Борятинскій и Орловы. Нѣкоторыхъ изъ этихъ соумышленниковъ Дашкова никогда и не видывала [101]; но Панинъ встревожился, какъ далеко она зашла безъ предварительныхъ соглашеній съ императрицею. Дашкова отвѣчала, что она не могла сообщать Екатеринѣ своихъ плановъ, потому что исходъ дѣла былъ еще сомнителенъ; такое сообщеніе могло поставить императрицу въ затруднительное положеніе и подвергнуть безполезной опасности. Изъ своего разговора съ Панинымъ Дашкова замѣтила, что въ немъ не было недостатка въ мужествѣ и въ охотѣ присоединиться къ *нимъ*, но его нерѣшительность происходила отъ незнанія, какъ они должны были дѣйствовать.

Изъ разсказа Дашковой ясно видно, какого рода былъ этотъ заговоръ, главою котораго она себя считала. Она знала о сильномъ всеобщемъ неудовольствіи, сама близко видѣла причины этого неудовольствія, сама раздражалась и потому хорошо понимала раздраженіе другихъ; говорила нѣкоторымъ молодымъ офицерамъ о необходимости произвести перемѣну въ пользу императрицы, способной, по общему убѣжденію, дать ручательство въ лучшемъ будущемъ; молодые офицеры совершенно соглашались, называли и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ офицеровъ, которые также были согласны съ ними, говорили, что надобно непремѣнно исполнить замыселъ, какъ скоро императоръ

уѣдетъ къ заграничной арміи; Дашкова говорила съ Панинымъ: и тотъ соглашался, что другого средства нѣтъ спасти Россію; но какъ сдѣлать, и какія будутъ послѣдствія? Дашкова постоянно употребляетъ слово заговоръ; но изъ ея разсказа прямо выходитъ, что заговора не было, а былъ одинъ разговоръ. Дашковой очень хотѣлось привлечь гетмана Разумовскаго въ единомысліе; для этого она то подговаривала офицера Ласунскаго, то внушала Панину, чтобъ тотъ сблизился съ Тепловымъ и посредствомъ послѣдняго дѣйствовалъ на гетмана; но о послѣдствіяхъ этихъ внушеній она ничего не знала. Репнинъ уѣхалъ въ Пруссію. По словамъ Дашковой, было извѣстно, что новгородскій архіепископъ Димитрій Сѣченовъ раздѣлялъ ея мысли, хотя и не находился въ числѣ соумышленниковъ, чему препятствовало его высокое положеніе. Дядя мужа Дашковой, князь Михайла Никит. Волконскій разсказывалъ, что и въ заграничной арміи господствовало всеобщее неудовольствіе, солдаты сердились, что ихъ заставляютъ теперь сражаться противъ старой союзницы Маріи Терезіи въ пользу короля прусскаго, на котораго они привыкли смотрѣть какъ на заклятого врага, и для Дашковой было очевидно, что Волконскій вполнѣ готовъ помогать *имъ*. Мы не имѣемъ никакого основанія отвергать свидѣтельства Дашковой о собственной дѣятельности, ибо изъ нихъ выходитъ одно, что она хотѣла перемѣны въ пользу Екатерины и при удобномъ случаѣ толковала о своемъ желаніи съ нѣкоторыми людьми; но этимъ все и ограничивалось. Ея свидѣтельства очень важны, ибо ей очень хочется преувеличить свою роль, выставить себя главою заговора, но изъ собственныхъ ея словъ выходитъ, что роль ея была очень не велика.

Иностранные описыватели іюньскихъ событій 1762 года преувеличили участіе въ нихъ Дашковой, точно также какъ преувеличили значеніе Одара, котораго дѣятельность тѣсно связали съ дѣятельностію Дашковой, не умѣя однако показать, въ чемъ собственно состояло участіе иностранца, не знавшаго порусски. Одаръ былъ родомъ Піемонтецъ; канцлеръ Воронцовъ опредѣлилъ его въ коммерцъ-коллегію; но здѣсь было ему служить неудобно по незнанію русскаго языка, и Дашкова предложила императрицѣ взять его къ себѣ въ секретари, и у иностранныхъ писателей онъ является въ этомъ значеніи. Но Дашкова гово-

ритъ, что Екатерина не взяла Одара въ секретари, вопервыхъ, потому, что иностранная переписка ея была очень ограничена, а главное потому, что, стараясь пріобрѣсть расположеніе Русскихъ, не хотѣла имѣть при себѣ секретаремъ иностранца, и Одаръ былъ сдѣланъ управителемъ одного небольшаго имѣнія, принадлежавшаго собственно императрицѣ. Дашкова утверждаетъ, что Одаръ никогда не былъ ея повѣреннымъ, что она рѣдко его видала, и вовсе не видала три послѣднія недѣли передъ переворотомъ. Мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить словамъ Дашковой; но хотя сочиненія иностранцевъ о Россіи и русскихъ событіяхъ обыкновенно преисполнены ошибками, преувеличеніями и смѣшеніями всякаго рода; однако нѣтъ права предполагать, что участія Одара въ іюньскихъ событіяхъ не было никакого, что оно выдумано имъ самимъ и съ его хвастливыхъ словъ повторено иностранцами: по всѣмъ вѣроятностямъ ловкій Одаръ былъ употребляемъ для сношеній Екатерины съ преданными ей лицами, точно такъ, какъ въ 1758 году для подобнаго же дѣла служилъ Екатеринѣ италіанецъ бриллiантщикъ Бернарди [102]; но Дашковой было неизвѣстно, что императрица сносится, мимо ея, съ своими приверженцами.

Дашковой были неизвѣстны непосредственныя сношенія Екатерины съ человѣкомъ, который больше всѣхъ хлопоталъ въ ея пользу въ войскѣ, съ Григор. Григор. Орловымъ. Артиллерійскій офицеръ Григорій Орловъ былъ воспитанникъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и рѣзко выдавался изъ толпы товарищей красотою, силою, молодцоватостію, общительностію; сильная молодая природа (Орлову было въ описываемое время 27 лѣтъ) требовала сильной дѣятельности, и Орловъ всюду искалъ ей удовлетворенія, и въ устройствѣ веселостей для товарищей, и въ масонской ложѣ [103], и наконецъ въ возбужденіи возстанія въ защиту обожаемой императрицы, которой грозила бѣда, бывшая бѣдою и цѣлой Россіи. Кромѣ Орлова съ братьями, по свидѣтельству самой Екатерины, въ конной гвардіи двадцати-двухлѣтній офицеръ Хитрово и семнадцатилѣтній унтеръ-офицеръ Потемкинъ «направляли все благоразумно, смѣло и дѣятельно» [104].

Къ концу іюня, по словамъ Екатерины, между соумышленниками въ гвардіи считалось до сорока офицеровъ и около 10,000

рядовыхъ. Въ этомъ числѣ не оказалось ни одного измѣнника; соумышленники раздѣлялись на четыре группы и вожди группъ собирались для рѣшеній; настоящимъ же секретомъ владѣли трое братьевъ Орловыхъ. Исполненіе замысла отлагалось до отъѣзда Петра къ заграничной арміи; но было рѣшено, въ случаѣ открытія умысла, собрать гвардію и провозгласить Екатерину царствующею императрицею.

Какъ въ 1741 году сверженіе браунщвейгской фамиліи было ускорено приказомъ гвардіи выступить противъ Шведовъ въ Финляндію: такъ и теперь провозглашеніе Екатерины было ускорено нежеланіемъ гвардіи выступать въ походъ противъ Датчанъ. Солдаты волновались, и соумышленники, торопя дѣло, стали разглашать, что жизнь императрицы въ опасности. Императоръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ съ своею любимою компаніею; императрица жила въ Петергофѣ, куда къ 29 іюня, къ своимъ имянинамъ долженъ былъ пріѣхать и Петръ. 27 іюня волненіе въ гвардіи усилилось, рѣчи, что императрица въ опасности, раздавались громче, солдаты кричали, чтобъ ихъ вели въ Ораніенбаумъ противъ Голштинцевъ. Къ капитану Пассеку, главному въ одномъ изъ четырехъ отдѣловъ, входитъ солдатъ и объявляетъ, что императрица навѣрное погибла. Пассекъ отвѣчаетъ, что все это вздоръ; но солдатъ не успокоивается и прямо отъ него идетъ къ другому офицеру съ тѣми же рѣчами. Этотъ офицеръ не принадлежалъ къ числу соумышленниковъ; услыхавъ страшныя слова и узнавъ отъ солдата, что онъ былъ у Пассека, и тотъ отпустилъ его, офицеръ арестуетъ солдата, и идетъ къ майору Воейкову донести ему обо всемъ. Воейковъ арестуетъ Пассека и посылаетъ донесеніе императору въ Ораніенбаумъ. Вѣсть объ арестѣ Пассека привела въ движеніе весь Преображенскій полкъ, взволновала соумышленниковъ и въ другихъ полкахъ. Рѣшено было отправить Алексѣя Орлова въ Петергофъ къ императрицѣ и привезти ее въ Петербургъ, а Григорій Орловъ съ другимъ братомъ должны были приготовить все къ ея пріему. Гетманъ Разумовскій, князь Волконскій и Панинъ знали объ этомъ рѣшеніи, замѣчаетъ Екатерина.

Она не упоминаетъ ни слова объ участіи княгини Дашковой; напротивъ, она говоритъ объ ней слѣдующее: «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хочетъ присвоить

себѣ честь этой революціи; но не говоря уже о ея родствѣ, девятнадцатилѣтній возрастъ не позволялъ никому имѣть къ ней довѣрія. Она говорила, что все доходило до меня чрезъ нее: но въ продолженіи шести мѣсяцевъ я сносилась со всѣми главами предпріятія, прежде чѣмъ она узнала первое слово. Правда, что она очень умна; но умъ ея испорченъ чудовищнымъ тщеславіемъ и сварливымъ характеромъ; главы предпріятія ее ненавидятъ, но она была въ дружбѣ съ пустыми людьми, которые и разсказывали ей, что знали, т.-е. мелочи.

Это свидѣтельство въ сущности справедливо и подтверждается, какъ мы видѣли, разсказомъ самой Дашковой. Но для полноты слѣдовало бы прибавить, что Дашкова во всемъ этомъ дѣлѣ показала необыкновенное усердіе и самопожертвованіе, за что Екатерина сочла своею обязанностію ее отличить и наградить. Екатерина умолчала объ этомъ, позабывъ о противорѣчіи, какое произойдетъ между ея словами и дѣлами. Знаменитая императрица иногда позволяла себѣ такія умолчанія подъ вліяніемъ раздраженія и предубѣжденія противъ непріятныхъ ей людей. Минута, въ которую она высказала приведенное свидѣтельство о Дашковой, не принадлежала къ числу покойныхъ минутъ въ жизни Екатерины: она была очень раздражена претензіями Дашковой и столкновеніями ея въ этихъ претензіяхъ съ людьми, принять сторону которыхъ Екатерина имѣла сильныя побужденія. Но выслушаемъ разсказъ Дашковой о событіяхъ 27 іюня.

У нея сидѣлъ Панинъ въ то время, когда пріѣхалъ къ ней Григорій Орловъ съ извѣстіемъ объ арестѣ Пассека. Дашкова встревожилась; но Панинъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ началъ разсуждать, что Пассекъ посаженъ за какой-нибудь безпорядокъ по службѣ. Дашкова просила Орлова поѣхать и освѣдомиться точнѣе о причинѣ ареста, и если онъ арестованъ за государственное преступленіе, то чтобъ возвратился къ ней съ подробнымъ извѣстіемъ, а брата своего послалъ бы съ тѣмъ же къ Панину. Послѣ отъѣзда Орлова, Дашкова выпроводила и Панина, подъ предлогомъ, что хочетъ успокоиться, а сама, накинувъ мужской плащъ, отправилась пѣшкомъ къ дому Рославлева. Отошедши не много отъ своего дома, она замѣтила всадника, быстро мчащагося по направленію къ ея дому; какъ-будто кто-то шепнулъ ей, что это долженъ быть Алексѣй Орловъ, ибо она

не знала никого изъ братьевъ, кромѣ Григорья. Она громко выкрикнула эту фамилію, всадникъ остановился, подъѣхалъ къ ней, и когда Дашкова назвала себя, сказалъ: «Я ѣхалъ васъ увѣдомить, что Пассекъ арестованъ за государственное преступленіе, четверо часовыхъ стоятъ у дверей, по двое у оконъ. Братъ мой отправился сообщить объ этомъ Панину, а я сію минуту былъ за этимъ же у Рославлева. Тогда Дашкова стала ему говорить, чтобы онъ велѣлъ Рославлеву и Ласунскому ѣхать немедленно въ свой Измайловскій полкъ, для принятія императрицы, когда она въѣдетъ въ Петербургъ, а самъ или кто-нибудь изъ его братьевъ мчался бы въ Петергофъ и упросилъ Екатерину отъ имени ея, Дашковой, сѣсть тотчасъ же въ карету и ѣхать въ Петербургъ, гдѣ Измайловскій полкъ уже готовъ принять ее и провозгласить государынею. Дашкова прибавляетъ, что карета, въ которой Екатерина должна была пріѣхать изъ Петергофа, была выслана съ четверкою лошадей, по ея же, Дашковой, письму, камеръ-лакеемъ императрицы Шкуринымъ. Дашкова распорядилась отправленіемъ кареты, предвидя затрудненія, какія могла встрѣтить Екатерина на счетъ экипажа въ Петергофѣ отъ людей вовсе нерасположенныхъ помогать ей, и Панинъ смѣялся надъ этою предосторожностію, какъ лишнею.

Переговоривъ съ Алексѣемъ Орловымъ на дорогѣ, Дашкова возвратилась домой и въ страшномъ волненіи легла въ постель, чтобъ не возбуждать подозрѣнія въ прислугѣ. Вдругъ сильный ударъ въ дверь съ улицы заставилъ ее затрепетать. Она вскочила съ постели и велѣла впустить кто бы ни стучался. Вошелъ неизвѣстный молодой человѣкъ и объявилъ, что онъ Ѳедоръ Орловъ. «Я пришелъ, сказалъ онъ, спросить, не слишкомъ ли рано ѣхать брату къ императрицѣ, полезно ли ее безпокоить преждевременнымъ призывомъ въ Петербургъ?» При этихъ словахъ Дашкова вышла изъ себя: «Вы потеряли самое дорогое время, закричала она; что̀ тутъ думать о безпокойствѣ императрицы! лучше привезти ее въ обморокѣ въ Петербургъ, чѣмъ подвергать заточенію въ монастырь или возведенію на эшафотъ вмѣстѣ со всѣми нами». Молодой Орловъ ушелъ, увѣряя Дашкову, что братъ его немедленно поѣдетъ въ Петергофъ.

Можно сказать, что, принимая все это невыдуманнымъ, отъ чего не допустить догадку, что вожди предпріятія, не любя Даш-

ковой и не довѣряя сестрѣ фаворитки, внутренно смѣялись надъ распоряженіями Дашковой, когда уже они давно были рѣшены между ними и Екатериною, что Григорій Орловъ пришелъ къ ней потому, что искалъ Панина, что встрѣча съ Алексѣемъ Орловымъ, возвращавшимся отъ Рославлева, была случайная, что наконецъ младшій Орловъ пришелъ ночью къ Дашковой за тѣмъ только, чтобъ узнать, что дѣлаетъ и думаетъ другая Романовна, не затѣяла ли чего-нибудь въ пользу близкихъ родственниковъ, а если вѣрна императрицѣ, то не замыслила ли, незваная, непрошеная, вмѣшаться въ дѣло? Но оставимъ догадки и обратимъ вниманіе на свидѣтельства неоспоримыя: въ спискѣ наградъ за участіе въ событіи 28 іюня назначено: «гетману, князю Волконскому, Панину по 5000 пенсіона,» и непосредственно за ними «Дашковой 12,000». Кромѣ того, отъ 5 августа сохранилась записка Екатерины: «Выдать княгинѣ Катеринѣ Дашковой за ея ко мнѣ и къ отечеству *отмѣнныя заслуги* 24,000 рублей [105]».

Екатерина занимала въ Петергофѣ павильонъ Монплезиръ. Въ шесть часовъ утра 28 іюня она была разбужена Алексѣемъ Орловымъ, который вошелъ въ ея комнату и сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ: «Пора вставать; все готово для вашего провозглашенія».—«Какъ? что?» спросила Екатерина.— «Пассекъ арестованъ», отвѣчалъ Орловъ. Екатерина болѣе не спрашивала, поспѣшно одѣлась кой-какъ и сѣла въ карету, *въ которой пріѣхалъ* Орловъ. Орловъ сидѣлъ на козлахъ, у дверецъ ѣхалъ верхомъ другой офицеръ, Вас. Ил. Бибиковъ. За пять верстъ отъ Петербурга они встрѣтили Григорія Орлова и младшаго князя Борятинскаго, который уступилъ свой экипажъ императрицѣ, потому что ея лошади выбились изъ силъ. Она подъѣхала прямо къ казармамъ Измайловскаго полка. Здѣсь начинаютъ бить тревогу; солдаты выбѣгаютъ, кидаются къ императрицѣ, цѣлуютъ ея руки, ноги, платье, называютъ ее своею избавительницею. Двое солдатъ ведутъ подъ руки священника съ крестомъ и начинается присяга. Потомъ просятъ императрицу сѣсть опять въ карету; священникъ съ крестомъ идетъ впереди; отправляются въ Семеновскій полкъ. Семеновцы выходятъ на встрѣчу съ крикомъ: ура! Въ сопровожденіи Измайловцевъ и Семеновцевъ Екатерина поѣхала въ Казанскій соборъ, гдѣ была встрѣчена архіепископомъ Димитріемъ; начался моле-

бенъ; на эктеніяхъ возглашали самодержавную императрицу Екатерину Алексѣевну и наслѣдника великаго князя Павла Петровича. Изъ Казанскаго собора Екатерина отправилась въ новоотстроенный зимній дворецъ.

Между тѣмъ въ Преображенскомъ полку, въ третьей ротѣ часу въ осьмомъ увидали скачущаго изъ конной гвардіи рейтара, который кричалъ, чтобъ шли къ матушкѣ въ зимній каменный дворецъ (новый). Въ Измайловскомъ полку былъ слышенъ барабанный бой, тревога и въ городѣ повсюду движеніе. Солдаты выбѣжали на плацъ; прибѣжали и офицеры запыхавшись, изъ нихъ нѣкоторые были совершенно равнодушны, какъ будто знали о причинѣ тревоги. Такъ какъ всѣ офицеры молчали, то солдаты, безъ всякаго отъ нихъ приказанія, заряжая ружья, помчались къ полковому двору. На дорогѣ встрѣтился штабсъ-капитанъ Ниловъ, останавливалъ, но его не послушались и вошли на полковой дворъ. Тутъ нашли майора Текутьева: ходилъ онъ въ задумчивости взадъ и впередъ и не говорилъ ни слова, его спрашивали, куда прикажетъ идти, но онъ ничего не отвѣчалъ; рота на нѣсколько минутъ пріостановилась; но увидала, что по Литейной идетъ гренадерская рота; майоръ Воейковъ хотѣлъ ее остановить, подъѣхалъ верхомъ съ обнаженною шпагою и бранился; гренадеры не слушались; Воейковъ сталъ шпагою рубить ихъ по ружьямъ и шапкамъ: тогда они крикнули и бросились на него съ устремленными штыками; Воейковъ бросился скакать отъ нихъ во всю прыть, и боясь, чтобъ не захватили его на Симеоновскомъ мосту, повернувъ направо и въѣхалъ въ Фонтанку по грудь лошади: тутъ только гренадеры отстали отъ него. Видя это, третья рота двинулась, а остальныя роты Преображенскаго полка бѣжали по другимъ мостамъ, одна за другой, къ зимнему дворцу. Здѣсь поставили ихъ внутри дворца; а Семеновскій и Измайловскій полкъ, пришедшіе прежде, окружили дворецъ и всѣ выходы заставили своими караулами. Вышелъ архіерей съ крестомъ и привелъ Преображенцевъ къ присягѣ [106]. По словамъ Екатерины Преображенцы кричали ей: «Просимъ прощенья въ томъ, что пришли послѣдніе: наши офицеры насъ задержали; но вотъ мы привели изъ нихъ четверыхъ, чтобъ показать наше усердіе; мы того же хотимъ, чего и наши братья хотятъ». Конная гвардія обнаруживала необыкновенную радость.

Императрица вспомнила, какую страшную ненависть питала эта гвардія къ своему начальнику принцу Георгію, и потому отправила къ нему отрядъ пѣшей гвардіи съ просьбою, чтобъ принцъ, для избѣжанія бѣды, не выходилъ изъ дому. Распоряженіе опоздало: толпа конногвардейцевъ уже побывала у принца, прибила его, разграбила домъ.

Въ новомъ зимнемъ дворцѣ Екатерина нашла въ собраніи Сенатъ и Синодъ. Тепловъ наскоро составилъ манифестъ и форму присяги. Въ манифестѣ говорилось: «Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества Россійскаго явно оказалось, какая опасность всему Россійскому государству начиналась самымъ дѣломъ, а именно, законъ нашъ православный греческій первѣе всего восчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоносныmъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе, а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради убѣждены будучи всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностію, принуждены были, принявъ Бога и Его правосудіе себя въ помощь, а особливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное, вступили на престолъ нашъ всероссійскій и самодержавный, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественную учинили [107]».

Манифестъ дѣйствительно былъ составленъ наспѣхъ (à la hâte). Дѣла было очень много. Императрица вышла изъ новаго зимняго дворца и пѣшкомъ обошла войска, около него расположенныя: здѣсь было болѣе четырнадцати тысячъ, какъ гвардіи, такъ и арміи. Потрясающіе крики войска и народа привѣтствовали государыню. На счетъ этого войска и петербургскихъ жителей можно было успокоиться; но надобно было распорядиться относительно флота, приморскихъ мѣстъ и заграничной арміи. Для этихъ распоряженій императрица удалилась въ старый зимній дворецъ, вмѣстѣ съ сенаторами и Тепловымъ, который испол-

нялъ должность секретаря въ этомъ чрезвычайномъ совѣтѣ. Въ Кронштадтъ отправленъ былъ съ полномочіемъ адмиралъ Талызинъ. Вице-адмиралу Полянскому посланъ былъ рескриптъ — объявить флотскимъ и адмиралтейскимъ воинскимъ людямъ о восшествіи на престолъ Екатерины, привести ихъ къ присягѣ и до дальнѣйшаго указа никакихъ военныхъ дѣйствій не производить. Въ заграничную армію посланъ былъ указъ генералъ-поручику Петру Ив. Панину, находившемуся въ Кенигсбергѣ, смѣнить Румянцева въ начальствѣ надъ померанскимъ корпусомъ, потому что Румянцева подозрѣвали въ приверженности къ Петру III; въ рескриптѣ Панину говорилось: «Мы вступили сего числа благополучно на самодержавный престолъ всероссійскій, при чемъ мы, вѣдая вашу ревность и усердіе къ намъ, жалуемъ васъ полнымъ генераломъ, и повелѣваемъ вамъ принять корпусъ, состоящій подъ командою генерала Румянцева, въ свою полную команду, съ которымъ, получа сіе, немедленно въ Россію возвратиться имѣете. А понеже мы намѣреніе имѣемъ заключенный вновь вѣчный міръ съ его величествомъ королемъ прусскимъ содержать, того ради вы всѣ осторожности принять имѣете, дабы его величества землямъ никакихъ причинъ не подавать къ озлобленію, а генералу Румянцеву особливый указъ нашъ посланъ о сдачѣ вамъ команды и возвращеніи его къ намъ въ Россію». Еще имѣя причины думать, что войска могутъ понадобиться въ Россіи, желая сохранять поэтому міръ съ королемъ прусскимъ, Екатерина не могла желать вести вмѣстѣ съ нимъ войну противъ Австріи, и потому отправленъ былъ указъ Чернышеву «намѣреніе наше было и нынѣ есть всѣ средства употребить къ полученію общаго въ Европѣ мира; но тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотмѣнно, чтобъ вы немедленно возвратились со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію. Ежели же король прусскій въ томъ препятствовать начнетъ, то вы имѣете со всѣмъ вашимъ корпусомъ соединиться съ арміею и ближайшимъ корпусомъ императрицы цесаревы римской; что же касается до заключеннаго въ послѣднее время мира съ его величествомъ королемъ прусскимъ, то мы нашего императорскаго величества именемъ повелѣваемъ его величеству объявить торжественно, что мы оный миръ продолжать будемъ свято и ненарушимо,

доколѣ его величество къ разрыву онаго, а особливо при нынѣшнемъ случаѣ, явныхъ къ тому видовъ не подастъ». Наконецъ къ рижскому генералъ-губернатору Броуну былъ посланъ рескриптъ: «Понеже, по желанію всѣхъ сыновъ отечества, мы вступили благополучно на престолъ всероссійскій, того ради вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше объявляя и уповая на ваше къ намъ усердіе, повелѣваемъ всѣ мѣры къ тому принять, чтобъ сіе народное желаніе, съ Божіемъ благословеніемъ начатое, споспѣшествовано было добрымъ вашимъ учрежденіемъ, и въ противномъ случаѣ всѣ силы и мѣры употреблять имѣете къ отвращенію какого либо злаго сопротивленія, не взирая ни на чье достоинство и ни отъ кого кромѣ что за нашимъ подписаніемъ никакихъ повелѣній не принимать [108].»

Но одними распоряженіями на бумагѣ ограничиться было нельзя; успѣхъ этихъ распоряженій главнымъ образомъ зависѣлъ отъ рѣшеній Петра III: онъ имѣлъ средство во имя своихъ правъ поднять внутреннюю борьбу, могъ поспѣшно удалиться къ заграничной арміи и найти поддержку у Фридриха II, который «особливо при нынѣшнемъ случаѣ, могъ подать явные виды къ разрыву мира», какъ говорилось въ указѣ Чернышеву. Поэтому рѣшено было предупредить Петра III, и Екатерина, въ челѣ преданнаго ей войска, хотѣла сама выступить къ Петергофу. Сенатъ получилъ собственноручный указъ: «Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностію, подъ стражу: отечество, народъ и сына моего. Графамъ Скавронскому, Шереметеву, генералъ-аншефу Корфу и подполковнику Ушакову присутствовать съ войсками, и имъ, такъ какъ и дѣйствит. тайному совѣтнику Неплюеву жить во дворцѣ при моемъ сынѣ [109].»

Около 10 часовъ вечера, Екатерина верхомъ, въ гвардейскомъ мундирѣ Преображенскаго полка, въ шляпѣ, украшенной дубовыми вѣтвями, изъ-подъ которой распущены были длинные красивые волосы, выступила съ войскомъ изъ Петербурга; подлѣ императрицы ѣхала княгиня Дашкова также верхомъ и въ преображенскомъ мундирѣ; но это были старинные мундиры, введенные при Петрѣ Великомъ, и потому слывшіе уже національными, ибо какъ только Екатерина была провозглашена,

гвардейцы, какъ будто по указу, сбросили съ себя новые мундиры, введенные Петромъ III, которые они называли иностранными, разодрали ихъ или продали за безцѣнокъ и надѣли старые [110]. При самомъ выступленіи изъ Петербурга, передъ императрицею явился великій канцлеръ Воронцовъ съ упреками за ея дѣйствія: вмѣсто отвѣта, говоритъ Екатерина, его повели въ церковь давать присягу. Иначе разсказываетъ Дашкова: по ея словамъ, Воронцовъ, видя, что его увѣщанія не дѣйствительны, удалился, отказываясь принести присягу: «будьте увѣрены, в. в. сказалъ онъ, что я никогда, ни словомъ, ни дѣломъ, не буду вредить вашему правленію, и для доказательства искренности моихъ словъ, прикажите одному изъ преданнѣйшихъ вашихъ офицеровъ наблюдать за моимъ домомъ; но никогда, при жизни императора, я не нарушу данной ему присяги». До насъ дошло письмо Воронцова Екатеринѣ отъ того же 28-го іюня: «Всемилостивѣйшая государыня! По неиспытаннымъ судьбамъ Всемогущаго угодно было васъ на императорскій престолъ возвести, я за первую должность мою почелъ, припадая къ стопамъ вашего императорскаго (величества пропущено) всенижайше просить о милостивомъ увольненіи отъ настоящаго моего чина и пожаловать великодушно свободить меня отъ всѣхъ дѣлъ, дабы я могъ достальную жизнь мою въ тишинѣ и покоѣ препроводить и скончать. Не возмни, всемилост. государыня, чтобъ я для какихъ-либо видовъ, или охоты не имѣлъ жизнь мою въ службѣ в. в—ства окончить, но единственно призываю Всевышняго въ свидѣтельство, что я отнюдь не въ состояніи за весьма изнуреннымъ моимъ здоровьемъ и ежедневно разными болѣзнями одержимъ будучи, не могу какъ бы желалъ должность мою исправлять. Равномѣрное мое прошеніе было вѣчно достойной памяти государынѣ императрицѣ еще въ прошломъ году и по вступленіи на престолъ его величества, токмо сея милости получить не удостоился, которую изъ щедрыхъ рукъ в. и. в—ства съ оказаніемъ сроднаго твоего милосердія ожидаю и повергаю себя къ стопамъ в. в—ства, съ рабскимъ благоговѣніемъ пребываю в. и. в—ства всеподданѣйшій рабъ Г. Михаилъ Воронцовъ». Изъ этого письма никакъ нельзя догадаться, что писавшій его отказался принести присягу; притомъ послѣднее исключало надобность проситься въ отставку: неприсягнувшій не могъ

служить; но Воронцовъ остался на службѣ въ прежнемъ канцлерскомъ достоинствѣ. Пріѣхалъ изъ Петергофа князь Никита Трубецкой и графъ Александръ Шуваловъ: ихъ также повели къ присягѣ, при чемъ Екатерина прибавляетъ, что они пріѣхали въ Петербургъ, чтобъ убить ее. Но Екатерина такъ хорошо знала этихъ людей, ихъ неспособность убивать, что могла сказать подобное только въ сильномъ раздраженіи.

Воронцовъ, Трубецкой и Александръ Шуваловъ пріѣхали въ Петербургъ за вѣстями, а, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, это былъ для нихъ только предлогъ, чтобъ ускользнуть изъ Петергофа отъ Петра. Мы видѣли, что императоръ жилъ въ Ораніенбаумѣ; съ нимъ были тамъ: канцлеръ Воронцовъ съ братомъ Романомъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ, графъ Александръ Шуваловъ, князь Никита Трубецкой, вице-канцлеръ князь Александръ Мих. Голицынъ, прусскій посланникъ Гольцъ, трое Нарышкиныхъ, Мельгуновъ, гофмаршалъ Измайловъ, генералъ-адъютанты—князь Ив. Ѳед. Голицынъ и Гудовичъ, тайный секретарь Волковъ, тайный кабинетскій совѣтникъ Олсуфьевъ, старый наставникъ Штелинъ и нѣсколько другихъ. Изъ дамъ были графиня Елисавета Ром. Воронцова, графиня Анна Карловна Воронцова (жена канцлера) съ дочерью, графинею Строгановою, графиня Разумовская (жена гетмана), княгиня Трубецкая (жена князя Никиты), графиня Шувалова (жена графа Александра), дочь принца Голштейнъ-Бекъ, графиня Брюсъ, Нарышкины и другія. 28-го іюня утромъ, въ то самое время когда Екатерина провозглашалась самодержавною императрицею всероссійскою въ Казанскомъ соборѣ, Петръ въ Ораніенбаумѣ дѣлалъ обычный парадъ голштинскимъ войскамъ, послѣ чего, въ 10 часовъ отправился съ своею свитою, въ шести экипажахъ, въ Петергофъ. Гудовичъ поѣхалъ впередъ, и вдругъ возвращается встревоженный и тихонько разсказываетъ Петру, что императрицы съ ранняго утра нѣтъ въ Петергофѣ и никто не знаетъ, куда она дѣвалась. Императоръ выходитъ изъ себя при этой вѣсти, выскакиваетъ изъ экипажа и пѣшкомъ вмѣстѣ съ Гудовичемъ спѣшитъ черезъ садъ къ павильону Монплезиръ, входитъ туда—нѣтъ нигдѣ, лежитъ только ея бальное платье, приготовленное къ завтрашнему празднику. Когда Петръ послѣ напрасныхъ розысковъ выходилъ изъ Монплезира, подошло остальное общество: «Не говорилъ ли я вамъ,

что она на все способна!» крикнулъ ему Петръ; съ его проклятіями смѣшался безсвязный говоръ и вопль женщинъ. Потомъ въ отчаяніи бросился онъ искать Екатерину по всему саду: во время этихъ поисковъ подошелъ къ нему крестьянинъ съ запискою отъ Брессона, котораго Петръ изъ камердинеровъ своихъ сдѣлалъ директоромъ гобелиновой мануфактуры; въ запискѣ заключалось извѣстіе о петербургскомъ переворотѣ. Тутъ-то Воронцовъ, Трубецкой и Шуваловъ отправляются въ Петербургъ за подробными извѣстіями. Въ три часа пріѣзжаетъ изъ Петербурга Голштинецъ фейерверкеръ и разсказываетъ, что тамъ съ утра начались волненія въ Преображенскомъ полку. Такъ какъ, по слухамъ, вождемъ предпріятія былъ гетманъ Разумовскій, то послали за старшимъ Разумовскимъ Алексѣемъ, который жилъ недалеко въ имѣніи своемъ Гостилицахъ; старикъ пріѣхалъ, но это нисколько не помогло дѣлу. Разумнѣе была другая мѣра: отправленіе адъютанта императорскаго, графа Девьера въ Кронштадтъ для обезпеченія за Петромъ этого важнаго мѣста на всякій случай. Въ то время, какъ въ Петербургѣ въ старомъ зимнемъ дворцѣ при Екатеринѣ Тепловъ писалъ рескрипты и указы, въ Петергофѣ Волковъ также писалъ манифесты и указы. Три солдата, отправленные съ этими манифестами въ Петербургъ для распространенія ихъ въ народѣ, встрѣтили Екатерину по выѣздѣ ея изъ города и отдали ей всѣ бумаги, говоря, что очень рады быть заодно съ своею братьею. Петръ мѣнялъ свои намѣренія; сначала онъ хотѣлъ защищаться въ Петергофѣ и послалъ за голштинскимъ войскомъ въ Ораніенбаумъ. Въ 8 часовъ вечера пришло это войско; но потомъ взяли верхъ представленія Миниха: защищаться съ Голштинцами противъ большого войска Екатерины найдено невозможнымъ, Голштинцы отправлены назадъ въ Ораніенбаумъ, и рѣшено плыть въ Кронштадтъ.

Въ 10 часовъ вечера Петръ со всѣми находившимися въ Петергофѣ лицами, мужчинами и женщинами, отправился въ Кронштадтъ на галерѣ и яхтѣ. Но въ Кронштандтѣ уже начальствовалъ Талызинъ именемъ императрицы Екатерины II-й, а Девьеръ, присланный Петромъ, сидѣлъ подъ арестомъ. Въ первомъ часу ночи галера и яхта приблизились къ Кронштадтскому рейду; но изъ крѣпости велѣно было имъ удалиться; на извѣщеніе, что

пріѣхалъ самъ императоръ, отвѣчали, что въ Россіи нѣтъ больше императора, а императрица Екатерина II, и если суда сейчасъ же не уйдутъ, то начнется противъ нихъ пушечная стрѣльба. Гудовичъ, подговариваемый Минихомъ, представлялъ Петру, что не должно обращать вниманія на угрозы, стоитъ только ему втроемъ съ ними спрыгнуть на берегъ, въ минуту крѣпость и флотъ признаютъ его власть. Но испуганный Петръ скрылся въ нижнюю часть корабля; между женщинами раздавались рыданія и вопли, и суда поплыли назадъ. Тутъ Минихъ приступилъ съ новымъ планомъ: съ помощію гребцовъ доплыть до Ревеля, тамъ сѣсть на военный корабль и отправиться въ Померанію. «Вы примете начальство надъ войскомъ, говорилъ Минихъ, поведете его въ Россію, и я ручаюсь в. в-ству, что въ шесть недѣль, Петербургъ и Россія опять будутъ у вашихъ ногъ». Но другіе нашли этотъ планъ слишкомъ смѣлымъ и совѣтовали, возвратясь въ Ораніенбаумъ, войти въ переговоры съ императрицею: этотъ совѣтъ былъ принятъ.

Екатерина, отойдя десять верстъ отъ Петербурга, остановилась въ Красномъ Кабачкѣ, чтобъ дать нѣсколько часовъ отдохнуть войску, которое цѣлый день было на ногахъ. Екатерина вмѣстѣ съ княгинею Дашковою провела эти нѣсколько часовъ отдыха въ маленькой комнатѣ, гдѣ была одна грязная постель для обѣихъ. Нервы были слишкомъ возбуждены и сна не было. Безсонница однако не была тяжка: императрица и Дашкова были бодры, сердца ихъ были наполнены веселыми предчувствіями [111].

Въ Красномъ Кабачкѣ настигъ войска Никита Ив. Панинъ, и въ третьемъ часу пополуночи написалъ Сенату: «Имѣю честь чрезъ сіе увѣдомить прав. Сенатъ, что ея и. в-ство благополучно маршъ свой продолжаетъ, которую я со всѣми полками засталъ у Краснаго Кабачка на ростахѣ. Впрочемъ ревность неописанную и нимало неумаляющуюся къ намѣренію предпріятому во всѣхъ полкахъ вижу; о семъ и удостовѣряю». На встрѣчу этому удостовѣренію шло донесеніе Сената, отправленное также въ 2 часа по полуночи: «Государь цесаревичъ въ желаемомъ здоровьи находится, и въ домѣ ея и. в-ства, потому жъ и въ городѣ, состоитъ благополучно и повелѣнныя учрежденія исправны». Повелѣнныя учрежденія состояли въ томъ, чтобъ не пропускать

ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга ни людей, ни бумагъ. Такъ секретарь ямской канцеляріи представилъ Сенату записку, переданную ему старостою ямскихъ слободъ, а староста получилъ ее изъ Петергофа чрезъ почтаря; въ этой запискѣ, за рукою генералъ-поручика Овцына, заключался приказъ въ ямскія слободы: «получа сей приказъ, выбравъ 50 лошадей самыхъ хорошихъ, прислать сюда въ Петергофъ съ выборнымъ и явиться на конюшнѣ; а ежели потребуетъ адьютантъ Костомаровъ пару лошадей, то дать ему безъ всякой отговорки». Костомаровъ былъ арестованъ и на допросѣ отвѣчалъ: «какъ его Мельгуновъ и Михайла Львовичъ Измайловъ посылали изъ Ораніенбаума, объявляя именной бывшаго императора указъ, въ Петербургъ, то приказывали ему, чтобъ онъ въ ихъ полкахъ сказалъ полковникамъ, дабы они съ полками своими слѣдовали въ Ораніенбаумъ»[112].

Въ пять часовъ утра Екатерина опять сѣла на лошадь и выступила изъ Краснаго Кабачка. Въ Сергіевской пустыни была другая небольшая остановка. Здѣсь встрѣтилъ императрицу вице-канцлеръ князь Александръ Мих. Голицынъ съ письмомъ отъ Петра: императоръ предлагалъ ей раздѣлить съ нимъ власть. Отвѣта не было. Затѣмъ пріѣхалъ генералъ-майоръ Измайловъ и объявилъ, что императоръ намѣренъ отречься отъ престола. «Послѣ отреченія вполнѣ свободнаго я вамъ его привезу и такимъ образомъ спасу отечество отъ междоусобной войны», говорилъ Измайловъ. Императрица поручила ему устроить это дѣло. Дѣло было устроено, Петръ подписалъ отреченіе, составленное Тепловымъ въ такой формѣ: «Въ краткое время правительства моего самодержавнаго россійскимъ государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительство владѣть россійскимъ государствомъ, почему и восчувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія: того ради, помысливъ я самъ въ себѣ безпристрасно и непринужденно, чрезъ сіе объявляю не только всему россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что я отъ правительства россійскомъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюся, не желая ни самодержавнымъ, ниже инымъ

какимъ либо образомъ правительства во всю жизнь мою въ россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда либо или черезъ какую-либо помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою».

Въ пять часовъ утра 29 іюня, гусарскій отрядъ подъ начальствомъ поручика Алексѣя Орлова занялъ Петергофъ; потомъ стали приходить полки одинъ за другимъ, располагаясь вокругъ дворца. Въ 11 часовъ пріѣзжаетъ императрица верхомъ въ гвардейскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи одѣтой такимъ же образомъ княгини Дашковой; раздаются пушечная пальба и восторженные крики войска; въ первомъ часу Григорій Орловъ и Измайловъ привозятъ отрекшагося императора вмѣстѣ съ Гудовичемъ, и помѣщаютъ въ дворцовомъ флигелѣ, а около вечера Петра отвозятъ въ Ропшу, загородный дворецъ въ 27 верстахъ отъ Петергофа. Въ 9 часовъ вечера императрица отправилась изъ Петергофа, и на другой день, 30 числа, имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

Фридрихъ II, разговаривая впослѣдствіи съ графомъ Сегюромъ, который ѣхалъ посланникомъ отъ французскаго двора въ Петербургъ, сдѣлалъ такой отзывъ о событіяхъ 28—29 іюня: «По справедливости, императрицѣ Екатеринѣ нельзя приписать ни чести, ни преступленія этой революціи: она была молода, слаба, одинока, она была иностранка, наканунѣ развода, заточенія. Орловы сдѣлали все; княгиня Дашкова была только хвастливою мухою въ повозкѣ. Екатерина не могла еще ничѣмъ управлять; она бросилась въ объятія тѣхъ, которые хотѣли ее спасти. Ихъ заговоръ былъ безразсуденъ и плохо составленъ; отсутствіе мужества въ Петрѣ III-мъ, не смотря на совѣты храбраго Миниха, погубило его: *онъ позволилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать* [113].»

Не смотря на видимую мѣткость послѣдняго выраженія, мы не можемъ признать справедливости этого приговора. Фридрихъ не объяснилъ, какихъ бы условій онъ требовалъ отъ заговора, хорошо составленнаго. Мы видимъ одно, что, при всеобщемъ возбужденіи, людямъ энергическимъ было не трудно достигнуть своей цѣли. Движеніе произошло въ гвардіи, но оказалось не-

медленно, что Екатерина точно также опиралась на сенатъ и синодъ. Средства Петра III были истощены, когда сломлено было сопротивленіе ничтожнаго числа офицеровъ, хотѣвшихъ удержать полки. Мы не будемъ утверждать, что Петръ III отличался смѣлостію; но если бы онъ принялъ совѣтъ Миниха, то есть ли основаніе утверждать, что въ Ревелѣ и въ заграничной арміи онъ не испыталъ бы такого же пріема, какъ и въ Кронштадтѣ?

Какъ бы то ни было, ликованіе по поводу восшествія на престолъ Екатерины усиливалось и тѣмъ, что перемѣна произошла безъ пролитія капли крови; пострадали только винные торговцы. «День (30 іюня) былъ самый красный, жаркій, разсказываетъ Державинъ. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось. Въ полночь на другой день съ пьянства Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровождаема была въ зимній дворецъ, собравшись безъ свѣдѣнія командующихъ, приступивъ къ лѣтнему дворцу, требовалъ, чтобъ императрица къ нему вышла и увѣрила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями прусскимъ королемъ, котораго имя всему россійскому народу было ненавистно. Ихъ увѣряли дежурные придворные, Ив. Ив. Шуваловъ и подполковникъ ихъ графъ Разумовскій, также и господа Орловы, что государыня почиваетъ и, слава Богу, въ вожделѣнномъ здравіи; но они не вѣрли и непремѣнно желали, чтобъ она имъ показалась. Государыня принуждена встать, одѣться въ гвардейскій мундиръ и проводить ихъ до ихъ полка. Поутру (на другой день) изданъ былъ манифестъ, въ которомъ хотя съ одной стороны похвалено было ихъ усердіе, но съ другой напоминалась воинская дисциплина, и чтобъ не вѣрили они разсѣваемымъ злонамѣренныхъ людей метежничьимъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе; въ противномъ случаѣ впредь за непослушаніе они своимъ начальникамъ и всякую

подобную дерзость наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ съ того самаго дня пріумножены пикеты, которые въ многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по всѣмъ мѣстамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ таковомъ военномъ положеніи находился Петербургъ, а особливо вокругъ дворца, въ которомъ государыня пребываніе свое имѣла дней съ 8».

11 Августа 1764 года сенатъ слушалъ челобитную купца Дьяконова, о возвращеніи ему за растащенныя у него при благополучномъ ея и. в-ства на императорскій престолъ восшествіи въ собственномъ его домѣ изъ погреба виноградные напитки солдатствомъ и другими людьми по цѣнѣ на 4044 рубля. Приказали: оную челобитную, по примѣру челобитной купца Медера о такомъ же растащеніи виноградныхъ напитковъ, отослать въ камеръ-контору для разсмотрѣнія. Въ концѣ года камеръ-коллегія представила о поднесеніи ея и. в-ству вновь доклада о растащенныхъ при благополучномъ восшествіи ея и. в-ства на престолъ солдатствомъ и другими людьми съ кабаковъ напиткахъ. Приказали: какъ уже о томъ былъ докладъ 763 года іюля 9, то вновь другаго не подавать, а ожидать конфирмаціи на прежній. Но въ іюнѣ 1765 года Сенатъ рѣшилъ подать докладъ о растащенныхъ 28 іюня 1762 года изъ погребовъ виноградныхъ винахъ на 24331 рубль, сказать, что цѣны обозначены вѣрно и что Сенатъ признаетъ справедливымъ удовлетворить за растащенное изъ кабаковъ простое вино зачетомъ откупщикамъ въ откупную сумму, а продавцамъ винограднаго вина въ пошлинный сборъ [114].

ГЛАВА II.

Царствованіе Императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1762 годъ.

Награды участникамъ въ событіи 28 іюня. — Возвращеніе графа Бестужева-Рюмина и князя Шаховского. — Торжественное оправданіе Бестужева. — Ададуровъ и Елагинъ. — Судьба Гудовича, Волкова и Мельгунова. — Положеніе Ив. Ив. Шувалова. — Воронцовы. — Минихъ. — Екатерина въ Сенатѣ. — Кончина Петра III. — Мысль о монументѣ Екатеринѣ. — Финансовыя мѣры. — Мѣры: противъ взяточничества; противъ монополій. — Крестьянскія волненія. — Дѣло о церковныхъ имѣніяхъ. — Дѣло объ учрежденіи императорскаго совѣта. — Приготовленія къ коронаціи. — Переписка Теплова съ Панинымъ. — Пріѣздъ императрицы въ Москву. — Коронація. — Дѣло Гурьевыхъ и Хрущова. — Забота объ улучшеніи состоянія обѣихъ столицъ. — Отмѣна сыщиковъ. — Продолженіе крестьянскихъ волненій. — Коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ. — Вызовъ иностранныхъ колонистовъ. — Стараніе возвратить русскихъ бѣглецовъ. — Окончаніе дѣла объ императорскомъ совѣтѣ. — Общій характеръ внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованіи Екатерины II. — Сношенія съ Пруссіею, Даніею, Швеціею, Польшею, Курляндіею, Турціею, Австріею, Франціею и Англіею.

Кончились заботы о пріобрѣтеніи власти; начинались болѣе тяжкія заботы о ея сохраненіи. Нужно было наградить людей, помогшихъ достигнуть власти — дѣло тяжелое, ибо каждый цѣнилъ свою услугу дорого и ревниво смотрѣлъ вокругъ, не получилъ ли кто больше за услугу меньшую; видѣлись только радостныя лица, слышались восторженные клики, а между тѣмъ бушевало цѣлое море страстей. Нужно было цѣнною, удовлетворяющею наградою закрѣпить старыхъ приверженцевъ, не возбудить между ними соперничества, не произвести между ними столкновенія, не произвести вражды между ними и собствен-

нымъ ихъ дѣломъ; нельзя было, по крайней мѣрѣ вдругъ, удалить людей, стоявшихъ на верху въ прежнее царствованіе и не участвовавшихъ въ перемѣнѣ, ибо и они, исключая очень немногихъ, не были довольны прежнимъ царствованіемъ и не были виновны въ томъ, чѣмъ возбуждалось всеобщее неудовольствіе; нужно было показать, что никто изъ людей видныхъ, полезныхъ, своею дѣятельностію, не потерялъ отъ перемѣны; нужно было сдѣлать такъ, чтобъ прошлое не напоминало о себѣ ничѣмъ добрымъ, не высказывалось ни въ одной силѣ, которая бы не осталась неупотребленною и которой не было бы дано лучшее направленіе въ настоящемъ. Въ прошлое царствованіе почти не было опалъ, потому что наступило спокойно, безъ переворота; новое царствованіе должно было показать свое превосходство тѣмъ, что не допускало опалъ, хотя и произошло вслѣдствіе переворота; не желалось показать, что были люди, и люди видные, которые враждебны новому царствованію, нельзя было нарушить всеобщности признанія новаго, всеобщности сочувствія къ нему; а между тѣмъ естественно рождалось соперничество между людьми, которые считались своими, и между чужими, которые введены были въ права своихъ. Нужно было неусыпными попеченіями о дѣлахъ внутреннихъ показать народу, что Россія дѣйствительно избавлена отъ страшнаго разстройства, происходившаго вслѣдствіе отсутствія разумной власти; а въ дѣлахъ внѣшнихъ нужно было дать народу требуемый миръ и въ то же время возстановить значеніе, славу имперіи, потерею которыхъ порицалось прошлое царствованіе.

Всѣ видные участники событій 28 іюня были щедро награждены повышеніями по службѣ, военные получили вмѣстѣ и придворные чины; кромѣ того награждены населенными имѣніями, получили одни по 800, другіе по 600, иные по 300 душъ крестьянъ; нѣкоторые получили одновременныя денежныя награды по 24, 20 и 10,000 рублей; гетманъ Разумовскій, Никита Ив. Панинъ и князь Мих. Никит. Волконскій получили пожизненныя пенсіи по 5000 рублей въ годъ. Кн. Дашкова пожалована въ *кавалеры* ордена св. Екатерины и получила денежную награду. Григорій Орловъ сдѣланъ камергеромъ, Алексѣй Орловъ секундъ-майоромъ Преображенскаго полка, оба получили Александровскія ленты, братъ ихъ Ѳедоръ сдѣланъ капитаномъ Се-

меновскаго полка, всѣ трое получили по 800 душъ крестьянъ, Тепловъ получилъ 20,000 рублей. Богатою наградою указано было на участіе въ событіи 28 іюня двоихъ братьевъ ярославскихъ купцовъ, извѣстныхъ основателей русскаго театра, Ѳедора и Григорья Волковыхъ: они получили дворянство и 700 душъ [115].

Екатерина спѣшила возвратить двоихъ опальныхъ прежняго царствованія, бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина и бывшаго генералъ-прокурора князя Якова Шаховского. Въ первые дни царствованія императрица пользовалась совѣтами преимущественно двухъ лицъ, Никиты Ив. Панина и стараго сенатора, птенца Петра Великаго, Ив. Ив. Неплюева; ей важно было имѣть подлѣ себя еще двоихъ людей, знаменитыхъ своею опытностію, одного во внѣшнихъ, другаго во внутреннихъ дѣлахъ — Бестужева и Шаховского. 1 іюля князь Яковъ, пріѣзжавшій изъ деревни на короткое время въ Москву, уже собирался ѣхать опять въ деревню, какъ вошелъ къ нему пасынокъ, гвардейскій офицеръ Лопухинъ и съ тревожнымъ видомъ объявилъ, что встрѣтилъ на улицѣ двѣ дорожныя коляски; сидѣвшій въ первой изъ нихъ гвардейскій офицеръ Колышкинъ, увидавъ его, велѣлъ остановить лошадей, подбѣжалъ къ его каретѣ и въ восторгѣ сказалъ ему: «поздравляю тебя съ новою императрицею, Екатериною Алексѣевною, которая на престолъ Богомъ возведена, и я теперь скачу не останавливаясь съ указомъ ея в—ства къ графу Алексѣю Петровичу Бестужеву, чтобъ онъ немедленно ѣхалъ въ Петербургъ». Послѣ этихъ новостей Шаховской отложилъ отъѣздъ въ деревню, и на другой день получилъ изъ Сенатской Конторы экземпляръ манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины, и извѣщеніе, что тотъ же князь Меншиковъ, который привезъ въ Москву манифестъ, привезъ также указъ, повелѣвающій ему, Шаховскому, немедленно ѣхать въ Петербургъ. Большой колоколъ на Иванѣ Великомъ уже гудѣлъ, Успенскій соборъ и вся площадь наполнена была разнаго званія людьми, «которые съ радостными восторгами благодарили Всемогущаго за сію ко всеобщему благополучію содѣланную въ отечествѣ нашемъ перемѣну». Очутившись вслѣдствіе этой перемѣны опять въ Петербургѣ, Шаховской при первомъ представленіи услыхалъ изъ устъ императрицы самые лестные отзывы о прежней своей службѣ и желаніе, чтобъ онъ опять занялъ мѣсто сенатора.

«День отъ дня оказываемые знаки милости е. и. в. и особливо со мною о многихъ внутреннихъ дѣлахъ къ свѣдѣнію ея потребныхъ частые разговоры и являемыя довѣренности ободряли меня и дѣлали неутомленнымъ», говоритъ Шаховской [116].

Въ половинѣ іюля пріѣхалъ изъ Горетова и старый Калхасъ, давно пророчествовавшій и составлявшій проекты о томъ, что теперь совершилось. Бестужевъ пріѣхалъ прямо во дворецъ и былъ принятъ императрицею какъ старый другъ. Старикъ казался очень дряхлымъ. Никто не сомнѣвался, что онъ будетъ имѣть большую долю участія въ правленіи, хотя никто не могъ указать мѣсто, какое онъ могъ занять; никакихъ перемѣнъ не предвидѣлось: Воронцовъ оставался великимъ канцлеромъ и Панинъ по прежнему считался довѣреннымъ лицемъ императрицы [117]. Екатерина не могла не возвратить Бестужева и считала его полезнымъ совѣтникомъ; старикъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что къ нему обращались за совѣтомъ въ важныхъ случаяхъ и обращались въ самыхъ лестныхъ формахъ, Екатерина обыкновенно писала ему: «Батюшка Алексѣй Петровичъ!» Но канцлерства она ему возвратить не хотѣла; она хорошо знала упрямство Бестужева въ проведеніи своей любимой, разъ принятой системы, въ поддержаніи разъ принятыхъ отношеній. Особенно такой канцлеръ былъ неудобенъ теперь при запутанности европейской политики, когда и для России должна была выработаться новая система; а главное, такой канцлеръ былъ неудобенъ для Екатерины, которая, по своей энергіи, хотѣла сама управлять внѣшнею политикою, при чемъ, разумѣется, искала въ канцлерѣ собственно секретаря. Воронцовъ, не смотря на личное нерасположеніе къ нему Екатерины, былъ очень удобенъ теперь въ началѣ, въ переходное время, а потомъ имѣлся въ виду Панинъ, который хотя также былъ человѣкъ самолюбивый и пристрастный къ своей системѣ, но по характеру своему, по своей медленности и осторожности, онъ уже былъ эластичнѣе, а главное, онъ былъ свѣжѣе, доступнѣе новому, съ нимъ было легче сойтись въ мысляхъ, чѣмъ съ Бестужевымъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ казаться пришельцемъ изъ другаго міра.

Очень вѣроятно, что Бестужевъ мечталъ о возвращеніи канцлерства; но до него стали доходить слухи, что его считаютъ уже слишкомъ дряхлымъ для этой трудной должности. Но было

еще другое важное препятствіе для полнаго возстановленія его значенія: если бы онъ подвергся опалѣ при Петрѣ III, то при перемѣнѣ, въ слѣдствіе которой всѣ событія этого царствованія являлись въ черномъ цвѣтѣ, всѣ опальные того времени само собою являлись невинными и не нуждались въ оправданіи; но Бестужевъ подвергся опалѣ при Елисаветѣ, которая оставила по себѣ такую добрую память между русскими людьми; теперь ея память стала еще дороже для нихъ послѣ шестимѣсячнаго царствованія ея племянника, и Бестужевъ чувствовалъ, что сильно нуждается въ оправданіи. Любопытно въ этомъ отношеніи письмо его къ племяннику князю Мих. Никит. Волконскому: «Мнѣ просимое оправданіе столь нужнѣйшимъ есть, что хотя многія отъ высочайшаго ея и. в. милосердія неизреченныя милости получилъ, однакожь бы оное за верхъ своего благополучія и обрадованія при недолговременной своей жизни имѣлъ; а инако бы я въ прежнемъ поношеніи бывшимъ арестомъ какъ преступникъ остался къ великому оскорбленію и печали, которая прежде времени меня въ гробъ свести легко можетъ; да и безъ того уже слышу о себѣ изъ зависти за повѣренность ея и. в-ства ко мнѣ разныя толкованія, будто я младенчествую, и никакой памяти не имѣю и ни къ какимъ дѣламъ не способенъ. Разсудите ваше сіятельство: буде я за старостію и слабою памятію къ службѣ неспособнымъ почитаемъ, то хотя бы другой кто и въ половинѣ 70 лѣтъ былъ, но въ гоненіяхъ и утѣсненіяхъ будучи полпята года, притомъ лишаясь наималѣйшаго свѣдѣнія о происхожденіяхъ и дѣлахъ въ Европѣ, едва ли возможетъ понятіе и разсужденіе объ оныхъ явственно и такъ скоро имѣть, какъ я сюда пріѣхалъ. Однакожь при всегдашней отъ Бога помощи, въ дѣлахъ могъ бы еще нѣсколько и я по своей обыкновенной ревности службу показать, когда бъ только состояніе мое нынѣшнее поправлено и отъ поношенія избавлено было. А впрочемъ я не завидливъ, но, по пословицѣ, отдаю тому книги, кто лучше знаетъ, и ничего себѣ не желаю, ни славы въ великой знатности, ни богатства, будучи одною ногою почти во гробѣ, а только желаю оставить по себѣ честное имя» [118].

Но именно побужденія, по которымъ Бестужевъ такъ сильно желалъ оправданія, и затрудняли дѣло: оправдать Бестужева

значило обвинить Елисавету. Желаніе Бестужева однако было исполнено: 31 августа изданъ былъ оправдательный манифестъ, въ которомъ Екатерина говорила: «Графъ Бестужевъ-Рюминъ ясно намъ открылъ, какимъ коварствомъ и подлогомъ недоброжелательныхъ доведенъ онъ былъ до сего злополучія, и тѣмъ возбудилъ въ насъ самихъ не токмо о немъ достойное сожалѣніе, но и крайнее удовольствіе, что наше ему освобожденіе нашлось соотвѣтствующее тому правосудію, съ которымъ мы царствовать начали. Паче всего симъ подтвердилъ онъ намъ, что чѣмъ тягчайшее на кого-либо приносится обвиненіе, тѣмъ глубочае и осторожнѣе прежде въ изслѣдованіи поступить надлежитъ, а инако осужденіе безвинно быть можетъ; ибо хотя наше вселюбезнѣйшая тетка, императрица Елисавета Петровна, какъ намъ самимъ и всему свѣту извѣстно было, прозорливая, просвѣщенная и милосердая, и притомъ и правосудная монархиня была, но кромѣ сердцевѣдца Бога, никому изъ смертныхъ въ человѣческія помышленія проникнуть невозможно, и потому несомнѣнно противу воли и намѣренія ея дѣло къ несчастію его графа Бестужева-Рюмина до сего времени обращалося. И такъ въ защищеніе ея имени и добродѣтелей, съ которыми она царствовала милосердо и человѣколюбиво, за истинную къ ней любовь и почтеніе, а паче за долгъ христіанскій и монаршій, мы приняли: его графа Бестужева-Рюмина всенародно показать паче прежняго достойнымъ покойной тетки нашей, бывшей его государыни, довѣренности, и нашей особливой къ нему милости, яко симъ нашимъ манифестомъ исполняемъ, возвратя ему съ прежнимъ старшинствомъ чины генерала-фельдмаршала, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалера съ пенсіономъ по 20,000 рублей въ годъ[119]. Какъ-нибудь соблюдено было приличіе относительно памяти императрицы Елисаветы; но съ какимъ чувствомъ должны были читать манифестъ живые люди — Трубецкой, Бутурлинъ и Александръ Шуваловъ, члены слѣдственной коммиссіи по дѣлу Бестужева? Воронцовъ, который считался главнымъ врагомъ послѣдняго, Ив. Ив. Шуваловъ, котораго считали отвѣтственнымъ за важнѣйшія явленія второй половины елисаветинскаго царствованія? Но эти люди не считали теперь удобнымъ для себя быть очень обидчивыми.

Бестужевъ требовалъ и получилъ торжественное оправданіе; но было двое опальныхъ по его дѣлу, двое людей бывшихъ близкими къ Екатеринѣ—Ададуровъ и Елагинъ. Эти не домогались торжественнаго оправданія, они просто были возвращены и щедро награждены. Ададуровъ изъ статскихъ совѣтниковъ былъ пожалованъ въ тайные, получилъ мѣсто президента мануфактуръ-коллегіи; полковникъ Елагинъ былъ произведенъ въ дѣйствит. статскіе совѣтники съ тѣмъ, чтобъ ему быть у кабинетныхъ дѣлъ императрицы [120]. Въ письмѣ къ Понятовскому Екатерина такъ упоминаетъ о людяхъ, извѣстныхъ послѣднему: «Тепловъ оказалъ мнѣ большія услуги; Ададуровъ бредитъ; Елагинъ у меня [121]».

Изъ лицъ, близкихъ или считавшихся близкими къ бывшему императору, вначалѣ подверглись кратковременному аресту Гудовичъ, Волковъ и Мельгуновъ [122], какъ видно изъ предосторожности, чтобъ они не стали дѣйствовать въ пользу Петра III; точно такъ сначала боялись Гольца, и сильно старались узнать содержаніе его переписки, даже мелькала мысль захватить бумаги Гольца и сложить вину на солдатъ; но мысль эта только мелькнула и исчезла [123]. Гудовичъ вышелъ въ отставку и удалился въ свою Черниговскую деревню. Волкова, какъ человѣка даровитаго и могшаго быть очень полезнымъ, въ отставку не пустили, а отправили вице-губернаторомъ въ Оренбургъ, поступили съ нимъ точно также, какъ Елисавета поступила съ Неплюевымъ при своемъ воцареніи; но мы увидимъ, что Волковъ не останется такъ долго на среднеазіатской украйнѣ, какъ Неплюевъ; извѣстныя оправдательныя письма его могли произвесть впечатлѣніе, особенно когда ничего не было найдено ему въ обвиненіе. Мельгуновъ былъ такъ же временно удаленъ на южную украйну. Имя Мельгунова тѣсно соединялось съ именемъ Ив. Ив. Шувалова. Послѣднему легко было оправдаться въ своихъ невольныхъ сборахъ сопровождать Петра III въ заграничную армію; онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія въ признаніи новаго правительства; но его не любила Екатерина, не любили его люди, къ ней близкіе: онъ имѣлъ слишкомъ большое значеніе при Елисаветѣ, большое вліяніе на судьбу всѣхъ, начиная съ Екатерины, былъ слишкомъ крупенъ, нравственно силенъ, безпрестанно попадался на глаза и потому сильно мѣ-

шалъ. Онъ имѣлъ извѣстность за границею, переписывался съ людьми, мнѣніемъ которыхъ очень дорожили тогда въ Европѣ. Екатеринѣ передали, что Шуваловъ въ письмѣ къ Вольтеру, неуважительно отозвался о событіи 28-го іюня, приписавъ его молоденькой женщинѣ Дашковой. Масло было подлито въ огонь; задѣта была самая живая струна, потому что Екатерина приписывала себѣ направленіе движенія, другіе были только орудіями [124]; сильное раздраженіе ея противъ Шувалова высказалось въ чрезвычайно рѣзкихъ выраженіяхъ [125]. Шуваловъ нашелся въ самомъ непріятномъ положеніи, изъ котораго, чрезъ нѣсколько времени, могъ выйти только отъѣздомъ за границу.

Кратковременному удаленію должна была подвергнуться графиня Елисавета Романовна Воронцова, по тому значенію, какое она имѣла въ бывшее царствованіе. 29-го іюня она возвратилась въ домъ къ отцу своему, который, по словамъ другой своей дочери, княгини Дашковой, вовсе не радъ былъ этому возвращенію, вопервыхъ потому, что никогда очень не любилъ Елисаветы, а вовторыхъ потому, что Елисавета, будучи *во времени*, не подчинялась его вліянію въ той степени, въ какой бы онъ хотѣлъ. До насъ дошла записка Екатерины Елагину на счетъ Елисаветы Воронцовой: «Перфильевичъ, сказывалъ ли ты кому изъ Лизаветиныхъ родственниковъ, чтобъ она во дворецъ не размахнулась, а то боюсь къ общему соблазну завтра прилетитъ [126]». Для предотвращенія этого соблазна Елисавету отправили въ отцовскую подмосковную, а послѣ коронаціи, когда дворъ уѣхалъ изъ Москвы, Елисавета поселилась въ этомъ городѣ, гдѣ и жила до своего выхода за мужъ за бригадира Полянскаго, послѣ чего переѣхала въ Петербургъ. На Елисавету сердились родственники за то, что при Петрѣ III она ничего для нихъ не сдѣлала; теперь сердились за то же на Екатерину Романовну (Дашкову). Канцлеръ Воронцовъ въ августѣ писалъ въ Лондонъ племяннику своему, графу Александру Романовичу: «О сестрѣ вашей княгинѣ Дашковой увѣдомить имѣю, что мы отъ нея столько же ласковости и пользы имѣемъ, какъ и отъ Елисаветы Романовны, и только что подъ именемъ ближняго свойства слывемъ, а никакой искренности, ни откровенности, и еще менѣе какого-либо вспомоществованія или надежды, чтобъ въ пользу нашу старанія прилагала, отнюдь не имѣемъ; и она, сколько мнѣ

кажется, имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ время свое проводитъ. Я опасаюсь, чтобъ она капризами своими и неумѣреннымъ поведеніемъ и отзывами столько не прогнѣвала государыню императрицу, чтобъ отъ двора отдалена не была, а чрезъ то наша фамилія, въ ея паденіи, напраснаго порока отъ публики не имѣла. Правда, она имѣла многое участіе въ благополучномъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей государыни, и въ томъ мы ее должны весьма прославлять и почитать; да когда поведеніе и добродѣтели не соотвѣтствуютъ заслугамъ, то не иное что послѣдовать имѣетъ, какъ презрѣніе и уничтоженіе. Я истинно на нее сердца или досады не имѣю и желаю ей имѣть всякое благополучіе; только индифферентность ея къ намъ чувствительна и по свойству несносна, тѣмъ болѣе, что отъ благополучія ея не имѣемъ пользы, а отъ паденія ея можемъ претерпѣть напрасное неудовольствіе. Вы, сіе знавъ, должны имѣть въ перепискѣ съ нею всякую осторожность. Что же касается до мужа ея, то онъ намъ непремѣнно прежнюю ласковость и учтивость оказываетъ и ведетъ себя скромно и разумно. Господинъ Одаръ имѣлъ также участіе въ счастливой перемѣнѣ и, какъ весьма разумный человѣкъ, поведеніе свое осторожно имѣетъ и къ намъ преданность и благодарность свою оказываетъ. Онъ получилъ позволеніе отъѣхать въ Италію, для привезенія сюды своей фамиліи, уже съ мѣсяцъ времени какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получилъ еще награжденія, какъ токмо 1000 рублевъ для проѣзду своего».

Графъ Александръ Романовичъ, узнавъ о возвышеніи одной сестры и о паденіи другой, сталъ въ своихъ письмахъ осыпать упреками первую, зачѣмъ не помогаетъ второй. «По всѣмъ извѣстіямъ изъ Петербурга, писалъ онъ Дашковой, ея и. в—ство оказываетъ вамъ великія милости, и потому я не могу оправдать вашего равнодушія къ судьбѣ нашей сестры Елисаветы, я не знаю даже, что съ нею сдѣлалось. За ваши заслуги вы должны были бы просить одной награды — помилованія сестры и предпочесть эту награду екатерининской лентѣ: вы бы тогда не измѣнили проповѣдуемымъ вами философскимъ убѣжденіямъ, которыя заставляли меня думать, что вы равнодушны къ величію человѣческому». Графъ Александръ прямо обратился къ им-

ператрицѣ съ просьбою о милости къ сестрѣ, и получилъ отвѣтъ: «Вы не ошиблись, вѣря, что я не измѣнилась относительно васъ. Я съ удовольствіемъ читаю ваши донесенія и надѣюсь, что вы будете продолжать вести себя также похвально. Вы должны успокоиться на счетъ судьбы вашего семейства, о которомъ я видѣла все ваше безпокойство. Я улучшу положеніе вашей сестры какъ можно скорѣе».

Но эта возможность представилась не скоро, и нетерпѣливый графъ Александръ не переставалъ колоть Дашкову въ своихъ письмахъ. Онъ кололъ ее дошедшими до него слухами, будто она отобрала у сестры все ей принадлежавшее и даже не дала ей самыхъ необходимыхъ вещей при отправленіи въ деревню. Графъ Александръ писалъ, что не только родственная привязанность, но и благодарность заставляетъ его заступаться за сестру Елисавету. Дашкова хотѣла его поймать на этомъ, и, отвергая слухи о завладѣніи сестриными вещами, писала, что она не позволила бы себѣ такъ поступить съ сестрою, которую любитъ искренно. «Вы конечно знаете, писала она, что я ничѣмъ не обязана ни ей, никому-либо изъ моей родни; я ее люблю и забочусь о ней искренно, не будучи принуждаема къ тому благодарностію, поэтому чувства мои проистекаютъ изъ источника болѣе чистаго.» Графъ Александръ еще больше разсердился: въ отвѣтѣ своемъ онъ съ злою ироніею повторялъ извѣстія о болѣе, чѣмъ человѣколюбивомъ способѣ, какой употребила Дашкова для утѣшенія своей несчастной сестры, писалъ, что такой способъ утѣшенія будетъ служить памятникомъ ея безкорыстія въ потомствѣ, что этотъ поступокъ ея будутъ приводить въ назиданіе: «Вы благоразумно поступаете, писалъ онъ, желая уменьшить достоинство благодарности, потому что не имѣете этого чувства въ значительномъ количествѣ, и чтобъ совершенно отъ него освободиться, говорите, что ничѣмъ не обязаны всей своей роднѣ. Позвольте напомнить вамъ, что вы ошибаетесь. Вопервыхъ, вы обязаны своей сестрѣ тѣмъ, что мужъ вашъ былъ посланъ въ Константинополь [127] и множествомъ другихъ мелкихъ услугъ; она, по вашему желанію, удержала отправленіе ваше въ Москву и предложила вамъ домъ, ей тогда подаренный. Относительно отца нашего я не распространяюсь объ обязанностяхъ, которыя вы къ нему имѣете.

Всѣмъ извѣстны также заботы дяди и тетки о вашемъ воспитаніи и объ устройствѣ вашей судьбы [128]».

Императрица, разумѣется, не сочла позволительнымъ для себя не быть великодушною относительно человѣка съ европейскою извѣстностію, Миниха, безопаснаго по своей старости и *иностранству*, дѣлавшему его одинокимъ; притомъ старикъ могъ еще быть полезенъ. При Петрѣ III Минихъ просилъ или сдѣлать его сибирскимъ губернаторомъ по знанію тамошнихъ обстоятельствъ, или поручить ему главную дирекцію надъ Ладожскимъ каналомъ [129]. При Петрѣ онъ не получилъ ни того, ни другого; при Екатеринѣ онъ сдѣланъ генералъ-директоромъ надъ портомъ Балтійскимъ, портомъ Нарвскимъ, надъ Кронштадтскимъ и Ладожскимъ каналами и надъ Волховскими порогами [130].

Люди, содѣйствовавшіе перемѣнѣ, были награждены: противники были прощены или наказаны очень легко сравнительно съ наказаніями, сопровождавшими прежнія перемѣны; оставалось дѣятельностію неутомимою и серіозною показать противоположность новаго правленія съ прежнимъ.

Между бумагами Екатерины II-й находится [131] собственноручная ея записка на французскомъ языкѣ: въ этой запискѣ говорится, что на пятый или на шестой день по своемъ восшествіи на престолъ, императрица присутствовала въ Сенатѣ, которому приказала собираться въ лѣтнемъ дворцѣ, чтобъ ускорить теченіе дѣлъ. Сенатъ началъ съ представленія о крайнемъ недостаткѣ въ деньгахъ; представилъ также, что цѣна хлѣба въ Петербургѣ поднялась вдвое противъ прежняго. На первое Екатерина отвѣчала, что употребитъ на государственныя нужды собственныя комнатныя деньги, что «принадлежа сама государству, она считаетъ и все принадлежащее ей собственностію государства, и на будущее время не будетъ никакого различія между интересомъ государственнымъ и ея собственнымъ». Сенаторы встали и со слезами на глазахъ благодарили императрицу за такія чувства. Екатерина велѣла выдать изъ комнатныхъ денегъ сколько было нужно на государственныя потребности. Для пониженія же цѣнъ на хлѣбъ въ Петербургѣ она запретила временно вывозъ хлѣба за границу, что въ два мѣсяца произвело дешевизну всѣхъ припасовъ. Потомъ на очереди было дѣло о позволеніи Евреямъ въѣзжать въ Россію, и это дѣло привело

императрицу въ большое затрудненіе: «не прошло еще осьми дней, думала она, какъ я вступила на престолъ и была возведена на него для защиты православной вѣры; я имѣю дѣло съ народомъ религіознымъ, съ духовенствомъ, которому не чѣмъ жить въ слѣдствіе отобранія имѣній, мѣры необдуманной; умы въ сильномъ волненіи, какъ обыкновенно бываетъ послѣ такого важнаго событія; начать царствованіе указомъ о свободномъ въѣздѣ Евреевъ было бы плохимъ средствомъ къ успокоенію умовъ; признать же свободный въѣздъ Евреевъ вреднымъ было невозможно». Изъ этого затрудненія вывелъ Екатерину сенаторъ князь Одоевскій, который всталъ и сказалъ ей: «Не угодно ли будетъ в. в—ству, прежде рѣшенія дѣла, взглянуть, что императрица Елисавета собственноручно написала на поляхъ подобнаго же доклада». Екатерина велѣла принести дѣло и прочла: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю корыстной прибыли». Прочитавши, Екатерина обратилась къ генералъ-прокурору Глѣбову и сказала ему: «Я желаю, чтобъ это дѣло было отложено».

Въ журналахъ и протоколахъ Сената мы не найдемъ тѣхъ извѣстій и подробностей, какія находимъ въ запискѣ Екатерины. Изъ нихъ видимъ, что со дня вступленія на престолъ до 1-го сентября, когда императрица отправилась въ Москву для коронаціи, она присутствовала въ Сенатѣ 15 разъ. Въ первый разъ ея присутствіе записано 1-го іюля. Въ это засѣданіе Сенатъ доложилъ императрицѣ, что 27 іюня полученъ имъ былъ указъ бывшаго императора о построеніи къ будущей кампаніи 1763 года девяти или, по крайней мѣрѣ, шести кораблей и о забраніи для того всѣхъ лѣсовъ, чьи бы то ни были; Сенатъ представилъ, что отъ этого произойдетъ обывателямъ раззореніе; для такого чрезвычайнаго строенія и особенно вооруженія денегъ и людей нѣтъ, да и нужды въ такомъ строеніи не признается. Екатерина не велѣла исполнять этотъ указъ, равно какъ и другіе: указъ 27-го же іюня, чтобъ не дѣлать отсрочекъ платежамъ въ банки, и указъ 24 мая объ учрежденіи банковыхъ билетовъ. На другой день, 2 іюля, Екатерина также присутствовала въ Сенатѣ и отмѣнила всѣ нововведенія, сдѣланныя въ полкахъ въ царствованіе Петра III; 4 іюля вышло распоряженіе, чтобъ гетманъ малороссійскій графъ Разумовскій имѣлъ въ командѣ всѣ пѣхотные полки, около Петербурга расположен-

ные, и гарнизоны петербургскій и выборгскій, а графу Бутурлину имѣть команду надъ полками кавалерійскими, около Петербурга стоящими.

6 іюля Екатерина вошла въ Сенатъ въ началѣ одиннадцатаго часа и объявила подписанный ею манифестъ съ обстоятельнымъ описаніемъ своего восшествія на престолъ. «Отечество вострепетало, говорилось въ манифестѣ, видя надъ собою государя и властителя, который всѣмъ своимъ страстямъ прежде повиновеніе рабское учинилъ и съ такими качествами воцарился, нежели о благѣ ввѣреннаго себѣ государства помышлять началъ». Слѣдуютъ обвиненія Петра III-го въ томъ, что онъ неприлично велъ себя при гробѣ покойной императрицы: «радостными глазами на гробъ ея взиралъ, отзываясь притомъ неблагодарными къ тѣлу ея словами». Потомъ «коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною церковь Божію и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули ему о томъ напомянуть съ подобострастіемъ въ осторожность, то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду неподлежащаго властителя произойти бы могли. Потомъ началъ помышлять о разореніи и самихъ церквей и уже нѣкоторыя и повелѣлъ было разорить самымъ дѣломъ; а тѣмъ, которые по теплотѣ и молитвѣ къ Богу за слабымъ иногда здоровьемъ не могли отъ дому своего отлучаться, вовсе законъ предписалъ никогда церквей Божіихъ въ домѣхъ не имѣть. Презрѣлъ онъ и законы естественные и гражданскіе: ибо имѣя онъ единаго Богомъ дарованнаго намъ сына, при самомъ вступленіи на престолъ, не восхотѣлъ объявить его наслѣдникомъ престола, оставляя самовольству своему предметъ, который онъ въ погубленіе намъ и сыну нашему въ сердцѣ своемъ положилъ, и вознамѣрился или вовсе право ему преданное отъ тетки своей непровергнуть, или отечество въ чужія руки отдать, забывъ правило естественное, что никто большаго права другому дать не можетъ, какъ-то, которое самъ получилъ. Законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ, доходы госу-

дарственные расточать началъ вредными государству издержками; изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству россійскому крайне безполезную, возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобьносимые. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе». Относительно отреченія Петра III, въ манифестѣ сообщены нѣкоторыя подробности: «Онъ два письма одно за другимъ къ намъ прислалъ: первое чрезъ вице-канцлера нашего кн. Голицына, въ которомъ просилъ, чтобъ мы его отпустили въ отечество его Голстинію, а другое чрезъ генерала майора Мих. Измайлова, въ которомъ самъ добровольно вызвался, что онъ отъ короны отрицается и царствовать въ Россіи болѣе не желаетъ, гдѣ притомъ упрашиваетъ насъ, чтобъ мы его отпустили съ Лизаветою Воронцовою да съ Гудовичемъ также въ Голстинію. И какъ-то, такъ и другое письмо, наполненныя ласкательствами, присланы были нѣсколько часовъ послѣ того, что онъ повелѣніе давалъ дѣйствительно насъ убить, о чемъ намъ тѣ самые заподлинно донесли, съ истиннымъ удостовѣреніемъ, кому сіе злодѣйство противу живота нашего препоручено было дѣломъ самимъ исполнить». Манифестъ оканчивался обѣщаніемъ: «Наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь наиторжественнѣйше обѣщаемъ нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испровергенную, а прямыхъ вѣрно-усердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынія и оскорбленія»[132].

По прочтеніи этого манифеста, императрица «изволила Прав. Сенату отдать въ ковертѣ бывшаго императора Петра III собственноручное и за подписаніемъ его объ отрицаніи отъ правительства россійскимъ государствомъ удостовѣреніе въ оригиналѣ, повелѣвая оное, прочтя и запечатавъ всѣмъ сенаторамъ своими печатьми, хранить въ Сенатѣ, которое тогдажъ въ собраніи Пр. Сената читано и гг. сенаторами запечатано [133]».

Но того же 6 іюля случилось событіе, которое потребовало новаго манифеста: пришло извѣстіе о смерти бывшаго императора въ Ропшѣ, смерти насильственной. «Я нашла императрицу, говоритъ Дашкова, въ совершенномъ отчаяніи; видно было, подъ вліяніемъ какихъ тяжкихъ думъ она находилась. Вотъ что она мнѣ сказала: «эта смерть наводитъ на меня невыразимый ужасъ; этотъ ударъ меня сокрушаетъ [134].» 7 іюля былъ изданъ манифестъ: «Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола всероссійскаго, получили мы извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ III, обыкновенными прежде часто случавшимся ему припадкамъ гемороидическимъ впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи его и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ нашимъ императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго, съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимали за промыслъ Его Божественный, который онъ судьбами Своими неисповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строитъ путемъ, Его только Святой волѣ извѣстнымъ» [135].

На другой день послѣ изданія этого манифеста, 8 іюля, въ собраніи Сената всталъ и началъ говорить сенаторъ Никита Ив. Панинъ: «Извѣстно мнѣ, что ея и. в—ство намѣреніе положить со-

изволила шествовать къ погребенію императора Петра III въ Невскій монастырь; но какъ великодушное ея в—ства и непамятозлобивое сердце наполнено надмѣрною о семъ приключеніи горестію и крайнимъ соболѣзнованіемъ о столь скорой и нечаянной смерти бывшаго императора, такъ что съ самаго полученія сей нечаянной вѣдомости ея в—ство въ непрерывномъ соболѣзнованіи и слезахъ о таковомъ приключеніи находится: то хотя я, почитая за необходимый долгъ, обще съ г. гетманомъ, графомъ К. Г. Разумовскимъ и представлялъ, чтобъ ея в—ство, сохраняя свое здравіе, по любви своей къ россійскому отечеству, для всѣхъ истинныхъ ея вѣрноподданныхъ и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ изволила бъ намѣреніе свое отложить; но ея в—ство на то благоволенія своего оказать не соизволила, и потому я за должное призналъ потомъ Пр. Сенату объявить, дабы весь Сенатъ, по своему усердію къ ея в—ству, о томъ съ рабскимъ своимъ прошеніемъ предсталъ». — «Сенатъ, уважа всѣ учиненныя г. сенаторомъ Панинымъ справедливыя изъясненія, тотчасъ пошелъ во внутреннія ея в—ства покои и раболѣпнѣйше просилъ, дабы ея в—ство шествіе свое въ Невскій монастырь отложить соизволила, и хотя ея в—ство долго къ тому согласія своего и не оказывала, но напослѣдокъ, видя неотступное всего Сената рабское и всеусерднѣйшее прошеніе, намѣреніе свое отложить благоволила». Петръ III былъ погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Неизвѣстно, по чьему внушенію Сенатъ нашелъ нужнымъ показать новый знакъ своего усердія къ Екатеринѣ и своего сочувствія къ дѣлу 28 іюня. 17 іюля былъ призванъ въ Сенатъ генералъ-поручикъ Бецкій и услышалъ такое предложеніе: «такъ какъ ея и. в—ство принятіемъ императорскаго престола толико изліяла всѣмъ ея вѣрноподданнымъ матернихъ щедротъ, что оныя до позднихъ временъ въ сердцахъ искреннихъ сыновъ отечества въ незабвенной памяти остаться долженствуютъ, то Сенатъ за рабскую должность признаваетъ въ безсмертную ея и. в—ства славу сдѣлать монументъ, къ чему вы, по вашему довольному къ подобнымъ знаніямъ искусству, избраны, и потому Сенатъ на ваше разсужденіе предаетъ, какой вы заприличнѣе столь славнымъ дѣламъ ея и. в—ства монументъ сдѣлать найдете, о томъ бы Сенату свое мнѣніе съ планами ста-

туямъ, обелискамъ и медалямъ подали». Бецкій отвѣчалъ, что онъ «порученіе ему столь великаго дѣла признаваетъ за особливое для себя счастіе, и хотя онъ къ исполненію того находитъ себя недостаточнымъ, однако жъ, по долговременной своей бытности въ чужихъ краяхъ и получа тамъ знакомство со многими учеными и искусными людьми, надѣется съ помощію ихъ сіе къ удовольствію Прав. Сената исполнить».

Но среди этихъ движеній, порожденныхъ событіями 28 іюня и 6 іюля, въ Сенатѣ шла сильная дѣятельность, показывавшая, что новое правительство хочетъ сдержать свои обѣщанія. 3 іюля, присутствуя въ Сенатѣ, императрица приказала сбавить съ соли по гривнѣ съ пуда, и Сенатъ долженъ былъ стараться какъ можно скорѣе отыскать средства сбавить еще больше. Сбавка гривны составляла 612,021 рубль; надобно было ихъ замѣнить въ доходѣ, и 12 іюля состоялся именной указъ брать изъ милліонной комнатной суммы, вносимой къ императрицѣ изъ солянаго же сбора, по 300,000 рублей въ годъ, а остальныя брать изъ передѣла мѣдныхъ денегъ. Этимъ указомъ объясняются слова Екатерины о пожертвованіяхъ для государства изъ комнатной суммы. 23 іюля Сенатъ получилъ указъ: «Понеже въ бывшее предъ симъ правительство государственная казна истощена, излишнихъ расходовъ пріумножено, отъ чего неисчислимыя приключаются въ государствѣ неполезности, и для того надлежитъ Прав. Сенату стараться: 1) розданныя изъ казны взаймы деньги взыскать; 2) бывшія засѣки и гдѣ есть порожнія, а дворянамъ надобныя земли, продать, чрезъ что многимъ помѣщикамъ въ размноженіи экономіи прибавятся способы, а казнѣ при нынѣшнихъ недостаткахъ къ исправленію государственныхъ надобностей спомоществованіе; 3) военные и гражданскіе штаты разсмотрѣть, и что къ полезнѣйшему тѣхъ впредь состоянію потребно, представить ея и. в—ству; 4) тщиться, чтобъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ судейскія мѣста достойными наполняемы были и чтобы справедливая служба награжденной была и малоимущіе не имѣли причинъ къ лихоимству склоняться, назначить каждому пристойное жалованье, изыскавъ на то деньги не вновь налагаемыми съ народа сборами, но другими благопристойнѣйшими способами и подать ея и. в—ству немедленно; 5) потщиться къ пресѣченію ябедническихъ происковъ и къ

скорѣйшему обидимыхъ удовольствію сыскать пристойные способы [136].

Относительно лихоимства Екатерина въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ повторила указъ Елисаветы 16 августа 1760 года, причемъ прямо указала на вынесенное изъ древней Россіи зло и на привычку смотрѣть на службу какъ на кормленіе: «Мы уже отъ давняго времени слышали довольно, говоритъ именной указъ 18 іюля, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло: ищетъ ли кто мѣста — платитъ; защищается ли кто отъ клеветы — обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто—всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротивъ того: многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ. Таковымъ примѣрамъ, которые вкоренилися отъ единаго безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче въ отдаленныхъ находящіеся и самые малые судьи, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей не токмо за дѣла беззаконныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, но и за такія, которыя не инако, какъ нашего благоволенія достойны, такъ что сердце наше содрогнулося, когда мы услышали отъ нашего лейбъ кирасирскаго вице-полковника, князя Михайла Дашкова [137], что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ренберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ, котораго Ренбера мы и повелѣли сослать на вѣчное житье въ Сибирь на работу, и никто, обвиненный въ лихоимствѣ, яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ и нашего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ Богу и народу обѣщали» [138].

Въ упомянутой запискѣ своей Екатерина жалуется, что до нея «почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ

монополію». Поэтому съ самаго же начала мы должны ожидать распоряженій, направленныхъ противъ монополій. 31 іюля изданъ былъ указъ о торговлѣ; принятыя въ ея пользу мѣры были слѣдующія: 1) хлѣбомъ торгъ производить изо всѣхъ портовъ съ половинною пошлиною противъ той, которая собирается въ Ригѣ, Ревелѣ и Пернау; но возобновляется постановленіе Петра Великаго, что хлѣбъ отпускается за границу только тогда, когда онъ дешевле внутри Россіи; 2) изо всѣхъ портовъ отпускать соленое мясо и самую скотину съ тѣми же условіями; 3) портъ архангельскій снабдить всѣми тѣми выгодами, какими пользуется петербургскій, лишнюю пошлину отставить, да и генерально всѣ порты и таможни такими сдѣлать, чтобъ все то привозимо и отпускаемо быть могло, что сюда (въ Петербургъ) привозится и отсюда отпускается; 4) ревеню быть въ вольной торговлѣ; 5) поташъ и смольчугъ оставить казеннымъ товаромъ для сбереженія лѣсовъ, по мысли Петра Великаго; 6) смолу отдать въ вольную торговлю; 7) узкій холстъ и хрящъ вольно вывозить за границу; 8) льняную пряжу за границу не выпускать; 9) выписываніе шелку и выпускъ бобровъ сдѣлать вольнымъ, отнявъ у Шемякина привилегію; 10) китайскую торговлю сдѣлать вольною; 11) тюленьи и рыбные откупа уничтожить; 12) табачный откупъ уничтожить. Чрезъ нѣсколько дней велѣно было взять у Шемякина и таможенный откупъ, который онъ держалъ съ 1758 года, платя въ казну два милліона ежегодно; откупъ отнимали за безпорядочное правленіе и нарушеніе контракта.

Сенатъ, исполнивъ порученіе, возложенное на него 3 іюля, представилъ, что съ соли можно еще сбавить гривну и продавать ее во всей Россіи по 30 коп. пудъ, въ Астрахани и Красномъ Яру, гдѣ производилась обширная солка рыбы, по 10 коп., въ Архангельскѣ, однимъ рыбнымъ промышленникамъ, по 15 коп. Такъ какъ элтонская соль въ провозѣ до Нижняго становится казнѣ дорого, притомъ черна и не очень хорошаго качества, а есть лучше ея, соль илецкая, то стараться вмѣсто элтонской ставить илецкую; продавать соль изъ казны, но позволить и вольную торговлю, продавая вольнымъ торговцамъ изъ магазиновъ также по 30 коп.; нечего бояться, что они станутъ продавать соль дорого, обвѣшивать, мѣшать съ пескомъ и соромъ, потому что покупатели, замѣтивъ это, станутъ брать соль изъ

казны. Вслѣдствіе сбавки другой гривны убудетъ изъ дохода 604,027 рублей въ годъ, и для пополненія этого недостатка Сенатъ думалъ наложить: 1) во всемъ государствѣ на продаваемое изъ кабаковъ горячее вино по 30 коп., на пиво и медъ по 5 коп. на ведро. Этихъ прибавочныхъ денегъ отъ вина, по сложности съ 1750 и 1761 годъ, должно быть 352,565 рублей отъ пива и меду 182,559 рублей, и того 635,122 рубля; установить этотъ налогъ можно, потому что въ кабакахъ напиткамъ продажа вольная и народнаго отягощенія не производящая. 2) Съ явки пивъ и полпивъ вмѣсто прежнихъ 5 коп. брать съ четверти хлѣба по 20 коп. 3) Отдать герберги (гостинницы) на откупъ, кто больше дастъ. 4) Позволить брать соль по продажной цѣнѣ изъ казны и отвозить за границу. 5) Со всѣхъ протестованныхъ векселей брать въ казну по два процента [139].

Еще не исполнено было приказаніе покойной императрицы Елисаветы о вспоможеніи купцамъ, сильно пострадавшимъ отъ пожара 29-го іюня 1761 года, когда сгорѣли пеньковые и другіе амбары. Екатерина потребовала отъ Сената, чтобъ поднесенъ ей былъ докладъ объ этомъ дѣлѣ. Сенатъ отвѣчалъ, что 21-го марта бывшимъ императоромъ утверждено было выдать купцамъ половину той суммы, которую они потеряли отъ пожара, изъ мѣднаго банка на 10 лѣтъ безъ процентовъ; но эта выдача до сихъ поръ не сдѣлана, потому что изъ мѣднаго банка назначено взять деньги на самые нужные расходы, да и впередъ нельзя надѣяться, чтобъ можно было взять изъ мѣднаго банка такую большую сумму, и потому сенатъ возвращается къ докладу, заготовленному для покойной императрицы Елисаветы, но не конфирмованному по случаю ея смерти; докладъ состоялъ въ томъ, чтобъ зачесть купцамъ половину потерянной ими суммы въ пошлину съ ихъ товаровъ при петербургскомъ портѣ въ продолженіе пяти лѣтъ. Императрица утвердила этотъ докладъ; а для предотвращенія подобнаго несчастія приказала Сенату составить планы каменныхъ амбаровъ; если же Сенатъ не сыщетъ суммы, нужной для этой постройки, то она дастъ ее отъ себя взаймы [140].

Описывая печальное состояніе имперіи во время своего вступленія на престолъ, Екатерина говоритъ: «Заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи

властей и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генералъ-майоры: Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибиковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей; но не однажды принуждены были употребить противъ нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже Гороблагодатскіе заводы за двухмилліонный казнѣ долгъ графа Петра Ив. Шувалова возвращены въ казенное управленіе, также Воронцовскіе, Чернышевскіе, Ягужинскіе и нѣкоторые другіе заводы по таковымъ же причинамъ паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошелъ отъ самовластной раздачи Сенатомъ заводовъ сихъ съ приписными къ онымъ крестьянами. Сіи заводскія безпокойства пресѣклись не прежде 1779 года манифестомъ моимъ о работахъ заводскихъ крестьянъ».—Здѣсь, разумѣется, мы должны принять что-нибудь одно: или волненіе заводскихъ крестьянъ прекратилось вслѣдствіе передачи заводовъ отъ частныхъ людей въ казну, или вслѣдствіе манифеста о рабочихъ. Если принять послѣднее, то нельзя будетъ приписать всего зла тому, что Сенатъ роздалъ заводы частнымъ лицамъ.

9-го августа, въ присутствіе императрицы въ Сенатѣ, былъ поданъ ей докладъ о собираніи въ казну впредь десятой доли съ мѣди, желѣза, чугуна и со всего выдѣлывающагося на частныхъ заводахъ, но со вновь устраивающихся заводовъ этотъ платежъ взыскивать только по прошествіи десяти лѣтъ. Екатерина подписала: «Быть по сему, а о розданныхъ казенныхъ заводахъ и о приписныхъ крестьянахъ разсмотрѣніе сдѣлать». Въ томъ же присутствіи она дала Сенату два приказанія: 1) опредѣлить «какіе достаточные способы къ весьма нужному размноженію и сбереженію лѣсовъ для переду принять надлежитъ; 2) для разсмотрѣнія гражданскихъ штатовъ быть особой коммиссіи при сочиненіи Уложенія и въ оной быть главнымъ князю Якову Петр. Шаховскому».

Относительно крестьянскихъ волненій Екатерина еще 3-го іюля подписала указъ: «Понеже благосостояніе государства, согласно божескимъ и всенароднымъ узаконеніямъ, требуетъ, чтобъ всѣ и каждый при своихъ благонажитыхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобы

никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности, то и намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, и крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать». Но приходили извѣстія о новыхъ крестьянскихъ волненіяхъ. 19-го іюля въ присутствіи императрицы, въ Сенатѣ читали просьбу генералъ-майора Тевкелева на возмутившихся крестьянъ въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ.

9-го іюля Екатерина велѣла распечатать домовыя церкви, запечатанныя въ предшествовавшее царствованіе. Но предстоялъ трудный вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ. 3-го іюля присутствуя въ Сенатѣ, Екатерина приказала ему имѣть разсужденіе о духовенствѣ, какъ бы ему учинить удовольствіе къ его содержанію. Духовенство не дожидалось и подало прошеніе объ отдачѣ ему во владѣніе вотчинъ, и 5 іюля императрица передала это прошеніе Сенату съ приказаніемъ—имѣть разсужденіе и мнѣніе свое ей донести [141]. Опять разсужденіе! а между тѣмъ ростовскій митрополитъ Арсеній (Мацѣевичъ) въ письмѣ къ графу Алексѣю Петр. Бестужеву-Рюмину такъ описывалъ положеніе, произведенное распоряженіями по указу Петра III: «Не надлежало бы мнѣ утруждать теперь ваше высокографское сіятельство просьбою. Однако крайняя нужда влечетъ, яко за отобраніемъ нынѣ отъ дома архіерейскаго и отъ монастыря вотчинъ приходится съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, а при себѣ въ самомъ домѣ архіерейскомъ не держалъ кромѣ какъ только на пищу молотый. А какъ указъ застигъ, то воевода Ростовскій тотчасъ по всѣмъ вотчинамъ житницы опечаталъ, и скотъ и птицы описавши, въ свою команду взялъ, оставивъ меня со всѣмъ духовенствомъ и мірскими служителями безъ пропитанія, и нетокмо будетъ ѣсть нечего, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ пріѣдимъ, но и литургіи святой служить нечѣмъ и некому, всѣ принуждены идти съ нищими въ міръ. Всепокорно прошу показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараніемъ вашимъ возвращены вотчины были по прежнему. Лошадей хотя малое число очень оставлено у насъ, да и тѣхъ будетъ нечѣмъ кормить: не жаль того, что лошади у насъ, всѣ съ кобылицами и малыми жеребятами, нарочнымъ полковникомъ, изъ военной коллегіи присланнымъ, отобраны и въ Петербургъ сведены, только жаль того,

что заводъ, отчасти славный въ государствѣ, совсѣмъ переведенъ и отъ насъ не въ прислугу высокомонаршей власти, но какъ бы за вину нѣчто конфискованное отобрано. Въ Ростовѣ у насъ воеводою надворный совѣтникъ Петръ Протасьевъ: невозможно ли постараться его отсюда перемѣнить [142]».

Преосвященные, пораженные указомъ Петра III, передавали другъ другу въ письмахъ свои сѣтованія. Московскій митрополитъ Тимоѳей писалъ Арсенію Ростовскому: «Что же касается до упомянутой въ писаніи в. п. печали, то теперь не только вашу святость, но и всѣхъ насъ коснулась эта скорбная метаморфоза, которая жизнь нашу приводитъ къ стенаніямъ и горестямъ (nunc non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorfosis, quae vitam nostram ad gemitus et dolores ducit). Архіепископъ Амвросій писалъ тому же Арсенію 15-го іюля: «Поздравляю общею радостію со вступленіемъ ея п. в—ства на престолъ: слава Богу, что мы всѣ отъ мысленнаго ига избавленіе получили, и теперь, какъ изъ манифеста (о коронаціи) изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ о извѣстномъ дѣлѣ помогать». Митрополитъ Тимоѳей 2-го августа писалъ Арсенію: «августа 1-го принялъ я писаніе в. п. всепріятно, въ коемъ объявленныя въ прошедшемъ времени послѣдовавшія несчастныя приключенія читалъ не безъ сожалѣнія. У насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено и скотъ по описи весь взятъ, а въ Москвѣ ихъ наглостей не видѣли. Лошади хотя всѣ описаны, однако и понынѣ не отобраны и остались подъ вѣдѣніемъ нашимъ; но и намъ сія отрада не велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно, что въ вотчинахъ отъ тѣхъ же нашихъ крестьянъ невозвратныя подѣланы разоренія, лѣса порублены, сѣно расхищено, мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще нобраны, а индѣ при описи искоренены, въ прудахъ рыба выловлена, и какія только вообразить можно надѣлали какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и сами крестьяне опустошенія. Да и при Москвѣ въ Черкизовскомъ моемъ прудѣ не однажды описатели дерзостно рыбу ловили, однакоже не единожды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою надежда». Но митрополитъ оканчиваетъ письмо печаль-

ными словами: «Надежду истребляетъ рознь между братьями (spem mutat discordia fratrum) [143]».

16-го іюля Сенатъ составилъ докладъ по поводу просьбы духовенства объ отдачѣ ему отобранныхъ имѣній: 1) имѣнія возвратить; 2) со всѣхъ крестьянъ кромѣ семигривеннаго подушнаго оклада, брать рубль, изъ котораго 50 коп. пойдетъ въ казну на содержаніе инвалидовъ, а 50 архіереямъ, въ монастыри и прочія мѣста, куда крестьяне будутъ возвращены; 3) крестьяне должны управляться не служками монастырскими, а выборными и старостами, которыхъ будутъ выбирать сами крестьяне съ перемѣною погодно. По поводу этого доклада, 18-го іюля у Сената съ Синодомъ была конференція. Преосвященные объявили, что первымъ пунктомъ доклада довольны; но относительно платежа 50 коп. въ казну, Аѳанасій Тверской объявилъ, что это будетъ крестьянамъ тягостно, другой же половины на содержаніе монастырей и семинарій мало; по его мнѣнію, надобно было возвратиться къ рѣшенію Синода, состоявшемуся при императрицѣ Елисаветѣ, именно: духовенство будетъ вносить ежегодно по 300,000 рублей; а что касается сбора на архіереевъ и монастыри, то это оставить на ихъ усмотрѣніе. Къ мнѣнію тверскаго преосвященнаго пристали Гедеонъ псковской и Веніаминъ петербургскій; а Палладій рязанскій соглашался съ сенатскимъ мнѣніемъ, равно какъ и Димитрій Сѣченовъ новгородскій, въ чемъ и обнаружилась «рознь между братьями», которую оплакивалъ Тимоѳей московскій. Димитрій новгородскій прибавилъ, что необходимо учредить коммиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для сочиненія монастырямъ, архіерейскимъ домамъ и семинаріямъ штатовъ. На счетъ управленія крестьянъ выборными всѣ архіереи согласились съ Сенатомъ [144].

Надобно было принять мнѣніе Димитрія Сѣченова о коммиссіи для составленія штатовъ, ибо только послѣ этого составленія можно было опредѣлить, достаточно или недостаточно 50 коп., и тѣмъ прекратить споры и жалобы. Но коммиссія, разумѣется, должна была затянуть дѣло, и раждался вопросъ, чѣмъ же до ея рѣшенія будутъ содержаться монастыри и архіерейскіе дома; отдать до окончанія дѣла монастырямъ имѣнія или не отдавать? Екатерина находила вопросъ труднымъ, что видно изъ письма ея къ Бестужеву отъ 8-го августа: «Батюшка Алексѣй Пе-

тровичъ, прошу васъ приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммиссію ли учинить нынѣ, не отдававъ деревень духовнымъ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать коммиссію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а въ другой только, чтобъ они вступили во владѣніе до коммиссіи. Пожалуй помогай совѣтами [145]». Какъ видно, вслѣдствіе совѣтовъ Бестужева, на которые могло имѣть вліяніе письмо ростовскаго архіерея, 12-го августа состоялся именной указъ объ отдачѣ всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, для благопристойнаго духовнаго чина содержанія, имъ въ управленіе, и объ отставленіи коллегіи экономіи и небытіи посланнымъ для управленія церковныхъ вотчинъ офицерамъ.

Такова была внутренняя дѣятельность Екатерины въ два первые мѣсяца ея царствованія. Время было тяжелое для нея. Перемѣна 28-го іюня не могла остаться безъ нравственныхъ послѣдствій, безъ извѣстной нравственной разнузданности. Екатеринѣ нужно было много лѣтъ искуснаго, твердаго и счастливаго правленія, чтобъ пріобрѣсти тотъ авторитетъ, то обаяніе, которое она производила въ Россіи и въ цѣлой Европѣ, чтобъ заставить признать законность своей власти. Въ первое время царствованія это признаніе не было всеобщимъ, и въ Европѣ не было еще увѣренности, что Екатерина удержится на престолѣ. Такія отношенія заставляли Екатерину стараться объ удержаніи при себѣ своихъ старыхъ приверженцевъ, объ увеличеніи ихъ числа, заставляло сдерживаться, уступать, идти на сдѣлки. Екатерина писала Понятовскому, что ей необходима величайшая осторожность, что за нею наблюдаютъ. «Меня принудятъ, писала она, сдѣлать еще тысячу странностей; если я уступлю, меня будутъ обожать; если нѣтъ, то не знаю, что случится». Предположимъ въ этихъ словахъ преувеличеніе, преувеличеніе намѣренное; предположимъ, что Екатерина хотѣла выставить всю затруднительность своего положенія, чтобъ отвратить Понятовскаго отъ пріѣзда въ Петербургъ; но за этимъ преувеличеніемъ все же останется что-то вѣрное. Разумѣется, Екатерина не думала, что ее заставятъ сдѣлать ровно тысячу странностей; но въ числѣ странностей она считала настаиваніе нѣкоторыхъ сильныхъ людей на учрежденіи постояннаго совѣта, казавшагося для

Екатерины очень неудобнымъ, особенно по извѣстнымъ взглядамъ человѣка, болѣе другихъ толковавшаго о необходимости совѣта, Никиты Ив. Панина. Тѣ самые люди, которые хотѣли, по отстраненіи Петра III, возвести на престолъ малолѣтняго сына его Павла, а Екатерину провозгласить только правительницею до совершеннолѣтія императора,—тѣ самые люди, послѣ неудачи своего замысла, настаиваютъ на учрежденіи постояннаго совѣта. Зачѣмъ это настаиваніе? Хотятъ оградить себя отъ вліянія фаворитовъ? Раздражающее, оскорбительное побужденіе! Предполагаютъ въ Екатеринѣ такую слабость, что она будетъ руководиться въ дѣлахъ управленія волею фаворитовъ. Но и при постоянномъ совѣтѣ, при надстройкѣ этого верхняго этажа надъ Сенатомъ, вліяніе фаворитовъ можетъ быть преобладающимъ. При Петрѣ II Верховный тайный совѣтъ не спасалъ отъ вліянія Долгорукихъ. Значитъ есть какой-нибудь другой умыселъ, и постоянный императорскій совѣтъ будетъ служить только средствомъ къ достиженію чего-нибудь другого.

Дѣло не нравилось, возбуждало подозрѣніе, а между тѣмъ считалось нужнымъ уступать, соглашаться хотя на время, изыскивать способы впослѣдствіи уклониться отъ него. Въ оправдательномъ манифестѣ Бестужеву, написанномъ или переписанномъ рукою самой Екатерины, находимъ слѣдующія слова: «и сверхъ того жалуемъ его (Бестужева) первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ нашемъ императорскаго совѣта». Но удалось исключить эти слова въ печатномъ манифестѣ.

Для обезпеченія себя отъ разныхъ *странностей* надобно было поспѣшить коронаціею, и выѣздъ императрицы для этого въ Москву назначенъ былъ на 1-е сентября. Распоряженія по торжеству коронаціи были поручены князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. Князь Никита долженъ былъ устроить для императрицы помѣщеніе въ Кремлѣ, и по этому случаю писалъ къ завѣдывавшему кабинетомъ Олсуфьеву: «Я всячески разсматривая положеніе покоевъ въ Кремлѣ, въ которыхъ нынѣ резидовать изволитъ всемилостивѣйшая государыня, не нахожу мѣста, гдѣбъ можно было быть церкви, а зная же великое благоговѣніе ея и. в—ства къ Богу, разсуждая, что безъ церкви, дабы она въ близости была, обойтиться нельзя, нашелъ средства тому помочь,

то есть, чтобъ съ церковію Стрѣтенскаго собора, которая въ самой близости отъ апартаментовъ ея в—ства состоитъ и церковь изрядная, сдѣлать изъ покоевъ ея в—ства покрытую и съ окончинами деревянную коммуникацію, и какъ очень церковь холодная, то изъ находящейся около нея паперти теплые покои». Это распоряженіе было одобрено Екатериною [146].

Приготовленіе короны было поручено И. И. Бецкому. По этому случаю кн. Дашкова разсказываетъ любопытное происшествіе, изъ котораго ясно видно, какъ событіе 28-го іюня кружило головы. На четвертый день послѣ переворота, когда императрица находилась вдвоемъ съ Дашковою, Бецкій испрашиваетъ позволенія войти, входитъ, бросается на колѣна и начинаетъ умолять императрицу признаться, чьему вліянію она приписываетъ свое воцареніе. «Я обязана своимъ воцареніемъ, отвѣчаетъ Екатерина, Богу и избранію моихъ подданныхъ».—«Въ такомъ случаѣ, говоритъ отчаяннымъ тономъ Бецкій, я не имѣю болѣе права носить этотъ знакъ отличія», и при этихъ словахъ начинаетъ снимать съ себя александровскую ленту. Екатерина спрашиваетъ его, что это значитъ.—«Я самый несчастный человѣкъ, отвѣчаетъ Бецкій, потому что в. в. не признаете во мнѣ единственнаго виновника своего воцаренія! развѣ не я настроилъ къ этому умы гвардейцевъ? развѣ не я бросалъ деньги въ народъ?» Императрица и Дашкова обѣ пришли въ безпокойство, подумавши, что Бецкій сошелъ съ ума; но Екатерина скоро нашла средство успокоить Бецкаго. «Я признаю, сказала она, сколько я вамъ обязана; и такъ какъ я вамъ обязана короною, то кому же лучше какъ не вамъ поручить приготовленіе всего того, что я должна буду надѣть во время моей коронаціи? И такъ позаботьтесь объ этомъ: всѣ брилліантщики имперіи будутъ въ вашемъ вѣдомствѣ». Бецкій пришелъ въ восторгъ и разсыпался въ благодарностяхъ [147].

Изъ 25 сенаторовъ 20 отправлялись въ Москву на коронацію, именно: гр. Бестужевъ, гр. Разумовскій, кн. Трубецкой, Бутурлинъ, канцлеръ гр. Воронцовъ, гр. Александръ Шуваловъ, Сумароковъ, Петръ Чернышевъ, кн. Одоевскій, кн. Алексѣй Голицынъ, гр. Петръ Шереметевъ, кн. Шаховской, Никита Панинъ, гр. Скавронскій, кн. Волконскій, гр. Романъ Воронцовъ, гр. Иванъ Воронцовъ, кн. Мих. Голицынъ, Суворовъ, Брылкинъ. Пятеро оста-

вались въ Петербургѣ: Неплюевъ, Николай Андр. Корфъ, Жеребцовъ, Ушаковъ и Костюринъ. По этому случаю Панинъ подалъ записку: «Когда адмиралъ Голицынъ былъ оставленъ здѣсь членомъ сенатской конторы (во время коронаціи Елисаветы), яко одинъ сенаторъ, тогда въ указѣ ему велѣно было имѣть надъ всѣми гражданскими и военными дѣлами главную команду. Нынѣ оставляется здѣсь цѣлый департаментъ сенатскій, состоящій въ пяти сенаторахъ, такъ не соизволено ли будетъ повелѣть главному изъ нихъ, что хотя все правленіе должно производимо быть въ сенатской конторѣ купно со всѣми сенаторами, однакоже попеченіе о неупущеніи и добромъ порядкѣ болѣе ему принадлежитъ. Старшій сенаторъ Неплюевъ, по бѣдности своей не имѣетъ здѣсь такого дома, гдѣбъ пристойно жить могъ; да къ тому же, яко главному въ городѣ, надлежитъ ему имѣть караулъ какъ для чести, такъ и для случающихся надобностей. Не меньше долженъ онъ принимать у себя въ домѣ знатныхъ чужестранныхъ проѣзжающихъ и праздновать торжественные дни; того ради не соизволено ли будетъ указать ему, по прежнимъ примѣрамъ, переѣхать жить въ деревянный зимній дворецъ и имѣть караулъ, а на столъ опредѣлить по 500 рублей на мѣсяцъ. Въ разсужденіе важной новости общаго положенія и оставляемаго столь люднаго столичнаго города, въ которомъ такъ свѣжо еще остается въ памяти великое происшествіе, требуетъ наипаче штатскій резонъ, чтобъ сей распорядокъ соображаемъ былъ съ зрѣлою политикою, которая должна быть приведена въ пристойную знатность предъ публикою. Слѣд., пристойно бъ было, еслибы соизволено при самомъ отъѣздѣ пожаловать голубую ленту ему, Неплюеву, чѣмъ публика, слѣд., и общее послушаніе къ нему вящше въ респектъ приведены будутъ. А сей публичный знакъ высокой повѣренности не можетъ быть никому въ предосужденіе, потому что онъ не токмо всѣхъ тѣхъ старѣе, кои его не имѣютъ, но и большая часть имѣющихъ его моложе. Онъ же служитъ 50 лѣтъ и обращался всегда въ отличныхъ дѣлахъ съ пользою [148]».

Панинъ поручилъ Теплову передать эту записку императрицѣ, а самъ 27-го августа выѣхалъ съ наслѣдникомъ престола въ Москву. Выѣхалъ онъ, какъ видно, не очень довольный отношеніями своими къ Екатеринѣ; его безпокоило вліяніе Григорія

Орлова, безпокоило и то, что учрежденіе императорскаго совѣта было отложено. Не такъ дѣйствовалъ Бестужевъ; хитрый старикъ помнилъ, какую силу при Елисаветѣ давала ему дружба Алексѣя Разумовскаго; онъ заискалъ и теперь у Орлова, не настаивалъ на томъ, что было непріятно, выказывалъ преданность безграничную, и былъ за то «батюшка Алексѣй Петровичъ». Дашкова и Тепловъ были также недовольны. Относительно первой исполнилось предсказаніе дяди, канцлера: выставкою своего участія въ событіи 28-го іюня она раздражила Екатерину, раздраженіе усилилось ея столкновеніями съ Орловыми. Тепловъ жаловался, что не пользуется прежнею довѣренностію императрицы, что Елагинъ перебиваетъ у него дорогу. Екатерина могла охладѣть къ Теплову за его тѣсную связь съ Панинымъ и Дашковою; но могъ повредить ему и Бестужевъ. Мы видѣли [149], что по своемъ возвращеніи, стремясь къ торжественному оправданію себя, Бестужевъ пересмотрѣлъ слѣдственное дѣло, по которому онъ былъ осужденъ, и сдѣлалъ свои замѣчанія, конечно не оставшіяся тайною для Екатерины. Эти замѣчанія указывали на Теплова, какъ на измѣнника, который донесъ о перепискѣ Екатерины съ гетманомъ Разумовскимъ: «О семъ секретѣ, писалъ Бестужевъ, никому извѣстно быть не могло, кромѣ Теплова: онъ единственно злясь на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ; ежели онъ, подобно тому, въ новомъ тайномъ совѣтѣ поступать будетъ и всѣхъ перессоривать, то не нахальствомъ, но скромностію, чистою совѣстію и искусствомъ Ададуровъ превосходить будетъ».

Какъ бы то ни было, Тепловъ былъ недоволенъ, что видно изъ писемъ его къ уѣхавшему Панину [150]. Отъ 29-го августа онъ писалъ: «Того момента, какъ вы поѣхали, я, потуживши о вашемъ отъѣздѣ съ любезною нашею княгинею (Дашковою), пошелъ къ е. в. и имѣлъ счастіе подать ваше запечатанное письмо. Ея в—ство прочитавши оное, думая, что матерія мнѣ письма вашего извѣстна, сказать изволила: я не знаю, гдѣ тотъ указъ, вить де есть у тебя черный, принеси мнѣ копію! Услышавши отъ меня, что содержанія письма не знаю и что о какомъ указѣ изволитъ говорить—я разумѣть не могу, тогда изволила сказать: о Неплюевѣ. Это было поутру до обѣдни. Пополудни въ 3½ часа я принесъ вторично чисто переписанный и подалъ

ея в—ству, послѣ чего изволила мнѣ показать одну резолюцію своеручную на докладѣ кажется о Перфильевѣ, а подлинно не разсмотрѣлъ: нѣтъ ли де противъ языка ошибки? я счастіе имѣлъ объ одной только самой малой представить, впрочемъ очень правильно написана была. Потомъ я о Тотлебенѣ доложилъ, и ея в—ство очень сожалѣть изволила, что запамятовала о немъ, надобно де дѣло его до отъѣзда кончить; и когда я доложилъ, что въ прежнихъ дѣлахъ сентенція оригинальная объ Тотлебенѣ находится, то ея в—ство повелѣть мнѣ изволила оную принести, съ чѣмъ я и отошелъ. Скоро послѣ того ея в—ство прислать ко мнѣ изволила Миниховo письмо съ цедулкою и параллелями между порта балтицкаго и ревельскаго, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ я, когда буду писать къ в. п—ству, то бъ оныя отослалъ, что я при семъ и исполняю. Содержаніе письма Минихова показываетъ, что ея в—ство для забавы вамъ оное посылаетъ. И подлинно экспрессіи больше, нежели всѣ прежнія смѣха достойны. Къ вечеру я подалъ сентенцію о Тотлебенѣ. Въ заключеніе поговоримъ о княгинѣ Дашковой, которая, кажется мнѣ, въ большомъ горѣ послѣ вашего отъѣзда. Я почти постоянно у нея. Духъ ея хотя и въ безпокойствѣ обрѣтающійся, порождаетъ постоянно идеи, отъ которыхъ я ротъ разѣваю. Наши уединенныя бесѣды съ сею дамою добродѣтельною и разума исполненною составляютъ единственное утѣшеніе для моего духа, удрученнаго безпокойствомъ. Я имѣлъ честь обѣдать съ нею. Напитала она меня обильно. Моя одна порція составила бы четыре вашихъ обѣда. Мы ужинали въ сообществѣ съ княгинями Куракиною и Репниною. Смѣхъ содѣйствовалъ много нашему пищеваренію, тѣмъ болѣе, что наша любезная хозяйка подбавляла соли. Я теряю терпѣніе, но я привожу себѣ на память, что человѣкъ солидный не долженъ помрачать свою добродѣтель простыми предположеніями и что два мѣсяца не достаточны, чтобъ сказать, что имѣешь довольно опытности при дворѣ. Императорскій совѣтъ рѣшитъ все. Когда я въ Москвѣ, то по крайней мѣрѣ могу сказать, что я ближе къ моимъ украинскимъ пенатамъ. Вѣрно то, что не станутъ удерживать силою того, отъ кого хотятъ отдѣлаться. Служить, не имѣя довѣренности государя, все равно, что умирать отъ сухотки. Ради Бога берегите ваше здоровье и успокойтесь отъ тѣхъ волненій

въ крови, которыя причинили вамъ дѣла петербургскія. Это единственное средство для в. и—ства, для княгини и для того, который всю свою жизнь не перестанетъ васъ любить» и проч.

1-го сентября Тепловъ писалъ: «Ив. Ив. Неплюеву ея в—ство вчерашняго вечера указъ сама изволила отдать. Я прилагаю точную копію того, который подписанъ для вашего прочтенія, а притомъ и нашъ первый концептъ, дабы вы изволили сами сличить, въ чемъ состоитъ отмѣна. По моему мнѣнію различіе главное состоитъ въ томъ, что прописка указа о сенатской конторѣ выставлена, чѣмъ сей новый и укороченъ. Впрочемъ сила и содержаніе все прежнее оставлены, но какъ всякій стилистъ любитъ больше себя авторомъ видѣть нежели другаго, то и тутъ во многомъ переправщикъ слова первыя назадъ, а заднія напередъ переставилъ, и тѣмъ великую будто поправку нашего концепта доказалъ. Гораздо труднѣе дать идею сочиненію въ его созданіи, чѣмъ перемѣнять слова. Но человѣкъ безъ кредита, какъ я, долженъ все проглатывать. Г. Елагинъ мой другъ, но я думаю онъ самъ признается, что не ему меня учить языку, тѣмъ больше, что его *можите*, которое вы найдете въ указѣ вмѣсто *можете*, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ моего честолюбія, которое не совсѣмъ неумѣстно. Прилагаю манифестъ печатный о графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ. Оригинальный написанъ рукою мнѣ неизвѣстною. Всѣ любопытствуютъ знать кѣмъ онъ сочиненъ, говоря, что очень хорошо составленъ. Но такъ какъ я объ этомъ ничего не знаю, то мнѣ не трудно отвѣчать. Мой отвѣтъ: «не знаю и первый разъ вижу и слышу» заставляетъ нѣкоторыхъ думать, что вы его авторъ».—Панинъ имѣлъ удовольствіе узнать, что его представленіе о Неплюевѣ исполнено.

Въ назначенный день, 1 сентября, Екатерина выѣхала въ Москву, и 9 числа остановилась въ подмосковномъ селѣ гетмана Разумовскаго, Петровскомъ (-Разумовскомъ). 11 числа въ Петровскомъ собрались члены Синода и высшее духовенство, придворныя дамы, кавалеры, генералитетъ и прочія знатныя обоего пола особы для поднесенія всеподданнѣйшихъ поздравленій. Первымъ выступилъ новгородскій архіерей Димитрій, какъ первый членъ Синода; не о надеждахъ въ будущемъ говорилъ ора-

торъ, онъ прославлялъ совершенный уже подвигъ: «Се царствующій градъ Москва, вмѣсто возженныхъ свѣтильниковъ, съ горящими любовію сердцами усрѣтаетъ вожделѣнную матерь и государыню свою, преславная дѣла и заслуги отечеству и церкви показавшую. Гряди, защитница отечества, гряди защитница благочестія, вниди во градъ твой и сяди на престолѣ предковъ твоихъ». Явился и запорожскій кошевой атаманъ съ старшиною, и писарь говорилъ императрицѣ рѣчь отъ всего войска. Запорожецъ началъ съ того, что выставилъ необходимость власти и повиновенія ей: «Вся премудростію сотворивый Господь, говорилъ писарь, вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же человѣкамъ— учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ всеобщій и непремѣнный долгъ такъ насъ крѣпко понуждаетъ и къ наблюденію своему влечетъ, что аки бы онъ на скрижаляхъ сердца нашего былъ написанъ. Чего всего въ разсужденіи, когда Царь Небесный в. и. в. на престолъ всероссійскій всесильною своею десницею возвелъ, и мы всѣ, сыны и питомцы Низоваго Днѣпровскаго Запорожскаго коша, какъ дѣти и птенцы орляго твоего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать и слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти в. и. в—ства духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣтаетъ, въ священнѣйшемъ ковчезѣ августѣйшаго тѣла дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнымъ долгоденствіемъ да оградитъ!» и проч.

13 сентября происходилъ торжественный въѣздъ въ Москву: «По улицамъ убрано было ельникомъ, на подобіе садовыхъ шпалеръ, обрѣзаннымъ разными фигурами; а для смотрѣнія народу обыватели, каждый предъ своимъ домомъ, имѣлъ построенныя преизрядныя галлереи, по которымъ снаружи, также въ домахъ, изъ оконъ и по стѣнамъ, свѣшены были ковры и другія разныя матеріи». Въ Успенскомъ соборѣ, когда императрица, приложившись къ иконамъ и мощамъ, стала на своемъ мѣстѣ, а наслѣдникъ на мѣсто царицъ, то Димитрій новгородскій началъ говорить проповѣдь: «Красуйся, царствующій градъ и удивляйся, глаголя: откуду мнѣ сіе, яко пріиде мати отечества ко мнѣ? Виждь въ св. храмъ сей, аки въ сердце всего Россійскаго царства, благочестно входящую. Пріиде къ намъ благочестивыя вѣ-

ры защитница, церковь и отечество матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая; пріиде всѣхъ скорбей и печалей нашихъ окончаніе, всѣхъ радостей нашихъ вина. Видѣла матерь свою, св. церковь бѣдствуему и озлобляему, восхотѣла отъ страха и вредныхъ перемѣнъ избавити; не допустила отечеству прійти въ наглое расхищеніе, въ горесть и воздыханіе; не дала Россіи отъ сопостатовъ быти въ посмѣхъ, въ стыдъ и поношеніе. Да какъ ужасно слышати: мечемъ ли, оружіемъ ли или кровопролитіемъ? Никако; и презря животъ свой, не бояся смерти, съ единымъ на Бога упованіемъ».

Коронація произошла съ обычными церемоніями 22 сентября. И тутъ новгородскій митрополитъ говорилъ рѣчь, величая событіе 28 іюня, какъ дѣло Божіе: «Господь положилъ на главѣ твоей вѣнецъ. Знаетъ Онъ благочестивые отъ напасти избавляти, зналъ предъ Собою чистое сердце твое, зналъ непорочные пути твои, зналъ въ несносномъ терпѣніи твоемъ ни откуду помощи ищущую, на Него единаго уповающую. Знаемъ и всѣ единодушно скажемъ, что ни глава твоя царскаго вѣнца, ни рука твоя державы поискала славы ради, или снисканія высокой власти, или пріобрѣтенія временныхъ сокровищъ; но едина матерняя ко отечеству любовь, едина вѣра къ Богу и ревность къ благочестію, едино сожалѣніе о страждущихъ и утѣсняемыхъ чадѣхъ Россійскихъ понудили тебѣ пріяти великое сіе къ Богу служеніе. Видѣла озлобленіе людей твоихъ; видѣла все и воздыхала яко близь паденія церковь, близь опасности все благосостояніе Россійское, но ты едина ревнуя поревновала еси. Господи Боже Вседержителю, и сіе чудное строеніе не человѣческаго ума и силы, но Божіихъ несказанныхъ судебъ и Его премудраго совѣта. Будутъ чудо сіе восклицать проповѣдники; напишутъ въ книгахъ историки; прочтутъ съ охотою ученые; послушаютъ въ сладость не книжные; будутъ и послѣдніе роды повѣствовать чадомъ своимъ и прославлять величія Божія. Нынѣ, когда по мрачныхъ тучахъ оныхъ, наступило ведро и самая осень претворилася въ красную весну, начинай лѣто, Господеви пріятно. Поздравляемъ и тебе, дражайшій всероссійскаго престола наслѣдниче Богомъ вѣнчанною нынѣ, вселюбезною матерію твоею. Что нынѣ самодержавная матерь твоя воспріяла, тое и тебѣ понести иногда должно будетъ; помышляй, яко ея корона — твоя

корона; вся елико имать дастъ тебѣ; ея престолъ—твой престолъ, твой сигклитъ, твое воинство, твое всероссійское царство».

На медаляхъ, выбитыхъ въ честь коронаціи на лицевой сторонѣ изображенъ былъ бюстъ императрицы, а на оборотѣ «православіе и Россійское отечество, спасенныя геройскимъ духомъ ея и. в—ства отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій, радостно возносятъ украшенный дубовыми листьями щитъ съ именемъ ея в—ства, на который провидѣніе Божіе императорскую корону налагаетъ; передъ ними стоитъ курящійся жертвенникъ съ изображеніемъ знаковъ духовнаго, военнаго и гражданскаго чина, на который Россійское отечество сыплетъ ѳиміамъ, во изъявленіе всенародныхъ молитвъ и усердныхъ желаній о долгоденствіи и благополучномъ государствованіи вседражайшія ихъ монархини и избавительницы, съ подписаніемъ: вверху: «За спасеніе вѣры и отечества», внизу: «Коронована въ Москвѣ, сентября 22 дня 1762 года».

Великороссійскій архіерей повторялъ о благодѣтельномъ значеніи событія 28 іюня для церкви и отечества; но къ торжеству коронаціи пріѣхалъ въ Москву православный архіерей изъ чужого государства: онъ также въ своей рѣчи прославилъ восшествіе на престолъ Екатерины, какъ событіе спасительное для русской церкви, но указалъ для новой императрицы новыя обязанности, о которыхъ не упоминалъ митрополитъ новгородскій. 29 сентября, въ послѣдній день коронаціонныхъ торжествъ говорилъ Екатеринѣ рѣчь извѣстный Георгій Конискій, епископъ могилевскій или бѣлорусскій. Въ самомъ началѣ рѣчи Конискій не усомнился назвать себя и весь бѣлорусскій народъ подданными русской императрицы: «Между подданными народами в. и. в—ства, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующими, приноситъ и бѣлорусскій народъ чрезъ меня, подданника в. в—ства, всеподданнѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далече отстоитъ Богомъ благословенная Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, состояніе, сказую, людей, предѣлами россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей хотя единовѣрныхъ, но въ польской области заключенныхъ. Здѣ свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ; доселѣ потрясенъ былъ нечаянно, но опять утвержденъ: у насъ свѣтильникъ тотъ свирѣпо,

дышущіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣ храмы Господни славославіемъ имени Его свободно гремятъ; замолкло было пѣніе [151], но опять возгремѣло: у насъ храмы Господни множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатлѣны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣ чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе; пришло было благочестіе въ нечесть, но опять на первое достоинство возвратилось: у насъ благочестивымъ именоватись въ студъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а не рѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ. Однакъ, и въ толикихъ египетскихъ озлобленіяхъ и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ в. в—ства, не хотимъ уступити имъ въ разсужденіи радости настоящей. Смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи. А для чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ; надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, ниже въ одномъ цвѣтѣ, но и въ самомъ плодѣ состоящая. Тобою, благочестивѣйшая государыня, свѣтильникъ вѣры, бывшій въ Россіи потрясенный, сталъ утвержденъ. Тобою храмы Господни и красоту и гусли своя съ псалтирью удержали. Тобою благочестивые и вѣрные подданные твои въ первую честь и достоинство приведены. Сіи тобою въ едино лѣто принесенные плоды обнадеживаютъ насъ крѣпко, что и намъ подобные принесеши въ грядущее время. Или бо не можеши сего сотворити намъ, или не соблаговолиши? Могла въ немощи: можеши въ силѣ; могла престола лишаема: можеши на престолѣ Богомъ посаждена; могла въ страсѣ и опасности житія пребывая: можеши страхомъ и угрожаніемъ смерти непріязненныхъ исполняя. Могла и соблаговолила тогда, когда животъ твой за вѣру и отечество въ жертву Богу предала: можеши и соблаговолиши теперь, когда Богъ тебѣ животъ твой для вѣры и отечества, еще же и для покровительства единовѣрныхъ вмѣстѣ со скипетромъ возвратилъ. Молимъ же в. и. в—ство, не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ, спаси насъ десницею твоею и мышцею твоей покрый насъ» [152]!

Графъ Алексѣй Петр. Бестужевъ-Рюминъ не хотѣлъ предоставить однимъ архіереямъ прославленіе подвига Екатерины 28 іюня. За четыре дня до коронаціи императрица получила

отъ него проектъ предложенія его Сенату. Приводя въ примѣръ Петра Великаго, получившаго по случаю шведскаго мира названіе Великаго и Отца отечества, Бестужевъ говорилъ въ проектѣ: «Не можетъ справедливѣе и одолжительнѣе случай быть нынѣ благополучно государствующей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, избавительницѣ Россіи отъ неизбѣжной почти опасности Имперіи сей разрушенія, погубленія нажитой славы, предвидимаго уже ига и низложенія, достойный принесть знакъ благодарности. Я должности моей быть нахожу правит. сенату, почтеннымъ собратіямъ моимъ, какъ старшій между ими членъ, предложить, чтобы, призвавъ Св. Синодъ и прочихъ главныхъ, положить согласіе, по совершеніи коронаціи, ея в—ству, именемъ всего россійскаго народа, при благодареніи за ея попеченіе и труды, не только оберегая, но не щадя собственной своей всевысочайшей особы для пользы вѣрноподданныхъ своихъ, принесть торжественно титло и именованіе матери отечества. Екатерина написала на проектѣ: «Видится мнѣ, что сей проектъ еще рано предложить, потому что растолкуютъ въ свѣтѣ за тщеславіе, а за ваше усердіе благодарствую [153]».

Екатерина была совершенно довольна пріемомъ, какой сдѣлали ей московскіе жители. На третій день послѣ коронаціи, 25 сентября, она писала посланнику своему въ Варшавѣ, графу Кейзерлингу: «Невозможно вамъ описать радость, какую здѣсь безчисленный народъ оказываетъ при видѣ меня: стоитъ мнѣ выйти или только показаться въ окнѣ, и клики возобновляются [154]». Но въ то же время между нѣкоторыми офицерами повторялось имя *Иванушки* (Ивана Антоновича). Мы видѣли, что Петръ III имѣлъ свиданіе съ шлюссельбургскимъ заточникомъ, участь котораго не была послѣ этого облегчена. Екатерина, на другой же день своего царствованія, 29 іюня уже сдѣлала распоряженіе на счетъ немедленнаго свиданія своего съ Иваномъ. Генералъ-майоръ Силинъ отъ этого числа получилъ указъ изъ Петергофа: «Вскорѣ по полученіи сего имѣете, ежели можно, того же дни, а по крайней мѣрѣ на другой день безыменнаго колодника, содержащагося въ шлюссельбургской крѣпости подъ вашимъ смотрѣніемъ, вывезти сами изъ оной въ Кексгольмъ; а въ Шлюссельбургѣ, въ самой оной крѣпости очистить внутренней крѣпости самые лучшіе покои и прибрать, по крайней мѣрѣ по

лучшей опрятности, оные, которые изготовивъ, содержать до указу.» 4 іюля изъ деревни Мордя, лежащей въ 30 верстахъ отъ Шлюссельбурга, Силинъ доносилъ, что ихъ разбило на озерѣ бурею и они съ арестантомъ находятся въ означенной деревнѣ, дожидаясь новыхъ судовъ изъ Шлюссельбурга, на которыхъ и поплывутъ въ Кексгольмъ. При личномъ свиданіи своемъ съ Иваномъ, Екатерина убѣдилась, какъ нелѣпы были толки людей, невидавшихъ Ивана и думавшихъ, что Екатерина можетъ скрѣпить свои права на престолъ, выйдя за мужъ за правнука царя Іоанна Алексѣевича. Иванъ былъ отвезенъ обратно въ Шлюссельбургъ въ прежнее помѣщеніе, приготовленное было для Петра III. Арестантъ былъ порученъ надзору двоихъ офицеровъ, Власьева и Чекина, а коменданту шлюссельбургскому Бередникову не велѣно было вмѣшиваться въ ихъ дѣла; Власьевъ и Чекинъ должны были непосредственно обращаться къ Никитѣ Ив. Панину, который далъ имъ инструкцію: «Разговоры вамъ употреблять съ арестантомъ такіе, чтобъ въ немъ возбуждать склонность къ духовному чину, т.-е. къ монашеству, и что ему тогда имя надобно будетъ перемѣнить, а называть его будутъ вмѣсто Григорья Гервасій. Ежели случится, чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ, хотябъ то былъ и комендантъ безъ именнаго повелѣнья или безъ письменнаго отъ меня (Панина) приказа и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго никому не отдавать и почитать все то за подлогъ или непріятельскую руку. Буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно, то и арестанта умертвить, а живаго никому его въ руки не отдавать». На увѣщанія Власьева и Чекина Иванъ отвѣчалъ: «я въ монашескій чинъ желаю, только страшусь Св. Духа, притомъ же я безплотный». Потомъ сказалъ, что ему позволено постричься, образамъ молиться и кланяться, но Гервасіемъ называться не хочетъ, а пусть назовутъ его Ѳеодосіемъ [155].

Но все это содержалось въ глубочайшей тайнѣ; о неспособности Ивана къ правленію знали очень немногіе и его имя являлось въ устахъ каждаго недовольнаго. Къ графу Григорію Григ. Орлову [156] явился капитанъ Московскаго драгунскаго полка Побѣдинскій съ извѣстіемъ о существованіи партіи, которая считаетъ между своими членами Ив. Ив. Шувалова и которая хочетъ возвести на престолъ Ивана Антоновича, что онъ Побѣ-

динскій слышалъ объ этомъ отъ поручика Петра Чихачева, а Чихачевъ отъ капитанъ-поручика Измайловскаго полка Ивана Гурьева. Орловъ сказалъ, чтобъ Побѣдинскій съ товарищами безъ боязни вступали въ это дѣло для подробнѣйшаго развѣдыванія. Въ слѣдствіе этого развѣдыванія нѣсколько офицеровъ были допрошены и показали: Семеновскаго полка подпоручикъ Вепрейскій показалъ, что сержантъ Левъ Толстой до коронаціи дней за семь сказывалъ ему, что онъ слышалъ отъ поручика Семена Гурьева, будто собирается партія, къ которой и Толстой отъ Гурьева приглашенъ. Толстой сказывалъ Вепрейскому, что посланъ Лихаревъ за принцемъ Иваномъ, что Семенъ Гурьевъ приглашенъ Александромъ Гурьевымъ, знаетъ о томъ Ив. Ив. Шуваловъ, князь Иванъ Голицынъ, да нѣтъ ли тутъ Измайловыхъ также. Въ день коронаціи Вепрейскій разсказалъ объ этомъ Дмитрію Измайлову и предлагалъ на другой день ѣхать и объявить Григ. Григ. Орлову; но Измайловъ сказалъ, что не съ чѣмъ ѣхать, все это вранье, и если оговоренные запрутся, то донощикамъ придется терпѣть истязаніе. Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Иванъ Гурьевъ на допросѣ показалъ: говорилъ Петру Чихачеву, что Иванъ Шуваловъ и съ нимъ четыре знатныя особы, а прочихъ до 70 человѣкъ въ согласіи, чтобъ быть государемъ Ивану Антоновичу, только скоро дѣлать этого нельзя, потому что солдаты любятъ государыню, а современемъ можетъ быть великое кровопролитіе, съ Шуваловымъ называли и князя Никиту Трубецкого.

Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Домогацкій показалъ: своякъ его Степанъ Бибиковъ сказывалъ ему, что слышалъ отъ Петра Хрущова бранныя слова противъ е. и. в. Петръ же Хрущовъ, прощаясь съ Бибиковымъ, говорилъ: «Чего трусишь? насъ въ партіи около 1000 человѣкъ!» Михайла Шиповъ, разговаривая съ Семеномъ Гурьевымъ, жаловался, что онъ несчастливъ: другіе произведены, а онъ не произведенъ; Гурьевъ его утѣшалъ: «слышно, говорилъ онъ, что сбирается партія противъ государыни, можете быть въ хорошей партіи: тутъ Иванъ Шуваловъ, Александръ Гурьевъ, князь Иванъ Голицынъ». Михайла Шиповъ замѣтилъ, что тутъ и Никита Ив. Панинъ; Гурьевъ отвѣчалъ: «Это правда, что Никита Ив. Панинъ тутъ; но есть еще другая партія, въ которой Корфъ: онъ сбирается возстановить Иванушку; наша

партія гораздо лучше, мы стоимъ за то, для чего цесаревичъ не коронованъ, а теперь сомнѣніе у Панина съ Шуваловымъ, кому правителемъ быть». Семенъ Гурьевъ показалъ, что говорилъ о нѣкоторыхъ противныхъ партіяхъ, къ чему и солдаты армейскіе нѣкоторыхъ полковъ распалены; ихъ сержантовъ въ ту партію приглашалъ и сказывалъ имъ, что посланъ Лихаревъ за принцемъ Иваномъ, чтобъ привезти его къ оному дѣлу; обо всемъ этомъ слышалъ отъ Петра Хрущова, а о посылкѣ Лихарева самъ выдумалъ съ досады, что 28 іюня былъ на караулѣ въ Петергофѣ, обѣщаны были ему награды, но ничего не получилъ. Петръ Хрущовъ, на очной ставкѣ съ Гурьевымъ, показалъ, что дѣйствительно все это говорилъ, а о князѣ Трубецкомъ и Шуваловѣ имъ объявлялъ по одной *эхъ*, слышалъ на дорогѣ, идучи съ батальономъ, а подлинно отъ кого слышалъ, показать не можетъ [157].

Екатерина поручила изслѣдовать дѣло безъ пытокъ. Изъ приведенныхъ показаній открыто было оскорбленіе величества и умыселъ къ общему возмущенію. Сенатъ въ полномъ собраніи, вмѣстѣ съ президентами коллегій, приговорилъ Петру Хрущову и Семену Гурьеву отсѣчь головы, Ивану и Петру Гурьевымъ каторжную работу, а имѣніе ихъ оставить дѣтямъ и наслѣдникамъ. Императрица перемѣнила смертную казнь на вѣчную ссылку въ Камчатку, а каторжную работу на вѣчную ссылку въ Якутскъ. Въ манифестѣ объ этомъ говорилось: «Мы можемъ, не похвалившись, предъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы Его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Къ сему достохвальному намѣренію мы приступили не словомъ, но истиннымъ дѣломъ, и о добрѣ общемъ ежедневно печемся. Но при сихъ нашихъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ нашлися такіе неспокойные люди, которые покусилися дѣлать умыселъ къ ниспроверженію Божія о насъ промысла и къ оскорбленію нашего величества, и тѣмъ безумно вознамѣрились похитить Богомъ врученнаго намъ народа общее блаженство, о которомъ мы безпрестанно трудимся съ матернимъ попеченіемъ [158]».

Дѣло было ничтожное; Дмитрій Измайловъ сказалъ справед-

ливо, что «все это вранье». Но изъ этого вранья обозначилось, что можетъ быть предметомъ вранья: возстановленіе Ивана Антоновича и то, зачѣмъ не коронованъ цесаревичъ. По отношенію къ первому Екатерина послала предложить свободу только одному принцу Антону: «Мы его одного намѣрены теперь освободить и выпустить въ его отечество съ благопристойностью, а дѣтей его для государственныхъ резоновъ, которые онъ по благоразумію своему понимать самъ можетъ, до тѣхъ поръ освободить не можемъ, пока дѣла наши государственныя не укрѣпятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ они, къ благополучію имперіи нашей, новое свое положеніе теперь приняли. И ежели онъ, принцъ, пожелаетъ быть свободенъ одинъ, а надежду на насъ положитъ, что мы дѣтей его въ призрѣніи своемъ до времени оставимъ, содержа ихъ не токмо въ пристойномъ довольствѣ, но и, какъ скоро поводъ къ свободѣ ихъ усмотримъ, выпустимъ и къ нему пришлемъ: то онъ можетъ искренне свое точное желаніе объявить. Ежели съ дѣтьми своими на обѣщанное нами время разлучиться не похочетъ, тобы принялъ на себя терпѣніе до тѣхъ поръ остаться въ нынѣшнемъ его состояніи, доколѣ и въ свободѣ дѣтей его ту же удобность увидимъ, которая теперь для него только одного открылась [159]». Принцъ Антонъ не согласился быть свободнымъ безъ дѣтей.

Дѣло Хрущева и Гурьевыхъ было ничтожное, но оно должно было произвести сильное впечатлѣніе на Екатерину. Это было первое искушеніе. При всемъ ея стараніи представить своею дѣятельностію противоположность бывшему царствованію, при всемъ стараніи показать, что «о добрѣ общемъ ежедневно печемся», при первомъ личномъ неудовольствіи уже толкуютъ объ Иванѣ Антоновичѣ или, что еще хуже, о томъ, за чѣмъ цесаревичъ некоронованъ, рѣшаются *распалять* солдатъ, прямо указываютъ на знатныхъ людей, какъ на соумышленниковъ, и это болѣзненное настроеніе есть слѣдствіе событія 28-го іюня: однимъ удалось тогда, отъ чего намъ не можетъ удасться теперь? Даже коронація не прекратила этого настроенія.

Екатерина, несмотря на все свое умѣнье владѣть собою, не могла въ октябрѣ 1762 года скрыть тяжелаго состоянія своего духа: печаль была написана на ея лицѣ. Она призналась англійскому посланнику, графу Бекингаму, что въ обществѣ она все

больше и больше становится разсѣянною, сама не зная отчего [160]. Тотъ же посланникъ такъ описываетъ положеніе Екатерины: «императрица по своимъ талантамъ, просвѣщенію и трудолюбію выше всѣхъ ее окружающихъ. Стѣсненная обязательствами, полученными въ послѣднее время, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми до сихъ поръ она должна была считать себя окруженною, она еще не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ окружающихъ ея людей, которыхъ характеръ и способности она должна презирать. Въ настоящее время она употребляетъ всѣ средства для пріобрѣтенія довѣрія и любви подданныхъ; если она успѣетъ въ этомъ, то воспользуется пріобрѣтенною властію для чести и пользы своей имперіи» [161].

Съ этимъ отзывомъ сходенъ и отзывъ французскаго посланника Бретейля. «Кромѣ Панина, который скорѣе имѣетъ привычку къ извѣстному труду, чѣмъ большія средства и познанія, у этой государыни нѣтъ никого, кто бы могъ помогать ей въ управленіи и въ достиженіи величія, и однако она должна выслушивать и въ большей части случаевъ слѣдовать мнѣніямъ этихъ отъявленныхъ русаковъ (vieux russes), которые, чувствуя выгоду своего положенія, осаждаютъ ее безпрестанно, то для поддержанія своихъ предразсудковъ относительно государства, то по своимъ частнымъ интересамъ. Въ большихъ собраніяхъ при дворѣ любопытно наблюдать тяжелую заботу, съ какою императрица старается понравиться всѣмъ, свободу и надоѣдливость, съ какими всѣ толкуютъ ей о своихъ дѣлахъ и о своихъ мнѣніяхъ. Зная характеръ этой государыни и видя съ какою необыкновенною ласковостію и любезностію она отвѣчаетъ на все это, я могу себѣ представить, чего ей это должно стоить; значитъ сильно же чувствуетъ она свою зависимость, чтобъ переносить это. Въ одно изъ послѣднихъ собраній, когда она была утомлена болѣе обыкновеннаго разговорами съ разными лицами и особенно съ пьянымъ Бестужевымъ, съ которымъ у нея былъ долгій и живой разговоръ, несмотря на ея старанія избѣгать его, — императрица подошла ко мнѣ и спросила, видалъ ли я охоту за зайцемъ. Когда я отвѣчалъ, что видалъ, то она сказала: такъ вы должны находить большое сходство между зайцемъ и мною: меня поднимаютъ и гонятъ изо всѣхъ силъ, какъ я ни

стараюсь избѣжать представленій, не всегда разумныхъ и честныхъ. Однако я отвѣчаю, сколько могу, удовлетворительно, и если не могу исполнить чье-нибудь желаніе, то объясняю, почему....» Въ другомъ донесеніи Бретейль пишетъ: «Императрица высказывала мнѣ высокое мнѣніе о величіи и могуществѣ своего положенія. Она повторила, быть можетъ, разъ тридцать: «такая обширная, такая могущественная имперія, какъ моя». Она мнѣ говорила о многихъ предположеніяхъ относительно внутренняго благосостоянія Россіи. Она мнѣ сказала, что по прибытіи въ эту страну, ее не покидала мысль, что она будетъ здѣсь царствовать одна. Императрица мнѣ призналась, что она не совершено счастлива, что она должна управлять людьми, которыхъ нельзя удовольствовать; что она старается всѣми средствами сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, но чувствуетъ, что надобны года да и года, чтобъ они привыкли къ ней. Выставляя свои успѣхи и блескъ своего положенія, она обнаруживала вмѣстѣ безпокойство, что ей не по себѣ. Она въ обаяніи отъ престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее безпокоитъ и волнуетъ. Это легко понять, если приглядѣться къ поведенію и чувствамъ людей, пользующихся ея довѣріемъ въ чемъ бы то ни было. Ни при одномъ дворѣ не господствовало такое раздѣленіе на партіи, а императрица обнаруживаетъ слабость и колебаніе,—недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, вопервыхъ потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности; вовторыхъ потому, что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ» [162].

Но какъ бы ни было затруднительно, тяжело положеніе Екатерины, необыкновенная живость ея счастливой природы, чуткость ко всѣмъ вопросамъ, царственная общительность, стремленіе изучить каждаго замѣчательнаго человѣка, исчерпать его умственное содержаніе, его отношенія къ извѣстному во-

просу, общеніе съ живыми людьми, а не съ бумагами, не съ оффиціальными докладами только, — эти драгоцѣнныя качества Екатерины поддерживали ея дѣятельность, не давали ей ни на минуту упасть духомъ, и эта-то невозможность ни на минуту сойти нравственно съ высоты занятого ею положенія и упрочила ея власть; затрудненія всегда заставали Екатерину на ея мѣстѣ, въ царственномъ положеніи и достойною этого положенія, потому затрудненія и преодолѣвались.

Послѣ коронаціонныхъ торжествъ дворъ оставался въ Москвѣ послѣдніе три мѣсяца 1762 года и первую половину 1763. Состояніе обѣихъ столицъ одинаково возбуждало опасенія и заботы правительства, что мы видѣли относительно Петербурга и въ предшествовавшее царствованіе. Теперь учреждена была коммиссія изъ генералъ-аншефа Чернышева, генералъ-поручика Бецкаго и лейбъ-кирасирскаго полка вице-полковника князя Дашкова: коммиссія эта должна была представить въ сенатъ, какимъ образомъ ограничить распространеніе города Петербурга, чтобъ жители его избавились отъ затрудненія въ сообщеніяхъ, производимаго безмѣрною обширностію города; предполагалось необходимымъ назначить предѣлъ, за которымъ поселенія уже составляли предмѣстія; равнымъ образомъ коммиссія должна была представить свои соображенія о Москвѣ, которая, по древности строенія своего, въ надлежащій порядокъ не пришла, жители терпятъ разореніе отъ частыхъ пожаровъ вслѣдствіе тѣснаго деревяннаго строенія [163]. Въ обѣихъ столицахъ запрещено было вновь строить фабрики и заводы [164]. Мы видимъ, что Екатерина въ своей запискѣ помѣстила въ первое или въ одно изъ первыхъ присутствій своихъ въ сенатѣ распоряженіе о прекращеніи дороговизны хлѣба въ Петербургѣ, именно временное запрещеніе вывозить хлѣбъ за границу, и тутъ же говоритъ о полномъ успѣхѣ этой мѣры: въ два мѣсяца наступила дешевизна всѣхъ припасовъ. Но изъ протоколовъ сената мы узнаемъ, что 20 ноября въ Москвѣ императрица присутствовала въ сенатѣ и объявила о донесеніи изъ Петербурга директора полиціи Корфа о цѣнахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ въ этой столицѣ: оказывалось, что съ сентября мѣсяца цѣна хлѣбу возвысилась на 20 коп. По этому поводу Екатерина приказала сенату стараться объ учрежденіи казенныхъ магазиновъ, также изыскивать спо-

собы, какъ бы сдѣлать провозъ съѣстныхъ припасовъ въ Петербургъ дешевле, ибо купцы объявляютъ, что и при такой дорогой цѣнѣ барыша мало получаютъ.

Кромѣ извѣстія о дороговизнѣ, изъ Петербурга приходили другого рода непріятныя извѣстія: отъ 20 ноября фельдмаршалъ Минихъ репортовалъ, что въ Петербургѣ происходятъ такіе грабительства и разбои, что ночью безъ конвоя никто изъ своей квартиры отлучиться не можетъ. Сенатъ переслалъ это донесеніе въ свою петербургскую контору; здѣсь приказали: въ сенатъ сообщить вѣдѣніе, что были безпорядки, о которыхъ старшій сенаторъ Неплюевъ доносилъ императрицѣ, сдѣланы распоряженія о ихъ прекращеніи, нѣсколько подозрительныхъ людей и злодѣевъ переловлено, послѣ чего съ 21 ноября водворилась полная тишина; чтоже касается репорта фельдмаршала Миниха, что безъ конвоя нельзя никому ночью выходить, то объ этомъ никакого свѣдѣнія ни отъ кого контора не имѣетъ [165]. Приходили извѣстія о разбояхъ и изъ другихъ мѣстъ: изъ Новгородскаго уѣзда доносили, что разбойники грабятъ и жгутъ помѣщичьи домы; послана была противъ нихъ драгунская команда изъ 15 человѣкъ; но разбойники убили изъ нея двоихъ да ранили 5 человѣкъ, сами всѣ ушли и производятъ разбои по прежнему, присылаютъ въ помѣщичьи домы съ требованіемъ денегъ, угрожая поджогомъ.

17 сентября Екатерина приказала отмѣнить сыщиковъ и обязанности ихъ возложить на губернаторовъ и воеводъ, причемъ каждому губернатору и вице-губернатору велѣно прислать въ сенатъ мнѣніе, какія они въ своихъ губерніяхъ находятъ лучшіе способы къ искорененію воровъ. Но скоро опять пришло извѣстіе, что воровскіе люди напали на ярославскую монетную фабрику. Потомъ пришло извѣстіе о разбояхъ по дорогамъ шлюссельбургской, ладожской, нарвской; а на юго-востокѣ въ Троицкій Битюцкій монастырь пріѣхала разбойничья шайка въ 27 человѣкъ, монастырскихъ казначея и ключника били плетьми, прочихъ монаховъ жгли и вымучали монастырскихъ денегъ 1630 рублей и прочія вещи пограбили [166].

Крестьянскія волненія продолжались. Крестьянинъ Азебаевъ принесъ въ казанскую губернскую канцелярію копію съ манифеста, будто бы состоявшагося 7 іюля. о восшествіи на пре-

столъ Екатерины; въ манифестъ вписаны были «самыя пасквильныя рѣчи», напримѣръ: которые собственные ея и. в—ства крестьяне отданы были въ прежнихъ годахъ архіереямъ и монастырямъ и которые подписаны подъ заводы, такимъ отнюдь на этихъ заводахъ не работать и быть по прежнему ясачными. Открылось, что бумагу писалъ казанскаго уѣзда, села Красной Горки дьячекъ Кузьминъ, который признался, что сочинилъ ее умышленно въ бытность свою подъ карауломъ въ Казанской духовной консисторіи, вмѣстѣ съ содержащимся въ ней подъ карауломъ заводскимъ крестьяниномъ графа Шувалова, Куликовымъ. Азебаевъ объявилъ, что заводскіе крестьяне Шувалова списали копіи съ мнимаго манифеста и, ѣздя по своей братіи, возмущаютъ и берутъ подписки не работать на заводахъ, а желающихъ работать бьютъ, разоряютъ и выгоняютъ изъ домовъ. Въ ноябрѣ Сенатъ слушалъ донесеніе канцеляріи главнаго правленія заводовъ, что приписанные къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ крестьяне единогласно состоятъ въ упорствѣ и со многихъ заводовъ отъ работъ насильно ушли и по неоднократнымъ посылкамъ изъ канцеляріи ни въ какія работы нейдутъ; по мнѣнію канцеляріи, крестьянъ этихъ, кромѣ строгости военныхъ командъ, ничѣмъ другимъ усмирить нельзя, и Бергъ-коллегія была согласна въ этомъ. Изъ донесенія канцеляріи ясно, что и приписанные къ казеннымъ заводамъ крестьяне волновались точно также, какъ и приписанные къ частнымъ заводамъ [167].

Для усмиренія заводскихъ крестьянъ отправленъ былъ генералъ-квартирмейстеръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, въ инструкціи которому говорилось, что онъ прежде всего долженъ привести крестьянъ въ рабское послушаніе и усмирить, потомъ сыскивать подстрекателей. Исполнивши это, изслѣдовать на счетъ притѣсненій, которымъ они подвергались. Если не будетъ подъ руками прикащиковъ, на которыхъ они жалуются, то для скорѣйшаго прекращенія дѣла, крестьянъ заставить работать, если они правильно принадлежатъ къ заводу, а съ прикащиковъ взять подписки, чтобъ они отнюдь съ крестьянъ ничего лишняго не требовали, особенно же удерживались отъ мучительства, какое оказалось на Петровскомъ заводѣ Евдокима Демидова. Если, несмотря на увѣщанія и угрозы,

крестьяне не придутъ въ повиновеніе, то смирить ихъ оружіемъ, однако къ дѣлу не приступать безъ самой крайности. При изслѣдованіи ихъ жалобъ поступать такимъ образомъ: взять отъ крестьянъ повѣренныхъ, по ихъ добровольному выбору, или самому Вяземскому опредѣлить къ нимъ депутата, и забравши отъ него или повѣренныхъ всѣ ихъ жалобы съ доказательствами, изслѣдовать безпристрастно, выслушивая обѣ стороны, ибо какъ крестьянская продерзость всегда вредна, такъ и человѣколюбіе наше терпѣть не можетъ, чтобъ порабощали крестьянъ свыше мѣръ человѣческихъ, особенно съ мучительствомъ. И если дѣйствительно найдется, что прикащики виноваты, то наказать ихъ, причемъ надобно брать предосторожность, чтобъ крестьяне не возмечтали, что ихъ начальники и тогда должны ихъ бояться, когда имъ не понравится и правильная работа. Если кто изъ прикащиковъ уличится въ крайнемъ безчеловѣчіи, такого можно наказать и публично; а если кто требовалъ работы сверхъ должнаго, такого можно наказать секретно, не подавая повода простому народу выходить изъ надлежащей покорности. Окончивъ это дѣло, Вяземскій долженъ былъ разсмотрѣть состояніе заводовъ, освѣдомиться, не лучше ли горныя работы производить вольнонаемными работниками, чтобъ этимъ, если можно, отвратить на будущее время всѣ причины къ безпокойствамъ и работу сдѣлать прочнѣе и полезнѣе [168].

7 ноября Екатерина присутствуя въ Сенатѣ, объявила, что государственные крестьяне, живущіе въ Казанской, самой лучшей губерніи, приведены въ великую бѣдность и, безъ дозволенія мѣстныхъ смотрителей, не смѣютъ завести ни одного поросенка, будто для того, чтобъ эти животныя не ѣли дубовыхъ желудей, которыхъ однако ни одного не было посажено. Императрица приказала для освидѣтельствованія всѣхъ этихъ безпорядковъ послать туда надежнаго чиновника. Выбранъ былъ вице-президентъ штатсъ-конторы Швебсъ.

Оставались крестьяне церковныхъ имѣній. Предположенная коммиссія объ этихъ имѣніяхъ составилась только въ концѣ ноября; членами ея были: митрополитъ новгородскій Димитрій, архіепископъ петербургскій Гавріилъ, епископъ переяславскій Сильвестръ; сенаторъ графъ Иванъ Воронцовъ, гофмейстеръ князь Борисъ Куракинъ, шталмейстеръ князь Сергѣй Гагаринъ,

прокуроръ Синода князь Алексѣй Козловскій, дѣйств. стат. совѣт. Григорій Тепловъ. Коммиссія состояла подъ единственнымъ вѣдѣніемъ императрицы; она должна была руководствоваться духовнымъ регламентомъ и указами Петра Великаго: «Яко ничего лучшаго уже опредѣлить намъ невозможно», говорила Екатерина въ инструкціи коммиссіи. Поэтому коммиссія должна была распредѣлить доходы съ церковныхъ имѣній: 1) на содержаніе домовъ архіерейскихъ, монастырей и церквей; 2) на учрежденіе училищъ; 3) на учрежденіе инвалидныхъ домовъ. Въ началѣ инструкціи говорилось: «Св. Синодъ самъ довольно вѣдаетъ, что познаніе слова Божія есть первое основаніе благополучія народнаго и что изъ сего источника истекаетъ вся народная добродѣтель. Но мы съ прискорбіемъ видимъ, что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго исправленія, такъ что и самые многіе священники не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственными примѣрами къ поврежденію. Св. Синодъ вѣдаетъ и то, сколь великій соблазнъ въ законѣ, а паче въ нашемъ православномъ, когда имущество церковное расточается иногда на временныя житейскія попеченія, а вѣчныя и богоугодныя дѣла остаются въ забвеніи или и вовсе въ уничтоженіи [169]».

Коммиссія должна была спѣшить своимъ дѣломъ: 12 декабря, въ присутствіи императрицы, въ Сенатѣ читалось донесеніе, что монастырскіе крестьяне, въ числѣ 8539 душъ, не дали подписокъ, что будутъ послушны монастырскимъ властямъ.

Въ одной изъ записокъ своихъ Екатерина говоритъ, что заводскихъ крестьянъ въ явномъ возмущеніи было 49,000 человѣкъ, а монастырскихъ и помѣщичьихъ до 150,000. Въ другой запискѣ императрица говоритъ, что заводскихъ крестьянъ посланы были унимать генералы, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибиковъ, которые «не единожды принуждены были употребить противъ нихъ оружіе и даже до пушекъ».

Въ инструкціи кн. Вяземскому былъ поставленъ вопросъ: нельзя ли замѣнить приписныхъ къ заводамъ крестьянъ вольнонаемными работниками? Вопросъ долженъ былъ рѣшиться отрицательно по малочисленности народонаселенія сравнительно съ простран-

ствомъ. 15 октября Сенатъ получилъ указъ императрицы: такъ какъ въ Россіи много непоселенныхъ мѣстъ, а многіе иностранцы просятъ позволенія поселиться: поэтому ея и. в-ство дозволяетъ Сенату принимать въ Россію безъ дальняго доклада всѣхъ желающихъ поселиться, кромѣ жидовъ. Несмотря однако на исключеніе жидовъ, многимъ могло не понравиться позволеніе селиться иностранцамъ иновѣрцамъ, и потому въ указѣ было прибавлено: «ея и. в-ство надѣется современемъ чрезъ то умножить славу Божію и его православную греческую вѣру и благополучіе здѣшней имперіи». Надобно замѣтить, что наканунѣ, 14 октября надворный совѣтникъ Андрей Шелигъ объявилъ въ сенатской конторѣ въ Петербургѣ, что онъ подалъ Никитѣ Ив. Панину доношеніе на имя императрицы, съ секретнымъ проектомъ о поселеніи въ Оренбургской губерніи на пустой землѣ иностранныхъ народовъ, и что Панинъ велѣлъ ему ѣхать въ Москву [170].

Если рѣшено было пригласить иностранныхъ поселенцевъ, то тѣмъ болѣе должны были стараться о возвращеніи русскихъ бѣглецовъ и удержаніи отъ побѣговъ. Семнадцать раскольничьихъ стародубовскихъ и черниговскихъ слободъ подали челобитную: эти слободы построили предки ихъ, перешедшіе изъ-за границы; они, поселясь въ лѣсныхъ мѣстахъ, распахали немалыя поля и раскосили сѣнокосы. Въ правленіе императрицы Елисаветы три слободы отданы Кіевопечерскому монастырю, а бывшимъ императоромъ отдано шесть слободъ Андрею Гудовичу, въ которыхъ состоитъ больше 4000 душъ; чрезъ это выѣздъ изъ-за рубежа и вовсе прекратится, ибо уже не можетъ быть свободной жизни во владѣльческихъ рукахъ: поэтому жители слободъ просятъ перевести ихъ въ дворцовое вѣдомство. За «голубицу» Фридриха II теперь не было заступниковъ, и Сенатъ приказали: подать императрицѣ докладъ, что слободы къ отдачѣ Гудовичу во владѣніе не слѣдуютъ, потому что населены бѣглыми, и еслибы они ему отданы были, то прежніе помѣщики, чьи эти бѣглые были, имѣли бы право требовать ихъ назадъ или просить за нихъ вознагражденія [171].

Имѣя въ виду, чтобъ какъ можно менѣе было недовольныхъ, Екатерина съ очень непріятнымъ чувствомъ просмотрѣла поданный ей Сенатомъ длинный реестръ казенныхъ должниковъ,

которые безъ потери своего состоянія не могли удовлетворить требованіямъ казны: однихъ дворянскихъ домовъ было около 50, а съ людьми другихъ сословій болѣе 100. Императрица послала Сенату указъ, что хотя она и не можетъ похвалить людей, которые впали въ долги въ слѣдствіе неумѣренныхъ и только роскоши служащихъ расходовъ, и никогда не согласится дать такимъ людямъ средства къ расточительности, а воздержнымъ людямъ соблазнъ: однако желаетъ сдѣлать нѣкоторое облегченіе впадшимъ въ долги до ея царствованія, чтобъ невинныя дѣти расточительныхъ отцовъ не страдали въ нищетѣ и горести, но это облегченіе не должно быть въ ущербъ казнѣ. Коммиссія изъ Петра Ив. Панина, Елагина, Еропкина и Яковлева должна была разсмотрѣть состояніе дѣлъ каждаго должника и подать императрицѣ мнѣніе, какъ удобнѣе избавить ихъ отъ разоренія [172].

Извѣстія о взяточничествѣ областныхъ правителей не прекращались. 23 октября, въ присутствіи императрицы въ Сенатѣ, слушалась челобитная слободского Острогожскаго полка сотника Коновецкаго, что отъ генералъ-поручика князя Кантемира отяготителямъ тамошняго народа, полковнику Тевяшову и прочимъ оказывается великое послабленіе, за что онъ получилъ отъ нихъ въ собственность, подъ видомъ перепродажи, немалое количество казенной земли, которую онъ населилъ козаками изъ Слободскихъ полковъ, построено было до 300 дворовъ. Екатерина приказала назначить коммиссію на мѣстѣ и сама назначила предсѣдателемъ ея секундъ-майора Измайловскаго полка Щербинина [173].

Съ сентября до конца года Екатерина присутствовала въ Сенатѣ одиннадцать разъ. Въ первое изъ этихъ присутствій въ Москвѣ было опредѣлено: сенаторамъ быть въ Сенатѣ отъ половины девятаго до половины перваго часа и постороннихъ рѣчей отнюдь не говорить [174]. Между тѣмъ дѣло объ императорскомъ совѣтѣ въ связи съ преобразованіемъ Сената не прекращалось. Главнымъ двигателемъ дѣла былъ по прежнему Никита Ив. Панинъ, желавшій обезопасить правленіе отъ вліянія фаворитовъ. Мы видѣли отношенія его къ царствованію Елисаветы, противъ котораго у него сильно накипѣло на сердцѣ: послѣ несбывшихся надеждъ играть первую роль, удаленіе въ

Стокгольмъ и здѣсь крайне затруднительное и унизительное положеніе въ слѣдствіе перемѣны политики, которую онъ приписывалъ ненавистному сопернику Ивану Шувалову и его родственнику, графу Петру Ивановичу, — вотъ какія воспоминанія вынесъ Панинъ изъ царствованія Елисаветы, и потому неудивительно, что въ докладѣ своемъ о необходимости императорскаго совѣта, онъ отозвался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ объ этомъ царствованіи. «Сенатъ, говорилъ Панинъ въ докладѣ, имѣетъ подъ управленіемъ всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы, яко центръ, у котораго все стекается, но онъ подъ государевою державною властію не можетъ имѣть права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и уставамъ, которые изданы въ разныя времена и, можетъ быть, по большей части въ наивредительнѣйшія, то-есть тогда когда при настояніи случая что востребовалось. Слѣдовательно, какія бы предписанія Сенатъ ни имѣлъ о попеченіи, чтобъ натуральная перемѣна временъ, обстоятельствъ и вещей всегда были обращены въ пользу государственную, ему, въ разсужденіе его существительнаго основанія, невозможно сего исполнить, ибо его первое правило наблюдать теченіе дѣлъ и производить ему принадлежащія по силѣ выданныхъ законовъ и указовъ; въ противномъ случаѣ Сенатъ выйдетъ изъ своей границы и теченіе дѣлъ въ правленіи государства часто будетъ останавливаться и вмѣсто скорыхъ резолюцій будутъ нескончаемыя разсужденія и споры о новыхъ законахъ, умалчивая, что физическій и моральный резоны не дозволяютъ трактовать о законоданіи въ такомъ людномъ собраніи. Сенаторъ и всякій другой судья пріѣзжаетъ въ засѣданіе такъ, какъ гость на обѣдъ, который еще не знаетъ не токмо вкусу кушанья, но и блюдъ, коими будетъ потчиванъ. Изъ сего само собою заключается, что главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой. Онъ же никакъ инако и въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ.

«Еслибъ одна простая рѣчь указа сочиняла одно прямое дѣло, тобъ генералъ-прокуроръ могъ быть почтенъ такимъ общимъ попечителемъ, которому все приказано. Въ инструкціи онъ названъ государевымъ окомъ, но самодержавный государь, оста-

вляя при себѣ право законоданія, конечно не можетъ чрезъ одно око разсматривать всѣ разныя въ управленіи государства надобности по перемѣнамъ временъ и обстоятельствъ, почему въ существѣ генералъ-прокуроръ остается только тѣмъ окомъ, которое въ Сенатѣ порядокъ производства дѣлъ и точность законовъ наблюдать долженъ. Согласиться можно, что Ягужинскій и Трубецкой распространяли гораздо далѣе свое званіе; но то надлежитъ примѣтить, что первый былъ въ то время ближайшій совѣтникъ того государя, который тогда самъ имперію и правительство установлялъ, а изъ какихъ людей и какими средствами, о томъ извѣстно. Къ чему довольно одно то напамятовать, что вице-канцлеръ былъ положенъ на плаху, чтобъ только научить тогдашнихъ новыхъ сенаторовъ, какъ съ благопристойностью сидѣть и разсуждать въ Сенатѣ. Взявъ эпокъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, князь Трубецкой тогда первую часть времени своего прокурорства производилъ по дворскому фаверу, какъ случайный человѣкъ, слѣдовательно не законы и порядокъ наблюдалъ, но все могъ, все дѣлалъ и, если осмѣлиться сказать, все прихотливо развращалъ, а потомъ самъ сталъ быть угодникомъ фаворитовъ и припадочныхъ людей. Сей эпокъ заслуживаетъ особливое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ, малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ. Образъ восшествія на престолъ покойной императрицы требовалъ ея разумной политики, чтобъ, хотя сначала, сообразоваться сколько возможно съ неоконченными уставами правленія великаго ея родителя, въ слѣдствіе чего тотчасъ былъ истребленъ учрежденный до того во всей государственной формѣ кабинетъ, который, особливо наконецъ когда Биронъ упалъ, принялъ было такую форму, которая могла произвесть государево общее обо всемъ попеченіе. Ея величество вспамятовала, что у ея отца—государя былъ домовый кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило, приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ, и поставили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между государя и правительства. Они, временщики и куртизаны,

сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю. Вредное государству, потому что стали изъ него выходить всѣ сюрпризы и обманы, развращающіе государственное правосудіе, его уставы, его порядокъ и его пользу подъ формою именныхъ указовъ и повелѣній во всѣ мѣста; вредное самому государю, потому что и тѣ сами, кои такія коварныя средства употребляютъ для прикрытія себя предъ публикою, особливо стараются возлагать на счетъ собственнаго государева самопзволенія все то, что они такимъ образомъ ни производили, ибо въ такомъ безгласномъ и въ основаніи своемъ несвойственномъ правительству государственному мѣстѣ опредѣленная персона для производства дѣлъ можетъ себя почитать не подверженнымъ суду и отвѣту предъ публикою. Ласкатели же государю говорятъ: вѣдь де у васъ есть свой кабинетъ: извольте чрезъ него приказывать. Вредное различеніе! Будто бъ всѣ мѣста правительства не равно собственныя были самодержавнаго государя, когда и государство все его быть должно. Да только разница въ томъ, что когда государевы дѣла выходятъ изъ сихъ мѣстъ правительства, всякій сюрпризъ и ошибку публика приписываетъ министрамъ государевымъ, которые особливымъ побужденіемъ обязаны оное предостерегать, и сами такъ дерзко не могутъ взлагать то на государя, будучи честью и званіемъ также обязаны къ отчету въ ихъ поведеніи не токмо предъ своимъ государемъ, но и передъ публикою.

«Въ такомъ положеніи государство оставалось подлинно безъ общаго государскаго попеченія съ теченіемъ только обыкновенныхъ дѣлъ по однимъ указамъ всякаго сорта. Государь былъ отдаленъ отъ правительства. Прихотливые и припадочные люди пользовались кабинетомъ, развращали форму и порядокъ и хватали отовсюду въ него дѣла на безконечную нерѣшимость пристрастными изъ него указами и повелѣніями. Сего не довольно: они тутъ родили еще новое мѣсто, страннѣе уже перваго, и по дежурству отъ генералъ-адъютантства не военными командами распоряжали, но государственные распорядки дѣлали и ими правили; въ наслѣдство и дѣлежъ партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ мѣшались; домы ихъ печатали; у одно-

го отнимали, другому отдавали. Между тѣмъ большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ, государственныя оставались безъ призрѣнія; все было смѣшано; всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ; вездѣ фаверъ и старшинство людей опредѣляло; не было выбору способности и достоинству. Каждый по произволу и по кредиту дворскихъ интригъ хваталъ и присвоивалъ себѣ государственныя дѣла, какъ кто которыми думалъ удобнѣе своего завистника истребить или съ другимъ противъ третьяго соединиться. Если, кромѣ самоизвольства, оставались еще какія штатскія правила, то, конечно, они были тѣ, по которымъ внутреннее государства состояніе насильствовано и жертвовано для внѣшнихъ, политическихъ дѣлъ, чѣмъ, наконецъ, и едва не взаимными ли сюрпризами зависти между собою, завелася война въ то самое время, когда дошло до высочайшей степени безстрашіе, лихоимство, расхищеніе, роскошь, мотовство и распутство въ имѣніяхъ и въ сердцахъ. Увидѣли скоропостижную войну, требующую дѣйствительныхъ ресурсовъ. Нужно стало собрать въ одно мѣсто раскиданныя части, составляющія государство и его правленіе. Сдѣлали конференцію, монстръ, ни на что не похожій: не было въ ней ничего учрежденнаго, слѣдовательно все безотвѣтственное, и, схватя у государя законъ, чтобъ по рескриптамъ, за подписаніемъ конференціи вездѣ исполняли, отлучили государя отъ всѣхъ дѣлъ, слѣдовательно и отъ свѣдѣнія всего ихъ производства. Фаворитъ остался душою животворящею или умерщвляющею государство; онъ, вѣтромъ и непостоянствомъ погруженъ, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти; работу же и попеченіе отдалъ въ руки дерзновенному Волкову. Сей подъ видомъ управленія канцелярскаго порядка, котораго тутъ не было, исполнялъ существительную ролю перваго министра, былъ правителемъ самихъ министровъ, избиралъ и сочинялъ дѣла по самохотѣнію, заставлялъ министровъ оныя подписывать. употребляя къ тому или имя государево или подъ маскою его воли желанія фаворитовы. Таково истинное существо формы или, лучше сказать, ея недостатки въ нашемъ правительствѣ. Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерью съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію. А мнѣ,

напротивъ того, случилося слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское правило: была бы милость, всякова на все станетъ.

«Спасительно нашему претерпѣвшему отечеству матернее намѣреніе в. и. в—ства, чтобы Богомъ и народомъ врученное вамъ право самодержавства употребить съ полною властію къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ. Во исполненіе всевысочайшаго в. и. в. мнѣ повелѣнія, я всеподданнѣйше здѣсь подношу о томъ проектъ въ формѣ акта на подписаніе вашему величеству. Осмѣлюсь себя ласкать, что въ семъ проектѣ установляемое формою государственною верховное мѣсто лежисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя. Впрочемъ я долженъ съ подобострастіемъ примѣтить, что есть, какъ вамъ извѣстно, между нами такія особы, которымъ для извѣстныхъ и имъ особливыхъ видовъ и резоновъ противно такое новое распоряженіе въ правительствѣ. И потому невозможно в. и. в—ству почесть совсѣмъ оконченнымъ къ пользѣ народной единое ваше всевысочайшее соизволеніе на сейли предложенный проектъ или на что другое, но требуетъ еще оно вашего монаршаго попеченія и цѣломудренной твердости, чтобъ Совѣтъ в. и. в. взялъ тотчасъ свою форму и приведенъ бы былъ въ теченіе, ибо почти невозможно сумнѣваться, чтобы при самомъ началѣ тѣ особы не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего, или по послѣдней мѣрѣ къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать. Въ такомъ случаѣ несравненно полезнѣе теперь по ней сдѣлать установленіе, нежели допустить такъ, какъ прежде бывало, развращать единожды установленное.»

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе на Екатерину долженъ былъ произвесть этотъ докладъ. Екатерина сама имѣла слабость относиться несправедливо къ популярному правленію Елисаветы, рѣзко выставлять на видъ недостатки его и умалчивать о достоинствахъ; но въ своемъ глазу не видно и бревна, а сучекъ въ глазу другаго очень замѣтенъ: тутъ же бревно въ глазу автора доклада было такихъ размѣровъ, что не могло не поразить и не возбудить подозрѣнія; какъ ни непріязненно бы-

ла расположена Екатерина къ Шуваловымъ, все же картина правленія Елисаветы, начертанная Панинымъ, не могла не показаться ей пасквилемъ, продиктованнымъ крайнею личною враждою; но человѣкъ, который позволяетъ себѣ такъ увлекаться, не можетъ расчитывать на то, что онъ возбудитъ уваженіе и вниманіе къ своему совѣту, тѣмъ болѣе, что у того, кому подавался совѣтъ, имѣлось побужденіе смотрѣть на него подозрительно. Панинъ билъ мимо, потому что вооружалъ противъ своего дѣла самолюбіе Екатерины: при Елисаветѣ, представлялъ онъ, дѣла находились въ ужасномъ положеніи, недостойные люди, похитивъ довѣріе государыни, дѣлали что̀ хотѣли; для того, чтобъ при Екатеринѣ не было того же, необходимо учредить императорскій совѣтъ: значитъ умъ, способности Екатерины не внушали никакого довѣрія, ея фавориты уже обозначились, и противъ нихъ надобно было поскорѣе прибѣгнуть къ единственному средству спасенія, къ учрежденію совѣта! Но дѣйствительно ли это средство? При императрицѣ Аннѣ былъ такой совѣтъ подъ именемъ Кабинета, и это было время Бироновщины. Кабинетъ, по словамъ Панина принялъ «такую форму, которая могла произвесть государево общее обо всемъ попечаніе»; слѣдовательно эта чудодѣйственная форма, къ которой Панинъ взывалъ какъ къ средству противъ всѣхъ золъ, средству противъ *припадочныхъ* людей, была вовсе не такъ дѣйствительна, не могла предохранить Россію отъ Бироновщины. И это-то недѣйствительное средство предлагается съ такою настойчивостію: есть люди, которые не одобряютъ учрежденія совѣта, такъ императрица не должна обращать вниманія на ихъ мнѣнія, не должна прежде рѣшенія важнаго дѣла, выслушивать различныя мнѣнія о немъ. только при учрежденіи Совѣта должна отказаться отъ совѣта, подписать, не думая, поданный проектъ!

Въ проектѣ совѣта, поднесенномъ Екатеринѣ Панинымъ для подписанія, говорилось: «за долго до нашего принятія Россійской державы, мы, познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т.-е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и наконецъ всѣмъ

тѣмъ порокамъ, которые по временамъ внѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя государству вредныя приключенія происходили несумнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердую сохранять могли.... Отъ начала недостаточныя установленія чрезъ долгое время, частью и въ томъ еще злоупотребленія наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привесть на память, въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало».

Императорскій совѣтъ, по проекту, долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, которые называются императорскими совѣтниками. «Въ числѣ семъ должны быть нѣкоторые департаментовъ государственныхъ статскими секретарями, и потому мѣсто свое въ тѣхъ департаментахъ для засѣданія имѣть, яко то: 1) статскій секретарь иностранныхъ дѣлъ и членъ того департамента, т.-е. иностранной коллегіи; 2) статскій секретарь внутреннихъ дѣлъ, который не токмо сенаторъ, но и мѣсто имѣетъ во всѣхъ коллегіяхъ, принадлежащихъ къ тому департаменту; 3) статскій секретарь военнаго департамента, который въ военной коллегіи, въ коммиссаріатѣ и въ провіантской, въ артиллеріи, въ инженерномъ и кадетскомъ корпусахъ мѣсто имѣетъ; 4) статскій секретарь морскаго департамента, который и членъ коллегіи адмиралтейской. Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, яко то взносимыя къ намъ не въ присутствіи въ Сенатѣ доклады, мнѣнія, проекты, всякія къ намъ принадлежащія просьбы, точное свѣдѣніе всѣхъ

разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ, имѣетъ быть въ нашемъ императорскомъ совѣтѣ, яко у насъ собственно. Императорскій совѣтъ не что иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до насъ дѣла должны быть по ихъ свойству раздѣляемы между тѣми статскими секретарями, а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, вырабатывать, въ ясность приводить, намъ въ совѣтѣ предлагать и по нихъ отправленія чинить нашимъ резолюціямъ и повелѣніямъ. Въ присутствіи нашемъ каждый статскій секретарь по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ докладу и высочайшему императорскому рѣшенію; а совѣтники императорскіе своими мнѣніями и разсужденіями оные оговариваютъ и мы нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ нашу послѣднюю резолюцію». Въ заключеніе проекта говорилось о раздѣленіи сената на шесть департаментовъ.

Екатерина не вдругъ подписала проектъ. Она прежде сама сдѣлала замѣчанія на нѣкоторыя выраженія. Такъ противъ выраженія во введеніи: «и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ *варварскимъ* временамъ,» она замѣтила: «правда что жалѣть было о томъ должно, но неправда то, чтобъ мы потому были хуже Татаръ и Калмыковъ: а хотябъ и были таковы, то и притомъ кажется мнѣ, что употребленіе столь сильныхъ словъ неприлично нашей собственной славѣ, да и персональнымъ интересамъ нашимъ противно такое, на всю націю и на самихъ предковъ нашихъ указующее поношеніе.» Въ проектѣ статскіе секретари были названы министрами; Екатерина замѣтила: «слово *министры* не можно ль переименовать русскимъ языкомъ и точную дать силу?» Екатерина не замѣтила или не хотѣла замѣтить еще странности: во введеніи находилась жалоба, что всѣ безпорядки происходили отъ того, что дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, и дѣло дошло до того, что при возведеніи на престолъ Анны Іоанновны даже потрясена была самодержавная власть; но всѣ знали, что въ это время Россія управлялась верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Слово: «министръ» не съумѣли перевести по-

русски и дать ему точную силу, и просто выпустили, равно какъ и выраженіе «варварскія времена». Проектъ переписали; Екатерина и тутъ перемѣнила: вмѣсто шести членовъ совѣта написала: до осьми. Написаны уже были имена членовъ: графъ Бестужевъ, гетманъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, князь Яковъ Шаховской, Панинъ, гр. Захаръ Чернышевъ, кн. Мих. Волконскій, гр. Григорій Орловъ. Статскими секретарями назначались: Панинъ внутренняго департамента, Воронцовъ—чужестраннаго, Чернышевъ—военнаго. Наконецъ 28 декабря Екатерина подписала манифестъ — и все же онъ не былъ обнародованъ, императорскій совѣтъ не былъ учрежденъ; [175] въ важныхъ случаяхъ, какъ увидимъ, по прежнему созывался совѣтъ или конференція изъ лицъ по назначенію императрицы. Екатерина поступила и тутъ съ тою робостію, нерѣшительностью, внимательностью ко всѣмъ мнѣніямъ, что порицаютъ въ ней министры иностранные въ это время, иностранные министры, смотрѣвшіе и на поведеніе Екатерины тѣми же полузакрытыми глазами, какими смотрѣли прежде на поведеніе Елисаветы, упрекая ее въ медленности и нерадѣніи. Екатерина не послушалась Панина, собрала мнѣнія; нѣкоторые ограничились замѣчаніями второстепенными, одинъ совѣтовалъ возстановить прежнее названіе — Верховный Тайный Совѣтъ. Но, конечно, любопытнѣе другихъ для Екатерины были замѣчанія, сдѣланныя генералъ-фельдцейгмейстеромъ Вильбуа: «я не знаю, писалъ Вильбуа, кто составитель проекта; но мнѣ кажется какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный императорскій совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранитъ все то, изъ чего въ послѣдствіи могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ совѣтѣ, только здравіе ея требуетъ облегченія отъ невыносимой тяжести необработанныхъ и восходящихъ къ ней дѣлъ. Но для этого нужно только раздѣленіе ея частнаго кабинета на департаменты съ статсъ-секретаремъ для каждаго. Также необходимо и раздѣленіе сената на департаменты. Императорскій совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ [176]».

Мы видѣли, что французскій посланникъ Бретейль, приписывая Екатеринѣ слабость и нерѣшительность въ дѣлахъ внутреннихъ, жалуется на ея гордый и высокомѣрный тонъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и объясняетъ это, вопервыхъ тѣмъ, что здѣсь не было личной опасности, а вовторыхъ тѣмъ, что такимъ тономъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ Екатерина хотѣла поправиться своимъ подданнымъ. Мы не станемъ отвергать послѣдняго объясненія; но замѣтимъ, что положеніе Россіи, благодаря дѣятельности Елисаветы въ Семилѣтнюю войну, было очень выгодно. Всѣ державы выходили изъ этой войны съ крайнимъ истощеніемъ, Россія чувствовала его меньше всѣхъ, и значеніе, пріобрѣтенное ею въ Семилѣтнюю войну, было таково, что ея движеніе въ ту или другую сторону рѣшало судьбу главныхъ воюющихъ державъ. Елисавета довела Фридриха II до края погибели, Петръ III спасъ его: теперь отъ Екатерины зависѣло или снова повергнуть его въ отчаянное положеніе, или спасти; все затрудненіе состояло въ выборѣ.

Разумѣется, можно было ожидать, особенно по словамъ манифестовъ, что Екатерина возвратится къ Елисаветинской политикѣ, опять двинетъ свои войска на помощь Австріи и заставитъ Фридриха II-го мириться на всей волѣ союзниковъ, при чемъ Восточная Пруссія отойдетъ къ Россіи. Такъ понялъ дѣло и старый фельдмаршалъ Солтыковъ; тотчасъ по полученіи извѣстія о событіи 28 іюня онъ занялъ войскомъ очищенныя-было прусскія области. Но Солтыковъ получилъ указъ снова ихъ очистить; императрица объявила, что будетъ соблюдать миръ съ Пруссіею. Конечно она не поступила бы такимъ образомъ, еслибъ была увѣрена, что войско и народъ непремѣнно хотятъ возобновленія войны съ Пруссіею; но она знала, что раздраженіе происходило не отъ прекращенія наскучившей всѣмъ, дорого стоившей войны, а отъ того подчиненія прусскимъ интересамъ, какое позволилъ себѣ Петръ III, отъ того значенія, какое прусскій министръ получилъ въ Петербургѣ; раздраженіе происходило отъ того, что такимъ униженіемъ покупался союзъ Пруссіи для войны совершенно безполезной для русскихъ интересовъ, для войны, къ которой чувствовалось полное отвращеніе. Поэтому Екатерина не опасалась никакого неудовольствія, если не нарушала заключенный миръ съ Пруссіею, если при этомъ от-

страняла датскую войну и поддерживала достоинство Россіи, не тратя русской крови и денегъ; за всѣ нравственныя невыгоды, за всю неловкость прусскаго мира отвѣчало предшествовавшее правительство. Миръ былъ нуженъ Екатеринѣ по неупроченности ея положенія, по желанію заняться внутренними дѣлами, улучшить положеніе народа, пріобрѣсти этимъ право на его привязанность, оправдать событіе 28 іюня, — для всего этого нужны были деньги и важно было прекратить расходы на заграничную армію. На войну можно было рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ; но предстояла ли эта крайность, надобилось ли охранять цѣлость имперіи и значеніе ея въ Европѣ, нужно ли было сдержать сосѣда сильнаго и не разбиравшаго средствъ для достиженія честолюбивыхъ цѣлей? Этотъ упорный сосѣдъ былъ уже сдержанъ; Фридрихъ II выходилъ изъ Семилѣтней войны безъ внутреннихъ средствъ начать другую, безъ союзниковъ, съ страхомъ затронуть Россію, увеличить ею число своихъ враговъ, съ желаніемъ всѣми средствами пріобрѣсть ея дружбу. Было ли согласно теперь съ интересами Россіи обезсиливать окончательно Пруссію, приносить ее въ жертву Австріи и Франціи, преимущественно первой, которая получала тогда преобладающее вліяніе въ Германіи? Не нужна ли была поэтому Пруссія для сохраненія политическаго равновѣсія въ Европѣ? Конечно могутъ сказать, что пестрая по своему составу Австрія никогда не могла быть такъ опасна для Россіи какъ Пруссія; но мы не имѣемъ права отъ вѣковъ предшествовавшихъ требовать тѣхъ взглядовъ, которые опытъ и вліяніе новыхъ началъ и явленій дали вѣкамъ послѣдующимъ. Для Екатерины и ея совѣтниковъ прежде всего представлялся вопросъ: такъ какъ Россіи нечего болѣе бояться Фридриха II, которому притомъ недолго остается жить, то слѣдуетъ ли для окончательнаго сокрушенія Пруссіи въ угоду Австріи, для возвращенія ей Силезіи, нарушить миръ, начать войну, которая можетъ затянуться при личныхъ средствахъ Фридриха, при истощеніи Австріи и Франціи?

Миръ былъ нуженъ по отношенію къ польскому вопросу, приближавшемуся къ рѣшенію: со дня на день ждали смерти короля Августа III. Въ Европѣ было тогда признано и подтверждено

въ знаменитомъ сочиненіи Монтескьё (Духъ Законовъ) [177], что для государствъ выгоднѣе сосѣди слабые: отсюда стремленіе поддерживать слабость сосѣднихъ державъ, поддерживать правительственныя формы, которыя условливали эту слабость, заключать между собою договоры о поддержаніи этихъ формъ: отсюда договоры между Россіею, Пруссіею, Австріею, Даніею о поддержаніи извѣстныхъ правительственныхъ формъ въ Польшѣ и Швеціи. Но съ признанною въ наукѣ и практикѣ выгодою соединены были и большія затрудненія. Государство слабое не могло сохранять своей самостоятельности, должно было подвергаться вліянію сильныхъ сосѣдей; эти вліянія сталкивались, слабое государство становилось ареною для борьбы сильныхъ, которые такимъ образомъ теряли выгоду имѣть безопасныя границы, ибо боролись другъ съ другомъ по поводу слабаго, не раздѣлявшаго, но сталкивавшаго ихъ. Такъ слабая Польша представляла изъ себя открытую арену для борьбы Россіи, Пруссіи, Австріи, Турціи, Швеціи, Франціи. Борьба производилась съ особенною силою при королевскихъ выборахъ, и къ этой-то борьбѣ надобно было теперь готовиться. Могъ быть выбранъ или иностранный принцъ, или природный Полякъ, какъ говорилось тогда, Пястъ. Интересъ Россіи требовалъ такого короля, который былъ бы избранъ исключительно по ея вліянію, былъ бы ей одной обязанъ престоломъ и потому могъ бы отслужить ей за это удовлетвореніемъ ея требованіямъ, которыхъ было три: облегченіе участи православныхъ Русскихъ, опредѣленіе границъ, возвращеніе бѣглыхъ. Польша была слаба, а между тѣмъ сильная Россія не могла отъ нея добиться ничего относительно этихъ требованій, что производило сильное раздраженіе, ибо нарушало существенные интересы и достоинство Россіи. Понятно, какъ важно было для Екатерины, чтобъ эти требованія получили удовлетвореніе въ самомъ началѣ ея царствованія, особенно первое, чтобъ она для русскихъ людей явилась защитницею православія, отвѣтила дѣломъ на призывъ Конискаго въ его знаменитой рѣчи послѣ коронаціи, а въ глазахъ европейскихъ философовъ явилась защитницею свободы совѣсти, укротительницею католическаго фанатизма. Первымъ искателемъ польскаго престола былъ сынъ Августа III, наслѣдный принцъ саксонскій; но онъ не удовлетворялъ глав-

ному условію, не могъ быть возведенъ на престолъ исключительно съ помощію Россіи: его поддерживали Австрія и Франція, подъ преимущественнымъ вліяніемъ которыхъ онъ и долженъ былъ находиться. При Елисаветѣ это былъ и русскій кандидатъ, ибо тогда основаніемъ политики было сдерживаніе Пруссіи въ союзѣ съ Австріею, Франціею и Саксоніею; но теперь миръ съ Пруссіею перемѣнялъ основаніе политики. Миръ Россіи съ Пруссіею, даже и несопровождаемый союзомъ, наносилъ тяжкій ударъ Австріи и Франціи, особенно первой, которую принуждалъ къ невыгодному миру съ Пруссіею, слѣд. велъ необходимо къ охлажденію между Австріею и Россіею, а при такихъ обстоятельствахъ нельзя было поддерживать австро-французскаго кандидата, надобно было противодѣйствовать ему всѣми силами, что еще болѣе увеличивало охлажденіе Австріи и Франціи къ Россіи. Этого мало: при Елисаветѣ, когда борьба съ Пруссіею была на первомъ планѣ, послѣдовательно было поддерживать враждебный Пруссіи саксонскій домъ, вознаграждать его за ущербъ нанесенный Пруссіею, послѣдовательно было дать Курляндію одному изъ сыновей Августа III; но теперь, когда найдено необходимымъ не допускать саксонскаго принца до польскаго престола, непослѣдовательно было оставлять брата его курляндскимъ герцогомъ, надобно было прогнать его изъ Курляндіи, что вело прямо къ враждѣ съ саксонскимъ домомъ и покровительствующими ему державами — Австріею и Франціею. Эта вражда естественно и необходимо вела къ сближенію съ Пруссіею. Фридрихъ II, благодаря окончательному выходу Россіи изъ войны, пріобрѣталъ возможность заключить выгодный миръ, удержать Силезію; но онъ хорошо зналъ, что Австрія, именно за это, будетъ питать къ нему постоянную вражду; сблизиться съ Франціею не было надежды, съ Англіею была болѣе, чѣмъ холодность, и потому Фридрихъ долженъ былъ заискивать дружбы съ Россіею, для чего надобно было предложить содѣйствіе въ курляндскомъ и польскомъ дѣлѣ. Фридриху было, разумѣется, выгодно отстраненіе принца изъ враждебнаго ему саксонскаго дома; онъ соглашался на Пяста, соглашался именно на того, кого избрала Екатерина. Она избрала своего стараго знакомаго, Станислава Понятовскаго. Мы видѣли, что еще при Елисаветѣ толковали, будто Понятовскій имѣетъ въ

виду достигнуть польскаго престола съ помощію великой княгини Екатерины; теперь ему легко было этого достигнуть съ помощію императрицы всероссійской.

Екатерина говорила Бретейлю: «Обо мнѣ нельзя судить до истеченія нѣсколькихъ лѣтъ; мнѣ надобно по крайней мѣрѣ пять лѣтъ для возстановленія порядка, а между тѣмъ со всѣми государями Европы я веду себя какъ искусная кокетка [178].» Екатерина хотѣла мира, не хотѣла вступать ни съ кѣмъ въ союзныя обязательства, которыя могли иногда и противъ воли заставить воевать, и когда всѣ государи заискивали ея расположенія, ея союза, она хотѣла отдѣлываться, какъ искусная кокетка, не отказывать, не лишать надежды, и не давать рѣшительныхъ обѣщаній. Она хотѣла, говоримъ, вести себя такъ; но это было трудно.

Россія выходила изъ войны и отказывалась отъ союзовъ; но при такомъ положеніи державѣ трудно сохранить важное значеніе. Для поддержанія своего вліянія Екатерина хотѣла быть посредницею мира; но воюющія державы не хотѣли принимать ея посредничества, ибо не видали въ этомъ никакой пользы для себя; притомъ Пруссія была недовольна перемѣною русской политики и угрозами, которыми Екатерина понуждала ее къ миру, Австрія была еще недовольнѣе тѣмъ, что Екатерина, своимъ выходомъ изъ войны, принуждала ее отказаться отъ Силезіи, разрушала всѣ ея надежды. Со стороны петербургскаго кабинета было заявлено, что Россія относительно Польши и другихъ державъ будетъ держаться Пруссіи но что это не помѣшаетъ ей относительно Турціи держаться Австріи, имѣть съ нею одинакіе интересы; въ Вѣнѣ не хотѣли признавать такой двойственности и, сердясь на Россію за союзъ съ Пруссіею, тѣмъ тѣснѣе соединялись съ Франціею и вмѣстѣ съ нею дѣйствовали противъ Россіи въ Константинополѣ. Точно также Россія должна была выдерживать сильную борьбу съ Франціею въ Стокгольмѣ. Наконецъ Россія не могла долго сохранить свободное положеніе. Фридрихъ II соглашался содѣйствовать Россіи по дѣламъ польскимъ, но онъ не хотѣлъ дѣлать этого даромъ. Боясь вражды Австріи и Франціи, находясь въ разладѣ съ Англіею, Фридрихъ нуждался въ союзѣ съ Россіею, въ формальномъ оборонительномъ союзѣ, которымъ бы онъ могъ стращать

своихъ враговъ: Семилѣтняя война доказала какъ опасно бороться съ державою, на сторонѣ которой Россія. Напрасно петербургскій кабинетъ медлилъ, уклонялся отъ вступленія въ нежеланныя обязательства: Фридрихъ II настаивалъ, и чтобъ имѣть помощь его въ дѣлахъ польскихъ должны были заключить съ нимъ союзъ.

Обратимся къ подробностямъ.

Извѣстіе о событіи 28-го іюня поразило Фридриха II какъ громомъ, по его собственному признанію [179]; хотя донесенія Гольца и возбуждали сильныя опасенія въ самомъ Фридрихѣ и министрахъ его, однако все же не ожидали такой скорой развязки. Министръ Финкенштейнъ писалъ Гольцу: «Я желаю одного, чтобъ этотъ государь (Петръ III), котораго мы имѣемъ столько причинъ любить, и который, кажется, рожденъ для счастія Пруссіи, жилъ и держался на русскомъ престолѣ [180].» Тяжело было лишиться могущественнаго государя, который, по словамъ Фридриха, служилъ Пруссіи, какъ ея министръ [181]. Но, дѣлать нечего, надобно было покориться обстоятельствамъ. Чернышевъ первый объявилъ королю о восшествіи на престолъ Екатерины и о приказаніи ему отдѣлиться отъ прусской арміи. Король сталъ упрашивать его подождать три дня, и Чернышевъ позволилъ себѣ согласиться; этими тремя днями Фридрихъ воспользовался для того, чтобъ начать наступательное движеніе противъ Австрійцевъ: онъ не могъ разсчитывать на успѣхъ, еслибъ отступленіе Чернышева ободрило Австрійцевъ; разсчетъ былъ вѣренъ, движеніе Пруссаковъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Швейдницъ опять перешелъ въ ихъ руки. Вслѣдъ за тѣмъ начали приходить успокоительныя для короля извѣстія, что Екатерина не намѣрена разрывать съ нимъ мира, и хотя удаленіе Чернышева было для него очень чувствительно, но онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что не будетъ обязанъ отдѣлять части своихъ войскъ на помощь Русскимъ въ датской войнѣ. Противъ однихъ Австрійцевъ можно было съ успѣхомъ вести войну и между тѣмъ наблюдать что дѣлалось въ Петербургѣ. 29-го іюня подписанъ былъ Екатериною рескриптъ къ князю Репнину въ Берлинъ: «Какимъ образомъ мы, по всеобщему и единогласному нашихъ вѣрныхъ подданныхъ желанію и прошенію, всероссійскій императорскій престолъ воспріять и тѣмъ государство и имперіумъ

нашъ отъ всякихъ безпокойствъ и разореній освободить и прежнее благополучіе и порядокъ въ ономъ возстановить за благо и потребно разсудили, оное усмотрите вы изъ приложеннаго при семъ манифеста. Мы умедлить не хотимъ о семъ Божескимъ справедливымъ и непостижимымъ руковожденіемъ и благословеніемъ воспослѣдованцомъ важномъ происшествіи чрезъ сіе вамъ знать дать со всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ, чтобъ вы предварительно тамошнему двору чрезъ министерство о томъ сообщили, обнадеживая о непремѣнномъ нашемъ намѣреніи сохранять добрую дружбу». Къ рескрипту приложена была также нота ко всѣмъ иностраннымъ министрамъ въ Петербургѣ отъ 28-го іюня; въ этой нотѣ императрица увѣряла ихъ, что она имѣетъ непремѣнное намѣреніе сохранять добрую дружбу съ ихъ государями. 1-го іюля написанъ былъ Репнину другой рескриптъ: «Не можетъ вамъ быть безъизвѣстно, что во время послѣдняго правленія, корпусъ генерала графа Чернышева въ диспозицію королю прусскому посланъ былъ безъ всякаго однако соглашенія ни о времени его при семъ государѣ пребыванія, ни о взаимныхъ напротивъ того съ прусской стороны выгодахъ. Хотя и не имѣемъ мы еще точнаго извѣстія, соединился ли тотъ корпусъ съ королемъ или нѣтъ, однако, гдѣ бы оный ни былъ, повелѣли графу Чернышеву не только отъ прусской арміи отдѣлиться, но и прямо въ Россію назадъ идти. Нѣтъ однако намѣренія нашего разрушать нововозстановленный съ симъ государемъ миръ и согласіе, но паче пока не подастъ онъ съ своей стороны явныхъ къ разрыву причинъ, склонны мы сохранять заключенный въ 24-й день минувшаго апрѣля мѣсяца трактатъ. Увѣдомляя васъ о сей нашей разолюціи, повелѣваемъ мы вамъ не таить оной въ вашемъ мѣстѣ, но паче при всякомъ случаѣ именно изъяснять, что по человѣколюбію ничего мы столько не желаемъ, какъ видѣть и поспѣшествовать скорѣйшему прекращенію военнаго пламени, отъ котораго народы толико уже пострадали». 4-го іюля передана была Гольцу нота, что императрица не считаетъ нужнымъ берлинскій конгрессъ для улаженія голштинскихъ дѣлъ, а слѣдовательно становится ненужнымъ и посредничество короля прусскаго.

Въ первой депешѣ своей новой императрицѣ, отъ 12-го іюля изъ лагеря при Бегендорфѣ, Репнинъ описывалъ, какъ онъ из-

вѣстилъ Фридриха II о событіи 28-го іюня, когда король еще не зналъ, что распоряженія Солтыкова не одобрены въ Петербургѣ. Во все продолженіе разговора король, по словамъ Репнина, «весьма былъ смутенъ, опасаясь чрезвычайно, чтобъ не разрушилось какъ настоящее согласіе между имъ и императрицею». Вечеромъ король опять призвалъ къ себѣ Репнина и разспрашивалъ, не можетъ ли онъ дознаться, что подало поводъ сдѣланнымъ въ Пруссіи объявленіямъ (по поводу обратнаго движенія русскихъ войскъ), не сомнѣніе ли какое, чтобъ онъ, по прежнимъ обязательствамъ, хотѣлъ какимъ-нибудь образомъ препятствовать царствованію императрицы; при этомъ Фридрихъ увѣрялъ, что такъ какъ бывшій императоръ самъ письменно отрекся отъ престола, то противъ такого обнародованнаго доказательства никому идти нельзя, и что онъ, хотябъ и хотѣлъ, но собственныя его дѣла къ тому бы его не допустили; наконецъ онъ тотчасъ и призналъ Екатерину царствующею императрицею. Фридрихъ требовалъ также, чтобъ Репнинъ доложилъ императрицѣ, угодно ли будетъ, чтобъ баронъ Гольцъ остался министромъ при ея дворѣ.

Гольцъ не могъ оставаться въ Россіи. 10-го іюля онъ писалъ королю: «Императрица питаетъ ко мнѣ отвращеніе за мою тѣсную связь съ покойнымъ (Петромъ III), предполагая, хотя и очень несправедливо, что я одобрялъ поведеніе покойнаго относительно ея. При моемъ видѣ она невольно должна припоминать дурное обращеніе, какое Петръ позволялъ себѣ съ нею въ моемъ присутствіи. Я и секретарь мой Дитель имѣемъ противъ себя и дворъ и народъ. Стоитъ намъ поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ Русскихъ, чтобъ сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ другихъ». Но еще Гольцъ могъ увѣдомить короля, что въ будущемъ представляется возможность союза между нимъ и преемницею Петра III. Въ Петербургѣ въ это время находился графъ Кейзерлингъ, назначенный при Петрѣ III посломъ въ Варшаву. Кейзерлингъ, пріятель Бестужева (Алексѣя), подобно Корфу и Панину былъ заклятымъ врагомъ Франціи, и сильно охладѣлъ къ Австріи, когда та сама вошла въ союзъ съ Франціею и ввела въ него Россію; въ послѣднее время пребыванія Кейзерлинга въ Вѣнѣ охлажденіе превратилось во вражду, ибо онъ потерялъ прежнее значеніе, когда важнѣйшія дѣла во

время Семилѣтней войны производились австрійскими послами въ Петербургѣ, и когда пріятелямъ падшаго канцлера Бестужева не оказывалось большого довѣрія. Екатерина, наслышавшись отъ Бестужева о способностяхъ Кейзерлинга, была рада пріѣзду послѣдняго въ Петербургъ, желая посовѣтоваться съ нимъ вообще о внѣшнихъ дѣлахъ и особенно о польскихъ. Кейзерлингъ, считая необходимымъ для Россіи союзъ съ Германіею противъ Франціи, и не желая теперь видѣть представительницу Германіи въ Австріи, явился въ Петербургъ съ мыслію о необходимости прусскаго союза, особенно по отношеніямъ къ польскимъ дѣламъ, веденіе которыхъ поручалось ему. Онъ объявилъ Гольцу: «хотя теперь и не въ интересахъ русскаго двора заключать оборонительные союзы съ сосѣдними державами, ибо эти союзы могутъ впутать его въ чуждыя ему распри, безо всякой прибыли, такъ какъ Россія не имѣетъ притязаній на какія-либо части сосѣднихъ владѣній: однако я не думаю, чтобъ императрица была далека отъ вступленія съ вашимъ государемъ въ связи болѣе тѣсныя, чѣмъ въ какихъ они теперь, а именно, можетъ быть заключенъ союзный договоръ, въ которомъ можно постановить мѣры относительно Польши».

Но пока будущіе союзники вели не очень дружественные переговоры.

Репнинъ опять писалъ, что Фридрихъ все еще не довѣряетъ миролюбивымъ намѣреніямъ императрицы, и когда онъ, Репнинъ, старался его успокоить, то король потребовалъ, чтобъ онъ изложилъ свои увѣренія на бумагѣ, которую можно показать иностраннымъ министрамъ; но Репнинъ на это не рѣшился. Скоро впрочемъ успокоило короля письмо Екатерины (отъ 24-го іюля), гдѣ императрица увѣдомляла его о посылкѣ своего указа исправить въ Пруссіи слѣдствія недоразумѣній, возникшихъ отъ «излишней ревности», разумѣя ревность Солтыкова. Послѣ этого Фридрихъ началъ толковать, что начинается несогласіе между Австріею и Турціею и дѣло идетъ къ разрыву; но Репнинъ писалъ, что не совсѣмъ вѣритъ словамъ короля. Въ августѣ Репнинъ имѣлъ съ Фридрихомъ разговоръ. Король началъ говорить что между французскимъ и англійскимъ дворами начатые переговоры, какъ ему кажется, успѣха не имѣютъ, и это ему удивительно, ибо онъ увѣренъ, что обѣимъ сторонамъ война сильно

наскучила.—«Я думаю, сказалъ Репнинъ, что и всѣмъ воюющимъ державамъ война въ тягость». Когда король съ этимъ согласился, то Репнинъ продолжалъ: «Графъ Чернышевъ доносилъ уже императрицѣ о миролюбивыхъ склонностяхъ вашего величества, которыя сходны и съ желаніями императрицы, и ея величество не отречется употребить и посредничество свое для достиженія мира.»—«Я этому очень радъ, отвѣчалъ король, но безъ согласія своихъ союзниковъ не могу приступить къ такому важному дѣлу, впрочемъ отъ нихъ препятствій не предвижу; опасаюсь вѣнскаго двора, который, видя возвращеніе вашихъ войскъ, не такъ будетъ согласенъ на русскую медіацію».—«Видя двоякость его мысли», Репнинъ отвѣчалъ, что русская армія находится еще такъ близко, что можетъ «содѣйствовать къ сокращенію безразсудныхъ препятствій къ спокойствію свѣта».—«Вышедъ изъ войны, возразилъ король, непріятно опять въ нее вступать, а между тѣмъ войска могутъ быть нужны и въ отечествѣ».—«Россія, сказалъ на это Репнинъ, не имѣетъ, кажется причины чего-нибудь бояться, а хотя бы и была причина безпокойства, то войско ея величества такъ многочисленно, что часть его можетъ возвратиться для умиротворенія Европы, а другая остаться для безопасности отечества». Король не отвѣчалъ ничего.

Въ концѣ іюля Екатерина дала своимъ совѣтникамъ 8-мь собственноручно написанныхъ пунктовъ: 1) что мнѣ надлежитъ дѣлать въ теперешнія конъюнктуры, клонящіяся во всей Европѣ къ миру по сообщеніямъ аглинскаго министра Кейта? 2) Послать ли въ Аугсбургъ на конгрессъ министровъ и съ какими инструкціями? 3) Надлежитъ ли сообщать другимъ державамъ пропозиціи о медіаціи, которую король прусскій мнѣ чрезъ генерала Чернышева оферировалъ? 4) Надлежитъ ли нашимъ войскамъ въ Россію повернуться по теперешнимъ обстоятельствамъ? 5) Имѣемъ ли мы причины, давъ слово о содержаніи мира съ королемъ прусскимъ, оный миръ за полезный почитать, и въ противномъ случаѣ оный по своему передѣлать, къ чему намъ можетъ ли служить сепаратный артикулъ онаго мира? 6) Надлежитъ ли возобновительный трактатъ союзный съ вѣнскимъ дворомъ содержать въ своей силѣ, или что въ немъ поправить? 7) Надлежитъ ли нынѣ королю прусскому представить, чтобъ разоренную Саксонію отъ войскъ своихъ очистилъ и возвра-

тилъ въ прежнее владѣніе? 8) Не подается ли поводъ къ непринятію здѣшней медіаціи тѣмъ, что войска въ Россію возвращены быть имѣютъ, и не ослабѣютъ ли такія же здѣшнія негоціаціи на конгрессѣ?

10-го августа старикъ Бестужевъ представилъ свои отвѣты при слѣдущемъ письмѣ: «По даннымъ отъ в. и. в. собственноручно писаннымъ осьми пунктамъ, сколько я могъ, не будучи у дѣлъ чрезъ полпята года, также при настоящей старости, и отъ понесенныхъ печалей слабости и короткой памяти, въ разсужденіе взять и примыслить, о томъ всеподданнѣйше приношу при семъ же мое слабѣйшее мнѣніе, и понеже оное не столь обширно сдѣлано, какъ я за 17 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1745 году, будучи тогда непрестанно при дѣлахъ и въ лучшей памяти, обстоятельное свое мнѣніе имѣлъ честь поднести ея в—ству блаж. памяти любезной теткѣ вашей г. и. Елисаветѣ Петровнѣ: того ради дерзаю толь пространнымъ приложеніемъ онаго в. и. в. утруждать, по причинѣ, что в. в. изволили ко мнѣ отзываться, что той ли я былъ системы, дабы короля прусскаго ослабить въ его силахъ. И в. в. изъ онаго усмотрѣть изволите, что я подлинно такимъ былъ, да и нынѣ при той же системѣ пребываю неотмѣнно, предоставляя впрочемъ высочайшему и просвѣщенному в. в. разсужденію и повинуясь всегда къ раболѣпному исполненію монаршихъ вашихъ повелѣній».

На первый пунктъ Бестужевъ отвѣчалъ, что Россія должна побуждать воюющія державы къ миру. На второй: надобно стараться, чтобъ русскіе министры были приглашены на конгрессъ, хотя и трудно теперь этого достигнуть вслѣдствіе заключенія отдѣльнаго мира Россіи съ Пруссіею; когда русскіе министры приглашены будутъ на конгрессъ, то имъ должно дать инструкцію, чтобъ прежніе русскіе союзники получили, сколько возможно, умѣренное вознагражденіе за ихъ убытки и разоренія, и чтобъ тѣмъ отчасти сокращены были многія силы короля прусскаго, какъ весьма опаснаго для сосѣдственныхъ державъ на будущія времена, а особливо дабы не въ состояніи онъ былъ за нынѣшнюю войну отомстить Россіи, и чтобъ присутствіемъ на конгрессѣ русскихъ министровъ императрица получила не только славу, но и могла быть ручательницею договора, не допуская ничего противнаго русскимъ интересамъ. На третій: со-

общить другимъ державамъ прусское предложеніе о посредничествѣ неприлично, ибо король упомянулъ объ немъ графу Чернышеву только въ разговорѣ, и хотя повторилъ то же и князю Репнину, но такія предложенія обыкновенно дѣлаются на письмѣ. На четвертый: полезнѣе было бы всей русской арміи остаться еще въ завоеванныхъ у Пруссіи земляхъ; но когда уже дано повелѣніе арміи возвратиться, то надобно до 30,000 войска оставить въ Польшѣ по рѣкѣ Вислѣ и сверхъ того на границахъ содержать до 50,000 войска, и тѣмъ заставить желать русскаго посредничества и заставить уважать его. На пятый: когда государственная казна истощена, то и худой миръ надобенъ; но такъ какъ миръ съ Пруссіею заключенъ въ ущербъ славѣ и чести русскаго двора и безъ вѣдома союзниковъ, то полезнымъ считаться не можетъ и лучше было бы его передѣлать, какъ только будетъ къ тому справедливая причина. На шестой: такъ какъ прежній договоръ съ вѣнскимъ дворомъ ослабленъ миромъ съ Пруссіею, то надобно его возобновить, какъ съ естественнымъ союзникомъ по отношенію къ Турціи и прочимъ сосѣдямъ. На седьмой: надобно требовать отъ Пруссіи и Австріи, чтобъ вывели свои войска изъ Саксоніи. На осьмой: если всѣ русскія войска возвратятся внутрь Россіи, то, разумѣется, у воюющихъ державъ не будетъ побужденія требовать русскаго посредничества.

Неплюевъ утверждалъ наоборотъ, что содержать русскую армію въ Польшѣ на Вислѣ, въ мѣстахъ уже опустошенныхъ, будетъ страшно дорого, и потомъ этимъ возбудится подозрѣніе въ сосѣднихъ державахъ, ибо чѣмъ объяснить такую остановку войска? Наконецъ Поляки станутъ волноваться.

Князь Волконскій подалъ мнѣніе, почти буквально сходное съ мнѣніемъ дяди своего, Бестужева.

Вице-канцлеръ князь Голицынъ подалъ мнѣніе, что когда русскіе министры будутъ приглашены къ конгрессу, то должны домогаться, чтобъ умножившуюся чрезъ мѣру силу короля прусскаго привести въ умѣренные предѣлы удовлетвореніями въ пользу прежнихъ русскихъ союзниковъ, для будущей безопасности его сосѣдей и для германскаго равновѣсія. Это тѣмъ полезнѣе для Россіи, что уменьшится сила единственнаго теперь опаснаго для Россіи сосѣда; а сила эта должна увеличиться

барейтскою и анспахскою областями, которые отойдутъ къ бранденбургскому дому вслѣдствіе бездѣтной кончины ихъ маркграфовъ. Не возвращать хотя часть войскъ изъ прусскихъ областей до общаго мира, для сдерживанія этимъ смѣлаго и предпріимчиваго нрава короля прусскаго. По словамъ графа Мерси, вѣнскій дворъ съ радостію сталъ бы продолжать субсидію, еслибъ только русскія войска остались на Вислѣ. Нужно возобновить оборонительный договоръ съ вѣнскимъ дворомъ, какъ съ естественнымъ союзникомъ.

Воронцовъ также полагалъ, что хорошо бы оставить корпусъ русскихъ войскъ въ Пруссіи и Польшѣ; но «должно въ разсужденіе принять, что для благосостоянія имперіи нужно сохранить миръ, каковъ онъ ни есть, ибо и счастливые успѣхи воинскіе изнуряютъ довольно силы государства, умалчивая о несчастныхъ приключеніяхъ всякаго рода. Миръ съ королемъ прусскимъ не можетъ быть почтенъ полезнымъ; но не остается почти способа передѣлать его».

Рѣшено было сохранять миръ и выводить войска изъ прусскихъ областей, а между тѣмъ понуждать прусскаго короля къ миру съ Австріею и Саксоніею: но, разумѣется, послѣдняго трудно было достигнуть при первомъ.

Къ Репнину былъ отправленъ такой рескриптъ: «Изъ реляціи вашей усматриваемъ мы къ сожалѣнію нашему, что король прусскій, по мѣрѣ удаленія войскъ нашихъ изъ земель его, сталъ все больше открывать предъ вами свое отвращеніе къ миру. Не такъ удивителенъ, какъ непріятенъ намъ его поступокъ, ибо изъ него не безъ основанія можно заключить, что онъ намѣренъ продолжать войну, можетъ быть въ той надеждѣ, что мы, оставя разъ войну, не захотимъ скоро опять ее начать; съ другой стороны взятіе Швейдница приводитъ его въ состояніе дѣйствовать наступательно противъ австрійскаго дома и принудить императрицу-королеву силою оружія къ такому миру, которымъ бы онъ могъ на будущее время сохранить и утвердить перевѣсъ свой и бранденбургскаго дома въ Германіи. Такъ какъ наше желаніе и стараніе совсѣмъ другія, а именно, чтобъ скорымъ окончаніемъ войны установить въ Германіи столь нужное для интересовъ нашей имперіи равенство силъ, и для того способствовать императрицѣ-королевѣ въ удержаніи того, что ею

уже дѣйствительно завоевано; то не можемъ мы теперь оставаться спокойны, пока не узнаемъ прямо и точно мысли его прусскаго величества, дабы, примѣняясь къ нимъ, располагать и собственныя наши мѣры. Вы поэтому должны сыскать удобный случай внушить королю въ разговорѣ, будто отъ себя, что примѣтная его склонность къ продолженію войны отнюдь не можетъ намъ быть пріятна по миролюбію нашему и принятымъ правиламъ, и потому вы опасаетесь, чтобъ она не удержала насъ отъ вступленія съ нимъ въ большую дружбу и короткость, хотя и есть между обоими дворами нѣкоторые общіе интересы. Когда рѣчи и поступки короля прусскаго и впредь будутъ обнаруживать упорство его въ продолженіи войны, то вы должны выказывать нашу склонность и доброжелательство къ вѣнскому двору; по требованію обстоятельствъ вы должны отзываться, что по естественнымъ интересамъ обоихъ императорскихъ дворовъ мы не можемъ оставить вовсе императрицу-королеву. Еслибы король прусскій былъ убитъ въ какомъ-нибудь сраженіи, что на войнѣ случиться можетъ, то повелѣваемъ вамъ преемнику его формально и немедленно предложить нашу медіацію, съ обѣщаніемъ несомнѣннаго чрезъ посредство наше мира».

Репнинъ увеличивалъ безпокойство императрицы, донося, что Фридрихъ имѣетъ намѣреніе овладѣть Саксоніею, и что когда онъ, Репнинъ, сталъ представлять ему объ очищеніи этой страны, то онъ сталъ обходиться съ нимъ холодно, такъ что Репнинъ просилъ у императрицы позволенія уѣхать изъ лагеря въ Берлинъ, чтобъ не подвергнуть неучтивости свой посольскій характеръ. Когда Репнинъ представилъ Фридриху о миролюбіи вѣнскаго двора и о согласіи его вступить въ мирные переговоры и заключить перемиріе, то король отвѣчалъ, что онъ не отрекается отъ выгоднаго мира, но на невыгодныя никогда не согласится и прежде постановленія прелиминарныхъ пунктовъ перемиріе заключено быть не можетъ; вѣнскій дворъ, если желаетъ, можетъ сдѣлать предложеніе, но онъ, съ своей стороны, не имѣетъ сдѣлать никакихъ предложеній и на конгрессъ никогда не согласится; военныя заботы не оставляютъ ему времени для мирныхъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что министерства своего при себѣ не имѣетъ. Репнинъ замѣтилъ: «зима приближается и даетъ вашему величеству свободное время; о мѣстѣ и

способѣ переговоровъ нечего говорить, лишь бы было желаніе мира»,—«На конгрессъ никакъ не соглашусь, отвѣчалъ Фридрихъ, предложеній никакихъ дѣлать не имѣю, и оставляю на волю вѣнскаго двора ихъ сдѣлать».—«Ваше императ. величество, доносилъ Репнинъ, изволитъ усмотрѣть, что негоціаціями способу нѣтъ короля къ миру склонить, развѣ ему оставить всѣ тѣ же владѣнія, которыя прежде войны имѣлъ, и никакой индемнизаціи никому не требовать; ежели же вѣнскій дворъ какіе-либо ни есть авантажи получить желаетъ, то оные инако достать не можетъ, какъ твердостію своего оружія. Кампанія нынѣшняго года совсѣмъ въ пользу короля обратилась, чѣмъ еще болѣе его мысли возвысились, и если сверхъ того какіе авантажи еще получитъ, то боюсь, чтобъ самъ не задумалъ хотѣть индемнизацію за убытки сей войны».

Екатерина настаивала, чтобъ прежде всего Фридрихъ вывелъ свои войска изъ Саксоніи, и далъ ея курфюрсту, королю польскому, вознагражденіе за разореніе его земли. «Мы предусматриваемъ, говорилось въ рескриптѣ императрицы Репнину, что сія матерія непріятна будетъ королю; но справедливость тѣмъ не меньше требуетъ, чтобъ обидчикъ сдѣлалъ обиженному удовольствіе, и для того надобно вамъ при всякомъ случаѣ пристойно напоминать, что безъ удовлетворенія королю польскому, какъ саксонскому курфюрсту, миръ прочно установленъ быть не можетъ.»—«Король, писалъ Репнинъ, когда я чуть коснусь этой матеріи или возстановленія мира, прерываетъ разговоръ и съ неудовольствіемъ отъ меня уходитъ. Такъ, получа извѣстіе, что Австрійцы покушались напасть на принца Генриха, сказалъ мнѣ: «Я вижу, какъ они намѣрены оставить Саксонію; они только стараются всячески меня оттуда выбить». Я замѣтилъ ему, что Австрійцы безъ его согласія не могутъ оставить Саксонію; но сами они вполнѣ на это готовы, лишь бы онъ показалъ такую же готовность. —«Я уже давно знаю, чему вѣрить и чему не вѣрить», отвѣчалъ король. Репнинъ писалъ, и конечно, слова его должны были произвести непріятное впечатлѣніе, показывая вредъ, происшедшій отъ измѣненія елисаветинской системы относительно Фридриха II-го: «При восшествіи вашего величества на престолъ, графъ Чернышевъ и я доносили, что король не прочь отъ мира. Но обстоятельства съ тѣхъ поръ совсѣмъ

перемѣнились; страхъ оружія вашего величества миновался съ возвращеніемъ русскихъ войскъ въ отечество; Швейдницъ взятъ, Австрійцевъ захвачено въ плѣнъ до 15,000 человѣкъ, а у нихъ только отъ 2,000 до 3,000 прусскихъ плѣнныхъ. Помянутыя преимущества возвысили здѣсь желанія и совершенно перемѣнили мнѣнія, и сверхъ того и природный нравъ короля много участія въ томъ имѣетъ».

Екатерина собственноручно написала иностранной коллегіи для передачи Репнину: «При пристойномъ случаѣ князю Николаю Репнину въ разговорѣ внушить королю прусскому, будто бы отъ себя, что видимая его склонность къ войнѣ можетъ удержать меня отъ вящей дружбы съ нимъ, королемъ, хотя и нѣкоторые между нами есть сходственные интересы. Когда королевскія рѣчи покажутся склонны къ войнѣ, тогда посланнику подавать виды склонности къ вѣнскому двору; а когда къ миру покажетъ желанье, тогда на его сторону говорить, показывая при всякомъ случаѣ крайнее мое желанье видѣть миръ и тишину. Еще секретнѣйшее наставленіе князю Репнину дать: если король, въ его князя бытность, убитъ бы былъ, чтобъ онъ тогда формально наслѣднику медіацію нашу офрировалъ съ обѣщаніемъ неизмѣннаго мира». Наконецъ Репнинъ долженъ былъ внушить Фридриху, что въ случаѣ продолженія войны Россія принуждена будетъ всѣми способами помогать вѣнскому двору. «Сомнѣваюсь, отвѣчалъ Репнинъ, чтобъ можно было склонить короля къ какой-нибудь уступкѣ, развѣ сдѣлать это силою оружія, а иначе невозможно». Представленія посланника подкрѣплялись письмомъ самой государыни: «Я была бы очень рада, писала Екатерина Фридриху, устранить все то, что можетъ вредить доброму согласію между нами; но я не вижу къ тому средства, если в. в. не выйдете изъ настоящей войны. Я вамъ скажу просто: нѣтъ ли возможности заключить миръ? Я бы могла дѣйствовать иначе, у меня были средства въ рукахъ и теперь еще есть. Я пожертвовала существенными выгодами войны любви къ миру; надобно надѣяться, что другіе послѣдуютъ этому примѣру, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ они могутъ имѣть въ виду выгоды еще идеальныя только. Вся трудность состоитъ въ вознагражденіи саксонскому двору: можно устроить какое-нибудь помѣщеніе для одного изъ принцевъ этого дома». Письмо окан-

чивается угрозою: «Я знаю, что вѣнскій дворъ склоненъ къ миру. Я могла бы сообщить вамъ его предложенія, еслибы со стороны в. в—ства могла ожидать того же; но къ несчастію вы отказались отъ этого, и я боюсь, что наконецъ мои лучшія намѣренія не исполнятся и я буду принуждена принять мѣры, противныя моимъ желаніямъ, склонностямъ и чувству дружбы».

26 ноября Репнинъ имѣлъ разговоръ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Финкенштейномъ. Репнинъ представилъ рѣшительно о необходимости очищенія Саксоніи и вознагражденія ей, безъ чего прочный миръ не возможенъ. Финкенштейнъ отвѣчалъ: «Правда, Саксонія страдаетъ, но гнѣвъ королевскій на нее происходитъ отъ увѣренности, что она была причиною войны, на что есть и письменныя доказательства. Прежде съ русской стороны упоминалось только объ очищеніи Саксоніи, а теперь пошло дѣло уже и о вознагражденіи».—«Секреты кабинетовъ остается втайнѣ между государями, сказалъ Репнинъ, и я объ нихъ ничего не знаю; а извѣстно мнѣ и всему свѣту, что король прусскій первый вошелъ въ Саксонію, и съ тѣхъ поръ какія страданія она терпитъ? вознагражденіе же Саксоніи справедливо слѣдуетъ по натуральному праву: обиженный долженъ получить удовлетвореніе отъ обидчика. Удаленіе его величества отъ очищенія Саксоніи и отъ мира приводитъ меня въ страхъ, чтобъ отъ этого упорства не послѣдовала холодность между нимъ и ея императ. величествомъ; боюсь, чтобъ ея величество не была принуждена совершенно обратиться къ вѣнскому двору». — «Холодности съ нашей стороны никогда не будетъ, отвѣчалъ Финкенштейнъ, король твердо намѣренъ сохранять дружбу съ императрицею». Во все время разговора, доносилъ Репнинъ, Финкенштейнъ былъ въ великой *торопости*, говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ и самъ дрожалъ.

21 декабря Финкенштейнъ объявилъ Репнину именемъ королевскимъ, подъ крайнимъ секретомъ, что вѣнскій дворъ сдѣлалъ мирныя предложенія чрезъ посредство саксонскаго двора, и король отвѣчалъ, что онъ не удаленъ отъ мира, лишь бы условія были разумныя, въ слѣдствіе чего съ обѣихъ сторонъ назначены повѣренные въ дѣлахъ. Вѣнскій дворъ требовалъ, чтобъ дѣло велось тайно; но король, будучи обязанъ истинною дружбою съ русскою императрицею, признавая съ благодарностію

человѣколюбивое желаніе ея относительно возстановленія общей тишины, также и въ доказательство, что онъ отъ мира не удаляется, не хотѣлъ этого скрыть. Репнинъ отвѣчалъ, что императрица конечно съ удовольствіемъ услышитъ объ этомъ началѣ къ прекращенію бѣдствій человѣчества и по возможности будетъ способствовать къ отвращенію всякихъ тому препятствій, если только король откровенно и точно изъяснится. Финкенштейнъ отвѣчалъ королевскимъ именемъ, что король немедленно отправитъ прямо къ императрицѣ свои мирныя условія.

А между тѣмъ преемникъ Гольца графъ Сольмсъ, пріѣхавши 18 декабря къ канцлеру на вечеръ, вступилъ съ нимъ, подъ видомъ разговора, въ подробныя разсужденія о дѣлахъ. Король его государь удивляется, началъ Сольмсъ, какъ сильно ея величество изволитъ интересоваться саксонскимъ дворомъ, когда тотъ поступками своими не только не заслуживаетъ заступленія ея величества, но болѣе достоинъ мести за радость, оказанную имъ при извѣстіи о заговорѣ (Хрущевскомъ) противъ ея величества; онъ, графъ Сольмсъ, можетъ увѣрить, что при этомъ случаѣ дрезденскій дворъ вездѣ разглашалъ въ Польшѣ, что хотя первое покушеніе было и неудачно, однако новое покушеніе, которое послѣдуетъ въ ноябрѣ, непремѣнно произведетъ перемѣну въ правленіи. Еслибы король, въ угодность императрицѣ, захотѣлъ очистить Саксонію, то какъ бы онъ могъ увѣриться, что не подвергнется нападенію въ сердцѣ своихъ владѣній, имѣя столько опытовъ вражды и ненависти дворовъ вѣнскаго и дрезденскаго, которые до войны думали уже о раздробленіи областей его. Король готовъ заключить миръ съ австрійскимъ домомъ, если только тотъ отстанетъ отъ своихъ требованій и захочетъ удовольствоваться тѣмъ, чѣмъ каждый владѣлъ до войны. Такъ какъ великобританскій дворъ, при заключеніи мира съ Франціею, въ противность торжественныхъ обнадеживаній, вовсе пренебрегъ интересами его прусскаго величества и вообще началъ оказывать къ нему большую холодность, то король опасается, чтобъ лондонскій дворъ, скрывая несправедливость своего поступка, не захотѣлъ распространить своихъ вредныхъ для короля внушеній и при здѣшнемъ дворѣ, тогда какъ король напротивъ употребляетъ всевозможное стараніе сохранить дружбу съ ея величествомъ. — Канцлеръ отвѣчалъ,

что ея величество заступается за польскаго короля по дружбѣ къ нему, по его усильнымъ домогательствамъ, и особенно по принятому однажды навсегда правилу стараться по возможности о скорѣйшемъ прекращеніи народныхъ бѣдствій. Ея величество не безъ причины ожидала со стороны прусскаго короля большей податливости и снисхожденія къ ея заступленію, тѣмъ болѣе, что Саксонія и безъ того уже почти въ конецъ разорена. Опасеніе австрійскаго нападенія чрезъ Саксонію на прусскія земли не можетъ служить отговоркою, ибо въ русскомъ предложеніи точно обозначено, что Саксонія будетъ немедленно занята войскомъ своего курфюрста, который во всю войну будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Внушеніе о странной радости, будто бъ оказанной польскимъ дворомъ по поводу заговора тѣмъ удивительнѣе, что объ этомъ не было извѣщенія ни отъ русскаго министра въ Польшѣ, ни отъ кого другого; наконецъ мнимый раздѣлъ прусскихъ земель, въ которомъ обвиняются теперь дворы вѣнскій и дрезденскій, никогда не былъ доказанъ, хотя съ прусской стороны весь саксонскій архивъ силою взятъ и многія бумаги изъ него изданы. На это Сольмсъ замѣтилъ, что у короля въ рукахъ находятся явныя доказательства замысла о раздѣлѣ его владѣній.

Фридрихъ не думалъ, чтобъ Екатерина при тогдашнихъ обстоятельствахъ рѣшилась начать войну, и особенно войну съ нимъ изъ-за Австріи и Саксоніи. Въ декабрѣ онъ писалъ Финкенштейну: «при настоящихъ обстоятельствахъ надобно выигрывать время и идти потихоньку (à pas mesurés). До сихъ поръ я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ мы съ Россіею; я имѣю важныя причины думать, что тамъ не захотятъ разорвать съ нами; императрица уводитъ свои войска внутрь страны и я не думаю, чтобъ Австрія имѣла большое вліяніе въ Петербургѣ» [182].

Какую печаль произвело событіе 28 іюня въ Пруссіи, такую же радость возбудило оно въ Даніи.

29 іюня уже былъ отправленъ къ Корфу рескриптъ, что если онъ находится на дорогѣ въ Берлинъ, то пусть возвращается туда, гдѣ находится датскій король, и удостовѣритъ его въ искреннемъ желаніи императрицы ненарушимо сохранять и продолжать союзническую дружбу; внушить, что императрица съ сожалѣніемъ видѣла, какъ доходили до крайности несогласія съ Даніею

по голштинскимъ дѣламъ и всѣ предпріятія противъ Даніи признавала за несходныя съ интересомъ своего государства, благополучіе котораго предпочитала всѣмъ постороннимъ видамъ. Теперь императрица желаетъ оставить все на прежнемъ основаніи, полагая за правило, что голштинскія дѣла не могутъ служить поводомъ къ нарушенію добраго согласія Россіи съ датскимъ дворомъ.

Корфъ былъ уже въ Берлинѣ, когда получилъ этотъ рескриптъ; онъ немедленно отправился въ Копенгагенъ и оттуда въ загородный королевскій замокъ Фриденбургъ, гдѣ его ожидали съ нетерпѣніемъ и приняли съ великою радостію. Король не находилъ словъ для выраженія своей благодарности императрицѣ за ея увѣренія въ дружбѣ и распространился о своемъ уваженіи къ русскому народу: «Вы свидѣтель, говорилъ онъ Корфу, какъ я всегда почиталъ русскій народъ; это почтеніе усилилось въ слѣдствіе храбрыхъ дѣйствій русскихъ войскъ въ настоящей войнѣ; мнѣ было жаль вступить въ кровопролитную борьбу съ народомъ, котораго я ни чѣмъ не оскорбилъ». — «Не только дворъ, писалъ Корфъ, но и всѣ жители датскихъ провинцій, чрезъ которыя я проѣзжалъ, до послѣдняго крестьянина, обнаруживали радость въ слѣдствіе нечаянной перемѣны въ ихъ судьбѣ; да исполнитъ Всевышній все то, чего эти бѣдные люди желали вашему величеству. Совершенно другое обнаружилось въ Берлинѣ и бранденбургскихъ земляхъ, когда тамъ узнали о вступленіи на престолъ вашего величества: ужасъ былъ такъ великъ, что королевскую казну ночью отвезли въ Магдебургъ».

Но въ Даніи слишкомъ много разсчитывали на равнодушіе Екатерины къ Голштиніи. Датскій король объявилъ, что по договору между нимъ и шведскимъ королемъ, какъ принцемъ Голштинскаго дома, послѣдній отказался въ его пользу отъ опекунства въ случаѣ малолѣтства герцога Голштинскаго. Теперь, по мнѣнію датскаго короля, этотъ случай насталъ по малолѣтству великаго князя Павла Петровича, и онъ, король датскій, долженъ вступить въ опекунство, слѣдовательно и управленіе герцогствомъ. Но Екатерина собственноручно написала иностранной коллегіи: «Тѣмъ наипаче, что при вступленіи моемъ на всероссійскій престолъ всѣмъ державамъ объявлено, сколько я желаю миръ и тишину, нынѣ удивленія достоинъ поступокъ

короля датскаго, который объявилъ мнѣ, будто онъ права имѣетъ обще со мной, опекунство сына моего въ Голштиніи на себя взять. Я оныя права признать не могу. Въ римской имперіи младшій принцъ безъ вѣдома старшаго своего дома не можетъ въ повреждение того заключить трактатъ. Бывшій императоръ не вѣдалъ и никогда не апробовалъ трактатъ короля шведскаго, младшаго принца голштинскаго дома, съ королемъ датскимъ, въ предосужденіе своихъ братьевъ и наслѣдника Петра III. Мать, по всѣмъ римской имперіи правамъ, имѣетъ опекунство сына своего, и король датскій самъ подкрѣплялъ въ саксенъ-веймарскомъ домѣ недавно случившійся случай. Сколько наиболѣе при всего умнаго свѣта (т.-е. по признанію всѣхъ умныхъ людей) права самодержавной императрицы подкрѣпляетъ повѣренность цѣлаго обширнаго народа — всякому на разсужденье отдается. Съ королемъ датскимъ же въ негоціацію отнюдь вступать не буду до тѣхъ поръ, что всѣ его войска изъ Голштиніи не выведены». Екатерина назначила администраторомъ извѣстнаго принца Георгія въ награду за его родственное заступничество за нее при Петрѣ III-мъ. Разумѣется, Данія должна была уступить, и министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Бернсторфъ, объявилъ Корфу, что намѣреніе короля въ этомъ дѣлѣ было самое невинное: онъ хотѣлъ только съ своей стороны дѣйствительно доказать участіе въ интересѣ, въ приращеніи германскихъ владѣній великаго князя, слѣдовательно получить болѣе случаевъ къ изъявленію его высочеству опытовъ своей искренности, дабы пріобрѣсть будущую этого государя дружбу, которая королю и землямъ его очень нужна; но усмотря, что императрица относительно соопекунства и администраціи голштинскихъ земель не одного мнѣнія съ королемъ, послѣдній не преминетъ отказаться отъ своего права для показанія высокопочитанія и самой искренней дружбы своей, какую только ея величество вообразить себѣ изволитъ [183]».

Событіе 28 іюня, возвратившее Корфа изъ Берлина въ Копенгагенъ, удержало Остермана въ Стокгольмѣ. 29 іюня отправленъ былъ къ нему рескриптъ съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Екатерины и съ приказаніемъ увѣрить короля въ намѣреніи новой императрицы непремѣнно содержать добрую дружбу съ шведскимъ дворомъ. Король велѣлъ отвѣчать, что хотя

не могъ безъ сожалѣнія услышать, по ближнему родству съ бывшимъ императоромъ Петромъ III, о наведенномъ имъ самимъ на себя приключеніи, однако, принявъ въ уваженіе важныя причины, принудившія императрицу предаться материнскому попеченію о благѣ россійской имперіи и еще ближайшее родство съ нею, съ напчувствительнѣйшимъ удовольствіемъ услышалъ о счастливомъ ея восшествіи на престолъ и о намѣреніи сохранять дружбу со Швеціею: король съ своей стороны не преминетъ утверждать эту дружбу всѣми силами. Это Адольфъ Фридрихъ доказалъ немедленно совершеннымъ отстраненіемъ своимъ отъ участія въ дѣлѣ по претензіямъ датскаго короля на голштинскую администрацію.

Относительно новой инструкціи графу Остерману канцлеръ Воронцовъ подалъ императрицѣ докладъ: «графу Остерману въ началѣ еще послѣдняго правленія данъ былъ указъ—шведскаго короля и королеву, также и партію ихъ подкрѣплять вездѣ и при всякомъ случаѣ; но такъ какъ это *безпредѣльное* повелѣніе можетъ касаться и ниспроверженія установленной въ Швеціи формы правленія, то не соизволено ль будетъ его отмѣнить?»—Екатерина отвѣчала собственноручно: «Ограничивая форму правленія, подкрѣплять партію, противную господствующей».

Въ сентябрѣ Остерману удалось добыть и переслать въ Петербургъ донесеніе шведскаго посланника при русскомъ дворѣ Поссе о состояніи Россійской имперіи. Поссе начинаетъ ближайшимъ къ себѣ дѣломъ—отношеніями Россіи къ Швеціи, о которыхъ пишетъ, что было бы желательно, еслибъ они навсегда остались такими, какъ теперь. Затѣмъ Поссе переходитъ къ военной силѣ Россіи: регулярное войско простиралось до 304953 человѣкъ, нерегулярное до 32000; но изъ этого числа въ поле не можетъ быть выведено болѣе 100,000 человѣкъ; полки никогда въ комплектѣ не находятся: такъ въ пѣхотномъ полку слѣдуетъ быть 2637 человѣкамъ, но въ немъ постоянно недостаетъ отъ 600 до 700 человѣкъ, ибо военная коллегія старается имѣть сколько возможно порожнихъ мѣстъ, чтобъ остающимся жалованьемъ обогащать свою казну. Кромѣ того отъ безпрестанныхъ переходовъ армейскихъ полковъ по такому обширному государству изъ одной провинціи въ другую много людей пропадаетъ; сюда же должно присоединить природную ненависть

Русскихъ къ военной службѣ и трудность въ наборѣ и пересылкѣ рекрутъ. Въ счетъ людей въ полкахъ входятъ офицеры, унтеръ-офицеры, капралы, лѣкаря, попы, писаря, музыканты, плотники, кузнецы, денщики, погонщики, что составляетъ отъ 600 до 700 человѣкъ въ каждомъ полку. Русскій солдатъ питается дурною пищею, находится постоянно въ тяжелой работѣ, лишенъ хорошихъ лѣкарей и лѣкарствъ; по этимъ причинамъ четвертая доля полка лежитъ въ госпиталѣ, а больного солдата можно почитать пропадшимъ по дурному за нимъ уходу, такъ что въ каждомъ полку остается только отъ 800 до 900 человѣкъ. Русскіе къ солдатству неспособны и не имѣютъ искусныхъ генераловъ, исключая нѣкоторыхъ иностранцевъ. Во время настоящей войны находившіеся въ русской службѣ чужестранцы и лифляндцы обойдены и пренебрежны и въ послѣдніе годы нѣсколько тысячъ способныхъ и искусныхъ иностранныхъ офицеровъ принуждены были просить увольненія и получили его безъ всякаго затрудненія. Сухопутный и морской кадетскій корпуса могутъ почитаться плодовитымъ садомъ, доставляющимъ способныхъ офицеровъ. Флотъ состоитъ изъ 31 линейнаго корабля, а съ судами другихъ названій число военныхъ кораблей 42, галеръ 99. Старшіе корабли въ плохомъ состояніи и такъ гнилы, что едва можно ихъ починить; вообще флотъ въ дурномъ состояніи, потому что корабли строятъ неискусно: 99-пушечный корабль Елисавета, построенный въ 1745 году, не могъ быть употребляемъ на морѣ, потому что на бокъ валится; казанскій дубовый и архангельскій сосновый лѣсъ, употребляемые для кораблестроенія, мягки и неплотны; Кронштадтская гавань не имѣетъ соляной воды; семимѣсячное въ году окруженіе корабля снѣгомъ и льдомъ очень много вредитъ имъ. Русскій флотъ будетъ всегда въ посредственномъ состояніи по недостатку искусныхъ матросовъ: этотъ недостатокъ будетъ существовать, до тѣхъ поръ, пока Россія не будетъ употреблять для своей торговли собственныхъ морскихъ судовъ.

Еслибы Россія умѣла пользоваться выгодами, которыми такъ богато одарила ее природа, то она могла бы довести свою торговлю до высшей степени процвѣтанія; но у Русскихъ нѣтъ для этого ни достаточной вольности, ни достаточнаго знанія и кредита, ни достаточнаго количества денегъ; ихъ знатнѣйшіе

купцы суть только коммиссіонеры купцовъ иностранныхъ, преимущественно англійскихъ. Въ Россію ввозится иностранныхъ товаровъ на три милліона 2715 рублей, а вывозится на четыре милліона 700,000 рублей; но для избѣжанія тяжкой пошлины привозимые товары по меньшей мѣрѣ объявляются третью ниже истинной цѣны, а сверхъ того мимо таможенъ тайнымъ образомъ провозится множество товаровъ, такъ что большой разницы между вывозомъ и ввозомъ быть не можетъ. Торговля сильно страдаетъ отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ; можно положить, что всѣ товары платятъ по 40 процентовъ пошлины. Не мало способствовало уменьшенію русской торговли на нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и навсегда, запрещеніе отпуска изъ государства нѣкоторыхъ произведеній. Пока лифляндскіе закромы были отворены, Швеція ежегодно брала оттуда по нѣскольку тысячъ ластовъ хлѣба; но когда вывозъ хлѣба изъ Россіи былъ запрещенъ, то Швеція нашла внутри себя средство помочь этой бѣдѣ: запрещено было безразсудное винокуреніе и введена лучшая система въ земледѣліи. Монополіи принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ причинъ, умаляющихъ торговлю; сюда же должно отнести проволочку времени, обиды, безконечныя хлопоты и взятки, берущіяся во всѣхъ таможняхъ. Когда таможни были у короны, то купцы платили пошлины въ концѣ года оптомъ и капиталъ былъ у нихъ свободенъ цѣлый годъ; но когда таможни были отданы на откупъ, то купцы принуждены очищать таможенную пошлину тотчасъ по выходѣ товара изъ таможни. Таможенные откупщики обязались платить въ годъ 3,000,000 рублей; но такъ какъ въ слѣдствіе повышенія пошлинъ торговля уменьшилась, то они оказались несостоятельными.

О фабрикахъ правительство не заботится надлежащимъ образомъ, а частные люди не имѣютъ достаточно денегъ и кредита, и потому фабрики или совершенно упадаютъ, или не совершенствуются; русскіе ремесленники не въ состояніи добыть себѣ лучшихъ инструментовъ и матеріаловъ и потому работаютъ дурно; хотя работа ихъ и дешево продается, но по добротѣ никакъ не можетъ сравняться съ иностранною.

Остерманъ съ своей стороны доносилъ императрицѣ о печальномъ состояніи Швеціи, недостаткѣ денегъ, страшной доро-

говизнѣ, всеобщемъ ропотѣ на правительство, о мысли созвать чрезвычайный сеймъ. Остерманъ писалъ, что въ слѣдствіе всеобщаго неудовольствія можетъ быть возстановлено самодержавіе, ибо никогда еще не слыхалъ онъ такихъ ожесточенныхъ выходокъ противъ настоящей формы правленія. Противники придворной партіи утверждали, что она имѣетъ цѣлію возстановленіе самодержавія, указывая на то, что ею управляетъ королева, и самый влiятельный членъ партіи, полковникъ Синклеръ, вполнѣ преданъ королевѣ. Остерманъ при случаѣ завелъ съ Синклеромъ рѣчь о его намѣреніяхъ: тотъ отперся отъ намѣренія ввести самодержавіе, объяснилъ, что единственная его цѣль — уничтоженіе извѣстныхъ безпорядковъ, а это не можетъ быть сдѣлано безъ пересмотра существующей формы правленія, безъ отстраненія заключающихся въ ней противорѣчій, установленія фундаментальнаго закона, котораго нельзя было бы перемѣнять при каждомъ сеймѣ, и безъ точнаго опредѣленія границъ королевской и сенатской власти. На вопросъ Остермана, какимъ способомъ онъ можетъ этого достигнуть при такой силѣ французской партіи, которая до этого не допуститъ, Синклеръ отвѣчалъ, что безъ денегъ что-либо сдѣлать трудно, и еслибъ онъ могъ получить только третью часть того, что издерживаетъ французскій дворъ въ Швеціи, то могъ бы достигнуть бо́льшихъ результатовъ. На вопросъ—а если онъ этихъ денегъ не получитъ, что̀ предприметъ въ такомъ случаѣ? — Синклеръ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ надобно потерпѣть до времени, пока народъ не откроетъ наконецъ глазъ и самъ не подумаетъ о своемъ спасеніи. Послѣдній сеймъ, писалъ Остерманъ, кончился безъ рѣшительнаго перевѣса ни придворной, ни французской партіи [184].

Важнѣе были польскія дѣла. Мы видѣли, что при Петрѣ III вмѣсто Воейкова русскимъ посломъ въ Варшаву былъ назначенъ графъ Кейзерлингъ; Екатерина не перемѣнила этого назначенія, но оставила Кейзерлинга на нѣсколько времени въ Петербургѣ для совѣщаній, и дѣлами посольства въ Варшавѣ управлялъ резидентъ Ржичевскій. Мы видѣли, что королевскій дворъ, повергнутый въ отчаяніе перемѣною русской политики и тѣснымъ союзомъ Петра III съ Фридрихомъ II, утѣшался слухами, что въ Петербургѣ произойдетъ скоро переворотъ. Въ депешѣ отъ 16-го іюня прусскій министръ Бенуа доносилъ своему королю,

что пріѣзжіе изъ Петербурга разсказываютъ, какъ императрица любима русскимъ народомъ. Слухи оказались справедливыми, въ Россіи произошла перемѣна; но польско-саксонскій дворъ ничего отъ нея не выигралъ, выиграла враждебная ему партія Чарторыйскихъ. Ржичевскій не умѣлъ или не хотѣлъ отстать отъ старыхъ елисаветинскихъ инструкцій, по которымъ русскіе министры въ Польшѣ должны были держать себя безпристрастно относительно тамошнихъ партій и не раздражать двора изъ-за Чарторыйскихъ: притомъ же Ржичевскій теперь могъ бояться Бестужева, извѣстнаго приверженца польско-саксонскаго двора, а посломъ въ Польшу былъ назначенъ Кейзерлингъ, пріятель Бестужева. Но Чарторыйскіе послали жалобу на Ржичевскаго, который въ слѣдствіе этого получилъ выговоръ отъ канцлера: «Изъ полученныхъ мною отъ вашего высокоблагородія писемъ, также изъ отправленныхъ вами къ высочайшему двору реляцій съ непріятностію усмотрѣно здѣсь о невоспослѣдовавшемъ согласно здѣшнимъ видамъ успѣхѣ въ порученныхъ вамъ дѣлахъ. Вамъ точно предписано, чтобъ вы въ разсужденіи сеймовыхъ дѣлъ въ Польшѣ съ князьями Чарторыйскими, яко благонамѣренными въ крайней конфиденціи о здѣшнихъ намѣреніяхъ изъяснились и до пріѣзда господина посла графа Кейзерлинга въ семъ пунктѣ по присовѣтованіямъ ихъ поступки ваши учредили, такожь, чтобъ вы со стороны высочайшаго нашего двора у его польскаго величества домогались, дабы на прошеніе канцлера князя Чарторыйскаго пожалованіемъ обоихъ литовскихъ писарей въ порожніе чины, воеводы виленскаго и гетмана литовскаго снизойти соизволилъ, и что король самъ себѣ обяжетъ такую фамилію, которая прежде много усердія и преданности къ интересамъ его величества оказывала, и только обстоятельствами отъ продолженія оныхъ отведена была, и напослѣдокъ чтобъ вы увѣдомили онаго канцлера и обоихъ кандидатовъ о здѣшнемъ заступленіи, требуя взаимно при всякомъ случаѣ содѣйствованія ихъ для поспѣшествованія здѣшнихъ интересовъ, кои толь тѣсно соединены съ благосостояніемъ ихъ отечества. Но содержаніе сихъ рескриптовъ вы весьма худо поняли и совсѣмъ противное здѣшнимъ намѣреніямъ исполненіе сдѣлали, ибо вы, вмѣсто того, чтобъ согласное и откровенное сношеніе съ фамиліею князей Чарторыйскихъ имѣть, совсѣмъ другое имъ,

какъ о томъ здѣсь увѣдомленось, внушали, хотя всего больше надлежало вамъ стараться, чтобъ по довольно извѣстнымъ тамошнихъ разныхъ партій распрямъ и интригамъ графа Бриля и прочихъ, ссоры ихъ до крайности не доводить, преклоняя ихъ къ умѣреннымъ поступкамъ и прекращенію вражды, тѣмъ болѣе, что ея императорскаго величества намѣренія отнюдь нѣтъ, чтобъ чрезъ здѣшнюю протекцію фамиліи князей Чарторыйскихъ малѣйшее огорченіе королю польскому учинить. А когда вы принуждены были для разрыва сейма подкупить посла Цехановскаго, то не должно было ему дозволить внести въ манифестацію укорительныя для Россіи дѣла. Впрочемъ имѣю еще примѣтить, чтобъ вы воздержались по внушеніямъ другихъ писать неправильно въ предосужденіе дознанной здѣсь благонамѣренности фамиліи князей Чарторыйскихъ, но впредь по точному содержанію отправляемыхъ къ вамъ отсюда наставленій поступали, и вообще въ поступкахъ вашихъ наблюдали здѣшніе виды и сопряженные съ оными интересы высочайшаго нашего двора».

Ржичевскій оправдывался въ письмѣ къ канцлеру: «Упомянутое мною злоупотребленіе князьями Чарторыйскими высочайшаго покровительства состоитъ въ томъ, что когда я ихъ объ этомъ покровительствѣ увѣдомилъ, то они совѣтовали мнѣ ѣхать къ примасу, коронному гетману и прочимъ, дать имъ знать о новыхъ отношеніяхъ русскаго двора къ нимъ, Чарторыйскимъ, склоняя упомянутыхъ вельможъ войти съ ними въ соглашеніе и держаться ихъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ переговорить съ примасомъ и гетманомъ, Чарторыйскіе уже разгласили объ императорскомъ покровительствѣ, ибо нѣкоторые сенаторы и министры на другой же день спрашивали меня, правда ли, что императрица готова одобрить все сдѣланное Чарторыйскими и во всемъ ихъ подкрѣплять. На мой вопросъ: откуда они это взяли? я получилъ отвѣтъ, что сами Чарторыйскіе хвастаются полученіемъ такого объявленія отъ русскаго двора черезъ меня. Тогда я принужденъ былъ объявить, что подобной деклараціи Чарторыйскимъ не дѣлалъ, а объявилъ имъ только желаніе императрицы доставить имъ своимъ ходатайствомъ у короля тѣ чины, которыхъ имъ хотѣлось. Правда, князья Чарторыйскіе люди великіе, только не составляютъ же здѣсь большую часть республики,

много еще есть сильныхъ и къ Россіи расположенныхъ домовъ, которые также за честь себѣ почитаютъ получить высочайшую благосклонность, хотя бы съ князьями Чарторыйскими и находились въ несогласіи: слѣдовательно поступаю я такъ, какъ за лучшее разсуждаю, т.-е. чтобъ не только князей Чарторыйскихъ подкрѣплять, но и другихъ не раздражать. Князья Чарторыйскіе сами жалѣютъ теперь о своей поспѣшности, которая имъ никакой чести не приноситъ, и по которой они съ графомъ Брилемъ такъ разсорились, что нѣтъ никакого средства ихъ примирить. Они предъявляли мнѣ, что у шляхетства имѣютъ кредитъ, но тотчасъ оказалось, что онъ былъ на другой сторонѣ: подъ изданнымъ ими манифестомъ подписались гораздо менѣе, чѣмъ подъ манифестомъ графа Бриля. Какъ старыхъ друзей ихъ нельзя покинуть, чтобъ и другіе имѣли на Россію добрую надежду; но дѣйствовать противъ графа Бриля и двора, особенно въ нынѣшнемъ дѣлѣ, было бы предосудительно».

Оправданіе не помогло, что видно изъ собственноручной замѣтки Екатерины: «Тѣсная голова Ржичевскаго не могла понять, что если ему приказано было у двора рекомендовать къ произвожденіямъ тѣ персоны, о которыхъ Чарторискіе просили, онъ могъ ихъ также рекомендовать и у примаса и прочихъ; лучше всего видится, дабы впередъ тамъ не думали, что мы двоякую роль играемъ, приказать ему по наставленьямъ Кейзерлинга; я сверхъ того вижу, что Ржичевскій весьма влюбленъ въ графа Бриля, а я желаю, чтобъ не по собственнымъ страстямъ, но по моимъ приказаніямъ поступлено было. Въ силѣ сего однакожь безъ выговора и умѣря слова, наставленіе ему дать надлежитъ для переду».

Самое тяжелое порученіе, которое долженъ былъ выполнить Ржичевскій, состояло въ подачѣ польскому министерству грамоты, извѣщавшей о рѣшеніи Екатерины возстановить на курляндскомъ престолѣ Бирона. Ржичевскій долженъ былъ внушить, что такъ какъ исчезли причины, по которымъ нельзя было герцога Бирона выпустить изъ Россіи, то нѣтъ никакихъ затрудненій возстановить его въ герцогскомъ достоинствѣ, на которое онъ уже разъ навсегда получилъ инвеституру; справедливость требуетъ возвратить ему всѣ имѣнія, подаренныя ему императрицею Анною и купленныя имъ самимъ на собственныя деньги.

«Натурально думать, говорилось въ рескриптѣ Ржичевскому, что хотя король, какъ великодушный государь, съ одной стороны и признаетъ наше правосудіе относительно пострадавшей фамиліи, которая никогда ни въ чемъ не погрѣшила ни передъ нами, ни передъ его короною; съ другой стороны, какъ отецъ, не можетъ онъ не почувствовать горести. Желая сколько возможно утѣшить короля въ печали, и притомъ доказать, что мы дружески заботимся о благосостояніи его и всего его дома, повелѣваемъ вамъ подать обнадеживаніе, что такъ какъ есть надежда на скорое прекращеніе военныхъ бѣдствій, то мы будемъ содѣйствовать не только справедливому удовлетворенію Саксоніи за претерпѣнныя ею разоренія, но содѣйствовать также и вознагражденію принца Карла за потерю Курляндіи посредствомъ секуляризаціи какихъ-либо епископствъ или доставленіемъ другихъ выгодъ, напримѣръ можно было бы доставить ему епископство минстерское или городъ Ерфуртъ, за который маинцскій епископъ получитъ еквивалентъ: прусскій король въ секретныхъ мирныхъ предложеніяхъ 1757 года выражалъ свою склонность къ этому».

Августъ III потребовалъ, чтобъ Биронъ представилъ прямо ему свои требованія. На это Ржичевскій получилъ рескриптъ: «Нѣтъ нужды разсматривать здѣсь, справедливо или нѣтъ такое желаніе его величества, и обязанъ ли герцогъ Эрнестъ Іоганнъ просить о томъ, чего у него никто и ни по какимъ правамъ отнять не могъ. Мы обращаемъ ваше вниманіе на одно, что королевская отвѣтная грамота написана въ саксонской канцеляріи, которая по дѣламъ Польши, а слѣдовательно и Курляндіи никакого участія имѣть не можетъ, и потому впредь по курляндскимъ и польскимъ дѣламъ вы не должны принимать никакихъ бумагъ изъ саксонской канцеляріи.»

Отъ 14-го августа Ржичевскій далъ знать, что онъ еще не примѣтилъ, чтобъ кто-нибудь изъ польскихъ вельможъ вступался за герцога Бирона; но всѣ говорятъ, что такъ какъ король и республика такъ долго не могли допроситься освобожденія герцога Бирона и получили отъ императрицы Елисаветы декларацію, что Биронъ съ своимъ семействомъ никогда освобожденъ не будетъ, то былъ бы нанесенъ большой ущербъ власти короля и республики, еслибъ теперь король лишилъ сына сво-

его принца Карла княжества курляндскаго, ибо онъ далъ ему это княжество вслѣдствіе декларацій русскаго двора и по усильнымъ прошеніямъ Курляндцевъ. Обстоятельство, что отвѣтная королевская грамота императрицы была написана въ саксонской канцеляріи Ржичевскій объяснялъ тѣмъ, что такъ какъ Поляки не даютъ русскимъ государямъ императорскаго титула, и въ коронной канцеляріи поэтому грамота была бы написана безъ этого титула, то боялись, что Ржичевскій не возьметъ ея и потому рѣшились написать въ саксонской канцеляріи. «Не могу утаить, писалъ Ржичевскій, что король находится въ большомъ горѣ, боится, чтобъ сынъ не потерялъ герцогства курляндскаго въ пользу Бирона, и весь дворъ опасается, чтобъ здоровье короля не пострадало отъ этой печали, говорятъ: потерпѣвъ великое разореніе въ Саксоніи, король возлагалъ всю свою надежду на великодушіе русской императрицы, а теперь и съ русской стороны терпитъ притѣсненія по курляндскому дѣлу».

Между тѣмъ Кейзерлингъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ Бестужевымъ занимался разными дѣлами по порученію императрицы. Относительно курляндскаго дѣла существуетъ любопытная записка Бестужева отъ 29-го августа: «Присланная реляція Ржичевскаго для сочиненія по курляндскимъ дѣламъ отвѣтовъ за неимѣніемъ графу Кейзерлингу времени, прежде окончаемы быть не могли, какъ сегодня въ седьмомъ часу пополудни (ибо онъ упражненъ былъ голштинскими дѣлами), которые (т.-е. отвѣты) при семъ и съ тою реляціею прилагаются на всевысочайшую апробацію. Что же принадлежитъ до письма принца Карла къ ея императ. величеству, которое графъ Кейзерлингъ ему Бестужеву-Рюмину сообщилъ, то онъ, припамятуя ему, что по примѣру, какъ нынѣшній король прусскій въ 1746 году своеручное письмо императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (безъ предварительной прежде копіи) писалъ, и по повелѣнію ея величества, чтобъ на то письмо отмстительный отвѣтъ сочинить, представлено было ея величеству по-русской пословицѣ: «доброе молчаніе ни о чемъ отвѣтъ», а по-нѣмецки: «Keine Antwort ist auch eine Antwort», что ея величество въ тогдашнее время и апробовать соизволила, на чемъ графъ Кейзерлингъ и согласился, чтобъ не вступая съ нимъ въ переписки, безъ отвѣта оставить [185]». Бестужевъ достигалъ наконецъ исполненія давняго и силь-

наго желанія своего—возстановить своего благодѣтеля Бирона на курляндскомъ престолѣ, чего, какъ мы видѣли, онъ напрасно добивался при Елисаветѣ, будучи великимъ канцлеромъ. Но съ другой стороны, тотъ же Бестужевъ былъ преданъ саксонскому дому; чтобъ не измѣнить и этой своей преданности, Бестужевъ настаивалъ на требованіе отъ Пруссіи, чтобъ саксонскій домъ, при заключеніи общаго мира былъ вознагражденъ въ Германіи посредствомъ секуляризаціи.

Но вознагражденіе въ Германіи—дѣло не вѣрное; Россія, отказавшаяся отъ войны, теряла право предписывать условія мира; а между тѣмъ эта самая Россія отнимала Курляндію у саксонскаго дома.

Несчастный Августъ II хотѣлъ удержать своего сына въ Курляндіи посредствомъ польскаго сейма; но сеймъ, какъ мы видѣли, былъ разорванъ въ слѣдствіе предписанія Екатерины отъ 28-го августа: «Писать къ Ржичевскому, дабы онъ всевозможное старанье приложилъ разорвать нынѣ собираемый сеймъ и отнюдь не допустилъ бы до выбиранья маршала во что оное бы ни стало, и объ ономъ сообщась съ фамиліею Чарторискихъ и посовѣтовався съ ними, поступалъ по сему еще до пріѣзда гр. Кейзерлинга». Тогда король потребовалъ, чтобъ сенатъ и министерство озаботились о принцѣ Карлѣ: 7-го октября (н. с.) примасъ созвалъ къ себѣ до сорока сенаторовъ на конференцію и королевскимъ именемъ предложилъ, чтобъ они совѣтовались о средствахъ не допустить Бирона на герцогство курляндское, освободить Курляндію, какъ польскую область, отъ русскихъ войскъ, представить жалобу на русскаго министра въ Митавѣ Симолина, будто онъ поступалъ въ Курляндіи самовольно и отправить въ Митаву двоихъ сенаторовъ на помощь принцу Карлу. Но нѣкоторые сенаторы, выслушавъ предложеніе примаса, начали говорить, что такая конференція должна происходить въ присутствіи короля, которому они прямо будутъ открывать свои мысли. Во время этихъ разсужденій нѣкоторые сенаторы сидѣли, другіе ходили по комнатѣ, и наконецъ между ними произошли великія ссоры, «которыми безъ всякаго совѣта оная конференція и счастливо кончилась», писалъ Ржичевскій.

Австрійскій посолъ въ Варшавѣ графъ Штернбергъ пріѣзжалъ къ Ржичевскому и сильно заступался за принца Карла, говоря,

что никакой дворъ не можетъ быть надеженъ въ своихъ рѣшеніяхъ, когда государи ниспровергаютъ то, что предки ихъ обѣщали. Графъ Бриль неоднократно давалъ знать Ржичевскому, что при будущемъ конгрессѣ всѣ союзные дворы безъ сомнѣнія вступятся за принца Карла. Все это было передаваемо Ржичевскимъ въ Петербургъ и не производило тамъ никакого впечатлѣнія. Не произвело дѣйствія и письмо, которое король писалъ Бестужеву, по извѣстнымъ намъ причинамъ. Впрочемъ по польскимъ дѣламъ Бестужевъ долженъ былъ разойтись съ своимъ прежнимъ пріятелемъ Кейзерлингомъ: мы видѣли, что послѣдній вошелъ совершенно въ виды Екатерины возвести на престолъ Пяста и именно Понятовскаго, причемъ предвидѣлась необходимость въ Прусскомъ союзѣ; Панинъ держался того же мнѣнія, чѣмъ и пролагалъ себѣ дорогу къ будущему значенію главнаго совѣтника Екатерины по всѣмъ дѣламъ, хотя временно и было между ними охлажденіе въ слѣдствіе настаиванія на учрежденіе императорскаго совѣта. Бестужевъ, не смотря на всѣ его забѣганія и кажденія, проигрывалъ тѣмъ, что упорно держался своихъ прежнихъ взглядовъ, постоянно твердилъ о необходимости удержать саксонскую династію на польскомъ престолѣ. Отсюда толки, что бывшій канцлеръ устарѣлъ, потерялъ способности; съ другой стороны толки, что онъ упрямъ, никакъ не можетъ сообразоваться съ новыми обстоятельствами. На это обвиненіе въ упрямствѣ и на столкновеніе между двумя старыми пріятелями, Бестужевымъ и Кейзерлингомъ, указываетъ письмо Бестужева къ Екатеринѣ отъ 29 августа: «Всемилостивѣйшая государыня! позвольте мнѣ припамятовать о тайномъ совѣтникѣ Гросѣ, что я, какъ уже одною ногою въ гробѣ стою, не похлѣбствуя ему, да изъ всеглубочайшаго моего усердія къ в. в—ству, что онъ весьма присуществующимъ здѣсь случаѣ былъ бы вамъ потребенъ, на всѣхъ трехъ языкахъ, на россійскомъ французскомъ и нѣмецкомъ равномѣрно, а притомъ на латинскомъ, наипаче же римско-имперскія права не меньше графа Кейзерлинга знающъ, и притомъ дѣйствительно искусный министръ, буде же кто его оклеветалъ упрямымъ, то и я такимъ бывалъ у государыни въ Бозѣ почившей императрицы въ томъ, что я прекословилъ, что французскій дворъ домогался между Россіею и Швеціею въ послѣдней войнѣ быть медіаторомъ, да

меня въ тогдашнее время оправдали россійскаго при французскомъ дворѣ посла князя Кантемира реляціи, находящіяся въ коллегіи Иностр. Д., которыя тому свидѣтельство подадутъ, что французскій дворъ, дружескую медіацію къ примиренію съ Шведами представляя, въ то же время Турковъ возбуждалъ противу Россіи войну объявить, я же потомъ и при многихъ случаяхъ называемъ былъ упрямымъ, что я не привыкъ жить по пословицѣ: не говори правды, не теряй дружбы, такъ и нынѣ, при моей глубокой старости, до послѣдняго моего издыханія в. в—ству вѣрнымъ рабомъ и сыномъ отечества пребуду» [186].

Кейзерлингъ поѣхалъ въ Варшаву съ полною милостію императрицы: «Прошу васъ подавать мнѣ совѣты издалека, какъ вы мнѣ подавали ихъ вблизи», писала къ нему Екатерина [187]. Къ Понятовскому она писала: «Я не могу отпустить къ вамъ Волконскаго, у васъ будетъ Кейзерлингъ, который вамъ будетъ отлично служить». По извѣстію, сообщенному англійскому двору посломъ его въ Петербургѣ, Бекингамомъ, Екатерина тотчасъ послѣ своего восшествія на престолъ послала сказать Понятовскому, чтобъ онъ не пріѣзжалъ въ Петербургъ, но что дружба ея къ нему неизмѣнна, и, въ случаѣ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ, она постарается доставить престолъ ему, а въ случаѣ невозможности, одному изъ членовъ фамиліи Чарторыйскихъ.

Непріятности между дворами усиливались. 10-го декабря Екатерина писала Воронцову: «Велите внушить графу Брилю, что если по курляндскимъ дѣламъ онъ единаго противнаго моей воли шага сдѣлаетъ, я велю покинуть всѣ мои старанія у короля прусскаго объ Саксоніи, а въ Польшѣ сутенировать всѣмъ чѣмъ только вздумать онъ можетъ всѣ тѣ, которые ему злодѣи, и до тѣхъ поръ не перестану, покамѣстъ его изъ Польши не выгоню. Сіе внушеніе г. канцлеръ разговоромъ съ которымъ изъ здѣсь резидующихъ министрамъ чужестраннымъ онъ за способнаго къ тому выберетъ имѣть, а мнѣ кажется датскій или шведскій способнѣе, и то начинавъ индеферентно и разговориться съ великимъ уничтоженіемъ о мнимомъ стараньѣ графа Бриля по курляндскимъ дѣламъ и что онъ хотѣлъ выбрать польскихъ двухъ сенаторовъ и посылать въ Митаву, и что такой и всякой иной его Бриля поступокъ меня доведетъ сутенировать всѣ тѣ которые стараются о его погибели, и то всѣмъ тѣмъ, чѣмъ силу

имѣю; и такъ стараться, чтобъ сіе до Прасса дошло дабы знали мои намѣренія, а графъ Бриль блудливъ какъ кошка, а труслпвъ какъ заяцъ».

Въ концѣ ноября пріѣхалъ въ Варшаву Кейзерлингъ и началъ «отлично служить». Увѣдомивъ императрицу о страшныхъ раздорахъ между придворною партіею и *«нашими друзьями»*, Кейзерлингъ ставилъ вопросъ: «Намѣрена ли Россія друзей и сообщниковъ своихъ въ Польшѣ оставить въ упадкѣ или нѣтъ? Если ихъ не оставлять въ упадкѣ, какъ этого требуетъ честь и польза Россіи, то надобно заблаговременно предупредить все, что можетъ привесть ихъ въ безсиліе, ибо что утратятъ русскіе друзья, то утратитъ Россія. Если и впредь исполняемъ будетъ планъ, чтобы нашихъ друзей въ важные чины не допускать, а опредѣлять въ нихъ или непріятелей Россіи, или людей, неимѣющихъ никакихъ заслугъ, кромѣ малаго разума и большаго богатства да склонности къ насиліямъ, тогда число нашихъ друзей мало-по-малу будетъ уменьшаться и совсѣмъ они исчезнутъ, и въ случаѣ нужды намъ некѣмъ будетъ приняться. Для отвращенія такихъ непріятныхъ послѣдствій, не разсудите ли ваше императ. величество прислать мнѣ рескриптъ слѣдующаго содержанія для показанія всѣмъ, именно, что ваше величество ничего столько не желаете, какъ непремѣннаго продолженія дружбы и прежняго добраго согласія съ королемъ польскимъ, только требуете, чтобъ дѣла въ Польшѣ также приведены были въ прежнее состояніе; а прежде друзья Россіи никогда не были отличены отъ друзей двора, и тѣхъ и другихъ всегда почитали за одну партію, за общихъ друзей; ваше величество надѣетесь, что король Чарторыйскихъ, Понятовскихъ и друзей ихъ изволитъ признать за достойныхъ его милости при раздачѣ чиновъ; что они вѣрные слуги своему королю; что стараются они о пользѣ и благополучіи своего отечества; что изъ усердія къ отечеству они друзья Россіи, зная, что ваше величество, по примѣру предковъ своихъ, намѣрены охранять благополучіе республики, ея вольность и права; что ваше величество никогда не были намѣрены рекомендовать королю никого другого, кромѣ людей ему вѣрныхъ и полезныхъ; что ваше величество будете всегда слѣдовать сему правилу, всегда будете поддерживать въ Польшѣ патріотовъ, не допуская ихъ до притѣсненія». Импера-

трица на этой реляціи подписала: «Быть по сему». Кромѣ того она писала Воронцову: «Графу Кейзерлингу наставленье дать, дабы не переписавшись сюда, онъ при ваканціяхъ рекомендовалъ у польскаго двора всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ за россійскихъ партизановъ признаетъ, дабы не утратить иногда въ такихъ ваканціяхъ время чрезъ переписку, по причинѣ великаго разстоянья Варшавы отъ здѣшнихъ мѣстъ. Также графъ Кейзерлингъ имѣетъ сказать графу Брилю, что я съ великимъ удивленьемъ вижу, что моимъ друзьямъ всѣ чины и милости отказываются, тогда когда я вседневно о Саксоніи и прочихъ удовлетвореніяхъ его королю стараюся, и что чрезъ такой непріятельскій (и много иныхъ) поступокъ меня принудитъ онъ иныхъ мѣръ брать».

Кейзерлингъ переслалъ императрицѣ двѣ промеморіи, поданныя ему обоими братьями Чарторыйскими 3 и 4 декабря: «Въ первой говорилось о необходимости составить конфедерацію, потому что обыкновенныхъ средствъ недостаточно для уничтоженія зла, которымъ страдаетъ Польша. Многіе молодые люди владѣютъ важными мѣстами и ведутъ себя на нихъ такъ, что считаются бичами народа, а король не имѣетъ права отнимать мѣста, разъ данныя. Страшное искаженіе монеты требуетъ ея перелитія, что можетъ быть опредѣлено только сеймомъ. Такъ какъ на успѣхъ сейма надѣяться нельзя, то необходимо прибѣгнуть къ конфедераціи, чтобъ замѣстить важныя мѣста людьми достойными, отстранить потери денежныя и торговыя, *чтобъ дать лучшую форму національнымъ совѣщаніямъ* (conseils de la nation), чтобъ дать всероссійской императрицѣ титулъ, достойный ея могущества и личныхъ качествъ, чтобъ установить навсегда доброе согласіе между обоими государствами. Но для конфедераціи нужны деньги и огнестрѣльное оружіе. Помощь, какую русскій императорскій дворъ окажетъ вождямъ благонамѣренныхъ должна соотвѣтствовать ихъ намѣреніямъ. Они не могутъ ни за что приняться до тѣхъ поръ, пока не будутъ съ точностію увѣдомлены и удостовѣрены на этотъ счетъ. Непродолжительная революція есть наименѣе бѣдственная для страны; чѣмъ сильнѣе она, тѣмъ менѣе нуждается въ продолжительномъ времени для достиженія своей цѣли; но она не будетъ сильна, если существенныя средства будутъ слишкомъ урѣзаны вначалѣ и потомъ доставляемы медленно.

Во второй промеморіи говорилось: «Если желательно, чтобъ русская партія усилила свое значеніе въ странѣ, то важнѣе всего—не ошибиться въ выборѣ средствъ для этого. Одно изъ главныхъ средствъ безъ сомнѣнія состоитъ во вліяніи на раздачу должностей и милостей. Но это средство не должно быть никогда куплено на счетъ общественнаго уваженія. Мы потеряемъ это уваженіе, если торжественно помиримся съ графомъ Брюлемъ. Вотъ причины. Всякое примиреніе по своей натурѣ предполагаетъ забвеніе и прекращеніе обидъ; но такъ какъ предметы нашихъ взаимныхъ жалобъ не должны и не могутъ кончиться, то не можетъ быть и примиренія. Они не могутъ окончиться съ нашей стороны, потому что честные люди не берутъ назадъ того, что они предъявили публично на основаніяхъ твердыхъ и законныхъ и могутъ доказать. Они не могутъ кончиться со стороны графа Брюля, потому что его прошедшія ошибки заставили его продолжать маневры, которые мы всегда будемъ порицать и опровергать. Всѣ эти маневры Брюля имѣютъ цѣлію сохраненіе своего положенія, а главное средство, для этого употребляемое—деньги. Ему постоянно нужно много денегъ: 1) для подкупа мелкихъ людей, окружающихъ короля и для содержанія шпіоновъ во всѣхъ частныхъ домахъ, чтобы король ни съ какой стороны не довѣдался о настоящихъ причинахъ своихъ несчастій. 2) Для удовлетворенія своей безграничной роскоши, которая удовлетворяетъ не одной собственной его наклонности, но и желанію королевскому: Августу III нравится представительность фаворита, которую считаетъ знакомъ собственнаго величія. 3) Для доставленія королю средствъ къ любимымъ удовольствіямъ, Брюль продаетъ милости съ аукціона и портитъ монету съ громадною для себя прибылью. Но такъ какъ скандалъ этихъ злоупотребленій заставляетъ его бояться общаго неудовольствія, то онъ старается пріобрѣсть себѣ защитниковъ, наполняя всѣ мѣста низкими и корыстолюбивыми душами, какими всякая страна наполнена во всякое время. Отсюда происходитъ порча Сената, который представляетъ не иное что, какъ органъ ласкательства и невѣжества. Отсюда судебныя мѣста продажныя, составленныя насиліемъ, готовыя притѣснять всякаго, кто осмѣлится возстать противъ беззаконій Брюля или главныхъ его потворщи-

ковъ. Отсюда наконецъ эти сеймы, на которыхъ невозможно провести ничего хорошаго, *ибо требуемое единогласіе постоянно прерывается кѣмъ-нибудь*, котораго подкупилъ Брюль. Вотъ связь между ошибками и потребностями графа Брюля. Если онъ перестанетъ имъ удовлетворять, то потеряетъ фаворъ, слѣдовательно онъ не исправится, и потому мы не можемъ сдѣлаться его друзьями. Сдержать алчность Брюля можетъ одинъ страхъ предъ юридическими доказательствами, что онъ не польскій шляхтичь и слѣдовательно не по праву пользуется имѣніями и почестями въ Польшѣ. Нападеніе на Брюля съ этой стороны, хотя чрезвычайно опасное для насъ, если бы мы не были увѣрены въ поддержкѣ Россіи, съ поддержкою Россіи доставитъ намъ столько же явныхъ сторонниковъ, сколько уже сдѣлало тайныхъ друзей. Но такъ какъ надобно испомѣстить и обогатить этихъ сторонниковъ, то должно держаться середины. Не беря назадъ того, что уже мы предъявили противъ правъ Брюля на польское шляхетство, безъ примиренія съ нимъ, мы можемъ пріостановить процессъ противъ Брюля относительно польскаго шляхетства; Брюль будетъ находиться между страхомъ и надеждою, и будетъ раздавать милости какъ намъ надобно, если только Русскій дворъ и его посланникъ станутъ употреблять тонъ, приличный съ такимъ министромъ, настаивая сухо, чтобъ каждая милость давалась намъ и нашимъ» [188].

Чарторыйскіе высказались. Они потребовали отъ Екатерины, чтобъ она или дипломатическимъ путемъ заставила Августа III и Брюля отдаться имъ во власть, дать имъ возможность составить себѣ могущественную партію, въ челѣ которой они могли отважиться на все, или послать имъ деньги и оружіе для вооруженнаго возстанія. Цѣль въ томъ и другомъ случаѣ одна — преобразованія для усиленія Польши, прежде всего преобразованіе сейма, уничтоженіе liberum veto. Россія должна употребить всѣ средства, чтобъ помочь Польшѣ усилиться, — а въ награду Екатерина получитъ императорскій титулъ и водворится согласіе между Россіею и Польшею! Съ перваго раза поражаетъ дерзость подобныхъ предложеній; но изумленіе предъ поступкомъ Чарторыйскихъ исчезаетъ, когда узнаемъ, что Кейзерлингъ не только переслалъ императрицѣ ихъ промеморіи, но и прямо былъ за конфедерацію, предлагаемую ими: для чего же послѣ того Чарторыйскимъ было церемониться?

Съ другой стороны Кейзерлингъ и въ Варшавѣ продолжалъ хлопотать о прусскомъ союзѣ: онъ говорилъ Бенуа, что самое спасительное дѣло — это тѣсная связь, одинаковость видовъ между императрицею и королемъ прусскимъ, особенно когда возникнетъ вопросъ о замѣщеніи польскаго престола. Бенуа, разумѣется, согласился съ этимъ; но онъ былъ несогласенъ съ русскимъ посломъ во взглядѣ на дѣйствія Чарторыйскихъ. Онъ трубилъ тревогу; писалъ королю, что надобно посредствомъ подкупа сорвать сеймъ, если захотятъ на немъ провести противные Пруссіи планы— умноженіе войска и рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, ибо планы на счетъ умноженія войска и рѣшенія большинствомъ голосовъ пріобрѣли много приверженцевъ, благодаря книгѣ объ этомъ отца Конарскаго [189].

Между тѣмъ въ Курляндіи дѣйствовали противъ принца Карла.

5-го іюля отправленъ былъ къ Симолину рескриптъ, что всѣ насланные ему въ минувшее правленіе указы о наложеніи на герцогскіе доходы ареста, о сопротивленіи распоряженіямъ принца Карла, о раздраженіи противъ него Курляндцевъ, о склоненіи ихъ въ пользу принца Георга—отмѣняются, и что ему должно подъ рукою болѣе всѣхъ другихъ партій покровительствовать партіи Бироновой. 22-го іюля Екатерина писала канцлеру Воронцову: «дать знать г. Симолину, дабы онъ отъ часу сильнѣе подкрѣплялъ партію герцога Бирона по причинѣ справедливости его правъ». Симолинъ доносилъ, что когда Биронъ прислалъ свои протестаціи уполномоченному своему барону Книге и тотъ разослалъ ихъ по кирхшпилямъ, то глава партіи принца Карла, оберъ-гауптманъ Гейкингъ собралъ всѣхъ герцогскихъ офицеровъ и солдатъ и разодралъ передъ ними и выбросилъ за окно копію съ этихъ протестацій. Принца Карла въ это время не было въ Митавѣ, онъ находился у отца въ Варшавѣ; но приверженцы его, Гейкингъ съ сыномъ и другіе сильно дѣйствовали въ его пользу, разглашая, что сама императрица поддерживаетъ принца Карла, а нѣкоторые министры только, безъ ея вѣдома, поддерживаютъ Бирона. Симолинъ подалъ правительству промеморію съ требованіемъ запретить Гейкингу продолжать такія разглашенія. Въ началѣ августа пріѣхалъ въ Митаву принцъ Карлъ; Гейкингъ, считавшійся комендантомъ Митавы, приказалъ праздновать день этого счастливаго прибытія молебствіемъ по

церквамъ и иллюминацiею всего города, съ объявленiемъ, что кто не иллюминуетъ свой домъ, тотъ будетъ признанъ за противника. Не смотря однако на это, большая часть жителей иллюминацiи не сдѣлали. Принцъ Карлъ объявилъ, что не признаетъ Симолина русскимъ министромъ, потому что онъ къ нему не аккредитованъ, запретилъ придворнымъ ѣздить къ нему въ домъ и имѣть какое-либо сношенiе. Въ отвѣтъ явился изъ Риги въ Митаву батальонъ русскаго войска, и Симолинъ объявилъ, что батальонъ присланъ для потушенiя бываемыхъ иногда при настоящихъ обстоятельствахъ безпорядковъ. Принцъ Карлъ велѣлъ раздать своему войску (котораго считалось 180 человѣкъ) патроны съ пулями и вылить нѣсколько пушечныхъ ядеръ, грозясь поступить какъ съ бунтовщиками съ тѣми, которые обнаружатъ склонность къ герцогу Бирону; во дворцѣ удвоенъ былъ караулъ.

Биронъ прiѣхалъ въ Ригу, и многiе курляндскiе дворяне стали туда къ нему ѣздить; а принцъ Карлъ отправилъ въ Варшаву молодого Гейкинга съ прошенiемъ въ пользу принца, составленнымъ отъ имени всей Курляндiи. Симолинъ писалъ своему двору, что нельзя болѣе держать эту страну въ такомъ междоумочномъ положенiи, тѣмъ болѣе, что въ Курляндiю вошли русскiе полки, возвращавшiеся изъ Пруссiи, и принцъ Карлъ дѣлалъ всякiя препятствiя относительно ихъ продовольствiя. Тогда рескриптомъ изъ Москвы отъ 17-го октября ему было приказано объявить о своемъ аккредитованiи при герцогѣ Биронѣ. Въ концѣ рескрипта говорилось: «Имѣете вы стараться тамошнiе кирхшпили довести если не до чрезвычайнаго сеймика, то по меньшей мѣрѣ до какихъ-либо братскихъ собранiй, въ которыхъ бы могло произойти явное раздѣленiе въ земскомъ правленiи и мы бы приглашены были къ ихъ соединенiю по той протекцiи, которую мы всей Курляндiи всегда обѣщали, дабы мы, какъ призванные могли прямо въ дѣла ихъ вмѣшаться и утвердить тамъ стараго герцога Эрнеста Iоганна». Симолинъ вызвалъ изъ кирхшпилей по нѣскольку человѣкъ; съѣхались они къ нему въ числѣ 30 человѣкъ и въ присутствiи присланнаго Бирономъ гофмаршала разсуждали, какъ бы исполнить волю ея императ. величества, не тая истинной любви и преданности къ его свѣтлости, герцогу Эрнесту Iоганну; они говорили, что при настоящихъ обстоятельствахъ нельзя думать ни о чрезвычайномъ сеймикѣ, ни о

братской конференціи, когда правленіе продолжается именемъ принца Карла и когда онъ все въ рукахъ своихъ имѣетъ. Они сочли возможнымъ сдѣлать одно: написать императрицѣ письмо, гдѣ поздравить ея съ благополучно совершившеюся коронаціею и благодарить за освобожденіе стараго ихъ герцога, чѣмъ явно покажется ихъ склонность къ нему; они обѣщали склонить всѣ кирхшпили къ подписанію этого письма. Биронъ писалъ Симолину, что переговорами съ Польшею ничего нельзя достигнуть; польскій дворъ будетъ тянуть время, чтобъ долѣе продержать принца Карла въ Курляндіи на ея доходахъ; но если императрица рѣшилась возстановить его, Бирона въ Курляндіи, то и возстановляла бы немедленно и безъ церемоній. Симолинъ донося объ этомъ, прибавлялъ отъ себя, что почти все шляхетство и все мѣщанство, лучше сказать, почти вся земля нетерпѣливо желаетъ возстановленія Бирона.

13-го декабря Симолинъ получилъ рескриптъ, въ которомъ приказывалось ему наложить секвестръ на всѣ доходы принца Карла, на томъ основаніи, что онъ, пренебрегая правомъ добраго сосѣдства, отказалъ русскимъ войскамъ въ зимнихъ квартирахъ и продовольствіи. Принцъ Карлъ запретилъ арендаторамъ и сообщникамъ обращать вниманіе на объявленіе Симолина о секвестрѣ; но Симолинъ разослалъ куда нужно русскихъ офицеровъ для исполненія секвестра. По новому рескрипту императрицы Биронъ долженъ былъ пріѣхать въ Курляндію, а принцу Карлу Симолинъ долженъ былъ внушить, что императрица неотмѣнно намѣрена возстановить герцога Эрнеста Іоганна па курляндскомъ престолѣ и потому онъ, принцъ Карлъ выѣхалъ бы изъ Митавы, а ея величество не оставитъ заботиться о его пристроеніи; если же онъ упорно будетъ сопротивляться намѣреніямъ императрицы, то легко можетъ статься, что и собственную особу подвергнетъ непріятностямъ. Принцъ отвѣчалъ, что не зависитъ отъ себя, но отъ своего государя родителя, къ которому посылалъ за рѣшеніемъ; а между тѣмъ Карлъ уже отослалъ большую часть своего экипажа изъ Митавы и распродалъ почти всю свою мебель. 30-го декабря пріѣхалъ въ Митаву Биронъ съ сыномъ Петромъ и былъ принятъ ожидавшими его дворянами, которыхъ было до 200; но изъ правительственныхъ лицъ былъ тутъ только одинъ оберъ-бургграфъ, остальные же

члены правительства не явились вслѣдствіе запрещенія принца Карла. Биронъ, пообѣдавши и поужинавши у Симолина, подписалъ универсалы, которыми назначалось публичное собраніе на 10 февраля н. с. 1763 года, и уѣхалъ назадъ въ Ригу [190].

Восшествіе на престолъ Екатерины произвело непріятное впечатлѣніе въ Константинополѣ. Обрѣзковъ писалъ (отъ 27-го августа), что въ то время когда Порта находилась въ самыхъ пріятныхъ мысляхъ, видя вѣнскій дворъ въ крайнемъ ослабленіи, извѣстіе о восшествіи на престолъ Екатерины поразило ея какъ громомъ. Переводчикъ Порты, приходившій къ Обрѣзкову съ поздравленіемъ, навѣдывался: какія будутъ теперь отношенія между русскимъ и австрійскимъ дворами? сохранится ли заключенный съ прусскимъ королемъ мирный договоръ? датское дѣло дойдетъ ли до крайности или полюбовно уладится? Обрѣзковъ отвѣчалъ, что прежнія отношенія между императорскими дворами нисколько не прекращены, и если союзъ ослабѣлъ по личному пристрастію бывшаго императора, то теперь получитъ прежнюю силу, чему служитъ доказательствомъ возвращеніе Чернышевскаго корпуса. Мирный договоръ съ Пруссіею будетъ соблюденъ ненарушимо, если самъ король прусскій его не нарушитъ. Въ датскомъ дѣлѣ ни до какой крайности не дойдетъ, но все дружелюбнымъ образомъ уладится. Все это говорилось съ тою цѣлію, чтобъ заставить Порту отложить всякіе враждебные замыслы противъ Австріи. Между тѣмъ Фридрихъ II далъ знать Портѣ, что его вліяніе при дворѣ Екатерины II также сильно, какъ было при дворѣ Петра III. Переводчикъ Порты ходилъ поэтому къ французскому и русскому посламъ провѣдать, что они думаютъ объ этихъ увѣреніяхъ прусскаго короля. Французскій посолъ отвѣчалъ, что сильно сомнѣвается въ справедливости этихъ увѣреній и потому совѣтуетъ Портѣ быть осторожною. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что это новыя хитрости прусскаго короля; въ доказательство, что прусскаго вліянія въ Петербургѣ нѣтъ, Обрѣзковъ представлялъ, какъ выражался о прусскомъ королѣ манифестъ Екатерины о восшествіи ея на престолъ и возвращеніи Чернышевскаго корпуса [191].

Константинополь отсталъ относительно новостей; въ Вѣнѣ скорѣе узнали, что событіе 28-го іюня не принесетъ большихъ выгодъ Австріи. Марія Терезія собственноручнымъ письмомъ поз-

дравила Екатерину съ восшествіемъ на престолъ: «По моему мнѣнію, писала императрица-королева, послѣ покойной императрицы Елисаветы, никто не могъ быть достойнѣе престола, и никто не могъ достойнѣе замѣнить ее въ моемъ сердцѣ, какъ ваше величество. Жажду случая доказать вашему величеству мои чувства. Я такъ много полагаюсь на проницательность и взаимную вашу ко мнѣ дружбу, что надѣюсь отъ нея всего, чего только требуютъ наши общіе интересы и чего можно ожидать отъ вашего великодушія.» Екатерина отвѣчала также собственноручно: «Я всегда преисполнена была отличнѣйшимъ почтеніемъ къ особѣ вашей, сердечно интересуюсь всѣмъ тѣмъ, что до васъ касается, и въ этомъ поступаю по примѣру дражайшей моей тетки, покойной императрицы Елисаветы, которой память намъ обѣимъ такъ драгоцѣнна. Ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ получить отъ васъ предложеніе дружбы, и я надѣюсь подать вамъ опытъ такой же дружбы и съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что дружба эта утверждается нашими общими интересами». 6-го іюля австрійскій посолъ Мерси д'Аржанто, находясь на конференціи съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ, освѣдомился, угодно ли императрицѣ сохранить силу прежнихъ обязательствъ Россіи съ Австріею и великодушно объявить свѣту, что не перестанетъ заботиться о пользѣ древнихъ союзниковъ. Ему отвѣчали, что хотя ея величество, по истощенію своего народа отъ долговременной войны, и не изволитъ принимать въ ней теперь участія, однако склонна подавать императрицѣ-королевѣ всевозможные опыты истинной своей дружбы, яснымъ доказательствомъ чему должно служить отозваніе чернышевскаго корпуса отъ прусской арміи; впрочемъ императрица не имѣла еще времени разсмотрѣть прежнія обязательства Россіи съ императрицею-королевою.

Послѣ разсмотрѣнія этихъ обязательствъ Мерси были предложены добрыя услуги Россіи для заключенія мира между Австріею и Пруссіею, съ которою у Россіи миръ подтвержденъ. Мерси по этому случаю позволилъ себѣ выходку, которая могла произвести только лишнее раздраженіе. Въ конференціи 20-го августа онъ объявилъ, что между данною ему запискою и манифестомъ, опубликованнымъ при восшествіи на престолъ императрицы, находится противорѣчіе, именно, подтвержденъ съ Прус-

сіею такой миръ, о которомъ въ манифестѣ всенародно объявлено, что онъ заключенъ съ самымъ опаснымъ для Россіи непріятелемъ съ ущербомъ славы русскаго оружія. Мерси объявилъ, что императрица-королева охотно воспользуется предложеніемъ добрыхъ услугъ, для ускоренія мира; но навѣдывался, какъ далеко намѣрена императрица распространить эти добрыя услуги. Ему отвѣчали, что ея величество не уклонится и отъ принятія на себя медіаціи, если усмотритъ, что она обѣимъ сторонамъ будетъ угодна. Относительно требованія Россіи объ очищеніи Саксоніи войсками обѣихъ воюющихъ сторонъ, Мерси объявилъ, что императрица-королева немедленно исполнитъ это требованіе, какъ только прусскій король исполнитъ его.

На конференціи 14-го октября въ Москвѣ, Мерси обратился съ просьбою о разъясненіи, намѣрена ли императрица исполнять всѣ обязательства относительно Австріи, какъ они опредѣлены при императрицѣ Елисаветѣ, или съ какимъ-нибудь ограниченіемъ; вѣнскому двору нужно знать объ этомъ тѣмъ болѣе, что заключенный въ бывшее правленіе договоръ съ Пруссіею теперь подтвержденъ и вѣнскому двору еще не сообщенъ, а, какъ извѣстно, одною статьею этого договора постановлено всѣ прежнія обязательства русскаго двора уничтожить.

Отвѣтъ послѣдовалъ только 7-го ноября; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: война, которая еще ведется съ королемъ прусскимъ и изъ которой Россія вышла по обстоятельствамъ и государственнымъ причинамъ, война эта представляетъ такой кризисъ въ Европѣ, что никакое государство не можетъ составить себѣ опредѣленной системы, ни обозначить своихъ интересовъ относительно будущаго мира. При такихъ обстоятельствахъ всего вѣрнѣе искать утвержденія дружбы и добраго согласія въ пользѣ дѣйствительной, въ интересѣ общемъ, основанномъ на положеніи государствъ. Хотя внутреннія дѣла и государственныя причины потребовали, чтобъ императрица не участвовала болѣе въ войнѣ, однако она доказала вѣнскому двору, что смотритъ на его благосостояніе, какъ на свой истинный интересъ и сердечно желаетъ имѣть съ нимъ дружбу и тѣсную связь. Такъ какъ вѣнскій дворъ уже знаетъ, что императрица не намѣрена участвовать въ настоящей войнѣ, то ея величество думаетъ, что ея

стараніе объ общемъ мирѣ будетъ имѣть гораздо больше значенія, если противная сторона положительно знаетъ, что русскій дворъ не вышелъ изъ центра своей системы, и что, стараясь доставить выгоды своему естественному союзнику, онъ сохранилъ себѣ свободныя руки и держитъ значительную армію на границахъ.

Но Мерси не хотѣлъ удовольствоваться этимъ отвѣтомъ; онъ указывалъ на его неясность, ибо въ немъ не означено, намѣрена ли императрица Екатерина исполнять обязательства императрицы Елисаветы всѣ или съ какою-нибудь перемѣною, ибо эти обязательства, будучи уничтожены послѣднимъ договоромъ съ Пруссіею, даютъ причину думать, будто русскій дворъ въ настоящую минуту не имѣетъ никакихъ союзныхъ договоровъ, кромѣ упомянутаго прусскаго. Если императрица смотритъ на благополучіе вѣнскаго двора какъ на свой существенный интересъ, то этотъ дворъ долженъ бы ласкать себя надеждою, что императрица объявитъ это его непріятелямъ и будетъ на самомъ дѣлѣ стараться, чтобъ вѣнскій дворъ не пришелъ въ крайній упадокъ и истощеніе отъ настоящей войны. Заключенный съ прусскимъ дворомъ договоръ и неподтвержденіе съ вѣнскимъ прежнихъ обязательствъ не только русскому двору не оставляетъ свободныхъ рукъ, но напротивъ связываетъ ихъ. Простое содѣйствіе русскаго двора вѣнскому при общемъ мирѣ предвозвѣщаетъ мало пользы послѣднему. Прусскій король, несмотря на великія благодѣянія, оказанныя ему русскою императрицею, выведшею его изъ совершенной гибели, не обращаетъ никакого вниманія на русскія представленія и заступничества. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, королю прусскому объявить, что русскія войска изъ его владѣній прежде не выйдутъ, пока онъ не исполнитъ требованій императрицы. На это канцлеръ отвѣчалъ, что при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ вѣнскій дворъ самъ долженъ признать, что русскій дворъ не можетъ вступить въ новую войну съ королемъ прусскимъ. Въ то время, какъ шли эти непріятныя объясненія въ Петербургѣ и Москвѣ, въ Вѣну отправленъ былъ къ князю Дмитрію Голицыну рескриптъ, которымъ предписывалось повыпытать у австрійскаго министерства искуснымъ образомъ, не приметъ ли Марія Терезія русскую медіацію въ примиреніи съ Пруссіею, и усмотрѣвши склонность къ принятію

этого предложенія, открыть, что онъ Голицынъ можетъ принять медіацію и выслушать условія, на какихъ Австрія желаетъ заключить миръ. Голицынъ отвѣчалъ, что хотя вѣнскій дворъ очень благодаренъ императрицѣ за попеченіе о его пользѣ и очень хвалитъ человѣколюбивое намѣреніе принять на себя посредничество въ прекращеніи войны, но не хочетъ прежде времени откровенно высказать свои мысли, чтобъ прусскій дворъ не возгордился и не приписалъ такого съ австрійской стороны поступка слабости и недостатку силъ къ продолженію войны; притомъ обязательства и тѣсная дружба вѣнскаго двора съ французскимъ не позволяютъ первому лишней откровенности ни съ какою другою державою иначе какъ по согласію съ Франціею. «Здѣшній дворъ, писалъ Голицынъ, изъявляя искреннѣйшую свою благодарность за посредничество, считаетъ однако себя въ правѣ быть осторожнымъ, видя, къ своему сожалѣнію, что Россія хочетъ дѣйствовать заодно съ Австріею только по дѣламъ, касающимся Оттоманской Порты».

Голицынъ внушалъ Кауницу, что и одинъ видъ тѣсной дружбы между Россіею и Австріею достаточенъ къ достиженію выгоднаго для послѣдней мира. Но Кауницъ отвѣчалъ, что главная цѣль прусскаго двора всегда состояла и состоитъ въ томъ, чтобъ уменьшить силы Австріи; поэтому Пруссія хочетъ продолженія войны, которая не прекратится до тѣхъ поръ пока прусскій король не будетъ принужденъ желать мира, и для этого одного вида тѣсной дружбы между Россіею и Австріею мало. «При семъ, доносилъ Голицынъ, не могу обойтись, чтобъ вашему императ. величеству всеподданнѣйше не донесть, что графъ Кауницъ все мною ему представленное принялъ отъ меня съ особливою скромностію, и ничего въ немъ не можно было примѣтить, кромѣ прискорбія и сожалѣнія, что издавна установленный между императорскими дворами союзъ остается на одной дружбѣ и согласіи».

25-го декабря Голицынъ извѣстилъ свой дворъ о началѣ мирныхъ переговоровъ между Австріею и Пруссіею въ Губертсбургѣ (между Дрезденомъ и Мейсеномъ). «Начало сей негоціаціи, писалъ онъ, происходитъ отъ саксонскаго дома, который, не надѣясь уже себѣ никакого удовлетворенія за понесенные имъ въ нынѣшнюю войну убытки, и желая скорѣе получить во владѣніе свои земли и возвратиться изъ Варшавы въ Дрезденъ, убѣ-

дилъ здѣшній дворъ къ примиренію съ прусскимъ; на это съ здѣшней стороны тѣмъ охотнѣе согласились, чѣмъ меньше осталось способовъ къ продолженію войны, такъ что въ будущую кампанію не иначе, какъ оборонительнымъ образомъ, и то съ трудомъ, могли бы дѣйствовать, когда не только оставлены союзниками, но и того ожидать должны, что имперскіе штаты не въ состояніи будутъ подавать помощь войскомъ [192]».

Франція должна была естественно раздѣлить съ Австріею непріятность обманутыхъ надеждъ. «Восшествіе ваше на всероссійскій престолъ, писалъ Чернышевъ Екатеринѣ, здѣсь не только при дворѣ, но и во всемъ народѣ причинило неизреченную радость; ибо, признавая силу и инфлюенцію имперіи вашего императорскаго величества въ европейскихъ обращеніяхъ, ласкаютъ себя надеждою, что ваше императорское величество наилучше соблюсти изволите согласіе съ симъ дворомъ, нежели какъ то предъ симъ было, и почитай уже къ явному разрыву клонилось, также и желая нетерпѣливо скораго мира, въ которомъ необходимую во всѣхъ частяхъ сея монархіи имѣютъ нужду, и не могутъ болѣе продолжать войну безъ совершеннаго разоренія,— ожидаютъ, что ваше императорское величество въ томъ способствовать соизволите». Къ радости примѣшивалась досада, что французскій посланникъ баронъ Бретёйль слишкомъ рано оставилъ Петербургъ; на Бретёйля сердились тамъ болѣе, что ему было извѣстно о готовившемся переворотѣ. Бретёйля возвратили въ Петербургъ съ выговоромъ за то, что слишкомъ поспѣшилъ оставить этотъ городъ, и за то, что, узнавши въ Варшавѣ о событіи 28 іюня, не поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, а поѣхалъ далѣе въ Вѣну. Людовикъ XV призналъ въ Екатеринѣ женщину, способную начать и совершить великія дѣла; такое выгодное мнѣніе она внушила ему о себѣ своею скрытностію до 28 іюня и мужествомъ, оказаннымъ въ этотъ день. Но король признавалъ трудность ея положенія. «Нѣтъ сомнѣнія, писалъ онъ Бретёйлю, что память Петра III будетъ имѣть мало защитниковъ, и потому нельзя предполагать смутъ въ слѣдствіе желанія мщенія; но императрица, иностранка по происхожденію, не связанная ничѣмъ съ Россіею и племянница короля шведскаго, должна прибѣгать къ постояннымъ усиліямъ для удержанія себя на престолѣ, которымъ не обязана ни любви поддан-

ныхъ, ни уваженію ихъ къ памяти отца, какъ покойная императрица. Какъ бы осторожно она себя ни вела, всегда будутъ недовольные. При твердости духа у Екатерины слабое сердце. У нея будетъ фаворитъ, наперсница. Кто будетъ именно, намъ до этого дѣла нѣтъ; надобно только знать тѣхъ, которые будутъ преимущественно пользоваться ея довѣренностію, и заискивать ихъ расположенія. Княгиня Дашкова, разумѣется, должна пользоваться большими милостями императрицы; но можно ли отвѣчать, что эта молодая женщина содѣйствовала перевороту изъ одной любви къ отечеству и привязанности къ государынѣ? Страсть царя къ Воронцовой могла возбудить ея ревность. Если эта причина прекратилась со смертію этого государя, то княгиня Дашкова, съ романическою головой и ободренная успѣхомъ, можетъ подумать, что она не довольно награждена, что къ ней не имѣютъ достаточной довѣренности, наконецъ, по какому бы то ни было побужденію, снова заведетъ волненіе. Императрица, открывши кое-что, можетъ ее наказать, что опять перемѣнитъ видъ двора. Надобно ожидать много партій, особенно если будетъ фаворитъ». Относительно политическихъ видовъ Людовикъ XV требовалъ отъ своего посланника, чтобъ онъ не давалъ усиливаться австрійскому вліянію въ Петербургѣ, ибо король боялся, что Мерси воспользуется отсутствіемъ Бретёйля и станетъ на первомъ планѣ. Что касается Россіи, то Людовикъ XV высказался прямо: «Вы уже знаете, и я повторю здѣсь самымъ яснымъ образомъ, что цѣль моей политики относительно Россіи состоитъ въ удаленіи ея, по возможности, отъ европейскихъ дѣлъ. Не вмѣшиваясь лично, чтобъ не возбудить противъ себя жалобъ, вы должны поддерживать всѣ партіи, которыя непремѣнно образуются при этомъ дворѣ. Только при господствѣ внутреннихъ смутъ Россія будетъ имѣть менѣе средствъ вдаваться въ виды, которые могутъ внушить ей другія державы. Наше вліяніе въ настоящую минуту можетъ быть полезно въ томъ отношеніи, что дастъ благопріятный оборотъ всѣмъ польскимъ дѣламъ и перемѣнитъ тонъ, съ какимъ петербургскій дворъ обращается къ этой республикѣ. Будущее вліяніе должно воспрепятствовать Россіи принимать участіе въ войнѣ противъ меня, противъ моихъ союзниковъ и особенно противиться моимъ видамъ въ случаѣ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ. Вы знаете,

что Польша есть главный предметъ моей секретной переписки, и слѣдовательно вы должны обращать вниманіе на все, что касается этой страны».

Бретёйль былъ очень хорошо принятъ Екатериною; она не могла отказать себѣ въ удовольствіи поговорить съ французскимъ дипломатомъ, который блестѣлъ среди представителей другихъ державъ какъ блеститъ столичный житель среди грубыхъ провинціаловъ; но разговорами все и ограничивалось. Герцогъ Шуазёль съ самаго начала долженъ былъ отказаться отъ надежды удержать Россію при прежнемъ австро-французскомъ союзѣ.

Чернышевъ изъяснялъ Шуазёлю, что русская императрица способнѣе всѣхъ другихъ государей къ установленію мира, потому что ея величество будетъ дѣйствовать безъ всякаго пристрастія, имѣя единственно въ виду благо человѣчества. Шуазель замѣтилъ на это, что если дойдетъ до прямого дѣла, то французскій дворъ ласкаетъ себя, по крайней мѣрѣ, надеждою, что все же императрица будетъ болѣе склоняться на сторону своихъ вѣрныхъ союзниковъ. Чернышевъ отвѣчалъ, что такъ и непремѣнно быть должно; впрочемъ необходимо употреблять слово: *безпристрастіе* во всѣхъ изъясненіяхъ по этому дѣлу, дабы пріобрѣсть довѣріе всѣхъ дворовъ. Шуазёль замѣтилъ опять, что было бы всего лучше, еслибъ императрица для усиленія своего посредничества, оставила свои войска въ завоеванныхъ у Пруссіи земляхъ. Чернышевъ отвѣчалъ, что когда миръ съ Пруссіею уже былъ разъ заключенъ, то императрица, въ интересахъ своей имперіи и по человѣколюбію, признала за лучшее сохранять его и въ настоящей войнѣ не принимать участія, развѣ будетъ къ тому снова принуждена, и хотя русскія войска и возвратятся внутрь имперіи, однако до возстановленія мира въ Европѣ, всегда будутъ готовы, въ случаѣ надобности, исполнить данное имъ повелѣніе [193].

Но въ то время, какъ Версальскій дворъ внушалъ Русскому, что всего лучше было бы занятіемъ прусскихъ областей принудить Фридриха II къ миру, Лондонскій дворъ также возбуждалъ Россію противъ Фридриха, утверждая, что скоро Франція сблизится съ Пруссіею, и потому необходимъ старый елисаветинскій союзъ между Россіею, Англіею и Австріею.

Мы видѣли, что англійскій посланникъ въ Петербургѣ Кейтъ

послѣ Гольца пользовался особенною благосклонностью Петра III; это, разумѣется, дѣлало его положеніе затруднительнымъ при Екатеринѣ, и онъ просилъ свое правительство отозвать его, ибо хотя императрица приняла его ласково, но онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника, что особа его ей противна даже болѣе, чѣмъ онъ самъ думалъ. Преемникомъ Кейта былъ графъ Бёкингамъ; въ Лондонѣ русскимъ министромъ остался по прежнему графъ Александръ Ром. Воронцовъ. Сначала, видя несогласіе Фридриха II на миръ, въ Москвѣ хотѣли дѣйствовать за одно съ Англіею. 21 сентября Екатерина написала канцлеру Воронцову: «Писать къ графу Александру Воронцову, дабы онъ въ разговорѣ отозвался, сколь велико мое желанье видѣть миръ; но съ немалымъ прискорбіемъ понимаю несклонность короля прусскаго къ такому полезному для рода человѣческаго предмету и что столь несходственные сентименты весьма отдаляютъ меня отъ сего государя, слѣдовательно всѣ тѣ мѣры, которыя къ пресѣченію войны полезны, весьма мнѣ пріятны, а почитаю за немалый способъ пресѣчь войну не платежемъ субсидіи (отъ Англіи Пруссіи) и согласіе между Россіею и Англіею, которое я умножить и утвердить охотно себя склонною покажу».

Отъ 8 ноября Воронцовъ писалъ императрицѣ: «Позвольте мнѣ изъявить вамъ рабскую мою усердность и радость о томъ справедливомъ и мужественномъ намѣреніи покой въ Германіи установить, понудя всѣми способами короля прусскаго властолюбивые свои виды оставить. Европа вамъ надолго обязанною будетъ, и честь и поверхность Россійской имперіи достиженіемъ сего толь желаемаго предмета не малымъ умножится въ европейскихъ дѣлахъ подъ счастливымъ царствованіемъ толь великой государыни. Самые берлинскаго двора здѣсь друзья весьма не похваляютъ короля прусскаго, что столь мало податливости съ своей стороны оказывалъ на вашего импер. величества о мирѣ предложенія: но нравъ его таковъ оказывался во всякомъ случаѣ, и безъ самой крайности предпріятій и намѣреній своихъ онъ не отлагалъ. Но кто опять можетъ способнѣе оныя въ ничто обратить и равновѣсіе въ Германіи непремѣнно соблюсти, какъ толь сильная держава, какова есть Россія подъ скипетромъ такой самодержицы, которая знаетъ источники силы ея къ общему благосостоянію и чести подданныхъ своихъ употреблять.

Не скрылъ я отъ статскаго секретаря (по сѣвернымъ иностраннымъ дѣламъ, графа Галифакса), что ваше императорское величество съ справедливостію было ожидали болѣе податливости отъ прусскаго короля на мирныя предложенія княземъ Репнинымъ ему учиненныя, и что противность онаго не можетъ инако какъ весьма васъ удалить отъ сего государя. По возможности и непримѣтнымъ образомъ не оставляю я конечно во всякомъ случаѣ недовольство здѣшнихъ на берлинскій дворъ не уменьшать, но и то опять можно сказать, что никакія внушенія дѣйствительнѣе быть не могутъ для совершеннаго разрыва между сими дворами, какъ самое продолженіе поступковъ его прусскаго величества и неумѣренные въ томъ его здѣсь резидующихъ министровъ отзывы: имъ предоставить можно совершенство всего того начатаго здѣсь ими».

Отъ 12 ноября Воронцовъ писалъ, что настоящая политическая система Англіи состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно меньше вмѣшиваться въ дѣла твердой земли, и потому нельзя ожидать содѣйствія лондонскаго двора въ принятіи твердаго рѣшенія принудить Фридриха II къ миру. Прежнія неудачи отбили къ тому охоту у англійскаго министерства, потому что Фридрихъ принималъ здѣшнія предложенія безъ всякаго уваженія.

Лондонскій дворъ хотѣлъ принять твердое рѣшеніе относительно Пруссіи не иначе, какъ вмѣстѣ съ русскимъ дворомъ. 19-го декабря у канцлера и вице-канцлера была конференція съ англійскимъ посломъ графомъ Бёкингамомъ. Бёкингамъ объявилъ, что его государь, будучи твердо намѣренъ не только сохранить, но и распространить прежнюю дружбу съ Россіею, положилъ сообщить русскому двору въ откровенности, до какихъ непріятныхъ изъясненій принужденъ онъ былъ дойти напослѣдокъ съ королемъ прусскимъ. Король желаетъ знать мнѣніе императрицы относительно короля прусскаго, чтобъ согласить съ нимъ собственныя свои мнѣнія и единодушнымъ стараніемъ скорѣе и надежнѣе достигнуть желаемаго обоими дворами возстановленія общаго покоя. За этимъ вступленіемъ Бёкингамъ распространился о томъ, что естественные интересы русскаго, лондонскаго и вѣнскаго дворовъ требуютъ тѣснаго между ними соединенія, а польза Франціи сопряжена съ сохраненіемъ короля прусскаго. Бёкингамъ считалъ за вѣрное, что въ короткое

время между дворами вѣнскимъ и версальскимъ, по разногласію интересовъ, произойдетъ холодность, чѣмъ надобно воспользоваться и сдѣлать вѣнскому двору пристойныя внушенія для возобновленія старой и единственно натуральной системы. Что касается до отношеній между Франціею и Пруссіею, то эти державы, по мнѣнію Бёкингама, могли одно время порозниться, но современемъ, а можетъ быть и скоро, они должны вступить въ прежнія тѣсныя обязательства: недаромъ бывшій въ Петербургѣ прусскій министръ баронъ Гольцъ дружественно обходился съ барономъ Бретёйлемъ, а съ нимъ, Бёкингамомъ холодно и даже не простясь уѣхалъ; а при самомъ отъѣздѣ своемъ имѣлъ онъ, Гольцъ съ Бретёйлемъ длинный и безъ сомнѣнія важный разговоръ. Канцлеръ и вице-канцлеръ довольствовались съ своей стороны отвѣтомъ послу въ генеральныхъ отзывахъ, располагая ихъ по внушеніямъ его, потому что еще 1-го ноября канцлеръ Воронцовъ получилъ такую инструкцію отъ императрицы относительно Англіи: «При настоящемъ нерѣшимомъ состояніи европейскихъ дѣлъ осторожность въ новыхъ аліанціяхъ и доброе внутреннее состояніе должны быть нашимъ политическимъ правиломъ. Нѣтъ политическаго положенія, которое бъ воспрещать могло производить возможные для пользы коммерціи распорядки, потому и съ Англіею такой трактатъ яко полезный должно негоцировать безъ потерянія времени. Но при томъ особливо наблюдать, чтобъ не отнять у себя способности вступать въ подобныя обязательства и съ другими державами, какъ для конкурсу, такъ и для умноженія вывоза нашихъ продуктовъ. Чтобъ поступки наши во всемъ были откровенны и тверды, надлежитъ англійскій дворъ увѣрить, что мы признаваемъ полезнымъ и конечно охотно возобновимъ съ нимъ аліанціи, а притомъ въ конфиденціи ему объявить, что теперь оное отлагаемъ только для того, что мы на настоящее время отклонилась отъ возобновленія старыхъ обязательствъ съ вѣнскимъ дворомъ и довольствуемся наблюдать съ нимъ наше доброе согласіе и дружбу на основаніи натуральныхъ и непоколебимыхъ нашихъ съ нимъ общихъ интересовъ, пока увидимъ въ какомъ политическомъ положеніи система сего двора останется послѣ возстановленія мира».

Бёкингамъ напомнилъ о печальномъ событіи прошлаго царствованія, по поводу меморіала графа Финкенштейна, что прус-

скій король имѣетъ въ рукахъ подлинную русскую депешу, изъ которой видно, какимъ образомъ англійскій дворъ старался препятствовать прусскимъ переговорамъ въ Петербургѣ при Петрѣ III. Канцлеръ и вице-канцлеръ донесли императрицѣ, что подъ этою депешею разумѣется реляція вице-канцлера, князя Голицына, бывшаго тогда министромъ въ Лондонѣ; реляція содержитъ въ себѣ откровенный разговоръ графа Бюта—о прусскихъ отношеніяхъ. Прусскій король напрасно утверждаетъ, что у него въ рукахъ подлинная депеша: подлинная находится въ цѣлости здѣсь въ Петербургѣ, и очень разнится отъ выраженій, употребленныхъ въ прусскомъ меморіалѣ. Канцлеръ и вице-канцлеръ замѣтили объ этомъ Бёкингаму, хотя и не скрыли, что можетъ быть бывшій императоръ, по слѣпой своей къ королю прусскому преданности, сообщилъ ему въ собственномъ письмѣ или словесно передалъ Гольцу содержаніе реляціи. Императрица отвѣчала Воронцову: «Объ депешѣ увѣрить можно послѣ, что ни единая оригинальная не бывала и не есть въ рукахъ прусскаго короля, а что страсть бывшаго императора такъ велика была, что онъ иногда невинныя слова какъ будто вредныя королю прусскому толковалъ и такъ ему сообщалъ, и то не въ оригиналѣ. Сіе можетъ служить графу Бютѣ въ оправданіе противъ великаго множества его злодѣевъ, которые ищутъ ему кримъ (преступленіе) дѣлать изъ его разговора съ нынѣшнимъ вице канцлеромъ» [194].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1763 годъ.

Отставка старыхъ вельможъ. — Непріятности Ив. Ив. Шувалову по университетскому управленію; отъѣздъ его за границу. — Отъѣздъ за границу канцлера графа Воронцова. — Н. И. Панинъ старшій членъ иностранной коллегіи. — Распоряженіе императрицы по этой коллегіи. — Захаръ Чернышевъ и Румянцевъ. — Волковъ оренбургскій губернаторъ. — Тотлебенъ вывезенъ за границу. — Столкновеніе Бестужева и Панина. — Дѣло Арсенія Мацѣевича. — Путешествіе Екатерины въ Ростовъ. — Дѣло Хитрово. — Возвращеніе двора въ Петербургъ. — Раздѣленіе Сената на департаменты. — Злоупотребленія въ областяхъ. — Окончаніе дѣла иркутскаго слѣдователя Крылова. — Паденіе генералъ-прокурора Глѣбова. — Донесенія кн. Вяземскаго о состояніи восточныхъ областей. — Смуты между купечествомъ. — Ограниченіе пытки и конфискаціи. — Неудачный исходъ коммиссіи о правахъ дворянства. — Дѣло о раскольникахъ. — Крестьянскія волненія. — Мнѣніе Петра Ив. Панина о крестьянскихъ побѣгахъ. — Ревизія. — Новые штаты. — Распоряженія о соли. — Мѣры относительно торговли. — Основаніе Воспитательнаго Дома. — Учрежденіе медицинской коллегіи. — Пожары. — Русскія поселенія на Востокѣ. — Иностранныя поселенія. — Паденіе Хорвата. — Дѣла киргизскія и калмыцкія. — Движеніе въ Малороссіи для установленія наслѣдственнаго гетманства. — Вопросъ объ избраніи польскаго короля по смерти Августа III. — Сношенія по этому вопросу съ иностранными державами.

Новый 1763 годъ дворъ встрѣтили въ Москвѣ съ обычными торжествами. Въ новой приморской столицѣ 1-го января происходило торжество особаго рода: морской и сухопутной генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры пировали въ домѣ вице-адмирала князя Мещерскаго, пушки палили при питьѣ за высо-

чайшія здоровья, вечеромъ сожженъ былъ фейерверкъ, по окончаніи котораго начался балъ. Причиною торжества было назначеніе наслѣдника цесаревича Павла Петровича генералъ-адмираломъ. Императрица сдѣлала это, говорилось въ указѣ, имѣя ревностное и неутомимое попеченіе о пользѣ государственной, съ которою неразрывно цвѣтущее состояніе флота, и желая въ нѣжныя еще младенческія лѣта вперить въ великаго князя знаніе государственныхъ дѣлъ съ подражаніемъ Петру Великому. Старый генералъ-адмиралъ, кн. Мих. Мих. Голицынъ за шестидесятилѣтнюю службу былъ уволенъ въ вѣчную отставку, съ удержаніемъ по смерть генералъ-адмиральскаго жалованья (7000 рублей) [195].

Вслѣдъ за извѣстіемъ объ отставкѣ Голицына пришло извѣстіе объ отставкѣ графа Александра Шувалова, съ утвержденіемъ за нимъ 2000 душъ, пожалованныхъ ему на выборъ «при бывшемъ послѣднемъ правленіи [196]». Ив. Ив. Шувалову не хотѣли дать вѣчной отставки, ибо такая отставка могла считаться наградою только при условіи долговременной службы; Ив. Ив. Шуваловъ остался на службѣ, но получилъ отпускъ за границу, потому что положеніе его при дворѣ и въ столицѣ стало невыносимо. Императрица оказывала къ нему нерасположеніе; его имя было въ устахъ недовольныхъ, какъ имя главнаго недовольнаго; ему не могли быть неизвѣстны выходки противъ него людей, недовольныхъ послѣднимъ временемъ царствованія Елисаветы, когда онъ имѣлъ такое важное значеніе, а эти недовольные—Панинъ, Бестужевъ были главными совѣтниками Екатерины. И. Ив. Шуваловъ долженъ былъ испытать слѣдствія падшаго величія. Вторымъ кураторомъ московскаго университета былъ назначенъ извѣстный Ададуровъ, принадлежавшій къ числу очень недовольныхъ послѣднимъ временемъ царствованія Елисаветы. Еще 17 декабря въ присутствіи императрицы, Сенатъ слушалъ доношеніе Ададурова, который прописывалъ всѣ уплаты и выдачи, заимообразно сдѣланныя Шуваловымъ изъ университетскихъ суммъ *не въ силу указовъ*. Ададуровъ жаловался, что отданныя взаймы деньги не взысканы до сихъ поръ, не смотря на то, что сроки прошли. Деньги истрачены не въ силу указовъ, а между тѣмъ служащимъ въ университетѣ не изъ чего заплатить жалованье за сентябрьскую треть, равно какъ нечѣмъ

заплатить и долговъ, числящихся на самомъ университетѣ. Ададуровъ требовалъ указа, что ему дѣлать; требовалъ также, чтобъ Шуваловъ отдалъ въ университетскую канцелярію по описи все безъ остатка, что находится у него изъ принадлежащаго университету, какъ-то письменныя дѣла, инструменты и прочее. По выслушаніи донесенія, императрица приказала взять отвѣтъ отъ Шувалова.

Черезъ мѣсяцъ читали этотъ отвѣтъ: въ немъ всѣ затраты были перечислены и оказались необходимыми. Шуваловъ указывалъ, что на проектѣ объ учрежденіи университета императрица Елисавета подписала собственноручно: «дополненіе штата отдается въ волю кураторовъ», въ слѣдствіе чего всѣ дѣла университетскія правились высочайшею довѣренностію къ его кураторскому чину, да иначе и быть не могло по причинѣ недостатка штата, регламента и за неимѣніемъ на всѣ случаи указовъ, особенно по новости мѣста, когда онъ, Шуваловъ, прилагалъ болѣе старанія для его основанія и распространенія, чѣмъ для подробнаго наблюденія канцелярскаго порядка: иначе дѣлать было нельзя. Канцелярія при университетѣ учреждена не для управленія университетомъ, который исключительно отданъ на попеченіе кураторовъ. Шуваловъ представлялъ, до какого совершенства приведенъ имъ университетъ, какъ достаточно снабженъ всѣмъ нужнымъ; имѣетъ библіотеку, состоящую почти изъ 5000 томовъ, не считая тѣ книги, которыя употребляются ежегодно для раздачи въ классы ученикамъ, и кромѣ тѣхъ, которыя ежегодно раздаются прилежнымъ ученикамъ въ награжденіе: такихъ книгъ считается почти на 12,000 рублей; университетъ имѣетъ богатый минеральный кабинетъ, доставленный имъ, Шуваловымъ, и стоющій не менѣе 20,000 рублей, лабораторію, довольное число нужныхъ и лучшихъ математическихъ инструментовъ; типографія, стоющая не меньше 25,000 рублей, находится въ изрядномъ состояніи. Но наибольшая польза та, что съ основанія университета вышло изъ него 1800 учениковъ, изъ которыхъ только 300 разночинцевъ, остальные всѣ дворяне, и большая часть выпущена съ хорошими аттестатами; изъ нихъ девять человѣкъ служатъ въ кадетскомъ корпусѣ достойными учителями, преподаютъ математику, латинскій, французскій и нѣмецкій языки; также находящіеся въ чужихъ краяхъ

студенты своими знаніями и прилежаніемъ обѣщаютъ быть полезными своему отечеству; притомъ еще и недавно заведенная гимназія въ Казани начинаетъ приносить довольные плоды. Наконецъ относительно состоятельности университета, Шуваловъ указывалъ, что университетъ получаетъ доходу 35,000 рублей, а расходъ въ 1761 году простирался до 31,675 рублей. Деньги, данныя взаймы—генералъ-майоршѣ Племянниковой 6,000 рублей, гвардіи подпоручику Дебриньи 1000 рублей, графу Ягужинскому 2500 и совѣтнику Хераскову 500 рублей пропасть не могутъ, потому что имѣются заклады, обязательства и поруки. Бывшій директоръ университета Аргамаковъ далъ взаймы Екатеринѣ Корфъ 500 рублей, она умерла и взыскать этихъ денегъ не съ кого; тотъ же Аргамаковъ взялъ себѣ 2000 рублей и умеръ незаплативши; но за то Аргамаковъ много и своего въ университетъ отдалъ; данныя комедіанту Серини на вексель 4744 рубля за смертію его взыскать не съ кого. Въ заключеніе Шуваловъ жаловался, что Ададуровъ представленіемъ своимъ нанесъ ему обиды и огорченія, стараясь объ одномъ, чтобъ ему повредить. Сенатъ рѣшилъ: данныя комедіанту Серини деньги взыскать съ Шувалова, за чѣмъ отдалъ безъ поруки и заклада. Взятыя Аргамаковымъ деньги взыскать съ его наслѣдниковъ, впрочемъ на основаніи представленія Шувалова, что Аргамаковъ много отдалъ своего въ университетъ, Сенатъ предаетъ это дѣло на соизволеніе ея и. в. Что же касается жалобы Шувалова на Ададурова, то она написана съ обстоятельствами несходно, ибо Ададуровъ сдѣлалъ свое представленіе только для возстановленія порядка. Екатерина на докладъ сената отвѣчала собственноручнымъ указомъ: «указомъ императрицы Елисаветы университетъ отданъ въ правленіе генералъ-поручику Ивану Шувалову, на котораго, какъ всѣмъ извѣстно, можно смотрѣть какъ на основателя онаго мѣста и, повидимому, онъ больше добра установилъ, нежели худова находится по новости мѣста какой недостатокъ въ порядкѣ; 4000 рублей, отданные Серинію, не взыскивать на немъ Шуваловѣ по причинѣ, что онъ столько, если не болѣе, своего иждивенія употребилъ въ новое сіе мѣсто; также и съ Аргамакова не взыскивать по той же причинѣ. А куратору Ададурову приказать, взявъ въ разсужденіе приходъ, заготовить для университета планъ и штатъ къ апробаціи, а

если онъ хотя сверхъ положенной суммы усмотритъ за полезное къ порядку и приведенію въ лучшее состояніе университета, то и оное представить, дабы для большаго добра малыя издержки не препятствовали [197]».

Шуваловъ отправлялся за границу, оставаясь кураторомъ университета, котораго былъ основателемъ; въ кругу, котораго императрица считала себя представительницею, въ кругу образованныхъ людей, Шуваловъ слылъ меценатомъ; въ томъ же значеніи онъ былъ извѣстенъ и за границею, онъ велъ переписку съ главною литературною силою Европы, съ Вольтеромъ. Взглядъ на Шувалова нѣкоторыхъ изъ толпы долженъ былъ возбуждать къ нему еще большее уваженіе въ людяхъ, которые смѣялись надъ взглядами этой толпы и считали своею обязанностію противоборствовать имъ. Какова рода были эти взгляды, видно изъ разсказа Державина, который будучи тогда солдатомъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, находился съ нимъ въ Москвѣ, а услыхавъ, что Шуваловъ ѣдетъ за границу, вздумалъ подать ему просьбу, чтобъ тотъ взялъ его съ собою для образованія. Но у Державина была въ Москвѣ тетушка, которая считала Шувалова главою масоновъ, а масоновъ считали отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, людьми, которые заочно за нѣсколько тысячъ верстъ умерщвляютъ своихъ непріятелей. Тетушка дала Державину сильный нагоняй и запретила накрѣпко ходить къ Шувалову, съ угрозою написать къ матери, если не послушается. Державинъ послушался [198].

Въ то время какъ представитель новаго образованія, Ив. Ив. Шуваловъ почетно удаленъ былъ за границу, членъ старой «ученой дружины» Ѳеофана Прокоповича, другъ Кантемира, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой уволенъ былъ въ полную отставку съ полнымъ жалованьемъ вмѣсто пенсіи и съ выдачею единовременно 50,000 рублей [199]. Канцлеръ Воронцовъ, относительно Трубецкого еще молодой, отправился за границу на два года по нездоровью. Воронцовъ никогда не пользовался вполнѣ плодами своего торжества надъ Бестужевымъ, потому что честолюбію его не соотвѣтствовали духовныя средства: при Елисаветѣ дѣятельное участіе въ иностранныхъ дѣлахъ принималъ Ив. Ив. Шуваловъ; при Петрѣ III распоряжался Гольцъ, а гдѣ не Гольцъ, тамъ Волковъ; наконецъ при Екатеринѣ II Воронцовъ видѣлъ,

что не пользуется вовсе довѣріемъ императрицы, что главными ея совѣтниками по иностраннымъ дѣламъ двое людей ему враждебныхъ, Панинъ и Бестужевъ, которые хотя скоро и вступили въ соперничество другъ съ другомъ, но это нисколько не облегчило положенія Воронцова. Слабый здоровьемъ по природѣ, не могшій укрѣпить его при постоянномъ недовольствѣ своимъ служебнымъ положеніемъ, недостаткомъ въ средствахъ къ жизни, требовавшей слишкомъ большихъ расходовъ, при семейныхъ непріятностяхъ въ слѣдствіе неудачнаго брака единственной дочери съ гр. Строгановымъ, — Воронцовъ могъ постоянно выставлять нездоровье причиною, побуждавшею его оставить службу. Такъ какъ Воронцовъ уѣзжалъ на два года, оставляя за собою званіе канцлера, то управленіе иностранными дѣлами было временно поручено Панину: «По теперешнимъ не безтруднымъ обстоятельствамъ, говорилось въ указѣ, разсудила ея и. в. за благо, во время отсутствія канцлера препоручить дѣйств. тайн. совѣт. Панину исправленіе и производство всѣхъ по иностранной коллегіи дѣлъ и присутствовать въ оной коллегіи старшимъ членомъ, поколику дозволятъ ему другія его должности.» Объ отношеніяхъ императрицы къ иностранной коллегіи въ это время свидѣтельствуетъ любопытная записка ея отъ 21 августа: «Министры наши при чужестранныхъ дворахъ жалуются, что на многія ихъ реляціи отвѣтовъ и резолюцій нѣтъ; а мнѣ одной, прочитавъ реляціи, нельзя столько прилежности имѣть за множествомъ дѣлъ, чтобъ всегда придумать все то, что къ доброму успѣху дѣлъ принадлежитъ: и тако симъ приказывается коллегіи иностранныхъ дѣлъ членамъ каждые два мѣсяца по крайней мѣрѣ, прочитавъ сряду всякаго министра реляціи, положить на мѣрѣ, соображая съ прямыми нашими интересами и съ собственными нашими приказаньями все то, что онымъ министрамъ въ отвѣтъ и въ наставленіе служить можетъ, чрезъ которую апликацію нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ мы надѣемся весьма изряднаго успѣха въ дѣлахъ ей порученныхъ, а намъ о томъ подастся докладъ для апробаціи. А нынѣ изъ коллегіи иначе отвѣта не бываетъ, какъ только что получены реляціи и ждутъ отъ меня резолюціи, которая всегда за вышеписанными резонами послѣдовать не можетъ [200].»

Уволенъ былъ въ отставку генералъ, вышедшій вторымъ изъ

школы Семилѣтней войны, графъ Захаръ Чернышевъ, уволенъ былъ по причинѣ неизвѣстной. Какъ видно, Чернышевъ думалъ, что его станутъ удерживать, и обманулся, отставку дали; онъ сталъ просить представиться императрицѣ, думая поправить свое дѣло при личномъ свиданіи, надѣясь привести на память прежнюю благосклонность къ нему Екатерины, когда еще она была великою княгинею; но и въ этомъ было ему отказано. Тогда Чернышевъ написалъ покорное письмо, просилъ прощенія и высказалъ готовность вступить снова въ службу. Онъ былъ принятъ въ службу въ слѣдующемъ году [201], получилъ прежнее мѣсто вице-президента военной коллегіи.

Не такъ было съ генераломъ, котораго считали первымъ въ выпускѣ изъ школы Семилѣтней войны. Румянцевъ, думая, что его поприще кончено при Екатеринѣ въ слѣдствіе благосклонности къ нему Петра III, подалъ просьбу объ отставкѣ; но получилъ отъ императрицы слѣдующее письмо: «Господинъ генералъ Румянцевъ! Я получила письмо ваше, въ которомъ пишете и просите объ отставкѣ. Я разсудила, что необходимо мнѣ пришло съ вами изъясниться и открыть вамъ мысли мои, которыя вижу, что совсѣмъ вамъ неизвѣстны. Вы судите меня по стариннымъ поведеніямъ, когда персоналитетъ всегда превосходилъ качества и заслуги всякаго человѣка, и думаете, что бывшій вашъ фаверъ нынѣ вамъ въ порокъ служить будетъ, непріятели же ваши тѣмъ подкрѣплять себя имѣютъ. Но позвольте сказать: вы мало меня знаете, пріѣзжайте сюда, если здоровье ваше вамъ то дозволитъ, вы приняты будете съ тою отмѣнностію, которую ваши отечеству заслуги и чинъ вашъ требуютъ. Не думайте же, чтобъ я противъ желанія вашего хотѣла сама принудить васъ къ службѣ: мысль моя отъ того отдалена. Не токмо заслуженный генералъ, но и всякій россійскій дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ о службѣ и отставкѣ своей, и не то, чтобъ я убавить оный прерогативъ хотѣла, оный паче при всякомъ случаѣ подкрѣплю, а сіе единственно пишу, дабы мы другъ друга разумѣли и вы могли бы ясно видѣть мое мнѣніе. Если тогда какъ вамъ на смѣну другой былъ присланъ обстоятельства казалися и были дѣйствительно конфузны, что можетъ быть и вамъ поводомъ служило къ подозрѣнію о моей къ вамъ недовѣренности, то оное приписать должно случаю тѣхъ временъ, кои

уже миновались и которыхъ и слѣду въ моихъ мысляхъ не осталось [202].» Румянцевъ остался на службѣ.

Екатерина не забыла и о пріятелѣ Румянцева, Волковѣ, не забыла о блестящихъ дарованіяхъ этого человѣка. Къ ней стали приходить частыя жалобы на оренбургскаго губернатора Давыдова; она рѣшилась смѣнить его и назначить на этотъ важный постъ Волкова, при чемъ особенно важно было довѣріе къ нему императрицы, выраженное въ указѣ: «Оренбургскаго вице-губернатора Волкова туда же въ губернаторы съ тѣмъ полномочіемъ, что ея и. в—ство ему довѣряетъ по его въ дѣлахъ способности къ ея и. в—ству отъ себя самого всякія представленія дѣлать и присылать проекты [203]». Третье лицо, о которомъ часто упоминалось «въ бывшее правленіе», Гудовичъ не отличался ничѣмъ, чтобы заставило объ немъ помнить и удерживать на службѣ. Мы видѣли, что Сенатъ указывалъ на необходимость отнять у него слободы, пожалованныя Петромъ III; Екатерина согласилась со мнѣніемъ Сената, слободы были взяты, и въ вознагражденіе Гудовичъ получилъ 10,000 рублей! [204] Старый слуга, корый пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины, когда она еще была великою княгинею, и пострадалъ за это расположеніе [205], Андрей Чернышевъ оказался безполезнымъ на службѣ, былъ отставленъ, но получилъ генералъ-майорскій чинъ [206].

Только въ этомъ году было покончено съ Тотлебеномъ. Военный судъ приговорилъ его къ смерти, но императрица, принимая во вниманіе, что злой его умыселъ никакихъ вредныхъ слѣдствій для государства еще не имѣлъ и преступникъ около трехъ лѣтъ сидѣлъ подъ арестомъ, приказала вывезти его за границу подъ крѣпкимъ карауломъ, отнявъ всѣ чины и ордена [207].

Исчезали совершенно или только на время дѣятели прошлыхъ царствованій, другіе изъ нихъ же среды выступали впередъ послѣ кратковременной опалы; но людей новыхъ еще не было, тѣхъ людей, которыхъ Екатерина называла своими воспитанниками и къ которымъ была такъ пристрастна. На первомъ планѣ стояли Бестужевъ и Панинъ, первый знаменитый канцлеръ елисаветинскаго времени, другой—его воспитанникъ относительно внѣшней политики. Но теперь, когда они стали рядомъ предъ развалинами старой системы, между воспитателемъ и воспитанникомъ возникло несогласіе, соперничество. Въ одномъ они оба

были согласны—въ отвращеніи ко всякому сближенію съ Франціею; но сильно разнились въ томъ, что старикъ Бестужевъ не хотѣлъ слышать ни о Франціи, ни о Пруссіи, хотѣлъ возстановленія старой системы, стараго союза между Россіею, Австріею, Англіею и Саксоніею, съ тѣмъ, чтобы курфюрстъ саксонскій по прежнему царствовалъ въ Польшѣ; но Панинъ совершенно порвалъ съ стариною, и думалъ о новой системѣ, о сѣверномъ союзѣ, сѣверномъ *концертѣ* или *аккордѣ*, по тогдашнему выраженію, союзѣ между Россіею, Пруссіею, Польшею, Англіею и Скандинавіею, противопоставленномъ южному союзу между Франціею, Испаніею и Австріею. Упрямый Бестужевъ не уступалъ своему воспитаннику и между ними произошелъ явный разрывъ. Панинъ объявилъ прусскому посланнику Сольмсу: «я разсчитался съ графомъ Бестужевымъ, я заплатилъ ему за всѣ прежнія обязательства, я ему не долженъ ничего и онъ не въ числѣ моихъ друзей [208]». Вѣроятно Панинъ разумѣлъ свои хлопоты по дѣлу объ оправданіи Бестужева; оправдательный манифестъ былъ написанъ имъ. Спустя слишкомъ полгода послѣ этого разговора, Панинъ жаловался Сольмсу на свое положеніе и высказывалъ желаніе удалиться отъ дѣлъ въ слѣдствіе вліянія Бестужева [209]. Это вліяніе понятно: Екатерина видѣла, что Бестужевъ уже не прежній великій канцлеръ и не можетъ снова завѣдывать иностранною политикою, знала, что онъ упрямъ, чувствовала непріятныя слѣдствія этого упрямства; но не могла не чувствовать уваженія къ старику, хотя бы даже за это самое упрямство; она помнила хорошо, что этотъ самый Бестужевъ былъ заклятой врагъ ея вліянія, преимущественно вліянія ея матери, когда это вліяніе было вредно интересамъ имперіи; но онъ обратился къ ней и былъ самымъ вѣрнымъ ея союзникомъ, когда этого потребовали тѣ же интересы имперіи, угрожаемой страшною будущностью. Екатерина съ негодованіемъ опровергала клеветы на Бестужева, котораго иностранцы выставляли человѣкомъ продажнымъ: «Это ложь, говорила она: Бестужевъ обладалъ упорною твердостію и никто никогда не могъ подкупить его». Другаго мнѣнія она была о соперникѣ Бестужева, Воронцовѣ: «Гипокритъ, какого не бывало; вотъ кто продавался первому покупщику; не было двора, который бы не содержалъ его на жалованьѣ [210]». Наконецъ Бестужевъ могъ брать верхъ предъ

Панинымъ и тѣмъ, что не настаивалъ на учрежденіе императорскаго совѣта.

Не умѣя жертвовать своими убѣжденіями, зная, что досаждаетъ своимъ упрямствомъ, Бестужевъ, для уничтоженія этой досады, считалъ необходимымъ прибѣгать ко всевозможной лести и угодничеству. Легко себѣ представить, какъ встревожился старикъ, когда въ мартѣ мѣсяцѣ совершенно неожиданно возбудилъ противъ себя гнѣвъ императрицы. Мы видѣли, какъ Екатерина считала необходимымъ показывать свое милосердіе къ людямъ болѣе или менѣе виновнымъ противъ нея. Удаленіе, и удаленіе, по большей части, съ почетомъ, съ наградою, было наказаніемъ для людей, нерасположеніе къ которымъ императрицы было извѣстно. Тѣмъ съ бо́льшимъ удивленіемъ должны были узнать, что Екатерина поступила чрезмѣрно строго, обнаружила личное раздраженіе, можно сказать, личную злобу въ преслѣдованіи лица, которое, по своему сану, казалось требовало болѣе внимательнаго къ нему отношенія. Это лицо былъ ростовскій архіерей Арсеній Мацѣевичъ.

Мы видѣли, какой трудный вопросъ наслѣдовала Екатерина отъ предшествовавшихъ царствованій, вопросъ о церковныхъ имуществахъ, поднятой въ слѣдствіе непрестававшихъ волненій монастырскихъ крестьянъ. Имѣнія, отобранныя при Петрѣ III подъ свѣтское управленіе, были возвращены Екатериною, архіереи и монастырскія власти успокоились, но не хотѣли успокоиться крестьяне и своими волненіями торопили учрежденіе коммиссіи для рѣшенія этого вопроса. Коммиссія была учреждена, и первымъ дѣломъ ея было, разумѣется, собраніе самыхъ полныхъ и подробныхъ свѣдѣній о церковныхъ имѣніяхъ, что могло быть сдѣлано только посредствомъ описи, производимой людьми посторонними, которые не имѣли никакихъ побужденій къ неточнымъ показаніямъ. Опять коммиссія, опять явились офицеры, переписываютъ все церковное имущество: признаки зловѣщіе; опять неудовольствіе, ропотъ. Объявлено было, что этого не будетъ, что для уничтоженія этого и престолъ былъ принятъ, а теперь начинается то же самое! Одни роптали тихо, между собою; но нашелся человѣкъ, который, по характеру своему, былъ способенъ подать громкій голосъ, и подалъ.

Арсеній Мацѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ

малороссійскихъ монаховъ, которые начали вызываться въ Великую Россію при Петрѣ І-мъ для замѣщенія архіерейскихъ каѳедръ, нуждавшихся въ пастыряхъ образованныхъ, способныхъ наблюдать за школьнымъ дѣломъ. Но Арсеній не былъ похожъ ни на одного изъ двухъ главныхъ представителей этой ученой дружины; не имѣлъ ни высокихъ духовныхъ стремленій Дмитрія Ростовскаго, ни ловкости, уклончивости, умѣнья жить «въ свѣтѣ» Ѳеофана Прокоповича; Арсеній отличался отсутствіемъ сдержанности, болѣзненною раздражительностью, которая вела его къ очень непріятнымъ столкновеніямъ; кромѣ того сохранились преданія о его необыкновенной жестокости. Извѣстія о его жизни до вступленія на престолъ Елисаветы отличаются краткостію и темнотою; но можно видѣть, что онъ былъ въ постоянной опалѣ, его удаляли изъ столицы, отъ высшихъ степеней духовной іерархіи, посылали въ камчатскую экспедицію. Эта судьба нѣсколько объясняется приверженностію его къ направленію Стефана Яворскаго: такому человѣку трудно было подняться въ царствованіе Анны. Изъ камчатской экспедиціи онъ вынесъ цынготную болѣзнь, которая не могла успокоительно дѣйствовать на его характеръ. Только въ правленіе Анны Леопольдовны онъ былъ посвященъ въ митрополиты въ Тобольскъ, причемъ нельзя не обратить вниманія на его слова въ послѣдующемъ доношеніи императрицѣ Елисаветѣ, что онъ отказался присягать Бирону какъ регенту. Къ началу царствованія Елисаветы, которая постоянно ему покровительствовала, Арсеній былъ переведенъ изъ Тобольска въ Ростовъ и назначенъ членомъ Синода; но въ Синодъ не вступилъ, потому что завелъ споръ относительно текста присяги для членовъ Синода. Арсеній уѣхалъ въ свою Ростовскую епархію, и отсюда, по поводу синодскаго указа о пріемѣ въ монастырь одного колодника, показаннаго въ нездравомъ умѣ, написалъ доношеніе, въ которомъ синодское опредѣленіе называлъ неосмотрительнымъ, продерзостнымъ и противнымъ указамъ Петра Великаго и Елисаветы. Синодъ послалъ ему строгій выговоръ съ угрозою, что если впредь осмѣлится писать такія доношенія, то будетъ лишенъ не только архіерейства, но и монашества. Это было въ 1743 году, а въ 1745 Арсеній подалъ въ Синодъ просьбу объ увольненіи его на покой въ Спасовъ Новгородосѣверскій монастырь, въ слѣдствіе *скорбу-*

тичной болѣзни, пріобрѣтенной на морѣ, къ которой въ настоящемъ году присоединилась еще головная боль. Синодъ подалъ докладъ, что по его мнѣнію Арсенія уволить надлежитъ; но увольненія не послѣдовало. Въ 1753 году Арсеній поднесъ Елисаветѣ двѣ книги: 1) Обличеніе на книгу раскольническую олонецкую; 2) Возраженіе на пашквиль лютеранскій, на книгу Камень Вѣры сочиненный. Елисавета послала ему венгерскаго вина, и Арсеній писалъ, что вино, по ея приказанію, началъ употреблять по совѣту лѣкаря, съ *салволятилемъ*. Мы упоминали о перепискѣ Арсенія съ духовными лицами, недовольными указомъ Петра III о церковныхъ имуществахъ, о письмѣ его къ Бестужеву о томъ же предметѣ уже при Екатеринѣ II. Въ это время Ростовъ получилъ особенное значеніе: въ него стекались толпы богомольцевъ для поклоненія мощамъ новоявленнаго чудотворца, св. Димитрія митрополита. Мощи были открыты еще при Елисаветѣ; но только теперь сдѣлана была рака; Екатерина хотѣла непремѣнно сама присутствовать при переложеніи мощей въ новую раку, и, зная характеръ Арсенія, очень безпокоилась, что видно изъ письма ея къ Олсуфьеву: «Понеже я знаю властолюбіе и бѣшенство Ростовскаго владыки, я умираю боюсь, чтобъ онъ не поставилъ раки Дмитрія Ростовскаго безъ меня; извѣстите меня какъ вы ее отправили, съ какимъ приказаньемъ и подъ чьимъ смотрѣніемъ она находится, и если не взяты, то возьмите всѣ осторожности, чтобъ оная рака безъ меня отнюдь не поставлена была». Олсуфьевъ успокоивалъ ее, писалъ, что въ слѣдствіе письма его къ митрополиту такого дерзновенія чаять не можно; что майоръ, который повезъ раку, до такого самовольства не допуститъ; надобно, чтобъ у его преосвященства была непонятная смѣлость, если бы онъ осмѣлился прикоснуться къ ней.

Переписка эта шла въ концѣ февраля, а въ началѣ марта Арсеній удивилъ другого рода смѣлостію. Онъ прислалъ въ Синодъ, находившійся тогда въ Москвѣ, одно за другимъ два доношенія, гдѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ вооружался противъ новыхъ распоряженій относительно церковныхъ имуществъ. По поводу разсылки изъ синода по архіерейскимъ домамъ и монастырямъ шнуровыхъ книгъ для записыванія приходовъ и расходовъ, Арсеній писалъ: «которое одолженіе присланныхъ

ко мнѣ книгъ кажется сану архіерейскому не безъ уничиженія, понеже въ той силѣ имѣются, яко архіереи о пользѣ церкви всѣ не старатели; присланныя отъ Св. Синода книги по архіереямъ и монастырскимъ настоятелямъ, акибы къ прикащикамъ, тяжесть, не токмо архіереямъ, но и всему духовному чину несносная и никогда же слыханная». Отъ временъ апостольскихъ, по словамъ Арсенія, церковныя имущества не подчинялись никому, кромѣ апостоловъ, а послѣ нихъ архіереямъ, оставались въ ихъ единственной волѣ и разсмотрѣніи. Никто не долженъ церковныя имѣнія отбирать и употреблять для другихъ цѣлей; отобранное должно непремѣнно возвратить; но теперь не только не думаютъ возвращать, но хотятъ и послѣднее взять, какъ уже и видѣли въ бывшее правленіе. Первый началъ отнимать церковныя имѣнія царь Іуліанъ отступникъ; у насъ же отъ временъ князя Владиміра не только во время царствованія благочестивыхъ князей, но и во времена татарской державы церковныя имѣнія оставались свободными. При Петрѣ Великомъ Мусинъ-Пушкинъ сдѣлалъ постановленіе относительно доходовъ съ церковныхъ имѣній и управленія ими. Это постановленіе Мусина Пушкина превосходило не только турецкія постановленія, но и уставы нечестивыхъ царей римскихъ идолослужителей: св. Купріанъ Карѳагенскій, приведенный на мѣсто казни, велѣлъ домашнимъ своимъ выдать палачу 25 золотыхъ; но еслибы тогда имѣло силу *заопредѣленіе* Мусина-Пушкина, то такого благодѣянія оказать было бы не изъ чего. Но хотя заопредѣленіе Мусина-Пушкина превосходило и поганскій обычай, однако церковь и бѣдные архіереи поневолѣ привыкли терпѣть такую нужду, потому что не допрашивали у нихъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что было дано. А теперь, когда началось такое истязаніе, то узники и богадѣленные стали счастливѣе бѣдныхъ архіереевъ, и такое мучительство терпимъ не отъ поганыхъ, но отъ своихъ, которые выставляютъ себя овцами правовѣрными; въ манифестѣ о восшествіи на престолъ императрицы сказано, что она вступила на престолъ для поддержки православія, которому въ прежнее правленіе предстояла опасность. Сказано о пастыряхъ: «Аще слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не съ воздыханіемъ»: но какъ теперь не воздыхать и при самой безкровной жертвѣ отъ такого ига мучительскаго, которое лю-

тѣе ига турецкаго? Чтобы архіереи изъ своихъ доходовъ заводили академіи, объ этомъ нигдѣ не написано; да еслибы это и не было противно, то на какіе доходы заводить, когда послѣднее отнимаютъ? да и приходскіе священники находятся, по большей части, въ крайней бѣдности, обложены податями не меньше мужиковъ, для своего пропитанія принуждены воздѣлывать землю; будь священникъ богословъ или астрономъ, больше доходовъ не получитъ. Дѣйствительно нужны и школы, и академіи, но надлежащимъ порядкомъ, какъ въ старину бывало въ Греціи и теперь на западѣ, т.-е. по мѣстамъ знатнымъ, въ царствующихъ городахъ, на иждивеніи государственномъ, по значительнымъ городамъ, а не по грязямъ и болотамъ. Надобно прежде всего церкви умножить и порядочно содержать; но у насъ въ нынѣшній вѣкъ объ этомъ и въ мысль не приходитъ, когда многіе предпочитаютъ кормить собакъ, а не священниковъ и монаховъ, и смотрятъ, чтобъ за церквами и монастырями имѣнія лишняго отнюдь не было; подъ видомъ излишества и послѣднее отнимаютъ; церкви и монастыри многіе пусты стоятъ, остальные въ крайней бѣдности, и все же возбуждаютъ завистъ. И теперь охотниковъ до постриженія насилу сыскать, а послѣ негдѣ будетъ и взять; безъ монашества неоткуда быть архіереямъ, а безъ архіереевъ какое наше благочестіе и какая наша церковь? сохрани Богъ отъ такого случая, чтобъ нашему государству быть безъ архіереевъ! тогда произойдетъ отъ древней апостольской церкви отступленіе; сначала еще будетъ поповщина, а потомъ безпоповщина, и государство наше со всѣми своими академіями сдѣлается раскольническимъ, лютеранскимъ, атеистическимъ. Говорятъ, что имѣній у церквей не отнимутъ, но штаты сдѣлаютъ, будто бы отсѣкая излишество: но и этому образецъ Іуда Искаріотскій, который, желая продать Христа и видя Его помазуема отъ жены многоцѣннымъ муромъ по теплотѣ вѣры и любви, говорилъ: «чесо ради муро сіе не продано бысть на трехъ стахъ пенязь и дано нищимъ?» Какая же тому *штатнику* похвала тамъ въ Евангеліи, можетъ всякій знать и дочитаться. Какова-то и наша будетъ молитва предъ Богомъ: «да святится имя Твое»! и каковы мы будемъ желатели, чтобъ имя Божіе святилось въ насъ и въ государствѣ нашемъ, когда не нами, но другими данное на прославленіе имени Божія будемъ штатовать

какъ ненужное? — Въ слѣдъ за тѣмъ Синодъ получилъ второе доношеніе отъ Арсенія, отъ 15 марта, написанное въ томъ же духѣ, по поводу пріѣзда офицеровъ для составленія описей церковному имуществу.

Синодъ представилъ первое доношеніе императрицѣ, прописывая, что по его мнѣнію оно заключаетъ въ себѣ оскорбленіе величества, за что авторъ подлежитъ суду; но онъ, св. Синодъ безъ вѣдома императрицы приступить къ дѣлу не смѣетъ, а предаетъ его въ ея благоразсмотрѣніе и снисхожденіе. Какъ видно, Синодъ, принимая въ соображеніе осторожное и снисходительное поведеніе Екатерины относительно непріятныхъ, враждебныхъ ей лицъ; принимая также въ соображеніе деликатность вопроса и званіе Арсенія, разсчитывалъ, что императрица не дастъ сильнаго хода дѣлу, велитъ ограничиться выговоромъ, внушеніемъ проситься на покой и т. п. Но Синодъ ошибся въ своемъ разсчетѣ: Екатерина обнаружила небывалое до сихъ поръ раздраженіе, и причина понятна: чѣмъ яснѣе въ сознаніи трудности какого-нибудь дѣла, чѣмъ яснѣе представляются возраженія противъ него, чѣмъ эти возраженія, не имѣя въ основаніи дѣйствительной правды, доступнѣе для толпы, тѣмъ болѣе происходитъ раздраженіе, когда эти затрудненія и возраженія являются на самомъ дѣлѣ. Сильно раздражало указаніе на манифестъ, изданный при восшествіи на престолъ, желаніе поставить въ противорѣчіе, желаніе запугать: ты хочешь слыть защитницею православія, и въ то же время хочешь сдѣлать то, чѣмъ сравнишься съ Іуліаномъ отступникомъ, съ Іудою. Не забудемъ и литературнаго вліянія, подъ которымъ находилась Екатерина вмѣстѣ со всѣми читавшими тогда людьми, вліянія господствовавшей тогда темы въ разсужденіяхъ заправителей литературныхъ, темы о фанатизмѣ, сословномъ эгоизмѣ духовенства, монаховъ, которымъ нужно положить преграду для благосостоянія общества.

Екатерина написала собственноручно: «Святѣйшій Синодъ! Въ поданномъ вашемъ вчерась мнѣ докладѣ представлено, что архіерей ростовскій Арсеній прислалъ доношеніе отъ 6-го дня марта въ Синодъ, въ которомъ все что ни есть написано, слѣдуетъ къ оскорбленію величества императорскаго, за что его признаете подлежательнымъ сужденія, но безъ вѣдома моего приступить къ

тому не смѣете, и предаете въ мое благоразсмотрѣніе и снисхожденіе. А какъ я уповаю, что и св. Синодъ безъ сумнѣнія признаетъ, что власть всѣхъ благочестивыхъ монарховъ, въ числѣ коихъ и я себя включаю и дѣлами моими вами свидѣтельствуемыми доказую, не для нихъ единственно, но паче для общаго всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества благосостоянія, сохраняема и защищаема быть должна, также что въ его архіерея Арсенія присланномъ ко мнѣ отъ васъ для прочтенія оригинальномъ доношеніи, которое я при семъ къ вамъ обратно посылаю, усмотрѣла превратныя и возмутительныя истолкованія многихъ словъ Св. Писанія и книгъ святыхъ, того ради впредь (для) охраненія моихъ вѣрноподданныхъ всегдашняго спокойства, онаго архіерея Арсенія, такимъ преступникомъ отъ васъ признаннаго, св. Синоду на справедливый, законами утвержденный судъ предаю, а какая по суду сентенція ему назначена будетъ, оную представить намъ для конфирмаціи, при чемъ еще будетъ имѣть мѣсто мое снисхожденіе и незлобіе».

Получивъ извѣстіе о грозящей бѣдѣ, Арсеній испугался, и подалъ просьбу объ увольненіи отъ епархіи опять въ Спасскій Новгородъ-Сѣверскій монастырь на обѣщаніе; но уже было поздно, его взяли подъ стражу и отвезли въ Москву на синодскій судъ. Еще прежде взятія подъ стражу, Арсеній отправилъ копію съ своихъ доношеній синоду къ духовнику Ѳедору Яковлевичу Дубянскому и графу Алексѣю Петр. Бестужеву-Рюмину. Неизвѣстно, что сдѣлалъ съ этими бумагами духовникъ; но Бестужевъ рѣшился ходатайствовать за Арсенія и внушить императрицѣ о необходимости покончить непріятное дѣло какъ можно тише и скорѣе; 31-го марта онъ писалъ императрицѣ: «какъ содержаніе доношеній въ Синодъ (Арсенія) наполнено не только дерзостями, но и чувствительнѣйшими оскорбленіями, за которыя ея и. в.—ство справедливо на него прогнѣвана,—графъ Бестужевъ, не вступая отнюдь ни въ малѣйшее за сего архіерея заступленіе, осмѣливается токмо, по долгу къ ближнему, въ преступленіе впадшему, рабски просить о показаніи ему монаршаго и матерняго милосердія въ томъ приговорѣ, который по суду, конечно, ему тягостенъ будетъ, а притомъ не въ указъ свое слабѣйшее разсужденіе присовокупить, не соизволитъ ли ея и. в. въ его явномъ и никакого уже изслѣдованія не требующемъ преступ-

леніи скорѣе сентенцію на монаршую конфирмацію сочинить и тѣмъ сіе дѣло кончить въ предупрежденіе разныхъ о семъ и безъ того въ публикѣ происходящихъ толкованій».

Мягкія формы не помогли. Бестужевъ, которому въ прошломъ году писалось: «Батюшка Алексѣй Петровичъ, пожалуй, помогай совѣтами!» теперь получилъ на свое внушеніе грозный отвѣтъ. «Я чаю ни при которомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ синодомъ митрополита ростовскаго, и не знаю, какую я бъ причину подала сумнѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), еслибъ возмутители не были бъ наказаны».

Конечно Бестужевъ и никто другой никакъ не могли бы припомнить, когда преосвященнымъ не по столь еще важнымъ дѣламъ головы сѣкали безо всякой церемоніи и формы; но повѣрка этихъ словъ Екатерины могла только показывать Бестужеву всю степень раздраженія императрицы, и онъ спѣшилъ успокоить это раздраженіе: «Во всенижайшій отвѣтъ всеподданнѣйшій рабъ доноситъ, что какъ онъ прежде за ростовскаго архіерея никогда не заступался, но паче въ С.-Петербургъ присланную отъ него цыдулку представилъ съ своимъ примѣчаніемъ, такъ и нынѣ по его подлинно великимъ преступленіямъ не дѣлалъ заступленія, а такмо о скоромъ рѣшеніи упомянулъ, дабы чрезъ то пресѣчь излишнія толкованія и разсужденія въ народѣ, который о точности дѣла не вѣдаетъ; но ежели въ чемъ старикъ погрѣшилъ, то токмо отъ одного усердія, чѣмъ теперь отъ неповинности своей и сокрушается». На этой же запискѣ Екатерина написала: «сожалѣю, что сокрушается: я писала съ тѣмъ, чтобъ вы имѣли что отвѣтствовать тѣмъ, кто васъ просьбою мучитъ. Желаю вамъ спокойно опочивать».

7 апрѣля Синодъ подалъ докладъ: «св. прав. Синодъ, довольно имѣя разсужденія, что оный митрополитъ Арсеній въ оскорбленіи ея и. в—ства безъ всякаго извиненія виновнымъ оказуется, тѣмъ именно, что онъ въ противность слова Божія и

апостольскихъ правилами преданій и презря свою архіерейскую и генеральную присяги и въ противность же государственныхъ узаконеній, на именные ея и. в—ства въ 1762 и 1763 годахъ состоявшіеся о церковныхъ имѣніяхъ указы, присланными въ Синодъ своими, первымъ отъ 6, а потомъ и вторичнымъ отъ 15 марта доношеніями таковыя учинилъ возраженія, которыя единственно до оскорбленія ея и. в. слѣдуютъ, приводя въ оныхъ изъ многихъ словъ св. Писанія и изъ нѣкоторыхъ книгъ превратныя отъ себя толкованія, съ самымъ оныхъ словъ разумомъ и силою отнюдь несходственныя, а именно (слѣдуютъ извѣстныя мѣста изъ доношеній). Хотя то доношеніе и окончено тѣмъ, что якобы все то писать и отъ слова Божія и закона предлагать не иная причина его привела, токмо ревность по Бозѣ и законѣ Божіемъ, ея и. в—ства довольно въ манифестахъ и указахъ ея монаршихъ изображенная, аще же возъимѣется въ томъ его быти погрѣшность, проситъ о прощеніи. Но онаго ни за каковой резонъ почесть не можно, ибо не токмо на высочайшіе указы, но и на повелѣнія своей команды никаковыхъ, а кольми паче язвительныхъ представленій и возраженій чинить подъ наитяжчайшимъ штрафомъ запрещено, да и таковой причины, чтобъ вышеозначенное возраженіе съ такою дерзостною отвагою выдумывать и дѣйствительно якобы подъ образомъ своей ревности представлять ему митрополиту и никому отнюдь не было и нѣтъ. Хотя онъ въ допросѣ и показалъ, что якобы онъ въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ ко оскорбленію ея и. в—ства ничего быть не уповалъ, все то писалъ по ревности и совѣсти, чтобъ не быть двоедушнымъ, а сочинялъ де онъ все то не для возраженія на указы, но на представленія другихъ, по коимъ представленіямъ и тѣ указы послѣдовали, что де разумѣется на представленія коммиссіи, и въ чаяніи томъ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ де и оное его представленіе отвержено не будетъ, и по крайней мѣрѣ за то не воспослѣдуетъ оскорбленія ея и. в—ства, но понеже оное вошло во оскорбленіе ея и. в—ства, того ради всепокорнѣйше и всеподданнѣйше припадая къ ногамъ ея и. в—ства проситъ прощенія и помилованія. Но оное его митрополита показаніе не истинное, ибо по показанію находившагося при немъ для письма канцеляриста Жукова копіи съ обоихъ доношеній въ Синодъ были

отправлены въ Москву къ двумъ знатнымъ персонамъ. Въ 1743 году ему сдѣланъ былъ отъ Синода письменный выговоръ за то, что въ доношеніи своемъ въ Синодъ весьма противные и уразительные термины написать дерзнулъ. Выговоръ сдѣланъ былъ съ такимъ подтвержденіемъ, что если онъ въ подобное тому противленіе и презорство паки вступать будетъ, то не точію сана архіерейскаго, но и клобука лишится, того ради приговорили: онаго митрополита Арсенія, яко уже и прежде въ немалыхъ преступленіяхъ, а нынѣ и наипаче въ тяжкомъ и оскорбительномъ, также архіерейской и генеральной присяги и всѣхъ государственныхъ узаконеній преступничествѣ оказавшагося, за тѣ его тяжкія вины и за оскорбленіе ея и. в—ства, въ силу апостольскаго 84 правила, архіерейства, а по его на означенномъ въ 743 году чинимомъ ему выговорѣ подпискѣ, и клобука лишить и послать въ отдаленный монастырь подъ крѣпкое смотрѣніе, и бумаги и чернилъ ему не давать». Подписали: Димитрій митрополитъ новгородскій, Тимоѳей митрополитъ московскій, Гавріилъ архіепископъ санктпетербургскій, Гедеонъ епископъ псковскій, Амвросій архіепископъ крутицкій, Аѳанасій епископъ тверской, Мисаилъ архимандритъ новоспасскій.

Испуганный старикъ умолялъ о помилованіи. Но если несмотря на то, требовалось необходимо осужденіе, то кто требовалъ вносить въ это осужденіе странность, что показаніе канцеляриста Жукова о посылкѣ копій съ доношеній духовнику и Бестужеву свидѣтельствуетъ о неистинности показаній Арсенія? Екатерина написала на докладѣ: «по сей сентенціи санъ митрополита и священства снять, а если правила святыя и другія церковныя узаконенія дозволяютъ, то для удобнѣйшаго покаянія преступнику, по старости его лѣтъ, монашескій только чинъ оставить, отъ гражданскаго же суда и истязанія, мы, по человѣколюбію, его освобождаемъ, повелѣвая нашему Синоду послать его въ отдаленный монастырь подъ смотрѣніе разумнаго начальника съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ тамъ невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабыхъ и простыхъ людей». Синодъ назначилъ мѣстомъ ссылки вологодской епархіи Ѳерапонтовъ монастырь; но 15 апрѣля оберъ-прокуроръ объявилъ синоду именной указъ, чтобъ Арсеній

сосланъ былъ въ архангельскую епархію, въ Николаевскій Корельскій монастырь, съ производствомъ ему кормовыхъ денегъ по 50 коп. въ день.

Прошло четыре года, въ 1767 году опять поднялось слѣдственное дѣло о монахѣ Арсеніи вслѣдствіе доноса на него іеродіакона Іоасафа Лебедева. Арсеній, по словамъ доносчика, говорилъ, что Екатерина не природная наша и не слѣдовало ей принимать престола; цесаревичъ боленъ золотухою, и Богъ знаетъ, кто послѣ будетъ; а надобно быть Ивану Антоновичу и содержащимся въ Холмогорахъ, отцу его и прочимъ. Арсеній бранилъ синодальныхъ членовъ; о Димитріи Сѣченовѣ говорилъ: «Кабы пропалъ, то бы и я былъ свобожденъ; до тѣхъ поръ онъ поживетъ, пока оберъ-секретарь Остолоповъ живъ, безъ котораго онъ ничего не дѣлаетъ. Еслибы не были согласны Сѣченовъ и петербургскій Гавріилъ, то деревень у архіереевъ и монастырей не отобрали бы». Сравнивалъ себя съ Златоустомъ, заточеннымъ также царицею. Толковалъ о пророчествѣ, будто бы взятомъ изъ житія св. Кирилла Бѣлозерскаго, что въ Россіи будутъ царствовать двое юношей, которые выгонятъ Турка и возьмутъ Царьградъ: первый юноша великій князь (Павелъ Петровичъ), другой — братъ принца Ивана (это говорилось уже по смерти послѣдняго). Эти толки Арсенія, доносилъ Лебедевъ, надъ архимандритомъ Корельскаго монастыря Антоніемъ, надъ караульными солдатами и начальникомъ ихъ подпрапорщикомъ Алексѣевскимъ произвели желаемое дѣйствіе: увѣрясь, что двое юношей будутъ царствовать скоро и что Арсеній будетъ архіереемъ по прежнему, стали содержать его гораздо слабѣе, почитали его какъ архіерея, принимали отъ него благословеніе, позволяли ему публично говорить проповѣди. Подвергнутые допросу, Антоній и Алексѣевскій признались въ своемъ послабленіи, Алексѣевскій подтвердилъ доносъ, подтвердилъ, что Арсеній говорилъ: «Государыня наша не природная и не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало ей престола принимать.» Екатерина замѣтила при этомъ: «Сіи слова Арсеній говорилъ и въ 1763 году капитану Николаю Дурново, когда сей послѣдній его пріѣзжалъ брать въ Синодъ, и такъ Алексѣевскій то не выдумалъ».

Но Арсеній, въ новой бѣдѣ, еще надѣялся поколебать осно-

ваніе своей главной опалы. 22 октября онъ обратился въ архангельскую губернскую канцелярію съ просьбою, чтобъ записала его объявленіе и представила императрицѣ. Объявленіе состояло въ слѣдующемъ: 1) Проситъ онъ, Арсеній, чтобъ ея и. в—ство сотворила съ нимъ милость и соизволила бы подлинное его доношеніе, за которое онъ и осужденъ, сама прочесть; тогда конечно соизволитъ увидать его правость, ибо онъ, когда еще при покойной государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ получилъ копію съ доклада (а подлинный подписанъ бывшимъ канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ и прочими знатными господами, окромѣ графа Петра Шувалова) объ отобраніи отъ церквей деревень, написалъ письмо къ императрицѣ; это письмо сходно съ его доношеніемъ, за которое онъ теперь страдаетъ. Императрица Елисавета, разсмотря, что онъ писалъ справедливо, подлиннаго доклада, когда ей поднесли его, утвердить не изволила, единственно послушавъ его Арсеніева письма, и сказала, что не подпишетъ: какъ де послѣ смерти моей хотите. 2) По доношенію его и по слѣдствію докладывано, какъ онъ, Арсеній, думаетъ, изъ Синода экстрактомъ и на словахъ ея величеству; а еслибъ подлинное доношеніе ея в—ство изволила читать, то конечно онъ такъ наказанъ не былъ бы. 3) Онъ, Арсеній, и нынѣ утверждаетъ, что деревень отъ церквей для прописанныхъ резоновъ въ посланномъ отъ него въ Синодъ доношеніи отбирать не надлежало.

Состоялось рѣшеніе: «Лишить Арсенія монашескаго чина и, по разстриженіи, переименовать Андреемъ Вралемъ и послать къ неисходному содержанію въ Ревель».

Такъ кончилась борьба за вопросъ, поднятой въ русской жизни еще въ XV вѣкѣ. Борьба, какъ и слѣдовало ожидать по важности вопроса, была сильная, ожесточенная изначала; но въ началѣ восторжествовало мнѣніе, что за монастырями должны быть удержаны населенныя земли. Въ эпоху преобразованія, въ ту эпоху, когда русскій человѣкъ, во имя разума считалъ себя въ правѣ допросить всякое освященное древностію явленіе о правѣ и пользѣ его существованія, въ эпоху преобразованія вопросъ о церковныхъ имуществахъ долженъ былъ подняться съ новою силою. Но мѣры преобразователя, принятыя относительно этихъ имуществъ, были временныя, отмѣненныя имъ какъ

только онъ покончилъ съ главнымъ вопросомъ о формѣ церковнаго управленія; съ одной стороны Преобразователь при своихъ послѣднихъ распоряженіяхъ относительно церковныхъ имуществъ имѣлъ въ виду новыя обязанности чернаго духовенства, новый строй его жизни; съ другой, онъ такъ вѣрилъ въ силу новаго, коллегіальнаго управленія, что не считалъ возможнымъ повторенія старыхъ злоупотребленій. Въ началѣ второй половины вѣка снова поднимаетъ вопросъ дочь Преобразователя, которую нельзя было заподозрить въ недостаткѣ благочестія, или въ «философскомъ умѣ» (которымъ такъ любовалась въ себѣ Екатерина), и это обстоятельство уже показывало, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ такъ, какъ былъ рѣшенъ въ XV вѣкѣ, и Арсеній Ростовскій палъ, защищая въ XVIII вѣкѣ мнѣніе Іосифа Волоцкаго. Но какъ бы историкъ ни отнесся къ этому мнѣнію, нельзя не признать за Арсеніемъ мужества въ отстаиваніи своего мнѣнія до конца. Онъ просилъ снисхожденія, просилъ, чтобъ мнѣніе его было прочтено внимательно, въ цѣлости, надѣясь, что убѣдятся его резонами; но не жертвовалъ своимъ убѣжденіемъ для полученія прощенія, освобожденія отъ наказанія. Онъ закончилъ свою просьбу словами: «Я и теперь утверждаю, что деревень отъ церквей отбирать не надлежало [211]».

Екатерина исполнила свое намѣреніе, въ маѣ 1763 года отправилась въ Ростовъ. Погода была неблагопріятная: «Вѣтры, холодъ и непрестанные дожди съ происходящею отъ того грязью отнимаютъ у насъ удовольствіе, которое бъ могли мы при хорошемъ времени въ пути имѣть», писала императрица Панину изъ Переяславля; изъ того же города она писала генералъ-прокурору Глѣбову: «Я получила всѣ ваши посылки и надѣюсь послѣдніе доклады скоро къ вамъ возвращать. Ненастье и скука въ Переяславлѣ равны; домъ, въ которомъ живу, очень великъ и хорошъ и наполненъ тараканами». Изъ Ростова Екатерина писала Панину: «Завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія; вчерашній день еще чудеса были, женщина одна исцѣлилась, а преосвященной Сѣченой хочетъ запечатовать раку, дабы мощей не украли; однако я просила, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько время снаружи [212]».

Изъ письма къ Глѣбову мы видимъ, что Екатерина во время

путешествіе занималась дѣлами. Въ Ростовѣ она получила очень непріятныя вѣсти о ссорѣ между людьми, которые наиболѣе участвовали въ событіи 28 іюня. Ссора произошла въ слѣдствіе сильнаго возвышенія, фаворитства Григорія Орлова, братъ котораго Алексѣй своимъ обращеніемъ всего болѣе возбуждалъ негодованіе людей, считавшихъ свои заслуги 28 іюня не менѣе важными. Одинъ изъ нихъ, Ласунскій, говорилъ другому, Хитрову: «Орловы раздражили насъ своею гордостію и своимъ поступкомъ: мы было чаяли, что наша общая служба къ государынѣ утвердитъ нашу дружбу, а нынѣ видимъ, что они развратъ». Для объясненія отношеній любопытна записка Екатерины Елагину отъ 25 февраля 1763: «Ты имѣешь сказать камергерамъ Ласунскому и Рославлевымъ, что понеже они мнѣ помогли взойтить на престолъ для поправленія непорядковъ въ отечествѣ своемъ, я надѣюсь, что они безъ прискорбія примутъ мой отвѣтъ, и что дѣйствительная невозможность нынѣ раздавать деньги, тому ты самъ свидѣтель очевидный [213]!» Но эти господа могли считать себя въ правѣ принимать отказъ въ своихъ просьбахъ съ прискорбіемъ, думая или и говоря, что Орловымъ нѣтъ отказа. 24 мая, изъ Ростова Екатерина отправила письмо къ сенатору Вас. Ив. Суворову: «По полученіи сего, призовите къ себѣ камеръ-юнкера, князя Ив. Несвижскаго и прикажите ему письменно вамъ подать или при васъ написать все то, что онъ отъ камеръ-юнкера Ѳедора Хитрова слышалъ и, по важности его показанія, пошлите за Хитровымъ, и если придетъ(ся) арестовать его, Хитрова, тогда для дальнѣйшаго производства онаго дѣла призовите себѣ въ помощь кн. Мих. Волконскаго и кн. Петра Петр. Черкасскаго и рапортуйте ко мнѣ, какъ часто возможно. Я при семъ рекомендую вамъ поступать весьма осторожно, не тревожа ни городъ, и сколь можно никого; однакожъ такимъ образомъ, чтобъ досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова съ предпріятіемъ. Впрочемъ по полкамъ имѣете уши и глаза».

Заявленіе кн. Несвижскаго состояло въ слѣдующемъ: возвратясь изъ деревни, онъ встрѣтился съ Хитровымъ, который спросилъ его, что новаго? «Какія у меня новости, когда я былъ въ деревнѣ», отвѣчалъ Несвижскій.—«А у насъ много новыхъ вѣстей, только дурныхъ, сказалъ Хитровъ: первая новость—госу-

дарыня поѣхала въ Воскресенскій монастырь для того, чтобъ старый чортъ Бестужевъ удобнѣе могъ въ ея отсутствіе производить начатое дѣло. Онъ написалъ прошеніе къ государынѣ, чтобъ вышла замужъ за Григорья Орлова, и къ этому прошенію духовенство и нѣсколько сенаторовъ подписались, а какъ дошло до Панина и Разумовскаго, то Панинъ спросилъ государыню, съ ея ли позволенія это дѣлается, и получилъ въ отвѣтъ, что нѣтъ. Однако Панинъ могъ примѣтить изъ лица и поступковъ ея, что все происходило по ея повелѣнію, и согласился съ гетманомъ и Захаромъ Чернышевымъ уничтожить дѣло; для этого они пригласили къ себѣ Репнина, Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Теплова, Борятинскихъ, Каревыхъ, Хованскихъ—Петра и Сергѣя, Петра Апраксина, Николая Ржевскаго, и разсуждали, что дѣло нехорошее, отечеству вредное, всякій патріотъ долженъ вступиться, искоренить. Этого ничего не было бы, продолжалъ Хитровъ, потому что Григорій Орловъ глупъ; но больше все дѣлаетъ братъ его Алексѣй: онъ великій плутъ и всему дѣлу причиной».—«Правда ль это? спросилъ Несвижскій, я хочу у Орловыхъ это высмотрѣть».—«Это очень и для насъ полезно, сказалъ Хитровъ, ѣзди почаще къ Орловымъ и присматривай, а мы на собраніи своемъ положили просить государыню, что если намѣрена выйти замужъ, то у Иванушки есть два брата; а если не согласится за нихъ, то схватя Орловыхъ всѣхъ отлучить, въ то время уже можно отвлечь ее отъ этого дѣла; она сама намъ будетъ благодарна, что мы нарушителя покоя отъ нея оторвемъ. Когда я былъ на караулѣ при покойномъ бывшемъ государѣ, то случилось мнѣ говорить о порядкѣ восшествія на престолъ государыни съ Алексѣемъ Орловымъ. Орловъ сказывалъ, что Панинъ сдѣлалъ было подписку съ тѣмъ, чтобъ быть государынѣ правительницею, и она на то согласилась; а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку капитанамъ Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то несогласны, а поздравляютъ ее самодержавною императрицею и велѣли солдатамъ кричать ура.—Если можно, продолжалъ Хитрово, то и скорѣе при первомъ удобномъ случаѣ Орловыхъ погубить. Меня въ этотъ заговоръ привела княгиня Дашкова, Глѣбовъ также нашей партіи и денегъ будетъ давать сколько надобно».

Хитрово на допросѣ 27 мая показалъ: недѣли двѣ тому на-

задъ зять его двоюродный Василій Брылкинъ говорилъ ему: слышалъ онъ отъ своего роднаго брата Ивана Брылкина, что пріѣзжалъ къ нему Бестужевъ съ подпискою, чтобъ просить государыню идти замужъ, выбравъ изъ своихъ подданныхъ, кого ей угодно, потому что государь цесаревичъ слабъ и въ оспѣ еще не лежалъ; духовенство и нѣсколько сенаторовъ подписались. Николай Рославлевъ говорилъ ему: слышалъ онъ о подпискѣ, и какъ скоро дошло до Панина, гетмана и Чернышева, то они сказали, что не подпишутъ, и Панинъ государынѣ доложилъ, съ ея ли позволенія такая подписка у Бестужева? государыня сказала, что она про то не знаетъ, на что Панинъ представилъ: если Бестужевъ тому причиною, такъ надобно его предать суду, и на то государыня промолчала, и тѣмъ та подписка уничтожена. Услыхавъ объ этомъ отъ Рославлева, онъ, Хитровъ, поѣхалъ къ кн. Дашковой спросить, правда ли это; Дашкова разсказала ему все такъ, какъ говорилъ Рославлевъ и удивлялась не мало такому дурному предпріятію.

Екатерина была недовольна этими показаніями, и, между прочимъ, писала Суворову: «Нельзя, чтобъ онъ (Хитрово) не къ чему-нибудь вздумалъ, будто я обѣщала Панину быть правительницею; нельзя статься, чтобъ онъ ложь такую отъ Ал. Гр. Орлова, какъ онъ сказываетъ, слышалъ. Прикажите освѣдомиться, арестованіе Хитрова тревожитъ ли любопытныхъ или еще не вѣдаютъ въ городѣ?» Результаты допросовъ находятся въ слѣдующей запискѣ Екатерины Суворову: «Хитровъ двухъ человѣкъ уговаривалъ, чтобъ они въ его партію пошли, которая, по его разсказу, намѣрена была, если я соглашусь на извѣстный проектъ Алексѣя Петровича, собравшись придти ко мнѣ и представить мнѣ худобу онаго дѣла, и если я не соглашусь на ихъ мнѣнія, тогда убить графовъ Орловыхъ всѣхъ четырехъ. Въ семъ Хитровъ обличенъ и по многомъ запирательствѣ, наконецъ, самъ мнѣ признался и просилъ о томъ прощенія, признавая себя и сообщниковъ въ томъ виновными. А хотя онъ тѣмъ двумъ, которыхъ онъ приглашалъ, и называлъ многихъ персонъ Н. П. (Никиту Панина), Ал. Глѣб. (Глѣбова), Гр. Теплова, двухъ Рославлевыхъ, двухъ Борятинскихъ, двухъ Каревыхъ, двухъ Хованскихъ, Пассека, кн. Дашкова, но онъ въ томъ тѣхъ двухъ персонъ на него показательствѣ отпирается, а мнѣ

признался, что онъ только съ двумя Рославлевыми, да съ Ласунскимъ согласіе имѣлъ, и Николай Рославлевъ ему сказалъ, что всѣ оныя персоны въ томъ согласны, но онъ самъ, какъ дѣло уже утихло, думаетъ, чтобъ нынѣ отложить ихъ предпріятіе. Но вѣрить не можно, что знавъ, что то ихъ предпріятіе мнѣ будетъ въ огорченіе и какъ они сами положили противъ моей воли, чтобъ у нихъ не были взяты мѣры спастись отъ моего гнѣва, и посему кажется отдалить или арестовать надобно двухъ Рославлевыхъ, да Ласунскаго. Когда же Хитрова арестовали, тогда Пассекъ и Борятинскій пріѣхали къ Орловымъ и сказали, что будто говорятъ по городу, что Орловыхъ убить хотятъ, а меня свергнуть; а когда я объ томъ ихъ спрашивала, отъ кого они такія рѣчи слышали, тогда сказали отъ сержанта, а тотъ отъ гренадера, и сей отъ незнакомаго дворника, и изъ сего видно, что они дѣло супцонировали (подозрѣвали) или, лучше сказать, знали»[214].

Такъ какъ «дѣло уже утихло», то предпріятіе не имѣло смысла и все ограничивалось отголосками старыхъ рѣчей; поднимать дѣло о несостоявшемся замыслѣ противъ Орловыхъ было неудобно, потому что его надобно было поднять въ связи съ другимъ дѣломъ. Оставалось подозрѣніе на счетъ того, какъ хотѣли соумышленники спастись отъ гнѣва императрицы, замышляя дѣйствовать противъ ея воли, и только въ слѣдствіе этого подозрѣнія считалось нужнымъ, кромѣ Хитрова, удалить Рославлевыхъ и Ласунскаго. Хитрово одинъ былъ сосланъ въ свое имѣніе орловскаго уѣзда; Ласунскій уволенъ въ отставку генералъ-поручикомъ въ 1764 году, а Рославлевъ Александръ тѣмъ же чиномъ въ 1765. Но чѣмъ тайнѣе велось дѣло, чѣмъ менѣе оно имѣло явныхъ и ясныхъ результатовъ, тѣмъ болѣе толковали о немъ, и въ началѣ іюня по московскимъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ читали манифестъ «о молчаньѣ». Въ манифестѣ говорилось: «Воля наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены странными

разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ.... Если сіе наше матернее увѣщеваніе и попеченіе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ и не обратитъ на путь истиннаго блаженства, то вѣдалъ бы всякъ изъ таковыхъ невѣждей, что мы тогда уже поступимъ по всей строгости законовъ» [215].

О стараніи Екатерины предупреждать народные толки видно изъ слѣдующаго: архіепископъ Амвросій писалъ Бестужеву отъ 12 марта: «Объявилъ намъ синодальный г. оберъ-прокуроръ высочайшее повелѣніе, чтобъ мы по бывшемъ императорѣ Петрѣ III панихиды и публичныя поминовенія отправляли, что предъ днемъ рожденія его въ Архангельскомъ соборѣ и исполнено. Не соблаговолите ли о семъ паки доложить, ибо ежели намъ отправлять панихиды, то въ народѣ объ немъ инако, нежели въ манифестахъ изображено, могутъ толковать; да и церковь святая отъ раскольниковъ не безъ поношенія останется». Бестужевъ доложилъ, и Екатерина написала на докладѣ: «И объ злодей Богъ приказалъ молиться, наипаче о заблужденной душѣ, а о непоминовеніи въ народѣ толки были бъ, что онъ живъ». Но толки послышались: Молдавскаго гусарскаго полка прапорщикъ Войновичъ показалъ, что 7 сентября, въ бытность его въ крѣпости св. Елисаветы, зашелъ онъ въ квартиру подполковника Ездемировича, который говорилъ: былъ у меня вчера Мельгунова камердинеръ Иванушка и сказывалъ: у Мельгунова въ гостяхъ былъ майоръ гвардіи Рославлевъ и съ Мельгуновымъ говорилъ, что бывшій императоръ живъ и посланъ въ Шлюшинъ (Шлюссельбургъ), и для того его послали, что Орловъ хочетъ съ государынею вѣнчаться [216].

Екатерина окончила свое путешествіе Ярославлемъ, о которомъ писала: «Городъ Ярославль весьма всѣмъ нравится, и я почитаю его третьимъ городомъ изъ тѣхъ, которые я видѣла въ Россіи» [217]. Послѣднимъ дѣломъ ея пребыванія въ Москвѣ было учрежденіе Павловской больницы, по просьбѣ, какъ сказано въ указѣ, цесаревича Павла Петровича. Больница названа въ указѣ свободною; для ея помѣщенія купленъ загородный домъ генералъ-прокурора Глѣбова [218]. 14 іюня императрица выѣхала изъ Москвы, и 19 числа вечеромъ прибыла въ Царское Село, отку-

да, въ годовщину своего восшествія на престолъ, 28 іюня, имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

Въ продолженіе описываемаго года Екатерина восемь разъ присутствовала въ Сенатѣ, четыре раза въ Москвѣ, и четыре раза въ Петербургѣ. Москву Сенатъ оставилъ, выслушавъ слѣдующій указъ императрицы: «Гг. сенаторы! Я не могу сказать, чтобъ вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ моей и о пользѣ общей, но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно. Причины единственно въ томъ только и состоятъ, что присутствующіе въ Сенатѣ имѣютъ междоусобное несогласіе, вражду и ненависть и одинъ другаго дѣлъ не терпитъ, а потому и раздѣляются на партіи, и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя. Что жь отъ того рождается? одна только безпредѣльная злоба и раздоръ. Не послѣдняя причина и сія къ несогласію, что нѣкоторые порочатъ дѣла другихъ, хотябъ они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однакожь ихъ никогда не сильны сдѣлать. Но въ такомъ случаѣ здраво разсудить должно, что не всѣ люди равные таланты имѣютъ» [219]. Еще раньше, въ мартѣ мѣсяцѣ сенаторы должны были выслушать наставленіе на счетъ неприличія нѣкоторыхъ занятій для нихъ. Слушалось дѣло по злоупотребленіямъ виннаго откупа въ Иркутскѣ, и сенаторы объявили одному изъ своихъ сочленовъ, Сумарокову, что ему нельзя присутствовать при разсужденіи объ этомъ дѣлѣ, ибо онъ самъ имѣетъ винный откупъ въ Бахмутской провинціи, на основаніи закона Петра В.: ежели судья равное дѣло имѣетъ съ челобитчикомъ или отвѣтчикомъ, напримѣръ, если ищетъ кто въ обидѣ отнятаго двора, и такое же равное дѣло имѣетъ судья въ другомъ мѣстѣ, то ему не судить, чтобъ для своего примѣра дѣло не испортилъ. Сумароковъ обидѣлся и подалъ жалобу императрицѣ, что отстраненъ несправедливо, указъ до него не касается, ибо на него никто не жалуется въ притѣсненіяхъ по откупу. Екатерина написала такое рѣшеніе на просьбу Сумарокова: «Откупъ винный въ городѣ Иркутскѣ и откупъ винный въ Бахмутской провинціи разнствуютъ тѣмъ межъ собою, что одинъ въ Сибири, а другой въ Россіи. По партикулярнымъ спорнымъ дѣламъ сенаторы выходятъ

по силѣ Петра Великаго указа безъ огорченья изъ Сената. А если по откупнымъ дѣламъ огорчительно, то способъ оставаться въ Сенатѣ въ ихъ рукахъ»[220], т.-е. не заниматься откупами.

Въ Петербургѣ Сенатъ получилъ указъ: «Ея и. в—ство усмотрѣла изъ поднесенной генералъ-прокуроромъ вѣдомости о всѣхъ со вступленія на престолъ по 5 сего августа состоявшихся именныхъ указахъ, что изъ оныхъ многіе, не токмо по партикулярнымъ челобитчиковымъ, но и по государственнымъ дѣламъ еще не исполнены, по инымъ еще разсматривается. Сего ради, а паче желая, чтобъ собственные ея и. в—ства о пользѣ государственной и о безостановочномъ правосудія теченіи неусыпные труды не оставались безъ желаемаго ея величествомъ успѣха, повелѣваетъ Сенату, исключая только свободные отъ засѣданія дни, съѣзжаться пополудни по трижды въ недѣлю до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла исполнены будутъ». Указъ былъ объявленъ 20 августа, а 4 сентября Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, объявила: такъ какъ много дѣлъ уже разсмотрѣно, то съѣзжаться пополудни только разъ въ недѣлю вмѣсто трехъ, такъ какъ канцелярскіе служители, какъ она слышала, несутъ немалый трудъ[221]. Въ ноябрѣ императрица опять жаловалась на «ужасную медлительность» Сената[222]. Но она не хотѣла ограничиться жалобами. Еще 17 апрѣля данъ былъ указъ «Собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянской», о раздѣленіи Сената на департаменты «дабы тѣмъ способомъ не одно дѣло въ Сенатѣ и въ одинъ день трактовалось, но столько производимо ихъ было, коликое число департаментовъ опредѣлится, а каждый бы департаментъ опредѣленные роды себѣ дѣлъ въ отправленіи узаконеніемъ имѣлъ»[223]. 15 декабря былъ изданъ манифестъ: «Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ постановленныхъ надъ нимъ начальниковъ и правителей; но нельзя инаково сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ, которыя въ имперіи нашей, по состоянію нынѣшняго времени, весьма недостаточны, что

можно наиболѣе всего усмотрѣть въ нашемъ Сенатѣ, въ который не только аппелляціонныя; но и всякаго рода дѣла изо всего государства съ требованіемъ резолюціи вступаютъ, и который столь отягченъ множественнымъ числомъ оныхъ, что превосходитъ силы человѣческія всѣ оныя дѣла рѣшить въ надлежащее время». Въ слѣдствіе этого Сенатъ раздѣлялся на 6 департаментовъ, изъ которыхъ четыре должны были находиться въ Петербургѣ, и два въ Москвѣ, вмѣсто бывшей тамъ сенатской конторы. 1-й департаментъ занимался государственными внутренними и политическими дѣлами; 2-й судными; 3-й дѣлами Малороссіи, остзейскихъ провинцій, Финляндіи, Академіи Наукъ, Университета, Академіи Художествъ, полиціи и проч.; 4-й дѣлами военными и морскими; 5-й московскій отправлялъ всякія государственныя текущія дѣла, какія исправляла прежде сенатская контора; 6-й московскій вѣдалъ судныя дѣла, соотвѣтственно второму петербургскому. При первомъ департаментѣ оставался генералъ-прокуроръ, во всѣхъ другихъ по оберъ-прокурору въ каждомъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ. При невозможности соглашенія оберъ-прокуроръ объявляетъ генералъ-прокурору, съ объясненіемъ, въ чемъ сенаторы не соглашаются, или въ чемъ самъ сомнѣвается. Тогда генералъ-прокуроръ, взявши дѣло въ первый департаментъ, и созвавши всѣхъ наличныхъ сенаторовъ отъ прочихъ департаментовъ, предлагаетъ на общее разсужденіе. Если и сенаторы перваго департамента не будутъ согласны, то дѣло предлагается въ общемъ собраніи. Если и тутъ сенаторы не согласятся или по дѣлу точнаго закона не будетъ, то генералъ-прокуроръ все дѣло съ сенаторскими мнѣніями и съ своимъ разсужденіемъ представляетъ императрицѣ. По тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ раздѣленъ былъ Сенатъ, раздѣлены были на департаменты юстицъ, вотчинная и ревизіонъ-коллегія и судный приказъ. Ревизіонъ-коллегія была раздѣлена на 5 департаментовъ, потому что въ ней до такой степени умножилось число неревизованныхъ счетовъ, что многіе милліоны государственной казны были въ неизвѣстности. Ревизіонъ-коллегіи было предписано имѣть главнымъ правиломъ при свидѣтельствѣ счетовъ смотрѣть не на одно только то, чтобъ приходъ съ расходомъ былъ вѣренъ, но смотрѣть особенно за тѣмъ, всѣ ли денежныя и прочія выдачи произведены по силѣ зако-

новъ. Сибирскій и розыскной приказы и раскольническая контора были уничтожены [224].

20 августа состоялся именной указъ: камеръ-юнкеру графу Ѳедору Орлову повелѣваетъ ея и. в—ство быть безпрерывно въ Сенатѣ при текущихъ дѣлахъ, и особливо при собраніяхъ, и мѣсто свое имѣть за генералъ-прокурорскимъ столомъ, дабы онъ слушаніемъ дѣлъ и разсужденій сенаторскихъ, также чтеніемъ и собственнымъ иногда сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что для лучшаго пріобрѣтенія себѣ знанія дѣлъ за потребно найдетъ, навыкалъ бы быть искуснымъ и способнымъ впредь къ службѣ ея и. в—ства по сему мѣсту [225].

Екатерина требовала особенной и согласной дѣятельности Сената въ искорененіи злоупотребленій въ областномъ управленіи, въ искорененіи взяточничества. Въ приведенномъ выговорѣ Сенату за несогласіе она выставляла въ примѣръ дѣло о калужскомъ воеводѣ Мясоѣдовѣ. По этому дѣлу сохранилась любопытная записка императрицы къ ген.-прокурору Глѣбову: «По Мясоѣдову дѣлу кой часъ пріѣду въ городъ, соберу Сенатъ и сама господъ сенаторовъ въ полномъ собраніи намѣрена согласить и всякаго выслушать, а инако скажутъ, что тотъ или другой по клочкамъ бы меня рвутъ» [226]. Екатерина боялась слуховъ, что сенаторы стараются наединѣ представлять ей свои мнѣнія и склонять на свою сторону. Изъ этого уже видно, какой сильный интересъ возбуждало это дѣло. Мясоѣдовъ, товарищъ его, секретарь и канцеляристъ были уличены и сами признались во взяткахъ по подрядамъ; Мясоѣдовъ и товарищъ его были лишены чиновъ и сосланы въ деревни, секретаря написали вѣчно въ копіисты и сослали въ отдаленный городъ, канцеляристъ высѣченъ плетьми и отданъ въ солдаты въ отдаленный горнизонъ [227].

Не менѣе заботъ стоило Екатеринѣ дѣло о смоленскомъ губернаторѣ Аршеневскомъ, обвиненномъ во взяткахъ. Опять несогласіе между сенаторами, опять толки, которые вызвали такую записку Екатерины къ Глѣбову: «Когда не накажешь людей, говорятъ: послабленіе; когда же накажешь, тогда говорятъ: строго. Пускай Аршеневскій останется до моего пріѣзда безъ чиновъ, и тогда въ Сенатъ пріѣду съ вышеписанными рефлекціями, да облегчу сентенцію. Я чаю порочатъ оный поступокъ или тѣ,

у кого совѣсть нечиста, или тѣ, которые не сочиняли или мнѣ не совѣтовали въ резолюціи. Есть у насъ родъ людей, которые все то порочатъ, гдѣ они не призваны были вмѣсто оракула, а оракула дѣла опять порочатъ генерально все» [228]. Мысль, что у многихъ совѣсть не чиста, не оставляла Екатерину; такъ, узнавши, что Тверь выгорѣла, она писала Глѣбову: «старайтесь о вспоможеніи симъ несчастнымъ людямъ; я думаю многимъ не печально, что дѣла всѣ почти сгорѣли. [229]»

Сенаторы, князь Яковъ Шаховской и графъ Скавронскій, объявили въ Сенатѣ письма, полученныя ими отъ коломенскаго епископа Порфирія: епископъ жаловался на коломенскаго воеводу Ивана Орлова, что онъ дни и ночи проводитъ въ пьянствѣ, въ канцеляріи мало бываетъ, да и то приходитъ пьяный же; что колодниковъ въ тюрьмѣ больше ста человѣкъ, а рѣшенія нѣтъ никакого; онъ же, Орловъ, оставя канцелярію и городъ никому не приказавъ, самовластно уѣхалъ въ Москву на маскарадъ. [230]

Это были дѣла новыя; но было еще старое дѣло, о знаменитомъ иркутскомъ слѣдователѣ Крыловѣ. [231] Мы видѣли, что по слѣдствію, произведенному Крыловымъ, иркутскіе купцы повинились въ расхищеніи 150,000 рублей казенныхъ денегъ. Но когда началось дѣло о насильственныхъ поступкахъ самого Крылова, купцы стали показывать, что повинныя ихъ были вымучены пытками, при чемъ Крыловъ дѣйствовалъ въ интересахъ бывшаго тогда оберъ-, а теперь генералъ-прокурора Глѣбова. Глѣбовъ взялся ставить вино въ Иркутскѣ: купцы представили, что цѣна, по которой онъ договорился ставить вино, гораздо дороже той, какая оказывается по десятилѣтней сложности. Кромѣ того купцы оцѣнили казенные винные заводы гораздо дороже, чѣмъ Глѣбовъ хотѣлъ ихъ взять за себя; такимъ образомъ посылка Крылова оказывалась личною местію Глѣбова иркутскимъ купцамъ. Кромѣ Глѣбова, оказался виновнымъ и весь Сенатъ, который позволилъ вести дѣло неправильнымъ образомъ: отдалъ кабацкіе сборы Глѣбову на откупъ безъ всякихъ должныхъ справокъ; когда Глѣбовъ донесъ о злоупотребленіяхъ иркутскаго купечества и присоединилъ свои частныя жалобы на него, то Сенатъ назначилъ слѣдствіе, тогда какъ оберъ-прокуроръ не имѣлъ никакого права мѣшаться въ глас-

ныя дѣла, а какъ обиженный долженъ былъ искать суда въ опредѣленныхъ закономъ мѣстахъ. Крыловъ былъ отправленъ изъ сенатской конторы, и доношенія свои присылалъ прямо въ Сенатъ; за такой безпорядокъ Сенатъ наградилъ его тысячью рублями и тѣмъ поощрилъ его къ дальнѣйшимъ беззаконнымъ поступкамъ. Прошеніе, присланное вице-губернаторомъ иркутскимъ Вольфомъ на имя императрицы Елисаветы, Сенатъ удержалъ и не велѣлъ изслѣдовать, какимъ образомъ печать на прошеніи оказалась подрѣзанною. Когда иркутскіе купцы повинились въ растратѣ казенныхъ денегъ, то самовольно простилъ имъ знатную сумму денегъ. Такъ какъ сенаторы, причастные этимъ безпорядкамъ, одни умерли, другіе вышли въ отставку, то императрица простила оставшихся въ живыхъ, подведя ихъ подъ милостивый манифестъ по случаю ея коронаціи, предавая ихъ единственно угрызеніямъ совѣсти.

Относительно генералъ-прокурора Глѣбова императрица усмотрѣла, какъ мало онъ имѣлъ старанія о правильномъ производствѣ дѣлъ и о казенномъ интересѣ и ко всему беззаконному производству этого дѣла единственно подалъ поводъ своимъ неправильнымъ доношеніемъ и принадлежавшее казнѣ при откупѣ приращеніе обратилъ на собственный прибытокъ: за что и подлежалъ не только лишенію всѣхъ чиновъ, но и большему наказанію: однако, въ слѣдствіе того же милостиваго манифеста онъ былъ только удаленъ на вѣки отъ всѣхъ должностей съ чиномъ генералъ-поручика. Крыловъ, за долговременное содержаніе въ оковахъ, освобожденъ отъ смертной казни, высѣченъ кнутомъ въ Иркутскѣ и сосланъ на вѣчную каторгу. Но сама императрица объявила, что эти приговоры послѣдовали тогда, какъ слѣдствіе къ законному окончанію не приведено: «Однако, говоритъ она, мы нашли въ немъ довольно обстоятельствъ, ясно открывающихъ истинное состояніе сего дѣла; чего ради за справедливое почли рѣшить оное по видимымъ въ немъ окрестностямъ (обстоятельствамъ), нежели входить въ законный порядокъ, и тѣмъ вновь начинать слѣдствіе, а чрезъ то и такъ уже много претерпѣвшимъ иркутскимъ купцамъ призывомъ ихъ сюда, для улики и очныхъ ставокъ, сдѣлать еще болѣе отягощенія [232].»

Оказались также слѣды стараго дѣла о злоупотребленіяхъ во-

ронежскаго губернатора Пушкина, которое велѣлъ потушить Петръ III. Капитанъ Кара повинился, что въ 1758 году регистраторъ Савиновъ далъ ему знать, что Пушкинъ приказываетъ ему Кара объявить бирюченскимъ обывателямъ, чтобъ они собрали 1000 рублей денегъ ему, губернатору, и за то съ ними благосклонность учинена будетъ; обыватели добровольно деньги собрали и съ нимъ въ Воронежъ послали. Потомъ Пушкинъ приказалъ, чтобъ Бирюченцы отдали поклонъ вице-губернатору Кошелеву, и бирюченскіе уполномоченные подарили Кошелеву 300 рублей. Наконецъ Пушкинъ потребовалъ съ той же Бирючьей слободы 500 рублей, чтобъ отъ проѣзжающихъ командъ разоренія не было. Ассессоръ Вельяминовъ повинился, что изъ получаемыхъ имъ при лѣсномъ смотрѣніи денегъ далъ Пушкину 300 рублей, да адъютанту его 100 рублей [233].

Князь Александръ Алекс. Вяземскій, отправленный для усмиренія горнозаводскихъ крестьянъ и имѣвшій также порученіе присматриваться къ ходу управленія, доносилъ: «Выѣхавъ изъ Казани, старался я въ разнородныхъ деревняхъ развѣдать о поведеніяхъ казанской канцеляріи: вездѣ я нашелъ не только подтвержденіе донесенному уже о мздоимствахъ; но нашелъ еще и то, сколько собираемо было съ каждой души ясачныхъ крестьянъ для поднесенія приказнымъ служителямъ за поданныя въ прошедшемъ году къ будущей ревизіи сказки, и сколько собирается на вальдмейстеровъ при каждомъ ихъ посѣщеніи. Въ Татарской деревнѣ, называемой Агрызы, два сотника увѣряли, что за поданныя сказки разошлось по 9 и 10 коп. съ души; а съ Вотяковъ, какъ съ людей очень простыхъ и добросовѣстныхъ, и болѣе. Вальдмейстеру, въ каждый его пріѣздъ, сбирается по 3 и 4 коп. съ души, а съ Вотяковъ по 4 и 5 коп. Когда я спросилъ, за что же они такіе большіе подарки даютъ, то получилъ въ отвѣтъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ поупрямились они своею сотнею и не дали ничего вальдмейстеру, который за то репортовалъ, что они рубятъ заповѣдный дубовый лѣсъ, и губернская канцелярія, не принимая ихъ оправданія, взыскала штрафа 800 рублей; такъ они теперь уже и даютъ подарки, потому что хотя никакого дубоваго лѣса вальдмейстеръ не найдетъ, то смотритъ сани, и найдя дубовые полозья, репортуетъ въ губернскую канцелярію о порубленномъ дубѣ. По при-

бытіи моемъ изъ Сибирской губерніи въ Оренбургскую развѣдалъ я, что лихоимство нижнихъ губернскихъ чиновъ не менѣе прочихъ: главный между ними надворный совѣтникъ Каптяжевъ, который, по слухамъ, не давалъ безъ взятки жалованья нижнимъ чинамъ. Въ Симбирскѣ нынѣшнимъ воеводою подовольнѣе, но сильно негодованіе дворянства на бывшаго воеводу, князя Назарова, который самъ старался заводить между дворянствомъ ссоры, и послѣ безпримѣрными взятками пользовался; по воровскимъ и разбойническимъ дѣламъ приметывался и разорялъ до самой крайности съ мучительствомъ [234]».

При изложеніи русской исторіи XVIII вѣка мы имѣли возможность замѣтить, что не отъ однихъ воеводъ страдали города. Сильный своимъ богатствомъ обыватель, «мужикъ-горланъ» по старому выраженію, не считалъ себя обязаннымъ сдерживаться относительно слабѣйшихъ, особенно когда достигалъ главнаго мѣста въ городѣ, мѣста магистратскаго президента; онъ составлялъ себѣ сильную партію и надѣялся, что она его поддержитъ. Но случалось, что онъ встрѣчался въ городѣ съ другимъ мужикомъ-горланомъ, который также имѣлъ сильную партію и не хотѣлъ уступить; тутъ-то начиналась ожесточенная борьба между этими Борецкими XVIII вѣка, причемъ и вооруженныя нападенія одной партіи на другую усиливали сходство съ явленіями изъ жизни Великаго Новгорода. Замѣчается и еще сходная черта: въ борьбѣ видны партіи лучшихъ и меньшихъ людей. Въ описываемое время мы не можемъ обойти одного любопытнаго явленія въ этомъ родѣ.

Въ Орлѣ магистратскимъ президентомъ былъ богатый купецъ Дмитрій Дубровинъ. По жалобамъ гражданъ на его насилія главный магистратъ смѣнилъ Дубровина. Противная партія, которая, какъ видно, устроила все дѣло, воспользовалась своимъ торжествомъ и вынесла въ президенты своего вождя Кузнецова. Но Дубровинъ и его партія не хотѣли уступить. Сынъ Дубровина Михайла, человѣкъ извѣстный, портовыхъ таможень директоръ, отъ имени отца своего, подалъ въ Сенатъ челобитную на неправое рѣшеніе главнаго магистрата въ отрѣшеніи отца его отъ президентства по доносу орловскаго купца Николая Кузнецова, который показывалъ, что онъ, Михайло Дубровинъ, содержалъ въ Орлѣ кружечный дворъ; а самъ онъ Николай Кузнецовъ, въ

бытность брата его Степана президентомъ, вмѣстѣ съ нимъ, обижалъ и разорялъ все купечество, въ доказательство чего Мих. Дубровинъ приложилъ отъ орловскаго купечества челобитную, за подписью 142 человѣкъ. Въ этой челобитной президентъ Дубровинъ одобрялся, о Кузнецовѣ же говорилось, что онъ какъ прежде, такъ и теперь производитъ безпокойства и купечество разоряетъ, отъ чего они, купцы, не желаютъ, чтобъ онъ и оставался между ними, тогда какъ Дубровинъ и прежде купечество защищалъ и теперь защищаетъ; показываемое Кузнецовымъ на него подозрѣніе, будто сынъ его содержитъ кружечный дворъ, недѣйствительно, потому что Мих. Дубровинъ отъ того отрекся. Въ заключеніе купцы просили доносу Кузнецова не вѣрить и его изъ купечества выключить, а быть президентомъ Дмитрію Дубровину. Но въ слѣдъ за тѣмъ явилась въ Сенатъ челобитная 150 человѣкъ орловскихъ купцовъ, которые писали о Кузнецовѣ, что онъ человѣкъ добрый и первостатейный купецъ, и не только за себя, но и за прочихъ неимущихъ и умершихъ платитъ поборы бездоимочно, въ чемъ имѣетъ квитанціи; потому просятъ не исключать его изъ купечества и показанію Дубровина не вѣрить, потому что его челобитная неправильная, руки къ ней приложены безъ совѣта первостатейныхъ купцовъ по дворамъ, рядамъ и улицамъ, не давая прочитывать, а объявляя обманомъ, что въ пользу купечества. Получивши такія противорѣчивыя челобитныя, Сенатъ приказалъ: послать въ Орелъ оберъ-офицера и съ нимъ члена московскаго магистрата; пріѣхавши въ городъ, они должны собрать на сходъ все наличное орловское купечество первой и второй статьи, кромѣ Дубровина и Кузнецова, и взять съ нихъ подписки, кто кого желаетъ въ президенты, Дубровина или Кузнецова [235].

Какъ видно, эта посылка почему то не состоялась, и орловскіе соперники управлялись сами. Дубровскій опять сдѣлался президентомъ, и о Кузнецовѣ поднято было дѣло прошлаго 1762 года: 5 февраля этого года человѣкъ 200, собравшись разбоемъ къ однодворческому правленію, били караульныхъ смертно и отводили въ домъ орловскаго купца и суконнаго фабриканта Кузнецова; потомъ приходили опять ночью, выломали ворота и изъ караульной избы увезли рекрута, а прочихъ колодниковъ распустили; въ этомъ разбоѣ участвовали фабричные и прика-

щикъ Кузнецова; а орловскіе однодворцы объявляютъ, что прочіе ихъ братья однодворцы, отбывая очередныя службы, укрываются у Кузнецова, будто заживаютъ долги по векселямъ [236]. Но въ концѣ года печальная участь постигла торжествующаго повидимому Дубровина. Генералъ-прокуроръ представилъ Сенату въ пакетѣ прошеніе его, написанное на трехъ разныхъ лоскуткахъ; Дубровинъ жаловался на орловскую провинціальную канцелярію, которая безо всякой причины, какъ видно только по проискамъ купцовъ Кузнецовыхъ, захватя его, держитъ подъ карауломъ, не давая ни бумаги, ни чернилъ, такъ что онъ и эту челобитную едва могъ написать въ 8 дней, собирая бумагу по лоскуткамъ. Сенатъ приказалъ сенатской конторѣ потребовать отъ орловской провинціальной канцеляріи отвѣта, для чего Дубровина такъ крѣпко держатъ, что бумаги и чернилъ не даютъ [237]. Дѣло объяснилъ московскій генералъ-губернаторъ, графъ Солтыковъ, въ вѣдомствѣ котораго находилась и орловская провинція. По доношенію Солтыкова, отъ 17 ноября, Дубровинъ «производилъ въ Орлѣ притѣсненія, грабежи, смертоубійства, расхищенія казны, за что главн. магистратомъ и былъ отрѣшенъ отъ присутствія, но несмотря на то, правилъ президентскую должность своевольно; во время этого *нахальнаго* правленія фабрика купца Кузнецова товарищами Дубровина разграблена и разорена, бывшіе на ней работники разогнаны, избиты и переувѣчены. Кузнецовъ жаловался въ сенатскую контору, которая и послала указъ къ находящемуся тамъ полковнику кирасирскаго полка Давыдову изслѣдовать все дѣло вмѣстѣ съ орловскимъ воеводою и съ депутатомъ отъ гл. магистрата, а Дубровина съ сообщниками взять подъ караулъ; для пресѣченія непорядковъ и для возстановленія тишины разставить въ городѣ частые пикеты, почему онъ, Дубровинъ, и взятъ подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ въ походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и понынѣ такъ какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними не согласны. А сынъ Дубровина Михайла съ шестью человѣками приходилъ къ воеводѣ въ домъ и требовалъ отъ него, угрожая побоями, чтобъ освободилъ отца его. Получивъ отказъ, бѣжалъ въ Москву, гдѣ по приказанію моему былъ взятъ въ полицію съ пятью сообщни-

ками. Но вчера по утру пріѣхалъ ко мнѣ генералъ-полицемейстеръ Юшковъ и сказывалъ, что третьяго дня, 15 числа, будучи въ гостяхъ у сенатора Воронцова (Ив. Лар.), видѣлъ Дубровина тамъ же въ компаніи; а вчера вечеромъ генералъ-полицемейстеръ мнѣ донесъ, что Дубровинъ изъ полиціи бѣжалъ [238]».

Въ то же время императрица приказала учредить особую коммиссію для изслѣдованія по жалобамъ, пришедшимъ изъ Мценска. Тамошній воевода Емельяновъ жаловался на азартные поступки съ нимъ купцовъ; Муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ Овиновъ жаловался, что его и съ нимъ гренадеръ его въ мценскомъ магистратѣ били и отняли шпаги; а магистратъ, въ свою очередь, жаловался, что Овиновъ приходилъ въ магистратъ съ командою и вытащилъ бургомистра изъ магистрата, причемъ солдаты едва не порубили магистратскихъ судей обнаженными шпагами и столъ судейскій съ зерцаломъ и дѣлами повалили [239].

Неудивительно было, что грубость нравовъ производила такія явленія въ отдаленныхъ областяхъ, когда та же грубость нравовъ высказывалось рѣзко и въ указахъ коллегій. Дворянинъ Прокофій Демидовъ жаловался императрицѣ, что въ указѣ, данномъ ему изъ бергъ-коллегіи, сдѣлано ему напрасное поношеніе бранными словами, названъ онъ душевредникомъ и непримиримую злобу имѣющимъ человѣкомъ. Екатерина приказала разсмотрѣть въ Сенатѣ, правильно ли рѣшено дѣло Демидова въ коллегіи, а за неприличную брань сдѣлать коллегіи выговоръ, приказавъ ей возвратить всѣ разосланные въ поношеніе его указы, и во всѣ судебныя мѣста подтвердить, чтобъ отнюдь въ указахъ и повелѣніяхъ никогда не было употребляемо брани и словъ поносныхъ [240].

Правительство именно могло содѣйствовать смягченію этой грубости нравовъ, преслѣдуя ея проявленія въ сферахъ административной и судебной. Мы видѣли, какъ при Елисаветѣ старались ограничить случаи пытки. При Екатеринѣ, которая такъ внимательно прислушивалась къ тому, что говорила европейская наука, разумѣется, движеніе въ этомъ смыслѣ не могло остановиться. Въ первое присутствіе свое въ Сенатѣ въ этомъ году Екатерина повелѣла: преступниковъ обращать къ чистому признанію больше милосердіемъ и увѣщаніемъ, особенно же взысканіемъ происшедшихъ въ разныя времена околичностей,

нежели строгостію и истязаніями; стараться, какъ возможно, при такихъ обстоятельствахъ, уменьшить кровопролитіе; если же всѣ средства будутъ истощены, тогда уже пытать; однако въ приписныхъ городахъ пытокъ не производить, отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, и тутъ поступать съ крайнею осторожностію, чтобъ какъ-нибудь вмѣстѣ съ виновными и невинные не потерпѣли напраснаго истязанія. Всѣхъ тѣхъ, которые дойдутъ до пытокъ, прежде увѣщевать ученымъ священникамъ, чтобъ признались, а такъ какъ по инымъ городамъ ученыхъ священниковъ нѣтъ, то для увѣщанія сочинить особенную книжку [241].

«Чтобъ какъ-нибудь невинные не потерпѣли вмѣстѣ съ виноватыми», говорила императрица. Но невинные постоянно страдали вмѣстѣ съ виновными, невинныя жена и дѣти преступника наказывались конфискаціею имущества, осуждались ходить по міру. Екатерина смягчила и эту жестокость закона. Въ описываемое время рѣшено было еще печальное для Сената дѣло, кромѣ глѣбовскаго. Оберъ-секретарь Сената Брянчаниновъ и секретарь Веймарнъ уличены были въ утаеніи алмазныхъ вещей и золотой табакерки графа Алекс. Петр. Бестужева-Рюмина во время его опалы. Императрица утвердила такой приговоръ преступникамъ: Брянчанинова, лиша чиновъ, вывесть на площадь предъ Сенатомъ и коллегіями съ надписью на груди: преступникъ указовъ и мздоимецъ, и поставить у столба на четверть часа, потомъ заключить въ тюрьму на полгода и впередъ ни къ какимъ государственнымъ дѣламъ, ни къ дѣлу народному, ни къ партикулярному не допускать; секретаря Веймарна, въ уваженіе достоинствъ и службы генералъ-поручика того же имени, лиша чиновъ, посадить на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду, потомъ заключить на полгода въ тюрьму, послѣ чего никуда не принимать, а имѣніе ихъ отдать женамъ и дѣтямъ, раздѣля по закону [242].

Въ данномъ случаѣ конфискаціи не послѣдовало, имѣніе преступниковъ отдано было ихъ семействамъ; но только въ данномъ случаѣ. Желали отмѣны конфискаціи навсегда, закономъ; желало этого дворянство, которое не могло успокоиться на манифестѣ о вольности дворянской Петра III, по неполнотѣ и неопредѣленности дарованнаго.

Между записками Екатерины Н. И. Панину сохранилась одна, въ которой императрица говоритъ о ропотѣ дворянства на то, что вольность его не конфирмована, и потому, пишетъ она, «надлежитъ о томъ не позабыть приступъ сдѣлать».

Приступъ былъ сдѣланъ назначеніемъ коммиссіи о дворянствѣ, членами которой были: фельдмаршалъ графъ Бестужевъ-Рюминъ, гетманъ графъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, сенаторы князь Як. Петр. Шаховской и Панинъ, генералъ-аншефы графъ Захаръ Чернышевъ и князь Мих. Волконскій и генералъ-адъютантъ, графъ Григорій Орловъ; дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ Тепловъ. 11 февраля коммиссія была созвана во внутреніе покои ея н. в—ства; Екатерина вышла и передала Теплову свой собственноручный указъ, который онъ прочелъ вслухъ предъ собраніемъ: «Бывшій императоръ Петръ III-й, говорилось въ указѣ, далъ свободу благородному россійскому дворянству. Но какъ сей актъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе стѣсняетъ ту свободу, нежели общая отечества польза и наша служба теперь требовать могутъ, при перемѣнившемся уже государственномъ положеніи и воспитаніи благороднаго юношества; то мы вамъ повелѣваемъ, собравшись вмѣстѣ у двора нашего, оный актъ разсмотрѣть и для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство между собою совѣтовать, какимъ отъ насъ особливымъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ россійское дворянство могло бы получить въ потомки свои изъ нашей руки новый залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія. А чтобъ благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ при распоряженіи правъ свободы дворянской учредить такія статьи, которыя бы напвящще поощряли ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества»[243].

Изъ мнѣній членовъ коммиссіи до насъ дошло мнѣніе старика Бестужева. Чтобъ заставить дворянина служить, Бестужевъ полагалъ дворянамъ, служившимъ не менѣе семи лѣтъ, дать преимущество предъ вовсе неслужившими: послѣднимъ запретить покупать недвижимое имѣніе и заставить ихъ уступать мѣсто послѣднему оберъ-офицеру, дабы дворяне не пришли въ нерадѣніе о произведеніи себя и въ древнюю лѣность. Между правами дворянства Бестужевъ полагалъ: не брать дворянина подъ ка-

раулъ безъ предварительнаго судебнаго приговора, освободить его отъ пытки и конфискаціи имѣнія; дозволить ему на судѣ выбрать адвокатомъ другого дворянина; дать дворянамъ безпредѣльную власть надъ крестьянами и крѣпостными людьми; отъ крестьянъ и холопей не принимать никакихъ прошеній и доносовъ на господъ и не допускать въ свидѣтели. Чтобъ уволенное изъ службы дворянство, живя въ своихъ деревняхъ, не проводило время въ вредной праздности и безпечности, полезно сдѣлать такое постановленіе: пусть эти дворяне избираютъ попеременно между собою ландратовъ, которые, по представленіи отъ нихъ отъ общества Сенату и по полученіи отъ Сената подтвержденія, должны имѣть въ своемъ вѣдомствѣ принадлежащіе тому дворянскому обществу уѣзды и въ нихъ исправлять все потребное какъ для службы государственной, такъ и для пользы дворянства, разбирая притомъ между дворянами споры и ссоры: такіе ландраты были бы своему обществу во всемъ опекунами и ходатаями по судебнымъ земскимъ мѣстамъ въ причиняемыхъ иногда дворянамъ утѣсненіяхъ и обидахъ; а чтобъ еще болѣе уволенное дворянство отвратить отъ праздности, то можно бъ было дать ему волю избирать между собою достойныхъ людей къ замѣщенію мѣстъ губернаторскихъ товарищей, воеводъ и воеводскихъ товарищей.

Бестужевъ понялъ смыслъ наказа, даннаго Екатериною коммиссіи: пріискать средство для привлеченія дворянъ къ службѣ при уничтоженіи обязательной службы: «Чтобъ благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ при распоряженіи правъ свободы дворянской учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества». Но коммиссія, взявъ въ основаніе требованія Бестужева относительно правъ дворянскихъ, отстранила въ своемъ докладѣ все то, что онъ говорилъ о необходимости выборной службы для дворянъ, живущихъ по деревнямъ, и распространилась о томъ, что не должно стѣснять дворянской вольности ничѣмъ другимъ, кромѣ *вкорененнаго уже* воспитаніемъ честолюбія: «Дворянство, говорилось въ докладѣ, любочестіемъ столь много уже движется, что нѣтъ ни малаго сумнѣнія, чтобъ просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне, или уже и родившіеся въ томъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ,

но всякъ самъ старается сына своего и сродника въ оную вмѣстить, такъ что едва ли и мѣста довольно желающимъ службы остается. Всякъ за милость признаваетъ, когда онъ только къ службѣ допущенъ, а особливо въ нынѣшнее премудрое правленіе в. и. в—ства, столь трудолюбивой и пекущейся объ отечествѣ всемилостивѣйшей государыни, достойный дворянинъ и старающійся объ отличеніи своемъ коснѣть къ службѣ не можетъ». Но льстивая фраза не могла успокоить раздраженія Екатерины, когда она увидала такое явно невѣрное представленіе о тогдашнемъ дворянствѣ. Раздраженіе высказалось въ замѣчаніяхъ на нѣкоторыя мѣста доклада. Напримѣръ, коммиссія, настаивая на необходимость для русскаго дворянина выѣзжать за границу и вступать въ службу иностранныхъ государствъ, говорила: «ничто такъ не приводитъ военнослужащаго въ совершенное знаніе его должности, ничто такъ не вкореняетъ въ него храбрость и честолюбіе, какъ многіе добрые примѣры, подражаніе и эксперіенція». Екатерина написала на полѣ: «NB: а ничто такъ какъ въ Парижѣ по спектаклямъ и въ вольныхъ домахъ шататся». Далѣе коммиссія говоритъ: «Безпрекословно всѣ согласуютъ, что дворянинъ, во многихъ арміяхъ (иностранныхъ) служа, почитается за генерала искуснаго». Екатерина написала: «Есть бродяга».

Недовольная докладомъ коммиссіи, императрица оставила дѣло безъ рѣшенія до 1785 года; а между тѣмъ извѣстія, которыя она получала изъ-за границы о поведеніи тамъ русскихъ дворянъ, утверждали ее въ мнѣніи, что коммиссія слишкомъ зашла впередъ. Такъ между прочимъ она писала вице-канцлеру кн. Голицыну: «Князь Александръ Михайловичъ, меня просятъ, дабы я вывезла изъ Парижа Дмитрія Мих. Матюшкина, который тамъ во всемъ разорительную и развращенную жизнь ведетъ. Я все оное напередъ пророчествовала, но меня не послушали. Прикажите писать, чтобъ онъ сюда безъ замедленія ѣхалъ» [244]. Этотъ примѣръ не былъ единственнымъ.

Кромѣ постановленія о вольности дворянской, требовавшаго пересмотра, отъ Петра III оставалось постановленіе о раскольникахъ 29 января, утверждавшее за ними свободное отправленіе вѣры, съ указаніемъ на магометанъ и идолопоклонниковъ, не терпящихъ никакого притѣсненія въ ихъ вѣрѣ. Указъ возбудилъ

сильныя надежды раскольниковъ, которые обращались теперь къ Екатеринѣ съ новыми требованіями. Дѣло было передано въ Синодъ; но Синодъ медлилъ по важности и трудности дѣла. Отъ 28 февраля сохранилась записка императрицы къ Глѣбову: «Александръ Ивановичъ, разбуди преосвященныхъ новгородскаго и псковскаго объ раскольническомъ дѣлѣ, что они хотѣли написать: я отъ оныхъ людей (т.-е. отъ раскольниковъ) еще сегодня просительное письмо получила» [245]. Преосвященные — Димитрій новгородскій и Гедеонъ псковскій подали мнѣніе: «Пастыри россійской церкви крайнее стараніе прилагали и прилагаютъ о единствѣ вѣры не только относительно догматовъ и обрядовъ, и многія книги ими сочинены на показаніи самой истины; но кроткіе способы не великое возъимѣли дѣйствіе. Тогда также ревностію приведены, пастыри стали устранять клятвою и отсѣченіемъ отъ церкви совершеннымъ; но и это средство не помогло. И такъ по примѣру искусныхъ врачей, которые, когда одно лѣкарство не пользуетъ, другимъ цѣлить болѣзнь стараются, и намъ слѣдуетъ теперь помышлять о другомъ способѣ собрать заблудшихъ овецъ. Теперь хотятъ они возвратиться, но требуютъ сохраненія нѣкоторыхъ только своихъ обрядовъ, семи просвиръ, двуперстнаго сложенія и проч., обѣщая во всемъ другомъ повиноваться церкви и принимать нашихъ священниковъ. Первый вопросъ здѣсь: можемъ ли мы это позволить, когда эти обряды на соборахъ прокляты? Отвѣчаемъ: не обряды, но больше содержащіе ихъ сей клятвѣ подвергаются и то не за обряды точно самые, но за сопротивленіе ихъ св. церкви и отторженіе самовольное отъ нея, а паче еще за произносимыя отъ многихъ изъ нихъ на оную хулы и ругательства разныя, въ чемъ и мы правильную находимъ причину: если же бы за одни обряды проклятіе то было положено, то была бъ причина почитать оное за недѣйствительное и отъ непомѣрной не по разуму ревности происходящее. По апостолу Павлу по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ, то уже премѣненіе обрядовъ или обычаевъ не больше ли измѣненія въ вѣрѣ причинять не должно? Пусть только они во всемъ, хотя кромѣ обрядовъ, будутъ съ православною нашею церковію единомысленны, то въ такомъ случаѣ и нѣтъ сомнѣнія, что ихъ принять и присоединить православному нашему обществу, а прочее устроитъ Богъ. И сіе есть

мнѣніе наше. Уповаемъ, что и прочіе братія наши и сопастыри св. церкви по сей причинѣ согласны въ томъ быть имѣютъ, а когда и соборное разсужденіе приложится къ сему нашему разсужденію, то какъ ему придастся твердость, такъ и восторжествовать имѣетъ несумнѣнно вся церковь о спасеніи отлученныхъ чадъ своихъ».

По двое другихъ преосвященныхъ, Гавріилъ петербургскій и Амвросій крутицкій подали особое мнѣніе: «Принять раскольниковъ и содержать безъ всякаго притѣсненія можно только на такомъ основаніи, какъ здѣшніе записные раскольники содержатся. А чтобъ позволить имъ на все то, чего они требуютъ, а именно: допустить имъ строить церкви особыя, держать поповъ своихъ, имѣть старопечатныя книги и при тѣхъ же обрядахъ жить, какъ они нынѣ за рубежемъ живутъ, того дозволять предосудительно. Синкретизмъ или допущеніе разныхъ вѣръ въ самодержавное государство отъ всѣхъ умныхъ людей за вредъ оному почитается, потому что ничто такъ не обовязуетъ подданныхъ къ своему государю какъ единовѣріе съ нимъ; вопреки же разность въ вѣрѣ за весьма опасную поставляется. Чего избѣгая, многіе государи у себя возникшихъ разновѣрцевъ всячески истребляли и истребляютъ. Ежели дозволить имъ церкви особыя строить и поповъ особыхъ имѣть, то и архіереевъ особыхъ же дозволить слѣдуетъ, которые не захотятъ отъ насъ святиться, и потому раскольники начнутъ или бѣглыхъ изверговъ нашихъ принимать или сами ставить. И такъ церковь въ Россіи можетъ раздраться надвое. Еще въ разсужденіе приходитъ и сіе: не кроется ли здѣсь какой обманъ и не подаютъ ли поводу имъ заграничнымъ наши домашніе раскольники домогаться такихъ кондицій и привилегій? Ибо чтобъ заграничнымъ возвращаться въ Россію нужды крайней не предвидится для того, что они тамъ всякую свободу имѣютъ и какъ хотятъ, такъ вѣруютъ и живутъ. Правда, что въ Россійской имперіи инославнымъ христіанскимъ религіямъ кирхи публичныя, такъ и магометанамъ свои мольбища имѣть дозволяется: но то раскольникамъ не въ примѣръ, ибо отъ тѣхъ нашимъ православнымъ никакого поврежденія не происходитъ» [246].

Трудное дѣло остановилось; но путь къ такъ называемому «единовѣрію» уже былъ проложенъ. 15 сентября Сенатъ и Синодъ

имѣли общую конференцію по вопросу, изложенному въ именномъ указѣ: такъ какъ въ указѣ о ревизіи не опредѣлено о потаенныхъ раскольникахъ, какой имъ платить окладъ: для того имѣть Сенату разсужденіе въ общей конференціи съ Синодомъ. Синодъ объявилъ, что опредѣленіе оклада для раскольниковъ есть дѣло свѣтское и потому предоставляется прав. Сенату, съ тѣмъ однако, что тѣхъ, которые православной церкви не чуждаются и принимаютъ таинства отъ православныхъ священниковъ, а только крестятся двоеперстнымъ сложеніемъ, отъ входа церковнаго и таинствъ не отлучать [247].

По докладу коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ учреждена была снова коллегія экономіи духовныхъ имѣній, которая должна была управлять духовными вотчинами, устраивать хозяйство, увеличивать доходныя статьи, собирать денежные и хлѣбные сборы, содержать утвержденные штаты архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и прочимъ духовнымъ мѣстамъ, содержать штаты большимъ по епархіямъ и малымъ по монастырямъ училищнымъ домамъ, довольствовать деньгами и хлѣбомъ инвалидные дома, по скольку куда опредѣлено, и самихъ инвалидовъ содержать въ послушаніи. Президентомъ новой коллегіи назначенъ гофмейстеръ князь Борисъ Куракинъ [248].

Мы видѣли, что одинъ изъ Орловыхъ, графъ Ѳедоръ, былъ назначенъ въ Сенатъ навыкать тамошнимъ дѣламъ; другой видный дѣятель въ событіи 28 іюня, Григор. Александр. Потемкинъ былъ назначенъ съ тою же цѣлію въ Синодъ [249].

Переводомъ монастырскихъ крестьянъ въ управленіе коллегіи экономіи надѣялись прекратить волненія между ними. Думали, что подобная же мѣра, переводъ горныхъ заводовъ съ приписными крестьянами изъ частнаго въ казенное владѣніе также прекратитъ волненія; но здѣсь это труднѣе было сдѣлать, нельзя было отобрать всѣ заводы у частныхъ владѣльцевъ, и потому надобно было употреблять и другія мѣры, тѣмъ болѣе, что волновались не одни заводскіе крестьяне. По доношеніямъ князя Вяземскаго оказалось, что приписка крестьянъ къ заводамъ производилась пристрастно, въ угоду владѣльцамъ заводовъ: крестьянъ приписывали на выборъ не по селамъ и деревнямъ, но по домамъ и выборнымъ людямъ, включая однихъ годныхъ къ работѣ, отъ чего произошло великое неравенство и отягощеніе

крестьянамъ; расчисленіе дней рабочихъ со днями, оставляемыми для земледѣлія на прокормленіе крестьянамъ себя и семей своихъ, такъ худо уравнено, что крестьянамъ произошла отсюда наибольшая тягость; работы такъ велики, что крестьянинъ въ одинъ день никакъ не можетъ отработать своего урока, ни пѣшій, ни конный; плата крестьянамъ должна производиться зачетомъ въ подушный окладъ за всѣ въ перепись положенныя души, а производится только написаннымъ годнымъ въ работу, отъ чего крестьянамъ великое неуравненіе, страшная тягость и разореніе; наконецъ приписные крестьяне живутъ иногда очень далеко отъ заводовъ, верстахъ въ 400, и въ нарядахъ изъ такихъ далекихъ мѣстъ работникамъ круглый годъ великая потеря времени, заводамъ прибыли нѣтъ, а крестьянамъ крайнее разореніе. Поэтому бергъ-коллегіи велѣно было объявить всѣмъ заводчикамъ, что крестьяне не сами собою возмутились, но, по простотѣ своей, повѣрили людямъ злоумышленнымъ, которые и наказаны; а такъ какъ и крестьянамъ было большое отягощеніе, такъ что равенство между работою и платою за нее совсѣмъ потеряно, то они, содержатели заводовъ, не могутъ теперь взыскивать съ крестьянъ всѣхъ своихъ убытковъ, а должны съ ними войти въ нѣкоторый примирительный договоръ, потому что и для самихъ содержателей заводовъ не полезно, чтобъ крестьяне, приписанные къ заводамъ, совершенно были разорены [250].

Мы видѣли, что волновались не одни заводскіе крестьяне и не на одной восточной украйнѣ. Весною пришло извѣстіе, что въ Уфимскомъ уѣздѣ взбунтовались крестьяне Тевкелева; они были усмирены; были указаны 14 человѣкъ главныхъ возмутителей изъ крестьянъ и одинъ отставной жившій въ тѣхъ мѣстахъ солдатъ. Сенатъ велѣлъ этихъ возмутителей наказать по волѣ помѣщика и отдать ему опять въ крестьянство, а солдата бить плетью публично и нещадно [251]. Но въ срединѣ года узнали, что въ Новгородскомъ уѣздѣ Бѣжецкой пятины крестьяне духовника ея и. в. Дубянскаго, князей Мещерскихъ и другихъ помѣщиковъ, числомъ до 600 человѣкъ возмутились и въ послушаніе не приходятъ, вступаютъ въ бой противъ посланной на нихъ команды [252]. Мы видѣли изъ донесеній Вяземскаго, какъ чиновники наживались насчетъ крестьянъ, особенно инород-

цевъ. Но кромѣ Вяземскаго, имѣвшаго порученіе непосредственно отъ государыни навѣдываться о лихоимствѣ и прямо доносить ей, въ Казанскую губернію отправленъ былъ подполковникъ Свѣчинъ для осмотра дубовыхъ рощей, и доносилъ Сенату, что государственные крестьяне терпятъ обиды и разоренія отъ вальдмейстеровъ, канцелярій и отъ посылаемыхъ по разнымъ дѣламъ чиновниковъ. Эти обиды и разоренія состояли въ томъ: 1) вальдмейстеры сбирали ежегодно отъ 3 до 6 коп. съ души, а лѣсные сотники по рублю съ деревни. 2) Посылаемые отъ канцелярій приказные и солдаты для сбора во время урожаевъ хлѣба, для взятія сказокъ и объявленія разныхъ указовъ брали по копѣйкѣ и по двѣ съ души, а съ деревни по рублю и больше. 3) При подачѣ сказокъ въ канцеляріяхъ во время платежа подушныхъ денегъ, о наблюденіи за корчемствомъ, ворами и разбойниками, каждая сказка становилась по два и по три рубля съ деревни, а безъ того подушныхъ денегъ не принимали. 4) Во время подушнаго сбора на офицеровъ и приказныхъ собирается въ каждую треть по 10 и 15 коп. съ души. 5) За печатные паспорты берутъ по 50 коп. съ каждаго. 6) На идущія вверхъ по Волгѣ съ мѣдью суда берутся люди въ работу по большому числу безплатно. 7) Посланные изъ канцеляріи берутъ подводы и харчевой припасъ безплатно, а хотя этимъ проѣзжимъ до обывателей никакого дѣла нѣтъ, однако объявляютъ на того или другаго записки, стращаютъ слѣдствіемъ, и такъ какъ обыватели неграмотные, ничего не понимаютъ, то отплачиваются деньгами. Сенатъ приказалъ: для чего это дѣлать допускается, о томъ для положенія штрафа казанской губернской канцеляріи прислать отвѣтъ, и показать особливымъ экстрактомъ, отъ кого именно жалобы на обиды въ канцелярію вступили въ прошломъ и нынѣшнемъ году, и чѣмъ просители удовольствованы; если же нѣтъ рѣшенія, то зачѣмъ дѣло остановилось [253]?

На западѣ крестьяне по прежнему стремились за польскій рубежъ. Новгородскіе помѣщики подали доношеніе, что изъ деревень ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, по подговору бѣглаго рекрута Гаврюшки, выходящаго изъ-за польскаго рубежа, бѣжало не малое число крестьянъ ихъ и дворовыхъ людей; а въ нынѣшнемъ 1763 году, по его же подговору, ушло не менѣе

ста семей, въ которыхъ было до 500 душъ обоего пола. Сенатъ приказалъ назначить 300 рублей награды тому, кто найдетъ Гаврюшку [254]. Мѣра была частная, успѣхъ ненадеженъ. Хотѣли изслѣдовать причины зла и указать надежныя средства противъ него. Петръ Ив. Панинъ подалъ мнѣніе о средствахъ пресѣчь побѣги за границу; онъ указывалъ слѣдующія причины: 1) строгость духовенства и разныя какъ отъ него, такъ и отъ свѣтскаго начальства корыстныя привметки къ раскольникамъ; 2) рекрутскіе поборы изъ ближнихъ границамъ селеній и привычка: у нѣкоторыхъ помѣщиковъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни и безъ всякаго вниманія къ огорченію и разоренію остающихся семействъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ за убійство и вѣчную разлуку; 3) чрезвычайно дурное содержаніе рекрутъ до отправленія къ полкамъ и тяжкія корыстныя къ нимъ придирки: вмѣсто того, чтобъ этихъ людей, огорченныхъ разлукою съ своими, всячески приманивать къ службѣ, ихъ обираютъ и употребляютъ въ частныя работы; въ самыхъ столицахъ зимою прежде набирали рекрутъ, чѣмъ приготовляли имъ квартиры, и набираемые рекруты зимою принуждены были день проводить на дворѣ въ стужѣ, а ночь въ торговыхъ баняхъ въ жару, а семействамъ ихъ было это горестнѣйшимъ зрѣлищемъ и примѣромъ, что готовится ихъ дѣтямъ, при будущихъ наборахъ; 4) ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть, при чемъ неумѣренная роскошь заставляетъ сбирать съ подданныхъ подати и употреблять въ работы не только болѣе тяжкія, чѣмъ за ближайшею границей, но и превосходящія силы человѣческія; 5) возвышеніе цѣнъ соли и вина и затрудненія при продажѣ ихъ безъ обращенія вниманія на то, что за границей эти предметы дешевле и продажа вольная; 6) отъ вкоренившагося лихоимства неправосудіе и нерадѣніе къ общему дѣлу, особливо въ отдаленныхъ областяхъ; 7) выборъ городскихъ начальниковъ для пользы посылаемыхъ туда особъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ дѣлъ. Изданъ манифестъ о прощеніи бѣглыхъ и о призывѣ ихъ къ возвращенію, о вызовѣ иностранныхъ поселенцевъ, о вызовѣ раскольниковъ. Но въ сосѣднихъ государствахъ довольно разгласилось, что въ русскихъ судебныхъ мѣстахъ приходящимъ съ пустыми руками двери не отворяются:

такъ для привлеченія переселенцевъ надобно отдать ихъ въ особенное попеченіе кого-нибудь изъ министровъ или сенаторовъ— одному иностранцевъ, другому раскольниковъ, и объ этихъ лицахъ объявить въ иностранныхъ земляхъ, чтобъ желающіе переселиться могли прямо къ нимъ обращаться за помощію и защитою. На возвращающихся раскольниковъ положить по 2 рубля 70 коп. въ годъ, раздѣляя платежъ по третямъ. За нежелающихъ возвратиться къ помѣщикамъ платить по 100 рублей за мужскую душу, и то только за тѣхъ, которые сами бѣжали, а не отцы ихъ и дѣды. Съ деревень и городовъ, лежащихъ близь границы не далѣе 70 верстъ, рекрутъ въ натурѣ не брать, но брать за каждаго рекрута по 100 рублей и употреблять эти деньги на вербованіе въ гусарскіе полки вольныхъ людей. Запретить варварскій обычай продавать помѣщикамъ своихъ крестьянъ въ рекруты за чужія деревни для ненасытной роскоши; позволить продавать крестьянъ только цѣлыми семьями. Издать новый государственный законъ съ наиспособнѣйшими распоряженіями для совершеннаго приласканія вновь набирающихся поселянъ въ солдатскую службу и къ лучшему утѣшенію разлучающемуся съ ними ихъ семейству. Сочинить примѣрное на все государство положеніе крестьянскимъ для помѣщиковъ работамъ и податямъ не для изданія къ содержанію того во всемъ государствѣ, но ради секретнаго предписанія всѣмъ губернаторамъ: въ случаѣ, когда крестьяне побѣгутъ отъ помѣщика цѣлыми селеніями или семьями или возмутятся, то команды для усмиренія и сыску крестьянъ по требованію помѣщиковъ безпрекословно отправлять; но губернаторы при этомъ должны надежнымъ людямъ поручать развѣдывать въ тѣхъ мѣстахъ, какъ эти помѣщики владѣли своими крестьянами, и, соображая полученныя извѣстія съ упомянутымъ генеральнымъ примѣрнымъ положеніемъ и съ обыкновенною надлежащею строгостію въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, если найдутъ, что помѣщики вышли изъ предѣловъ умѣренности, такихъ призывать въ губернскія канцеляріи и объявлять, чтобъ они впередъ отнюдь не выступали изъ примѣрныхъ положеній, и если отъ ихъ подданныхъ дойдутъ до правительства жалобы, то деревни у нихъ будутъ взяты подъ коронное управленіе; а потомъ губернаторы должны за такими неумѣренными помѣщиками осо-

бенно надзирать и о невоздержныхъ представлять Сенату. Помѣщики не должны требовать отъ крестьянъ болѣе четырехъ рабочихъ дней въ недѣлю, и въ сутки взыскивать съ крестьянина, чтобъ онъ или вспахалъ доброй земли десятину, или накосилъ сѣна три копны, или нарубилъ однополѣнныхъ дровъ полторы сажени, не болѣе; величина же оброка не должна превышать двухъ рублей. Наконецъ когда будутъ избираться люди въ пограничные градоначальники, то кромѣ особенныхъ способностей, надобно обращать вниманіе и на хорошее по европейскому обычаю воспитаніе [255].

Мнѣнія эти не могли облегчить разрѣшеніе тяжелаго вопроса. Екатерина знала причины печальнаго явленія и напряженно, какъ увидимъ, думала о ихъ устраненіи; но помощи не находила. Легко было сказать, что надобно издать постановленіе о томъ, какъ бы приманить рекрутъ къ службѣ и для семействъ ихъ сдѣлать разлуку съ ними не столь тяжкою: но въ чемъ должно было состоять это постановленіе — не говорилось. Люди, которые считали себя образованными и требовали этого образованія отъ другихъ, должны были знать, что еще по указу Петра Великаго у помѣщиковъ, притѣснявшихъ и разорявшихъ своихъ крестьянъ, отнимали ихъ. Дѣло было не въ указахъ, а въ ихъ исполнителяхъ, которыхъ не было, образованія которыхъ надѣялись еще въ будущемъ, а между тѣмъ коммиссія о вольности дворянства отстраняла вопросъ о содѣйствіи дворянъ правительству, объ обязанностяхъ неслужащихъ землевладѣльцевъ, толкуя о необходимости для русскаго дворянина служить въ разныхъ иностранныхъ государствахъ, служить, по словамъ старой пѣсни, «въ семи ордахъ семи королямъ,» толкуя, что благодаря воспитанію честь такъ развита, что заставляетъ служить и безъ другихъ побужденій, тогда какъ воспитаніе было только въ зародышѣ и ничего еще развить не могло; а между тѣмъ старшій членъ коммиссіи требовалъ безпредѣльной власти помѣщика надъ крестьянами, да и въ мнѣніи Панина, который рѣзко выставлялъ вредъ этой безпредѣльной власти, рекомендовалось *секретное* примѣрное постановленіе о томъ, чего долженъ требовать помѣщикъ отъ крестьянина!

Екатерина выслушивала всѣ мнѣнія, и убѣждалась все болѣе и болѣе, что полезныя мѣры для улучшенія народнаго быта

могутъ быть приняты только въ связи другъ съ другомъ, при общемъ устройствѣ государственнаго организма, при чемъ должны быть выслушаны не отрывочныя мнѣнія того или другого отдѣльнаго лица, но мнѣнія всѣхъ заинтересованныхъ частей. Но пока этотъ планъ всесословной коммиссіи новаго уложенія зрѣлъ въ головѣ воспитанницы европейской политической науки XVIII вѣка, самолюбіе владычицы могущественнаго государства не могло переносить того, что сосѣднее слабое государство безнаказанно позволяло себѣ постоянно уводить часть населенія у сильнаго сосѣда, издѣваясь надъ его жалобами и требованіями. Въ августѣ Сенатъ получилъ указъ императрицы: въ Польшѣ многіе русскіе укрываются и въ областяхъ ея и. в. производятъ великіе разбои; поляки на наши жалобы не обращаютъ никакого вниманія, подговариваютъ къ побѣгу, насильно удерживаютъ бѣглыхъ и не выдаютъ разбойниковъ. Сенатъ въ Москвѣ подавалъ докладъ, чтобъ въ Польшу и Литву послать нарочно и скрытно воинскія команды для забранія разбойниковъ и бѣглыхъ. Подобное представленіе сдѣлано было ея и. в—ству и прежде; но тогда императрица велѣла обождать, чтобъ не разорвать сосѣдственную дружбу; теперь же ея и. в. видитъ, что снисхожденіе и умѣренность обращаются во вредъ и разореніе подданныхъ ея и потому соизволяетъ на посылку команды. [256] По этому указу отправился за польскую границу генералъ-майоръ Масловъ съ отрядомъ; 7 октября онъ возвратился и привелъ бѣглыхъ мужескаго пола 1015, женскаго 512, всего 2027 душъ. [257] Но въ томъ же мѣсяцѣ внутри Россіи былъ пущенъ въ народъ фальшивый указъ императрицы въ Сенатъ: «Время уже настало, чтобъ лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаютъ Божій законъ и государственныя правы и въ томъ много чинятъ россійскому государству недобро. Прадѣды и праотцы россійскаго государства монархи ихъ жаловали вотчинами и деньгами награждали, и они въ томъ забыли, что во истину дворянство было въ первомъ классѣ, а нынѣ дворянство вознеслось, что въ послушаніи быть не хотятъ, тогда впредь было въ Россіи, когда любезный монархъ Петръ Великій царствовалъ, тогда весьма предпочитали законъ Божій и государственныя правы крѣпко наблюдали. А нынѣ правду всю изри-

нули да и изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про нее не хотятъ, что россійской народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матери осиротѣли. Или онымъ дворянамъ не умирать, или имъ предъ Богомъ на судѣ не быть? Такой же имъ судъ будетъ, его же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ. Екатерина».[258]

Съ конца 1761 года шло дѣло о новой ревизіи. Екатерина такъ разсказываетъ о рѣшеніи этого дѣла: «Возвратясь въ Петербургъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1763 года, спустя нѣсколько времени поѣхала я въ Сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ, потребовали отъ меня повелѣнія нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безсчетныя воинскія команды; считали, что менѣе 800,000 рублей ревизія не станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ, о побѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ, о ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи, почитая однакожъ всѣ ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все что говорили. Господа Сенатъ наконецъ, уставъ говорить, замолчали; тогда я спросила, на что таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны? Нельзя ли инако? Мнѣ сказали: такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а мнѣ кажется вотъ какъ: публиковать по всей имперіи, чтобъ каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобъ канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ Сенатъ. Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляя мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями многое множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: простите всѣхъ до днесь прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донынѣ внести въ нынѣшнія ревизіонныя сказки. Здѣсь князь Я. П. Шаховской разгорячася, сказалъ: тутъ правосудіе нарушается и винные будутъ наравнѣ съ невинными. Я ревностно объявлялъ и у меня прописныхъ нѣтъ, а кто пользовался прописными, тотъ станетъ со мною наравнѣ. Генералъ-прокуроръ былъ тогда Александръ Ив. Глѣбовъ. Онъ, слыша у своего стола сей разговоръ и видя горячность кн. Шаховскаго, вскочилъ съ своего стула и, пришедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я ему

сказала, какъ мнѣ угодно, чтобъ ревизія сдѣлана была, что мнѣ мнѣ весьма легко было. Онъ все то записать велѣлъ и выработать взялся, что и выполнилъ, и доднесь ревизіи такъ дѣлаются въ каждомъ уѣздѣ безъ наряда и убытка, прописныхъ нѣтъ и объ нихъ не слышно [259]».

Въ сенатскихъ протоколахъ дѣло записано подъ 10 февраля, слѣдовательно въ Москвѣ, а не по возвращеніи двора изъ нея. Въ присутствіи императрицы слушано о начатой вновь въ 1761 году ревизіи дѣло, по коему значится, что въ 1761 году декабря 20 публикованными отъ Сената во всемъ государствѣ указами велѣно о числѣ душъ собрать сказки по посланнымъ изъ Сената при указахъ формамъ въ губернскихъ провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ при платежѣ подушныхъ денегъ отъ публикованія тѣхъ указовъ въ 5 мѣсяцахъ, *а нарочныхъ ревизоровъ не посылать*, которыхъ сказокъ нѣсколько уже и собрано; а какъ потомъ Прав. Сенату извѣстно стало, что въ городахъ отъ канцелярій происходили непозволительныя великія сказкоподателямъ приманки, затрудненія и тягости, то въ уваженіе сихъ обстоятельствъ 1762 года іюля 31 Сенатъ взятье сказокъ съ тѣхъ, кто еще не подалъ, остановилъ впредь до указу; но какъ окончаніе ревизіи весьма есть нужно, то ея и. в—ство повелѣла подачу сказокъ оканчивать и учинить слѣдующее: 1) чтобъ сказкоподатели ни малѣйшей тягости не чувствовали, то вольно, написавъ сказку, подать самому или послать, запечатавъ и написавъ на пакетѣ на имя губернатора или воеводы, и чтобъ не было ошибки разослать печатные листы безденежно по всѣмъ церквамъ для раздачи обывателямъ, и кто пожелаетъ купить по 8 листовъ на копѣйку, тѣ деньги священники могутъ употреблять на церковныя потребы. 2) Кто утаитъ, съ таковымъ поступать наистрожайшимъ образомъ: помѣщика лишать всѣхъ чиновъ и изъ числа честныхъ низвергнуть; съ приказчиками и старостами поступать по указамъ.

Не выпустить платящаго и рабочаго человѣка за границу, не пропустить въ ревизіи, возвратить бѣглаго, призвать добровольнаго колониста — все это для того, чтобъ увеличить число плательщиковъ, наполнить скудную казну государственную. Въ февралѣ императрица писала Глѣбову: «Въ Ригѣ генералитетъ не имѣетъ уже мѣсяцевъ десять жалованья; рядовые солдаты

иные по осьми, а иные по шести мѣсяцевъ ничего не получали. Жалобы происходятъ великія; да и хорошаго послушанія требовать не можно, если солдатъ служитъ безъ жалованья. Многіе офицеры, отправленные къ отставкѣ въ Россію, не получивъ ни полушки заслуженнаго жалованья, уѣзжать оттуда принуждены [260]».

Не получали стараго жалованья, а между тѣмъ признано было необходимымъ увеличить жалованье чиновникамъ, чтобъ не было оправданія лихоимству. Сенатъ получилъ указъ: сыскать на штаты денегъ полтора милліона рублей. Прежде было рѣшено сбавить еще по гривнѣ съ пуда соли, и Сенатъ придумалъ, чѣмъ вознаградить этотъ убытокъ; но теперь эти новые доходы пошли на штаты, а соль должна была продаваться по прежней цѣнѣ, по 40 коп. пудъ. Кромѣ того Сенатъ опредѣлилъ на штаты слѣдующіе сборы: 1) съ продаваемаго изъ кабаковъ вина по 30 коп., съ пива и меда по 5 коп. на ведро, что по сложности съ 1750 по 1761 годъ должно было составить 452,565 рублей, отъ пива и меду 182,557 рублей, итого 635.122 рубля, ибо «та продажа, говорилъ Сенатъ, вольная, къ народному отягощенію не касающаяся». 2) Съ поборовъ при явкѣ крѣпостей, съ земли по 3 коп. съ четверти; также съ пошлинъ при письмѣ и совершеніи крѣпостей. 3) Съ явки пивъ и полпивъ. 4) Съ герберговъ (гостинницъ). 5) Съ векселей. 6) Съ челобитенъ. 7) Съ переоброченія вновь по высшимъ цѣнамъ амбаровъ, лавокъ, кузницъ и прочихъ оброчныхъ мѣстъ. 8) Съ фабричныхъ становъ. 9) Съ заводскихъ домовъ. 10) Съ увеличенной пошлины съ покормежныхъ паспортовъ. 11) Съ патентовъ. 12) Съ дипломовъ. 13) Съ вѣнечныхъ памятей. 14) Съ заклейменія кубовъ. 15) Съ переоброченія мельницъ. 16) Съ прибылыхъ пошлинъ съ потаенныхъ раскольниковъ. 17) Со взятія клея въ казенную продажу. 18) Двѣ копѣйки съ рубля, платимыя при отдачѣ подушныхъ денегъ на жалованье находящимся при сборѣ лицамъ, должны идти также на штаты. 19) Съ увеличенія цѣны на гербовую бумагу, которая должна продаваться вдвое дороже [261].

Въ слѣдствіе этихъ указаній Сената, 15 декабря изданъ былъ манифестъ о новыхъ штатахъ: «къ крайнему нашему огорченію и прискорбности, изъ повседневныхъ обстоятельствъ принуждены мы видѣть, что многіе наши вѣрноподданные отъ разныхъ су-

дебныхъ правительствъ, а особливо въ отдаленныхъ отъ резиденціи нашей мѣстахъ, не только не получаютъ въ дѣлахъ своихъ скораго и справедливаго по законамъ рѣшенія, но еще отъ насилія и лихоимства или, лучше сказать, отъ самыхъ грабежей во всеконечное разореніе и нищенство приходятъ. Правда, хотя къ прекращенію сего еще съ самыхъ временъ государя Петра Великаго дѣланы были по состоянію тогдашнихъ обстоятельствъ нѣкоторыя учрежденія, и потому и всѣ строгости законовъ употребляемы были, но недовольно произошли желаемые успѣхи. Частію видится отъ того, что не всегда съ надлежащимъ и прилежнымъ разсмотрѣніемъ опредѣлялись судящіе къ мѣстамъ безъ всякаго званія и способности, коими потому и дѣйствовали ихъ подчиненные, частію жь и отъ того, что со всѣмъ люди не только съ нѣкоторымъ достаткомъ, но ниже имѣя дневное пропитаніе, отсылались къ дѣламъ, не получая притомъ никакого жалованья, и немного лучше, какъ бы неимущіе въ богадѣльнѣ для одного только пропитанія, а не для исправленія дѣлъ; и по истинѣ сказать, казалось, что всякій живетъ только для себя, не помышляя о добрѣ общемъ. Мы находимъ ко истребленію упомянутой гибели справедливѣйшее и ближайшее средство: всѣ судебныя мѣста наполнять достойными въ знаніи и честными людьми; а чтобъ прямо таковыхъ имѣть, то необходимо нужно дать имъ къ безбѣдному пропитанію по мѣрѣ каждаго довольное жалованье; въ слѣдствіе чего мы не только коллегіямъ и канцеляріямъ, но губерніямъ, провинціямъ и городамъ по состоянію каждаго мѣста и входящихъ въ оныя дѣлъ постановили и утвердили штаты [262]».

Новые штаты не позволили уменьшать цѣну соли, относительно которой Сенатъ подалъ докладъ, что пермская соль въ казну приходитъ дешевле, да и народъ охотнѣе ее употребляетъ, чѣмъ элтонскую; баронамъ Строгоновымъ и Пескорскому монастырю въ Нижнемъ выдается $8^1/_{10}$ коп., и болѣе изъ казны никакихъ расходовъ не бываетъ, содержится соль въ ихъ магазинахъ за ихъ усышкою и утечкою, а элтонская соль ставится и содержится совершенно на казенномъ коштѣ, и по сложности за поставку до Нижняго элтонская и илецкая соль пришлись по 17 коп. пудъ. Поэтому пермскимъ промышленникамъ платить по 10 коп. за пудъ съ тѣмъ, чтобъ они построили пильныя мель-

ницы, своимъ коштомъ, и возили соль на судахъ, сдѣланныхъ изъ пильнаго, а не изъ топорнаго тесу, и ставили бы соль не опредѣляя количества, а сколько могутъ. Соляная контора умножаетъ поставку той соли, которая обходится дешевле, и когда контора усмотритъ, что поставку пермской соли надобно уменьшить или вовсе прекратить, то даетъ знать промышленникамъ за часъ до наступленія новаго завара; равно, если промышленники пожелаютъ уменьшить поставку, то должны объ этомъ давать знать въ контору за годъ, чтобъ можно было запастись другою солью. Здѣсь подлѣ элтонской соли поставлена илецкая. Медицинская канцелярія объявила, что по испытаніи въ соленіи мяса и рыбы илецкая соль оказалась хорошаго качества. Оренбургскій губернаторъ Волковъ представилъ, что эта соль считается лучшею въ мірѣ; но Главная Соляная Контора донесла, что илецкая соль явилась въ большихъ и мелкихъ глыбахъ вся въ пыли, а на нѣкоторыхъ глыбахъ грязь и соръ и часть песку, который и отдѣлить начисто отъ соли нельзя, и изъ мелкой соли выбрать сору также нельзя. Сенатъ потребовалъ, чтобъ соль была прислана къ нему на пробу и приказалъ Волкову ѣхать на то мѣсто, гдѣ соль ломается, и осмотрѣть, въ какомъ она состояніи, сама ли собою нечиста или дурной видъ ея произошелъ на пути отъ небреженія [263].

Въ тѣсной связи съ финансовыми вопросами находилоя вопросъ о торговлѣ. Взглядъ свой на торговлю Екатерина высказала въ письмѣ къ Ив. Ив. Неплюеву изъ Москвы отъ 10-го іюня: «Таможенные откупщики жалобу приносятъ на стат. сов. Яковлева о вымышляемомъ притѣсненіи не токмо имъ откупщикамъ, но и всей коммерціи: которому (т. е. Яковлеву) однакожъ съ товарищи не инако надсмотръ надъ ними порученъ, какъ съ тѣмъ нашимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ поступалъ, не разрушая благосостоянія коммерціи; вы сами знаете, что коммерція по большей части процвѣтаетъ вольностію и свободою, и что нашего никогда намѣренія не было такія строгости въ сіе откупное коммерческое дѣло вводить, чтобъ одни тутъ приказные порядки наблюдаемы были; но главный предметъ нашъ тотъ, чтобъ такимъ или другимъ образомъ, только бъ интересъ нашъ, положенный на откупщиковъ, въ казну нашу доходилъ, а въ порядкахъ, каковые оными откупщиками учреждаются для сборовъ, отнюдь имъ, яко

знающимъ торгъ и купечество, помѣшательства не дѣлать. Коммерція есть дѣло по натурѣ своей такое, что одного часа непорядочнымъ учрежденіемъ кредитъ ея повреждается, который многими годами трудно напослѣдокъ бываетъ возстановить. Сего ради изволите сіе дѣло въ конторѣ сенатской немедленно разсмотрѣть [264]». Но не смотря на то, что въ данномъ случаѣ Екатерина считала необходимымъ оказать защиту таможеннымъ откупщикамъ, вообще она была противъ откупной системы. Сенатъ доложилъ о карачевскомъ купцѣ Суловѣ, что онъ желаетъ взять на 6 лѣтъ на откупъ продажу иностранныхъ и русскихъ игральныхъ картъ съ платежемъ въ казну каждый годъ по 60.000 рублей. Екатерина замѣтила: «Чортъ его возьми съ откупомъ: всѣхъ купцовъ стревожите и скажутъ, что въ Сенатѣ есть склонность къ откупамъ [265]». Въ концѣ года данъ былъ указъ Неплюеву, князю Якову Шаховскому и графу Миниху, чтобъ они разсмотрѣли коммерцію россійскаго государства и купечество; а такъ какъ по важности этой коммиссіи и сама императрица въ ней бывать будетъ, то коммиссія должна состоять въ единственномъ вѣдѣніи и покровительствѣ ея и. в—ства. Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ Тепловъ [266]. Нашли нужнымъ назначить консула въ Польшу, и Сенатъ опредѣлилъ смоленскаго мѣщанина Давыдова; по примѣру консуловъ, назначаемыхъ въ Персію, Сенатъ назначилъ Давыдову жалованья 500 рублей въ годъ, да въ прибавокъ съ купечества 1500 рублей. Екатерина написала на докладѣ: «Помнится, что купечество астраханское само консуламъ въ Персіи опредѣлило жалованье, къ тому отъ насъ прибавкою 500 рублевъ, а тако и нынѣ купечеству на волю отдать, сколько оно Давыдову опредѣлить похочетъ, а надобны ли ему два или только одинъ подъячій? чтобъ миновать напрасныхъ убытковъ». Консуломъ въ Персію назначенъ былъ по просьбѣ московскаго и астраханскаго купечества симбирскій купецъ Илья Игумновъ; другого консула туда же Сенатъ велѣлъ также выбрать московскому и астраханскому купечеству [267]. Въ Сенатѣ происходилъ споръ: хотѣли увеличить число мѣдныхъ денегъ; но князь Яковъ Шаховской былъ противъ этого увеличенія. Императрица написала: «Я не могу согласиться съ мнѣні[illegible] кн. Шаховскаго о мѣдной монетѣ, и не могу признать, [illegible] [illegible]ныя имъ вредности столь важны были, для котор[illegible]

мѣдную монету не умножать вѣсомъ по 16 рублей изъ пуда, а до надлежащей пропорціи по числу обитателей въ нашей имперіи, понеже всѣмъ извѣстно, сколь мало еще въ народѣ денегъ, а особливо мѣдныхъ, хотябъ исчислить и со временъ царя Алексѣя Михайловича, то ни по пяти рублей на всякаго человѣка живущаго въ имперіи нашей не придетъ. И то не великая бѣда, буде бы изъ города въ городъ партикулярные люди перестали деньги возить возами, а переводилибъ чрезъ векселя, къ чему потребны по разнымъ мѣстамъ большіе государственные банки, банковъ же безъ большаго числа денегъ учредить не можно, и банкъ не что иное, какъ вѣрное хранилище денегъ. Дурное же предъ симъ учрежденіе въ государствѣ нашемъ мѣдныхъ банковъ не можетъ служить примѣромъ, понеже худой примѣръ не законъ, но законы должны истреблять оный, а Прав. Сенатъ, какъ хранилище законовъ, не допуститъ до вреда, сверхъ того и я еще жива [268]».

Затруднительное положеніе финансовъ заставило съ особеннымъ удовольствіемъ принять проектъ Бецкаго объ основаніи въ Москвѣ Воспитательнаго дома, какъ учрежденія, которое должно было содержаться на доброхотныя пожертвованія. Князь Як. Шаховской, Панинъ и графъ Минихъ (дѣйств. тайн. совѣт.), разсматривавшіе и одобрившіе проектъ, прежде всего выставили, что «основаніе и содержаніе онаго дома учреждается на единомъ самоизвольномъ подаяніи отъ публики, и потому не можетъ быть ни въ малѣйшее отягощеніе штату в. и. в—ства, ниже подданнымъ вашимъ [269]». При заботѣ о дѣтяхъ, надобно было позаботиться и о взрослыхъ. Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ объявилъ Сенату, что въ петербургскомъ генеральномъ гошпиталѣ больныхъ 671 человѣкъ, и между ними болѣе двухъ частей одержимы францъ-венеріею, которую получаютъ отъ непотребныхъ женщинъ. По мнѣнію Глѣбова, надобно было ко всѣмъ воинскимъ командамъ послать указы—которые изъ воинскихъ чиновъ въ этой болѣзни найдутся, такихъ допрашивать, отъ кого ее получили, и тѣхъ женщинъ велѣть сыскивать, осма-[illegible]ивать, и если найдутся одержимы тою болѣзнію, лѣчить ихъ [illegible]зенный счетъ, а по излѣченіи отсылать въ Нерчинскъ на [illegible]чіе или въ другое мѣсто, солдатскихъ женъ отдавать [illegible]съ росписками и подтвержденіемъ, чтобъ ихъ [illegible]

жали и до непотребства не допускали, а помѣщичьихъ и прочихъ посылать къ ихъ владѣльцамъ. Сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, прибавивъ о крѣпчайшемъ наблюденіи, чтобъ женщины не были напрасно оклеветаны [270]. Для усиленія медицинскихъ средствъ въ концѣ года учреждена была особая медицинская коллегія, первымъ президентомъ которой былъ отставной гвардіи капитанъ баронъ Александръ Черкасовъ [271].

Обычное русское бѣдствіе не замедлило потребовать заботъ отъ новаго царствованія. 22-го апрѣля сгорѣла Старая Руса. 12-го мая пожаръ истребилъ Тверь: сгорѣло обывательскихъ дворовъ 852, людей 33 человѣка, сгорѣли — канцелярія, дворецъ, острогъ, архіерейскій и воеводскій домы. Сенатъ распорядился выдать погорѣвшимъ 100,000 рублей на десять лѣтъ безъ процентовъ, да на 100,000 рублей заготовить изъ казны же матеріаловъ для каменнаго строенія; эту сумму — 200,000 рублей надѣлать мѣдною монетою въ прибавку къ прежде опредѣленному числу по 16 рублей изъ пуда, отъ чего казнѣ никакого убытка не послѣдуетъ. Подушныхъ денегъ съ погорѣвшихъ не взыскивать три года; кто работать не въ состояніи, тѣмъ выдать хлѣба безденежно; въ городѣ строить дома каменные только по плану, а въ предмѣстіи и деревянные, только чтобъ между домами были сады, огороды или переулки; какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстіи оставить пустыя мѣста для площадей. Для распоряженій по этому возобновленію Твери отправился туда Бецкій. 25-го іюня сгорѣла Устюжна [272].

Большихъ заботъ требовали украйны. Жалобы на притѣсненія, претерпѣваемыя сибирскими инородцами, не переставали въ продолженіе 150 лѣтъ, почти въ каждое царствованіе въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ заявлялось объ этихъ притѣсненіяхъ. Такое же заявленіе получилъ Сенатъ 6-го февраля въ именномъ указѣ: «Извѣстно намъ, что во всей сибирской губерніи и иркутской провинціи положенный ясакъ съ тамошнихъ жителей съ крайнимъ отягощеніемъ и безпорядкомъ сбираютъ, или, справедливѣе сказать, посылаемые для сбора ясака сибирскіе дворяне, козаки и дѣти боярскіе не настоящіе положенные ясаки въ казну нашу сбираютъ, но безсовѣстнымъ образомъ всѣхъ таковыхъ безгласныхъ и беззаступныхъ ясачныхъ, какъ-то: Якутовъ, Тунгусовъ, Чукчъ, братскихъ козаковъ (Бурятъ) и прочихъ наро-

довъ грабятъ и до конца разоряютъ». Для отвращенія всѣхъ упомянутыхъ вредностей, Сенату повелѣвалось отправить въ Сибирь гвардейскаго капитана Щербакова [273].

Съ 1736 года введена была римская система, учреждено поселеніе отставныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ Казанской губерніи по Закамской линіи и въ пригородкахъ: Новошашминску, Заинску, Тіинску. Въ описываемое время оказывалось, что поселенцевъ было 1477 человѣкъ, при нихъ дѣтей одного мужескаго пола 3489 душъ, поселенцы жили на выгодныхъ, плодородныхъ земляхъ, пользуясь ими безъ всякихъ податей. Теперь на тѣхъ, которые жили тамъ болѣе 5 лѣтъ, наложена была обязанность: каждые десять дворовъ должны были построить дворъ для новоприбывающихъ поселенцевъ, для большаго пріохочиванія послѣднихъ, чтобъ они по приходѣ не бродили праздно и не тратили время. Въ каждой слободѣ не должно быть болѣе 100 дворовъ; новоприбывшему отводится земля въ количествѣ отъ 20 до 30 четвертей и два первые года дается солдатскій провіантъ, кромѣ того для обзаведенія дается рожь, овесъ и по 8 рублей денегъ; но деньги въ руки не давались, а велѣно было изъ поселенцевъ же быть выборнымъ надежнымъ людямъ, которые и должны покупать все нужное для обзаведенія. Дѣтей поселенцевъ не велѣно было брать въ рекруты и вносить въ подушный окладъ, «чтобъ въ поселеніи своемъ лучше укрѣпиться и экономію свою утвердить могли». На томъ же основаніи рѣшено было устроить поселенія въ Сибири, и такъ какъ тамъ еще никого не было, то домы для поселенцевъ велѣно строить отъ казны [274].

Мы видѣли, что Екатерина рѣшила вызвать иностранныхъ поселенцевъ и видѣли, что Петр. Ив. Панинъ совѣтовалъ назначить особыхъ довѣренныхъ людей для завѣдыванія устройствомъ колонистовъ, иначе будетъ мало охотниковъ переселяться вслѣдствіе дурныхъ слуховъ о правосудіи въ Россіи. Именнымъ указомъ Сенату отъ 22 іюля учреждена была «канцелярія опекунства иностранныхъ» и президентомъ ея былъ назначенъ генералъ-адъютантъ и дѣйств. камергеръ графъ Орловъ (Григорій). Иностранные поселенцы, пріѣхавъ въ Россію, должны были явиться въ эту канцелярію и объявить — хотятъ ли записываться въ купцы, мѣщане и цеховые, или селиться колоніями

и мѣстечками на свободныхъ и выгодныхъ для хлѣбопашества земляхъ. Всѣ они имѣютъ свободное отправленіе вѣры по ихъ уставамъ и обрядамъ; въ своихъ отдѣльныхъ колоніяхъ могутъ строить церкви и колокольни, имѣть потребное число пасторовъ и прочихъ церковнослужителей, только не могутъ строить монастырей. Они ни подъ какимъ видомъ не могутъ привлекать къ своему исповѣданію другихъ христіанъ, живущихъ въ Россіи; но могутъ обращать въ христіанство магометанъ и дѣлать ихъ себѣ крѣпостными. Поселенцы свободны отъ всякихъ податей, службъ и налоговъ — земледѣльцы на 30 лѣтъ, горожане, записавшіеся въ Петербургѣ и мѣстахъ, пріобрѣтенныхъ по Ништадтскому миру, также въ Москвѣ, на пять лѣтъ, а въ другихъ городахъ на 10 лѣтъ. Каждому давалось вспоможеніе деньгами безъ процентовъ, съ уплатою въ три года и то по прошествіи 10 лѣтъ. Поселившимся особыми колоніями и мѣстечками оставлялась внутренняя юрисдикція въ ихъ благоучрежденіе, русскіе начальники во внутреннихъ распорядкахъ колонистовъ никакого участія не имѣли [275].

Въ то время какъ учреждалась канцелярія опекунства иностранныхъ, надобно было измѣнить управленіе славянскими колонистами, населившими при Елисаветѣ Новую Сербію. Знаменитый выводчикъ колоніи, Хорватъ позволилъ себѣ разнуздаться на украйнѣ. Мы видѣли, что сначала жалобамъ на него не хотѣли вѣрить въ Петербургѣ, но еще при Елисаветѣ должны были нарядить слѣдствіе. При Петрѣ III, 21-го марта учреждена была коммиссія по дѣлу Хорвата; [276] разсказываютъ, что въ это время большими подарками знатнымъ лицамъ онъ успѣлъ остановить дѣло [277]; но при Екатеринѣ оно опять началось. Нашли, что онъ употребилъ въ противные указамъ расходы 64999 рублей казенныхъ денегъ, [278] и деньги эти велѣно возвратить въ казну чрезъ продажу его имѣнія; отъ управленія дѣлами новосербскихъ поселеній Хорвата, разумѣется, отрѣшили, и на мѣсто его былъ назначенъ, какъ мы видѣли, генералъ-поручикъ Мельгуновъ, на помощь которому былъ приданъ бригадиръ Зоричъ, какъ человѣкъ, знающій нравы и обычаи поселенцевъ. Мельгуновъ былъ поставленъ однако подъ главное начальство кіевскаго генералъ-губернатора; что же касается военныхъ дѣлъ, то новосербскому корпусу, какъ людямъ воинскаго званія, велѣно быть

подъ вѣдомствомъ военной коллегіи. Такъ какъ число выходцевъ изъ указныхъ народовъ (сербскаго, болгарскаго, волошскаго и македонскаго) оказалось не велико, то велѣно принимать возвращающихся изъ Польши бѣглыхъ, какъ малороссіянъ, такъ и великороссіянъ и всякой народности людей, «дабы тамошнія пустыя мѣста, какъ по пограничности нужныя, сколько возможно, настоящимъ кордономъ заселить и умножить [279]».

Запорожье и Донъ были спокойны; но старая козацкая жизнь съ ея обычаями и притязаніями видимо отливала отъ запада къ востоку, и начинались движенія на далекомъ Яикѣ. Въ самомъ началѣ года въ Яицкомъ городкѣ подъ дирекціею генералъ-майора Брахвельта учреждена коммиссія для изслѣдованія о поступкахъ атамана Бородина, который обвинялся въ излишнихъ денежныхъ сборахъ съ козаковъ и въ удержаніи у нихъ денежнаго жалованья, пороха и свинца; коммиссія должна была изслѣдовать также о своевольствахъ старшины Логинова, который позволялъ себѣ развратныя и непристойныя толкованія посылаемыхъ къ Яицкому войску указовъ. Дѣло началось вслѣдствіе жалобы, поданной козаками императрицѣ на военную коллегію. Но въ то же время султанъ меньшей киргизской орды прислалъ просить канцлера, нельзя ли смѣнить Бородина и на его мѣсто позволить Яицкому войску выбрать добраго и умнаго человѣка. Когда въ степяхъ узнали о смѣнѣ Бородина, то въ Москву явилось двое яицкихъ козаковъ съ письмомъ къ канцлеру отъ того же киргизскаго султана. «Нѣкоторыя просьбы наши, писалъ султанъ, приняты, Андрей Бородинъ отставленъ, чѣмъ я много доволенъ; но слышу, будто полученъ изъ военной коллегіи указъ быть атаманомъ одному старшинѣ изъ команды мужика и пришлеца атамана Могутова; но Яицкое войско, съ зачатія Яицкаго городка отъ 40 козаковъ, выбирало атамана всегда между собою; козаки за великую себѣ обиду и поруганіе будутъ считать, если ихъ отдадутъ въ команду Могутову, да и братъ мой, и я, и весь киргизъ-кайсацкій народъ будутъ этимъ недовольны. Я, услыша о разореніи Яицкаго войска и о горькихъ слезахъ его, не могъ не донести вашему сіятельству, дабы оное войско удовольствовано было». Когда канцлеръ препроводилъ письмо къ императрицѣ, то она написала: «отъ оныхъ козаковъ мнѣ подана челобитна, въ которой прописываютъ нарушенья ихъ правъ

и вольностей отъ военной коллегіи и я о семъ уже писала къ президенту: только сумнительно весьма, что киргисцы объ нихъ просятъ».

Екатерина думала, что русскихъ силъ на восточной украйнѣ недостаточно, чтобъ страхомъ держать степные народы въ повиновеніи, и потому писала канцлеру: «Михайла Ларіоновичъ! Оренбургскій губернаторъ между прочимъ ко мнѣ пишетъ о чинимыхъ въ пути до Оренбурга иностраннымъ купцамъ отъ киргизскаго народа остановкахъ и притѣсненіяхъ: и тако прикажите коллегіи, чтобъ она не умедля употребила съ онымъ киргизскимъ народомъ пристойныя средствы, коими бы такія чинимыя обиды и притѣсненія отвращены были». А потомъ прибавила: «Всего лучше бы съ ними договариваться, дабы они хоть за деньги проводили безопасно караваны».

Кромѣ Киргизовъ, безпокоили и Калмыки. Вдова извѣстнаго намъ хана Дундука-Омбы въ царствованіе Елисаветы приняла крещеніе съ троими сыновьями и названа Вѣрою. Въ 1762 году она стала проситься въ родныя степи, выставляя свою старость и нездоровье; но прямо въ степи ее не отпустили, а позволили жить съ сыномъ Алексѣемъ, въ Енотаевскѣ, при чемъ надзиравшему надъ Калмыками бригадиру Бехтѣеву было приказано не пускать ее въ калмыцкіе улусы, также смотрѣть, чтобъ она не сносилась съ калмыцкими попами и не держала ихъ при себѣ. Бехтѣевъ донесъ, что калмыцкіе попы находятся при княгинѣ съ самаго ея пріѣзда въ Енотаевскъ, и, судя по калмыцкимъ обрядамъ, которые происходятъ въ ея домѣ, онъ сомнѣвается, твердо ли она держитъ православную христіанскую вѣру; хотя на первой недѣлѣ великаго поста она и говѣла, но со второй недѣли и даже на страстной недѣлѣ ѣла мясо. Екатерина написала на донесеніи: «Когда княгиня Дондукова жила въ кадетскомъ корпусѣ съ сыновьями, она всегда ѣла мясо, и докторы того корпуса знаютъ, что она рыбы ѣсть не можетъ: и такъ надлежитъ весьма осторожно быть, чтобъ не конфондировать законъ съ тою политикою, которую они, можетъ быть, употребляютъ для приласканія Калмыкъ». Но когда Бехтѣевъ далъ знать, что изъ Енотаевска распущенъ слухъ, будто князь Іона Дундуковъ скоро привезетъ указъ — быть матери его, княгинѣ Вѣрѣ главною правительницею всего калмыцкаго народа, сыну ея Алек-

сѣю ханомъ, а настоящій намѣстникъ ханства Убаша останется только при своемъ наслѣдственномъ улусѣ; что кабардинскій владѣлецъ Касай съ сотнею Черкесъ намѣренъ пріѣхать къ княгинѣ Вѣрѣ въ Енотаевскъ, — то императрица написала: «Видно, что ея интриги далеко простираются. Енотаевскому начальнику или коменданту приказать за матерью и за сыномъ Дондуковымъ смотрѣть, дабы они не ушли, какъ уже и прежде отъ нихъ случилось». Княгинѣ Вѣрѣ отправлена была грамота съ угрозою, что она будетъ взята въ Москву, если не успокоится. Иностранная коллегія подала докладъ, что Дундуковыхъ надобно взять изъ Енотаевска и помѣстить въ Москвѣ, княгинѣ давать жалованье по двѣ тысячи рублей въ годъ, а сыну ея Алексѣю по тысячѣ; кромѣ того за улусы, отошедшіе къ намѣстнику ханства, дать имъ изъ русскихъ деревень каждому душъ по тысячѣ.

Мы видѣли, что Екатерина назначила оренбургскимъ губернаторомъ Волкова, облекая его полною своею довѣренностію; несмотря на то, Волковъ сначала отказывался отъ этого мѣста, выставляя свою несостоятельность при сильномъ соперникѣ, генералъ-майорѣ Тевкелевѣ, магометанинѣ, имѣвшемъ важное значеніе среди инородцевъ. Тевкелевъ былъ въ это время въ Петербургѣ. Императрица велѣла вице-канцлеру посовѣтоваться съ нимъ о киргизскихъ дѣлахъ; но Тевкелевъ объявилъ, что онъ не можетъ подать никакого мнѣнія, пока не будетъ знать, угодно ли императрицѣ послать его на восточную украйну; если будетъ посланъ, то подастъ мнѣніе, какимъ образомъ онъ думаетъ поступать, и иначе для другого человѣка мнѣнія написать не можетъ, при чемъ превозносилъ прежнія свои службы. Коллегія доносила: «примѣчено изъ его словъ, что онъ охотно бы поѣхалъ туда; можетъ быть захочетъ онъ получить главную команду въ Оренбургѣ, но кажется, въ разсужденіи его магометанскаго закона, то было бы не весьма прилично». Императрица сказала вице-канцлеру, чтобъ оставилъ Тевкелева въ покоѣ, о Волковѣ же замѣтила, что ему даны достаточныя средства держаться на своемъ мѣстѣ [280].

Въ самомъ концѣ года, именно 27-го декабря пришли непріятныя извѣстія изъ Кіева, доносили, что въ среднихъ числахъ декабря пріѣзжалъ туда старшій канцеляристъ генеральной войсковой канцеляріи Туманскій (родной братъ гене-

ральнаго писаря) по магистратскимъ дѣламъ; но по отъѣздѣ его узнали, что онъ дѣлалъ нѣкоторыя представленія кіевскому митрополиту и печерскому архимандриту. Послѣдній разсказалъ, что дѣло шло о челобитной, которую хотѣли подать отъ всего общества, объ избраніи и утвержденіи новаго гетмана изъ сыновей настоящаго гетмана Разумовскаго. Архимандритъ отказался подписать челобитную, а митрополитъ сказалъ: «Кажется гетману и тою высочайшею милостію, которую имѣетъ, довольнымъ быть должно». Старшины, кромѣ генеральнаго писаря Туманскаго, не согласились и не подписали; но полковники подписались всѣ, кромѣ черниговскаго Милорадовича. Сочинили челобитную Туманскій да два полковника, Горленко и Хованскій. Содержаніе челобитной было такое: въ прежнее время, съ гетмана Богдана Хмельницкаго, въ гетманы все выбирались новыя лица, въ слѣдствіе чего были безпорядки; поэтому нашли полезнымъ, какъ для ненарушимой цѣлости высокихъ ея и. в. и всей имперіи интересовъ, такъ и для всегдашняго утвержденныхъ малороссійскихъ правъ, вольностей и привилегій сохраненія, и для избѣжанія народу разорительныхъ трудностей, имѣть гетмана всегда отъ такой фамиліи, которая въ непоколебимой своей ко всероссійскому престолу вѣрности болѣе другихъ утверждена. За этимъ слѣдовала похвала Разумовскому: онъ имѣетъ высочайшую довѣренность, владѣетъ столькими же имѣніями въ великой Россіи, какъ и въ Малороссіи, сыновья его будутъ подражать въ качествахъ и благоповеденіяхъ родителю своему: поэтому послѣ нынѣшняго гетмана просятъ объ избраніи въ гетманы его сыновей, по примѣру Юрія Хмельницкаго, избраннаго послѣ отца въ благодарность за услуги послѣдняго Россійской имперіи. По гетманскимъ посылкамъ полковники и полковая старшина съѣхались въ Глуховѣ и слушали челобитную въ генеральной канцеляріи. Выслушавъ, нѣкоторые сказали: хорошо; но большинство молчало. Тутъ генеральный судья Дублянскій объявилъ: «теперь-то хорошо, а впредь что будетъ? узнать не можно, и для того подписывать не буду». Только что онъ это сказалъ, всѣ одинъ за другимъ ушли изъ канцеляріи. На слѣдующій день приказано было опять собраться; собрались и подписались полковники кромѣ черниговскаго, а полковая старшина и старшина генеральная, кромѣ писаря, не под-

писались. Обозный Кочубей сказалъ: «мнѣ нельзя подписываться по свойству». Есаулъ Скоропадскій сказалъ: «Хотя онъ мой шефъ, только я не подпишусь». Хорунжій Апостолъ объявилъ: «Есть старше меня, пускай они подписываются». Бунчуковый Тарновскій сказалъ: «я согласенъ съ Скоропадскимъ». Послѣ этого собраніе разошлось [281].

Эти явленія на югозападной украйнѣ были тѣмъ болѣе неприятны, что польскія дѣла требовали особеннаго вниманія.

11 января Симолинъ описывалъ императрицѣ торжественный въѣздъ Бирона въ Митаву; за каретой герцога ѣхало больше пятидесяти каретъ курляндскаго дворянства. Когда Биронъ поровнялся съ русскимъ батальономъ, то встрѣченъ былъ барабаннымъ боемъ, музыкою и пушечными выстрѣлами. «И можно выговорить, писалъ Симолинъ, что такой радости и толь великаго удовольствія здѣшній городъ никогда не видалъ, ибо все то, что слухъ въ движеніе приводитъ, употреблено при семъ случаѣ столь много, что нельзя было другихъ разговоровъ разумѣть, понеже ко всѣмъ прочимъ упомянутымъ военнымъ инструментамъ и орудіямъ присовокупилось народное восклицаніе и звонъ колокольный съ церквей, хотя и сіе звонарямъ отъ принца Карла прещено было». Но полной радости мѣшало то, что Биронъ долженъ былъ остановиться въ домѣ купца Фермона, потому что дворецъ былъ занятъ прежнимъ герцогомъ. Число дворянъ, представлявшихся Бирону, простиралось до 500 человѣкъ обоего пола; не явились только оберъраты и члены придворной партіи, число которыхъ простиралось до 20 человѣкъ. Симолинъ послалъ сказать оберъ-ратамъ, что императрицѣ пріятно будетъ, если и они покажутъ своему государю уваженіе, любовь и послушаніе. На это они отвѣчали, что очень чувствуютъ милость императрицы къ ихъ отечеству, и крайне жалѣютъ, что не могутъ явиться къ герцогу Эрнесту Іогану, потому что это имъ накрѣпчайше запрещено принцемъ Карломъ, къ которому они, какъ его служители, привязаны присягою, и еще сегодня отъ короля родителя его полученъ на имя ихъ и всей земли рескриптъ, которымъ строжайше повелѣвается оставаться вѣрными его сыну и не имѣть никакого сообщенія съ герцогомъ Эрнестомъ Іоганомъ и съ чужимъ дворомъ подъ лишеніемъ имущества и жизни; а принцу Карлу пред-

писано отъ короля отнюдь не трогаться изъ Митавы. Остальные дворяне просили Симолина представить императрицѣ, нельзя ли какъ-нибудь заставить принца Карла выѣхать изъ Митавы до начала такъ-называемой братской конференціи, которая назначена на 30 января, ибо его присутствіе въ это время причинитъ только препятствія и замѣшательства, у оберъ-ратовъ и земскихъ служителей будутъ связаны руки относительно ихъ присяги.

Для борьбы съ Симолинымъ за принца Карла пріѣхалъ въ Митаву королевскій коммиссаръ кастелянъ Липскій и ожидался другой воевода Платеръ. Симолинъ далъ знать оберъратамъ, чтобъ они не имѣли сношенія съ польскими коммиссарами, и такъ какъ императрица не признаетъ другаго курляндскаго герцога кромѣ Эрнеста Іогана, то не будетъ признавать и тѣхъ оберъ-ратовъ, которые будетъ служить кому-нибудь другому, а не Эрнесту Іогану. Угроза подѣйствовала, и оберъ-бургграфъ Оффенбергъ немедленно явился на поклонъ къ Бирону, а другіе пошли къ принцу Карлу и объявили, что если онъ защитить ихъ не въ состояніи, то они не смѣютъ производить земскія дѣла въ противность Бирону и намѣрены отложить ихъ до сейма; но принцъ застращалъ ихъ королемъ и велѣлъ исполнять должность. Тогда несчастные оберъ-раты обратились къ Симолину съ просьбою засвидѣтельствовать передъ Бирономъ непоколебимую ихъ преданность и вѣрность въ исполненіи его повелѣній, какъ скоро они освободятся отъ присяги и не увидятъ причины опасаться гнѣва и наказанія отъ короля, что они ждутъ только прямого приказанія императрицы оставить принца Карла; хорошо было бы также, по ихъ мнѣнію, еслибъ принцъ поскорѣе уѣхалъ изъ Митавы.

Потомъ Симолинъ поѣхалъ къ коммиссару Липскому и объявилъ ему, что императрица не признаетъ въ Курляндіи никакого другаго герцога кромѣ Эрнеста Іогана. Липскій сталъ говорить, что не понимаетъ, какое право имѣетъ Россія на Курляндію, въ которой онъ, Липскій, находится теперь уполномоченнымъ у настоящаго герцога принца Карла; что по прибытіи сюда провѣдалъ онъ, что какой-то Биронъ въѣхалъ въ городъ съ великимъ торжествомъ; что видитъ въ Митавѣ такъ много русскихъ солдатъ, и что съ русской стороны все дѣлается силою, а онъ, кромѣ законовъ, не привезъ съ собою никакого

другого орудія. Симолинъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ къ нему не требовать отвѣта въ его поведеніи, но объявить волю императрицы, а воля эта состоитъ въ соблюденіи правъ и преимуществъ польской республики и здѣшнихъ герцогствъ.—«Я не оспариваю, продолжалъ Симолинъ, что у васъ нѣтъ никакихъ орудій кромѣ законовъ, нарушенныхъ съ вашей стороны, которые императрица въ силу трактатовъ, по сосѣдству и по примѣру своихъ предковъ, обязана охранять; поэтому не будетъ вамъ позволено ни малѣйшаго поступка въ предосужденіе здѣшней земли и ея правъ, и когда на дружескія представленія императрицы при польскомъ дворѣ не оказано никакого вниманія, то остаются способы, какіе употребляются въ крайнихъ случаяхъ для доставленія справедливости обиженной сторонѣ». Но эти слова не успокоили Липскаго, который повторилъ, что будетъ исполнять свои инструкціи.

Чтобъ отнять у коммиссара средство исполнять его инструкцію, Биронъ, по совѣту преданнаго ему дворянства, велѣлъ запечатать герцогскую судебную камеру и канцелярію, чѣмъ правительство приведено было въ совершенное бездѣйствіе.

Къ назначенному сроку съѣхалось въ Митаву много дворянъ для братской конференціи. Утромъ того самаго дня, когда началась конференція, Липскій приказалъ на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ прибить копіи королевскаго рескрипта, запрещавшаго всякія сношенія съ Бирономъ. Пріѣхавшіе въ Митаву литовскій оберъ- егермейстеръ Забѣлло и генералъ Левицкій намѣрены были въ церкви, куда дворянство должно было собраться предъ началомъ конференціи, протестовать противъ всего, что было сдѣлано въ послѣднее время съ русской стороны. Но Симолинъ, опасаясь, какъ писалъ, непостоянства и трусости нѣкоторыхъ дворянъ, велѣлъ снять со всѣхъ мѣстъ прибитые рескрипты, а къ Липскому послалъ напомнить декларацію императрицы и потребовать, чтобъ онъ не вмѣшивался въ курляндскія дѣла, которыя совершенно до него не касаются. Эти распоряженія ободрили дворянство, которое въ церкви, безъ обычнаго крика и шума, выбрало въ директоры преданнаго Россіи человѣка Гейкинга изъ Дурбена, а на другой день отправилось на поклонъ къ Бирону. Симолинъ приказалъ выпроводить изъ Митавы въ Литву Левицкаго за то, что онъ вручилъ инстигаторскіе позывы

къ суду въ Польшу, которые пугали дворянъ. Такъ какъ для конференціи необходимы были оберъ-раты, то собранное дворянство послало звать ихъ какъ старшихъ братьевъ. Но они, кромѣ оберъ-бургграфа Оффенберга, не пріѣхали, отговариваясь болѣзнію; впрочемъ дали знать дворянству, что не смѣютъ присутствовать въ конференціи, когда принцъ Карлъ еще въ Митавѣ, и по ихъ мнѣнію, лучше было бы, еслибъ дворянство послало къ королю челобитную съ описаніемъ послѣднихъ событій и съ просьбою разрѣшить землю отъ присяги принцу Карлу. Часть дворянства требовала, чтобъ поступлено было такимъ образомъ; но Симолинъ, который, по его словамъ, не оставлялъ конференцію при всякихъ трудныхъ ея задачахъ, устроилъ такъ, что составлена была манифестація, гдѣ дворянство, объявляя, что Курляндія желаетъ остаться при польской республикѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ не желаетъ имѣть герцогомъ никого другаго, кромѣ Бирона. Изъ оберъ-ратовъ только одинъ не соглашался признать Бирона, а такъ какъ по законамъ дѣла могли отправляться и тремя оберъ-ратами, то считали, что Биронъ вступилъ въ действительное обладаніе Курляндіею.

Но принцъ Карлъ жилъ во дворцѣ, а Биронъ въ частномъ домѣ, и какъ ни старался послѣдній вмѣстѣ съ Симолинымъ уговорить дворянство, чтобъ оно потребовало у принца Карла очищенія дворца и въ то же время обратилось къ императрицѣ съ просьбою о защитѣ, дворянство никакъ не соглашалось: «поелику, писалъ Симолинъ, вперены у нихъ законы ихъ, прямымъ нарушеніемъ которыхъ они и сей пунктъ разумѣютъ». 15 апрѣля собрались къ принцу Карлу изъ деревень его приверженцы, человѣкъ 18; вечеромъ онъ со всѣми ними ужиналъ у старостины Корфъ, гдѣ и простился съ ними, увѣряя въ скоромъ своемъ возвращеніи и уговаривая остаться ему вѣрными; а на другой день рано утромъ выѣхалъ въ Варшаву со всѣмъ дворомъ, оставя для охраненія своихъ интересовъ двоихъ польскихъ сенаторовъ Платера и Липскаго. Какъ только Симолинъ узналъ объ отъѣздѣ принца Карла, то немедленно послалъ подполковника Шредера занять дворецъ, что и было исполнено; а 14 іюля уѣхали сенаторы Платеръ и Липскій. Мѣсто для Бирона было совершенно очищено [282].

Разумѣется, эти явленія производили все большее и большее

раздраженіе между русскимъ и польскимъ дворами. 21 февраля Екатерина писала Воронцову: «Надлежитъ писать къ графу Кейзерлингу, что я при теперешнихъ обстоятельствахъ съ великимъ удивленіемъ слышу, что при польскихъ близь Курляндіи и Лифляндіи границахъ собирается войско, что на то я индиферентными глазами смотрѣть не буду, и терпѣть не могу, чтобъ присвоилъ себѣ оный дворъ выйтить изъ узаконеній своего королевства, которыя королю не позволяютъ безъ сейма собирать на чужой границѣ войско; а если оное собраніе войскъ цѣлитъ обезпокоить законнаго курляндскаго герцога Эрнста Іоанна, то я имъ объявляю, что я королевскую власть безъ сейма надъ онымъ не признаю, и все что безъ республики сдѣлано будетъ въ ономъ дѣлѣ, пріиму какъ нарушеніе польской вольности, которой гарантію я имѣю и защищать намѣрена, а герцога Эрнста Іоанна въ свое покровительство принимаю, какъ беззаконно утѣсненнаго владѣтеля».

Августъ III прислалъ въ Москву уполномоченнаго для ходатайства за сына у императрицы; но этому уполномоченному Борху не позволили ни представиться императрицѣ, ни вступать въ переговоры съ канцлеромъ или вице-канцлеромъ. Курляндскія дѣла были дѣла чисто польскія; но Борхъ не могъ быть допущенъ въ качествѣ уполномоченнаго Августа III, какъ польскаго короля, ибо у Россіи съ Польшею не было непосредственныхъ сношеній въ слѣдствіе того, что республика не признавала императорскаго титула Русскихъ государей; въ качествѣ же саксонскаго министра Борхъ не могъ быть допущенъ до переговоровъ о курляндскихъ дѣлахъ, ибо саксонскому курфирсту не было никакого дѣла до Курляндіи. 24 февраля Екатерина писала Воронцову: «Можно г. Борху сказать, что всѣ оные труды лишни, что я не перемѣню своихъ сентиментовъ по курляндскимъ дѣламъ, понеже они основаны на справедливости; что его (Борха) персона пріятна мнѣ, а его коммиссія весьма не такова, что удивительна слѣпость его короля, который, любя сына, нарушаетъ правосудіе и узаконенія своего королевства и, что того удивительнѣе, вездѣ упоминаетъ, будто по наученіямъ чьимъ-либо поступаю. Можете ему сказать, что уже приходитъ моему достоинству противно оное дѣло болѣе трактовать en avocat и что твердо намѣрена сутенировать то, что я начала, всѣми отъ Бога мнѣ данными способами».

Кейзерлингъ доносилъ, что хотятъ предать суду герцога Бирона, литовскаго канцлера Чарторыйскаго и стольника литовскаго — Понятовскаго, послѣдняго за то, что при Елисаветѣ велъ переговоры о допущеніи русскихъ войскъ въ польскія владѣнія. Екатерина, получивъ это извѣстіе, написала: «Неужли полской дворъ въ горячкѣ, естли стольника судить, что онъ домогался россійской арміи въ Полшѣ ввести, такъ и короля судить надо, что онъ ему такія для саксонской интересъ наставленія давалъ». Въ началѣ февраля Кейзерлингъ писалъ: «По нынѣшнимъ обстоятельствамъ необходимо умножить число нашихъ друзей; а такъ какъ видно, что здѣшній дворъ не намѣренъ намъ въ этомъ помогать раздачею чиновъ и наградъ, то мы должны сами изыскивать къ тому способы. Примасъ въ государствѣ первая особа по королѣ, особенно онъ важенъ во время междоцарствія, и я всячески буду стараться пріобрѣсть его склонность и дружбу. Прежде примасъ Потоцкій получалъ пенсіи въ годъ по 15,000 рублей, и если вашему импер. величеству будетъ угодно, то можно эту пенсію раздѣлить такъ, чтобы примасъ и литовскій гетманъ Масальскій получали въ годъ по 8000 рублей. Сколько мнѣ извѣстно, еще никто изъ нихъ ни къ какой иностранной державѣ не привязанъ; а чтобъ этого сдѣлаться не могло, то не угодно ли будетъ вашему императорскому величеству надлежащіе указы о пенсіяхъ прислать ко мнѣ немедленно». Канцлеръ сдѣлалъ на этой реляціи замѣтку: «Извѣстное дѣло, что безъ раздачи въ Польшѣ денегъ и пенсіоновъ невозможно по намѣреніямъ своимъ съ успѣхомъ достигнуть: не соизволите ли ваше величество указать г. Кейзерлингу изъ посланной къ нему суммы денегъ представленнымъ отъ него персонамъ нынѣ выдать по 3000 червонныхъ съ обнадеживаніемъ ежегодныхъ впредь пенсіоновъ, и чтобъ графъ Кейзерлингъ постарался и гетмана Браницкаго въ наши интересы преклонить, представя ему знатную сумму денегъ». Императрица написала: «Быть по сему и отдать на разсмотрѣніе графу Кейзерлингу. Извѣстно, что онъ по пустому не раздастъ». Отъ 4 февраля Кейзерлингъ доносилъ: «Время созваннаго къ 23 числу этого мѣсяца сенатусъ-консилиума приближается и уже нѣкоторые сенаторы находятся здѣсь; думаютъ, что это собраніе будетъ очень многочисленно, потому что всячески стараются большинствомъ голо-

совъ достигнуть въ сенатѣ по курляндскому дѣлу того, чего нельзя достигнуть законами и справедливостію. По нынѣшнему состоянію республики дворъ въ этомъ собраніи можетъ всегда имѣть большинство голосовъ, ибо чины и награды, которые по pacta conventa должны доставаться только заслуженнымъ и искуснымъ людямъ, слишкомъ 12 лѣтъ получали только такіе, которые соглашались на все угодное двору, слѣдовательно слѣпое послушаніе заступаетъ теперь мѣсто всѣхъ заслугъ. Легко поэтому разсудить можно, сколько нынѣшнее правленіе этой вольной республики отступаетъ отъ перваго своего учрежденія и походитъ почти на аристократію: отъ этого наконецъ мало по малу можетъ произойти и неограниченная власть. Еслибъ нынѣшній король былъ другихъ мыслей, и еслибъ министерство имѣло болѣе разума, искусства и силы, то было бы легко королевскую власть распространить. Шляхта можетъ о правахъ своихъ говорить только на сеймахъ, а такъ какъ сеймы постоянно разрываются, то не остается ей способа оспаривать то, что противно законамъ и вольности. Состоятельность сеймовъ есть защита вольности; но кажется, что шляхта этого не примѣчаетъ, ибо она слишкомъ 20 лѣтъ привыкла видѣть, какъ сеймы разрываются и чрезъ это вырывается у нея изъ рукъ случай говорить о своихъ правахъ. Шляхетская вольность есть одно только пустое имя; власть, подкрѣпляющая государственную вольность, роздана теперь такимъ, которые слѣдуютъ желаніямъ двора и совершенно пренебрегаютъ уставами государственными. Доказательствомъ служитъ отдача Курляндіи принцу Карлу безъ согласія сейма, что прямо запрещено конституціей 1607 года. Противная партія оспорить этого не можетъ, и только заявляетъ, что рѣшеніе курляндскихъ дѣлъ принадлежитъ королю и республикѣ, а не Россіи. Я имъ отвѣчаю на это, что въ Россіи не намѣрены ничего рѣшать, что дѣло рѣшено конституціею 1736 года, когда Курляндія отдана герцогу Бирону, а ваше величество никогда не допустите, чтобъ рѣшеніе всей республики было ниспровергнуто частію ея; а что рѣшено, того нечего рѣшать. Говорятъ, что послѣ нынѣшняго сенатусъ-консиліума созванъ будетъ въ маѣ мѣсяцѣ чрезвычайный сеймъ. Не безполезно было бы, еслибъ ваше императорское величество указать соизволили стоящимъ по польской границѣ войскамъ вашимъ быть въ готовности къ походу».

Въ сенатусъ-консиліумѣ изъ 60 сенаторовъ 48 признали принца Карла законнымъ герцогомъ курляндскимъ и рѣшили начать уголовный процессъ противъ Бирона и его приверженцевъ. Получивши объ этомъ извѣстіе, Екатерина написала Воронцову: «Пошлите г. Борху сказать, что видя отъ его короля не иное, какъ крайнее мнѣ оскорбленіе и его собственный (Борха) поступокъ по двора его наставленію (равно сослаться на декларацію объ императорскомъ титулѣ), я повелѣваю ему въ 48 часовъ отселѣ выѣхать; въ противномъ случаѣ прикажу его выпроводить. И прибавить къ тому, что результатъ сенатусъ-консиліума тому причиною, изъ которой видится, что они хотятъ меня принудить изъ пріятельскаго поступка выходить, хотя въ семъ случаѣ саксонская министерія не болѣе благопристойныхъ мѣръ взяла какъ и во всемъ, и столь республику оскорбила, сколь и меня. Чтобъ они знали, что я герцога Эрнста Іоанна и вольности польской защищать буду всѣмъ, чѣмъ Богъ меня благословилъ».

Этимъ раздраженіемъ пользовались Чарторыйскіе. Приведенное донесеніе Кейзерлинга показываетъ, что старикъ находился подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ; подъ ихъ вліяніемъ онъ натолковывалъ своему двору, какъ опасно единогласіе на польскихъ сеймахъ: Чарторыйскимъ нужно было мало по малу склонить русскій дворъ къ поданію помощи въ нужныхъ имъ преобразованіяхъ. Между тѣмъ Чарторыйскіе по прежнему настаивали на необходимость конфедераціи. Въ промеморіи, поданной ими Кейзерлингу, они писали: «Въ актахъ конфедераціи будетъ говориться отъ имени короля Августа III, которому можно сказать то же, что Граммонъ сказалъ Людовику XIV-му: «мы вели войну съ Мазариномъ, исполняя свои обязанности къ вашему величеству». Для успѣха конфедераціи Чарторыйскіе требовали, чтобъ Екатерина назначила коммиссію для вознагражденія Полякамъ, потерпѣвшимъ въ послѣднюю войну, для чего коммиссія должна была имѣть 50,000 дукатовъ; учредить въ Смоленскѣ складъ оружія и приготовить экипажи, на которыхъ оно должно быть перевезено въ Шкловъ, имѣніе князя Чарторыйскаго, воеводы русскаго, а другой складъ учредить въ Кіевѣ, изъ котораго оружіе должно быть перевезено въ Меджибожъ, другое имѣніе Чарторыйскихъ; чтобъ сто человѣкъ русскихъ артиллеристовъ и 400 гусаръ поступили въ команду начальниковъ конфедераціи:

Кромѣ 50,000 дукатовъ, писали Чарторыйскіе, нужно сдѣлать еще многія подобныя же выдачи, но, прибавляли они, «мы далеки отъ того, чтобъ предписывать что-нибудь великой душѣ, которая никогда ничего не предпринимаетъ безъ исполненія и которая такъ хорошо знаетъ, что сила средствъ сокращаетъ трудъ».

Но «великой душѣ» не нравилась эта крутая мѣра, особенно потому, что требовала много русскихъ денегъ. Раздраженная безсильными хотѣніями и угрозами польскаго двора, Екатерина писала Кейзерлингу 1 апрѣля: «разгласите, что если осмѣлятся схватить и отвезти въ Кёнигштейнъ кого-нибудь изъ друзей Россіи, то я населю Сибирь моими врагами и спущу запорожскихъ козаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отомстить за оскорбленія, наносимыя мнѣ королемъ польскимъ [283]». Но въ другомъ тонѣ было написано письмо къ Кейзерлингу 14-го іюля: «Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацію; но я не вижу, къ чему поведетъ конфедерація при жизни короля польскаго? Говорю вамъ сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тѣхъ поръ, пока я не приведу въ порядокъ финансовъ, чего въ одну минуту сдѣлать нельзя; моя армія не можетъ выступить въ походъ въ этомъ году: и потому я поручаю вамъ сдерживать нашихъ друзей, а главное, чтобъ они не вооружались, не спросясь со мною: я не хочу быть увлечена далѣе того, сколько требуетъ польза моихъ дѣлъ». Отъ 26-го іюля дополнительное распоряженіе: «Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я приказывала вамъ удерживать друзей моихъ отъ преждевременной конфедераціи; но въ то же время дайте имъ самыя положительныя удостовѣренія, что мы ихъ будемъ поддерживать во всемъ, что благоразумно, будемъ поддерживать до самой смерти короля, послѣ которой мы будемъ дѣйствовать, безъ сомнѣнія, въ ихъ пользу». Какъ берегла въ это время Екатерина деньги, видно изъ записки ея къ вице-канцлеру по поводу просьбы какого-то барона Линзингена: «Уладьте дѣло по его претензіямъ къ моему и его удовольствію, дабы волки были сыты, и овцы цѣлы, а овцы — червонные».

Екатерина считала всякую сильную мѣру преждевременною до смерти короля. Въ началѣ года она была встревожена извѣ-

стіемъ объ опасной болѣзни Августа III-го; немедленно созвана была конференція: Бестужевъ настаивалъ, что всего лучше возвести на престолъ сына Августа III-го, будущаго курфюрста саксонскаго; но его мнѣніе не было принято, и рѣшено, что при будущихъ выборахъ надобно дѣйствовать въ пользу Пяста (природнаго Поляка), и именно стольника литовскаго, графа Станислава Понятовскаго; если же его нельзя, то двоюроднаго брата его, князя Адама Чарторыйскаго, сына князя Августа, воеводы русскаго (т.-е. Галицкаго); хранить это втайнѣ, держать 30,000 войска на границѣ и еще 50,000 наготовѣ.

Отъ 8-го февраля пошелъ къ Кейзерлингу рескриптъ: «Какъ старость лѣтъ, такъ и настоящее болѣзненное состояніе короля польскаго великую подаютъ намъ причину заблаговременно принять надлежащія мѣры, дабы въ случаѣ кончины его величества возведенъ былъ на польскій престолъ такой король, отъ котораго государственные наши интересы не токмо бы никакого ущерба не претерпѣли, но паче вящшее приращеніе возъимѣть моглибъ. Изъ саксонскихъ принцевъ не находимъ мы никого, кто бы съ пользою интересовъ нашихъ въ сіе достоинство возведенъ быть могъ: нынѣшняго куръ-принца Поляки конечно не похотятъ имѣть своимъ королемъ по причинѣ слабаго его сложенія; принцъ Ксаверій, будучи преданъ совсѣмъ Франціи, а принцъ Карлъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ будучи огорченъ противъ насъ, иного отъ нихъ ожидать нельзя, какъ явнаго недоброжелательства къ имперіи нашей; изъ прочихъ же чужестранныхъ принцевъ не знаемъ никого къ тому способнымъ, почему надобно избрать къ тому и въ готовности содержать достойную особу изъ Піастовъ. По совершенному знанію, которое вы чрезъ долговременное искусство пріобрѣли, о всѣхъ княжескихъ домахъ, также и о добродѣтеляхъ всѣхъ польскихъ вельможъ, имѣете вы какъ наискорѣе намъ донесть обстоятельно, кто бы по вашему разсужденію наиспособнѣйшимъ къ тому быть могъ, изъ чужестранныхъ ли принцевъ, или изъ Піастовъ, и на кого бы мы въ разсужденіи государственнаго нашего интереса больше надежду имѣть могли. Мы думаемъ, что хотя республика польская при избраніи въ короли чужестраннаго принца и находились бы при нынѣшнемъ же своемъ раздѣленіи и слабости кои для интересовъ нашихъ не инако какъ полезны, и сверхъ того

отъ германскаго принца, въ разсужденіи инфлюенціи въ германскихъ дѣлахъ, больше надежности въ обязательствахъ ожидать надлежитъ, да и такой принцъ, имѣя собственныя свои области и достаточные доходы, не имѣлъ бы слѣдовательно нужды желать отъ какой иностранной державы субсидей, и потому отъ оной зависѣть, и мы бы также не были принуждены въ тягость нашей казны оныя субсидіи ему давать: но понеже способнаго къ тому избрать не можемъ, то лучше былобъ, когдабъ назначенъ былъ къ тому благонамѣренный къ намъ Піастъ, однакожъ въ ожиданіи доношенія вашего отлагаемъ принять конечную въ томъ резолюцію. Между тѣмъ, дабы въ случаѣ дѣйствительной кончины нынѣшняго короля можно было ревностно подкрѣплять представляемаго кандидата, мы учинили уже потребныя распоряженія, чтобъ какъ корпусъ войскъ нашихъ до 30,000 человѣкъ въ готовности находился по первому указу вступить въ Польшу, такъ и знатная денежная сумма въ наличіи содержима была. Равномѣрно жъ не оставите вы и съ вашей стороны стараніе прилагать примаса регии и другихъ инфлюенцію имѣющихъ знатныхъ Поляковъ приласкать, обнадеживая ихъ императорскою нашею протекціею и вспоможеніемъ, чтобъ, когда случай настоять будетъ, могли мы отъ содѣйствованія ихъ ожидать успѣха въ нашемъ намѣреніи, которое конечно деньгами и оружіемъ сильно подкрѣплять не оставимъ. А какъ всѣ сіи предпринимаемыя запасныя мѣры имѣютъ единственно въ виду пользу интересовъ нашихъ и сопряжены съ великимъ истощеніемъ казны нашей, то справедливость требуетъ обнадежиться напередъ отъ новаго кандидата полученіемъ нѣкоторыхъ для имперіи нашей выгодностей; а оныя, какъ и вамъ довольно извѣстно, состоятъ въ томъ, чтобъ въ исполненіе мирнаго трактата между обоихъ государствъ точныя границы установлены и захваченныя Поляками у нашихъ подданныхъ земли возвращены были, также чтобъ живущіе въ Польшѣ и Литвѣ многія тысячи нашихъ подданныхъ людей бѣглыхъ назадъ въ Россію выданы, а впредь бы такіе бѣглецы тамо отнюдь не принимаемы и не укрываемы были, и чтобъ собственные польскіе и литовскіе обыватели греческаго исповѣданія купно съ ихъ монастырями и церквами отъ приключаемаго имъ донынѣ несноснаго утѣсненія въ вѣрѣ и отправленіи службы Божіей совершенное избавленіе получили, а отня-

тое у ихъ имѣніе и превращенныя на унію церкви возвращены бъ были, и чтобъ все сіе стараніемъ такого новаго короля вновь накрѣпко узаконено и въ дѣйствительность приведено быть могло».

Кромѣ этого рескрипта отправленъ былъ еще секретнѣйшій, въ которомъ предписывалось, въ случаѣ королевской смерти: «Имѣете вы обнадеживать вообще всѣхъ Поляковъ именемъ нашимъ о дружбѣ и доброжелательствѣ нашемъ къ республикѣ польской, что мы о сохраненіи ея вольности и конституцій всегдашнее почтеніе имѣя, пріемлемъ истинное участіе въ ихъ благополучіи, что мы для собственнаго блага республики желаемъ, чтобъ королемъ выбранъ былъ собственный ихъ патріотъ, талантъ и достоинство къ тому имѣющій, къ чему мы съ своей стороны назначиваемъ стольника литовскаго графа Понятовскаго или князя Адама Чарторыйскаго, который по нашему разсужденію кажется одаренъ всѣми достоинствами и добродѣтелями государю надлежащими, и о преданности котораго къ нашей имперіи мы извѣстны, и для утвержденія его на польскомъ престолѣ употребимъ всѣ отъ Бога дарованныя намъ силы, и что впрочемъ республика сама признать должна, какой существительный интересъ и участіе имѣемъ мы въ избраніи короля польскаго, и для того не подвергала бы отечество свое бѣдствіямъ, кои неминуемо послѣдуютъ, ежели рекомендація наша въ надлежащее уваженіе принята не будетъ».

Но Кейзерлингъ отъ 9-го марта увѣдомилъ, что слухъ о смертельной болѣзни короля разглашенъ съ французской стороны нарочно для того, чтобъ вывѣдать намѣренія русскаго двора относительно избранія новаго польскаго короля. Король оправился, а такъ какъ онъ живетъ умѣренно, то можетъ протянуть еще нѣсколько лѣтъ, и если въ это время будетъ продолжаться въ Польшѣ существующій порядокъ, то Франціи конечно удастся сдѣлать по своему при будущихъ выборахъ, особенно если въ это время и дофинъ вступитъ на престолъ отца своего, а съ русской стороны не употребятся всѣ старанія безъ потери времени, чтобъ прусскій король былъ выхваченъ изъ рукъ и сѣтей французскихъ и былъ привлеченъ къ русскому интересу, который здѣсь съ прусскимъ одинаковъ; а въ Вѣнѣ уже установлена французская система: за эрцгерцога выдана принцесса

изъ бурбонскаго дома, и пока Кауницъ дѣлами правитъ, до тѣхъ поръ тамъ не можетъ быть никакой другой системы, кромѣ нынѣшней.

Касательно особы будущаго короля Кейзерлингъ писалъ, что саксонскаго принца допустить опасно еще и потому, что многіе въ Польшѣ склонны установить у себя наслѣдственное правленіе вмѣсто избирательнаго. Сильный польскій король никогда не будетъ полезенъ Россіи; если онъ богатъ, то можетъ жить собственными средствами; если наслѣдныя его земли далеко отъ русскихъ границъ, то онъ о Польшѣ мало, а о Россіи вовсе не будетъ заботиться, хотя и чрезъ нее получитъ корону. Благодарность теперь стала рѣдкою добродѣтелью. Вообще иностранный принцъ, который съ великими и сильными домами въ Европѣ состоитъ въ родствѣ и обязательствахъ, не можетъ никогда быть полезенъ Россіи на польскомъ престолѣ, и потому изъ иностранныхъ принцевъ онъ, Кейзерлингъ, не знаетъ никого, кто бы достоинъ былъ польской короны въ разсужденіи рускаго интереса. Всѣ эти препятствія исчезаютъ при избраніи Пяста, и именно изъ русскихъ друзей.

Екатерина отвѣчала на эти донесенія, что она очень рада королевскому выздоровленію и возможности продлиться его жизни еще нѣсколько лѣтъ, ибо въ противномъ случаѣ могли бы произойти для нея великія и почти неминуемыя трудности, особенно при вмѣшательствѣ другихъ державъ. «Мы, писала Екатерина, согласно съ вами, признаемъ нужду присоединить въ этомъ дѣлѣ короля прусскаго къ нашему интересу, отводя его отъ Франціи, и конечно не оставимъ о томъ помышлять, къ чему есть довольное время по нынѣшнему состоянію здоровья короля польскаго».

Кейзерлингъ сильно ошибался въ своихъ обнадеживаніяхъ относительно продолжительности королевской жизни. 6 октября Екатерина получила отъ него извѣщеніе о смерти Августа III-го. «Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля польскаго: Король прусскій изъ за стола вскочилъ, какъ услышалъ», писала потомъ Екатерина Панину. Немедленно во внутреннихъ покояхъ императрицы собралась конференція изъ графа Бестужева-Рюмина, Неплюева, Панина, графа Григорія Орлова, вице-канцлера кн. Голицына, тайнаго со-

вѣтника Олсуфьева и вице-президента военной коллегіи графа Чернышева. Бестужевъ опять началъ исчисленіемъ причинъ, которыя заставляютъ предпочитать курфюрста саксонскаго: первая причина та, что на него указано уже при императрицѣ Елисаветѣ, и объявлено дворамъ — вѣнскому, французскому и самому саксонскому; вторая: всякій природный Полякъ или Пястъ, какъ бы знатенъ и богатъ ни былъ, безъ помощи иностранныхъ государствъ содержать себя не въ состояніи, и, получивъ больше денегъ отъ какой-нибудь враждебной намъ державы, будетъ дѣйствовать противъ Россіи; третья: опасенъ для Россіи и какой-нибудь принцъ иностранный, особенно изъ усилившагося бранденбургскаго дома; четвертая: Петръ Великій старался объ удержаніи польской короны въ саксонскомъ домѣ (?); пятая: избраніе курфюрста саксонскаго совершится легко, ибо безъ сомнѣнія Поляки приготовлены уже къ этому, слѣдовательно не нужно будетъ тратить много денегъ. Извѣстно, что Поляки уже обращаютъ свои взоры на двоихъ иностранныхъ принцевъ, на принца Карла лотарингскаго и ландграфа гессенъ-кассельскаго, изъ которыхъ за перваго хлопочетъ вѣнскій, а за послѣдняго берлинскій дворъ; но избраніе того или другого изъ этихъ принцевъ не можетъ быть полезно русскимъ интересамъ въ слѣдствіе ихъ зависимости отъ упомянутыхъ дворовъ, а потому необходимо немедленно назначить изъ другихъ иностранныхъ принцевъ или изъ Пястовъ такого кандидата, на котораго бы Россія совершенно могла полагаться, который бы своимъ возвышеніемъ былъ обязанъ единственно императрицѣ и отъ нея одной зависѣлъ. Если е. и. в—ству не угодно будетъ назначить своимъ кандидатомъ курфюрста саксонскаго, то выборъ изъ другихъ иностранныхъ домовъ и даже изъ саксонскаго равенъ будетъ по невыгодѣ выбору Пяста, потому что и ему, для удержанія при себѣ, надобно будетъ платить ежегодныя субсидіи. Чтоже касается Пястовъ, то ему, Бестужеву, извѣстны только двое способныхъ къ коронѣ и надежныхъ для Россіи людей: это князь Адамъ Чарторыйскій и стольникъ литовскій, графъ Понятовскій. Но такъ какъ первый очень богатъ, то не захочетъ быть въ полной зависимости отъ Россіи, а потому Понятовскій будетъ гораздо надежнѣе.

Хотя Бестужевъ, выставляя, повидимому, и выгоды избранія

Понятовскаго, такъ искусно билъ въ больное мѣсто, настаивая на томъ, что только избраніе саксонскаго курфюрста избавитъ Россію отъ большихъ денежныхъ издержекъ, конференція однако не согласилась и теперь назначить послѣдняго русскимъ кандидатомъ.

Подтвердивъ прежнее рѣшеніе относительно особы новаго короля, конференція постановила: въ разсужденіи старости графа Кейзерлинга и частыхъ болѣзненныхъ припадковъ отправить въ Варшаву ему на помощь полномочнаго министра, къ чему императрица тутъ же опредѣлила генералъ-майора князя Репнина, бывшаго прежде министромъ при прусскомъ дворѣ. Императрица объявила, что хотя по частной перепискѣ съ королемъ прусскимъ она обнадежена, что онъ по дѣламъ польскимъ намѣреніямъ ея препятствовать не будетъ, однако для лучшаго его утвержденія напишетъ собственноручно къ его величеству и также для приласканія и къ римской императрицѣ писать будетъ. Содержать войско на польскихъ границахъ въ такой готовности, чтобъ могли выступить по первому указу. Но если производить такіе наряды обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, то тайна не сохранится, и потому императрица приказала графу Чернышеву заготовить указъ, которымъ повелѣно будетъ производить это дѣло ему одному. Наконецъ въ конференціи читанъ поднесенный государынѣ графомъ Чернышевымъ секретный проектъ о присоединеніи къ Россіи, для лучшаго округленія и безопасности границъ рѣками Днѣпромъ и Двиною, нѣкоторыхъ польскихъ земель. И хотя великую для Россіи пользу этаго проекта, по многимъ обстоятельствамъ и уваженіямъ, болѣе желать, нежели дѣйствительнаго исполненія легко надѣяться можно, однако положено, чтобъ, не выпуская этого проекта изъ виду, первымъ движеніямъ здѣшнихъ войскъ быть со стороны тѣхъ мѣстъ, о которыхъ въ немъ показано. Проектъ Чернышева заключался въ томъ, что необходимо «сдѣлать нашимъ границамъ окруженіе по рѣкѣ Двинѣ, и, соединя онную отъ Полоцка на Оршу съ Днѣпромъ къ Кіеву, захватить по сю сторону Двины Крейцбургъ, Динабургъ, и всю польскую Лифляндію, Полоцкъ и полоцкое воеводство, Витебскъ и витебское воеводство, по сю сторону отъ мѣстечка Ула къ Оршѣ, и оное мѣстечко включая, отъ Орши, Могилевъ, Рогачевъ, изъ Мстиславскаго воеводства все лежащее по сю сторону Днѣпра и по Днѣпру до на-

шихъ нынѣшнихъ границъ». Средствомъ къ занятію этихъ областей Чернышевъ считалъ движеніе русскихъ войскъ по поводу избранія королевскаго; право на это онъ видѣлъ въ нарушеніи договоровъ и неисполненіи справедливыхъ требованій Россіи съ польской стороны. На другой же день отправленъ былъ Кейзерлингу рескриптъ, въ которомъ повторялось прежнее наставленіе, чтобъ избранъ былъ въ короли Пястъ, обязанный престоломъ единственно Россіи, вполнѣ ей преданный и готовый исполнить извѣстныя уже требованія. Екатерина писала: «Чтобъ графъ Кейзерлингъ, во что ни стало, примаса къ намъ сдѣлалъ преданнымъ; если менѣе не можно, хотя до ста тысячь рублевъ дать можно». Кейзерлингъ далъ знать, что для приведенія въ исполненіе русскаго намѣренія надобно сдѣлать слѣдующіе распоряженія и приготовленія: 1) согласиться съ берлинскимъ дворомъ и поступать съ нимъ сообща. 2) Иностранныхъ кандидатовъ лишить надежды на корону еще прежде избирательнаго сейма, что можно сдѣлать, когда на сеймикахъ и созывательныхъ сеймахъ постановится исключеніе иностранцевъ. 3) Сильно стараться о приведеніи въ согласіе Чарторыйскихъ и Потоцкихъ, иначе будетъ раздѣленіе въ избраніи, и противная партія передастся иностранной державѣ. 4) Такъ какъ во время междоцарствія бываютъ разорительныя для земли безпокойства, то надобно Полякамъ внушать, что имъ никакой пользы не будетъ, если они изъ своихъ выберутъ стараго человѣка, которому не долго царствовать; такимъ образомъ коронный гетманъ, воевода кіевскій и многіе другіе старики близкіе къ могилѣ исключатся изъ списка кандидатовъ. 5) Между Поляками ходятъ слухи о намѣреніи изъ республики сдѣлать державу; но такъ какъ эта перемѣна для безопасности сосѣдей будетъ невыгодна, то не надобно ли будетъ по этому дѣлу сдѣлать соглашеніе съ королемъ прусскимъ и Полякамъ дать знать, что Россія и Пруссія не допустятъ такой перемѣны? Императрица на все это изъявила согласіе.

Для ясности послѣдующаго разсказа намъ надобно здѣсь привесть нѣкоторыя подробности относительно партій, на которыя дѣлилась польская шляхта въ минуту смерти Августа III.

Мы знаемъ, что «фамилія», какъ называли князей Чарторыйскихъ съ родственниками ихъ, стояла въ челѣ партіи, имѣв-

шей въ виду преобразованіе польской конституціи, уничтоженіе liberum veto, усиленіе королевской власти, ея наслѣдственность, однимъ словомъ, все то, что могло бы усилить Польшу, спасти ее отъ страшнаго безнарядья, отнимавшаго у нея всякое значеніе среди другихъ державъ. Но масса шляхты была противъ преобразованія; она хотѣла сохранить нетронутыми свои старыя права и вольности, поэтому вельможи, враждебные фамиліи, всегда могли найти сильную подпору. Старшими въ фамиліи были двое братьевъ князь Михаилъ, канцлеръ литовскій, и Августъ, воевода русскій (галицкій); третье мѣсто занималъ сынъ Августа, князь Адамъ, генералъ земель подольскихъ; за нимъ слѣдовали четверо его двоюродныхъ братьевъ, Понятовскихъ: Казиміръ, подкоморій коронный, Андрей, генералъ, находившійся въ австрійской службѣ, Михаилъ, бывшій въ духовномъ званіи, и знаменитый Станиславъ, стольникъ литовскій. Къ фамиліи же принадлежалъ писарь литовскій Огинскій, зять Михаила Чарторыйскаго, Масальскій, гетманъ литовскій съ сыномъ, епископомъ виленскимъ, Флемингъ, подскарбій литовскій, Мостовскій воевода поморскій, Андрей Замойскій воевода иновроцлавскій, Станиславъ Любомирскій стражникъ коронный. Эта партія была сильна своимъ единствомъ и, главное тѣмъ, что Чарторыйскіе умѣли отыскивать людей даровитыхъ и образованныхъ: между послѣдними особенно выдавался Замойскій, первый обратившій вниманіе на необходимость улучшенія участи сельскаго народонаселенія. Относительно королевскихъ выборовъ, Чарторыйскіе хотѣли провести одного изъ своихъ, чтобъ тѣмъ легче осуществить свой преобразовательный планъ.

Въ челѣ другой партіи стоялъ Янъ Браницкій, великій гетманъ коронный; эта партія хотѣла выбора одного изъ саксонскихъ принцевъ, а еслибы это не удалось, то самого Браницкаго, разсчитывая на помощь Австріи и Франціи. Эта партія была не прочь отъ реформъ, лишь бы они были проведены не Чарторыйскими.

Многочисленная партія безъ опредѣленнаго политическаго характера сосредоточивалась около богачей Потоцкихъ; но, несмотря на свою многочисленность, эта партія не имѣла значенія, не имѣя среди себя способныхъ людей. Въ томъ же родѣ была партія, во главѣ которой находился князь Радзивиллъ, вое-

вода виленскій, первый богачъ Литвы. Простотою и ласковостію обращенія способный привлекать къ себѣ толпу, Радзивиллъ ни по чему другому не былъ способенъ руководить партіею: это былъ человѣкъ недалекій, совершенно необразованный и поддававшійся первому впечатлѣнію; избалованный своимъ положеніемъ и богатствомъ, онъ не зналъ предѣловъ своимъ порывистымъ желаніямъ, постоянно готовъ былъ предпринять насильственныя мѣры.

Краковскій воевода Вацлавъ Ржевускій, желавшій умноженія войска, но не позволявшій и думать о какомъ-нибудь нарушеніи священной польской старины, находился, по своимъ способностямъ, во главѣ остатковъ прежней придворной саксонской партіи, къ которой принадлежали великій маршалъ коронный Бѣлинскій, надворный маршалъ Мнишекъ, краковскій епископъ Солтыкъ, каменецкій епископъ Красинскій.

Легко было понять, что на королевскихъ выборахъ должна была взять верхъ та партія, которая отличалась наибольшею сплоченностію и считала между своими членами наиболѣе способныхъ людей, понимавшихъ, что дѣло не обойдется безъ вмѣшательства чуждыхъ державъ, что отъ Франціи и Австріи нечего ждать ни помощи, ни помѣхи, что только Россія хочетъ и можетъ провести своего кандидата. Такою партіею была партія Чарторыйскихъ. Главное лицо въ республикѣ во время междуцарствія, примасъ Владиславъ Любеньскій, какъ ни старался сначала показывать свое безпристрастіе, долженъ былъ пойти одною дорогою съ Чарторыйскими.

По смерти короля къ Кейзерлингу пріѣхалъ литовскій гетманъ Масальскій вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, виленскимъ епископомъ, съ литовскимъ референдаремъ и генераломъ Сосновскимъ. Они прямо спросили у посла, кого императрица имѣетъ въ виду при королевскихъ выборахъ, ибо за того и они будутъ стоять; угодно ли императрицѣ видѣть на польскомъ престолѣ курфюрста саксонскаго или болѣе желаетъ Пяста, и есть ли соглашеніе о Пястѣ съ королемъ прусскимъ? Кейзерлингъ отвѣчалъ, что императрица желаетъ избранія Пяста и съ прусскимъ королемъ объ этомъ соглашено, при чемъ обѣщалъ сильную помощь всѣмъ тѣмъ, которые, какъ прямыя дѣти отечества, будутъ способствовать намѣреніямъ ея величества для собствен-

наго и отечества своего благополучія. Тогда гости подали промеморію, гдѣ говорилось, что для Литвы по причинѣ наступающихъ сеймиковъ и созывательнаго сейма требуется 50,000 червонныхъ, да для арміи 20,000 червонныхъ; на избирательный сеймъ нужно 100,000 червонныхъ; этими деньгами они станутъ распоряжаться вмѣстѣ съ русскими друзьями, раздавать мелкому шляхетству для пріобрѣтенія большинства голосовъ. Увѣдомляя объ этомъ свой дворъ, Кейзерлингъ писалъ, что, по его мнѣнію, такъ много денегъ имъ давать не слѣдуетъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что если русскіе друзья на созывательномъ сеймѣ, гдѣ все опредѣляется большинствомъ голосовъ, одержатъ перевѣсъ, то этимъ дѣло избранія облегчится.

Новый курфюрстъ саксонскій объявилъ себя кандидатомъ на польскій престолъ и писалъ къ русской императрицѣ, прося согласиться на его избраніе; но получилъ отказъ. Кейзерлингъ доносилъ отъ 17 ноября: «Изъ отвѣтныхъ вашего в—ства грамотъ курфюрсту и курфюрстинѣ саксонскимъ ясно видно, какъ мало ваше имп. в—ство намѣрены способствовать имъ къ достиженію короны польской, несмотря на это, приверженцы ихъ говорятъ, что *хотя изъясненіе русской императрицы и не соотвѣтствуетъ желанію саксонскаго двора, однако есть надежда еще пріобрѣсть согласіе Россіи*». Панинъ замѣтилъ на донесеніи: «Въ подчерченныхъ линейкахъ и состоитъ несумнѣнно вся настоящая саксонскаго двора и его союзниковъ система, на которой они теперь работаютъ». Екатерина приписала тутъ же: «Тщетно льстятся».

Кейзерлингъ имѣлъ свиданіе съ гетманомъ Браницкимъ, причемъ объявилъ ему, что императрица отказала въ помощи курфюрсту саксонскому и желаетъ избранія Пяста. Браницкій отвѣчалъ, что прославляетъ намѣренія императрицы, но желаетъ, чтобъ имъ не навязывали инодного кандидата. На донесеніи объ этомъ Кейзерлинга Панинъ написалъ: «Самому несумнѣнно хочется». Екатерина прибавила: «А я часто въ непріятныхъ хлопотахъ не желаю быть». Панинъ сдѣлалъ еще другое замѣчаніе: «Пускай онъ о своемъ кандидатствѣ работаетъ: оно не опасно, лишь бы тѣмъ сдѣлалъ шизму въ партіи саксонской и ея союзниковъ. Графъ Кейзерлингъ разумно повелъ его на уду».

Курфюрстъ саксонскій поручилъ Браницкому начальство надъ

саксонскимъ войскомъ, оставленнымъ для охраны королевскихъ вещей и дворцовъ: такимъ образомъ онъ сталъ не только гетманомъ коронной арміи, но и генераломъ саксонскихъ войскъ. Это обстоятельство, равно какъ поведеніе кіевскаго воеводы Потоцкаго и военныя приготовленія князя Радзивилла въ Литвѣ побудили фамилію Чарторыйскихъ обратиться къ Кейзерлингу съ просьбою исходатайствовать у императрицы присылку для ихъ безопасности русскаго войска отъ 800 до 1000 человѣкъ; Чарторыйскіе основывались на томъ, что если коронный гетманъ и кіевскій воевода, явно вопреки законамъ, могли принять иностранныя войска подъ видомъ, будто они у нихъ состоятъ на жалованьѣ и въ службѣ, то и русскихъ друзей нельзя винить за то, что они воспользуются иностранною помощію не для обиды другихъ, но для собственной защиты. Между тѣмъ нужно было издать отъ имени русской императрицы декларацію относительно ея желанія видѣть на польскомъ престолѣ Пяста, ибо нѣкоторые дворы старались увѣрить Поляковъ, что между Россіею и Пруссіею уже заключенъ договоръ о раздѣлѣ Польши.

Присланный на помощь Кейзерлингу, князь Репнинъ привезъ съ собою наставленіе — говорить съ Кейзерлингомъ едиными устами и поступать во всемъ согласно. Между прочимъ Репнинъ долженъ былъ, по своимъ инструкціямъ, всѣми силами стараться, чтобъ преданные Россіи Поляки, а всего лучше еслибъ между ними и самъ примасъ, прислали къ императрицѣ, и къ ней одной, формальное прошеніе о покровительствѣ свободному выбору королевскому. «Чрезъ это, говорилось въ инструкціи, кромѣ собственныхъ нашихъ интересовъ, получимъ мы нѣкоторое право мѣшаться прямымъ образомъ въ сіе толь важное дѣло». Кандидату на польскій престолъ, Понятовскому, назначено было императрицею 3,000 червонныхъ ежегодной пенсіи; кромѣ того, Кейзерлингу было приказано заплатить всѣ его долги въ три срока, такъ чтобы къ концу 1764 года не оставалось на немъ никакого долга. Но Понятовскій долженъ былъ знать заранѣе, чѣмъ онъ въ послѣдствіи долженъ заплатить за эти милости. Въ инструкціи Репнину говорилось: «при удобныхъ случаяхъ не оставите вы ему (Понятовскому) искуснымъ и пристойнымъ образомъ внушать, что когда мы, по особливому нашему къ нему благоволенію, не жалѣемъ жертвовать въ пользу его множество

денегъ, и когда опять, еслибы онѣ однѣ не были достаточны, непремѣнное имѣемъ намѣреніе, для доставленія ему высшей чести, какую партикулярный человѣкъ едва ли когда ожидать могъ, употребить въ самомъ дѣлѣ всѣ намъ отъ Бога дарованныя силы, что натурально не можетъ быть безъ отягощенія вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, слѣдовательно и безъ огорченія матерняго нашего къ нимъ сердца: то и имѣемъ справедливѣйшую причину ожидать и требовать отъ благодарности и честности его, что онъ какъ нынѣ, въ нѣкоторое благодѣяніямъ нашимъ соотвѣтствіе, точно обнадежитъ насъ о сильнѣйшемъ съ своей стороны по возвышеніи на престолъ стараніи, дабы многія между нами и Поляками пограничныя дѣла къ совершенному нашему удовольствію окончены были, такъ и во все время государствованія своего интересы россійскіе собственными своими почитать и остерегать и имъ всѣми силами по возможности поспѣшествовать будетъ, и лицемѣрную и непремѣнную сохранить къ нимъ преданность и во всякомъ случаѣ намѣренія наши подкрѣплять не отречется; всякими способами, на основаніи вѣчнаго мирнаго трактата, стараться будетъ возвратить намъ бѣглецовъ нашихъ, пресѣчь попускаемые отъ Поляковъ воровства и разбои, защищать единовѣрныхъ нашихъ при ихъ правахъ, вольностяхъ и свободномъ отправленіи Божіей службы по ихъ обрядамъ, а особливо не только не допускать впредь отнятія церквей и монастырей съ принадлежащими имъ землями и другими имѣніями, но и возвратить при первомъ удобномъ случаѣ всѣ прежде у нихъ отнятыя; исходатайствовать отъ республики какъ нынѣ на сеймѣ коронаціи признаніе нашего императорскаго титула и подтвержденіе герцога курляндскаго Эрнеста Іоганна въ княжествахъ его съ засвидѣтельствованіемъ, буде бы можно, въ самой конституціи, что республика одолжена Россіи за охраненіе въ семъ случаѣ законовъ и вольности ея отъ нарушенія, а при томъ еще, что намъ всего нужнѣе, и съ точнымъ въ оной же (конституціи) опредѣленіемъ просить торжественно отъ ея стороны нашей гарантіи на всегдашнее время для соблюденія установленной законами формы правительства, вольности и цѣлости всей республики».

Первымъ донесеніемъ Репнина по пріѣздѣ его въ Варшаву было донесеніе о смерти главнаго соперника Понятовскому,

новаго курфюрста саксонскаго, умершаго отъоспы. «Этотъ случай, писалъ Репнинъ, можетъ только благопріятствовать намѣреніямъ вашего величества; саксонскіе приверженцы будутъ совершенно сбиты съ пути». Далѣе онъ писалъ: «Самое счастливое обстоятельство—это раздѣленіе саксонской партіи между принцемъ Ксавье и Карломъ (братьями покойнаго курфюрста); ожидаютъ, что они начнутъ драться. Гетманъ Браницкій также думаетъ о коронѣ, и если принцъ Ксавье потеряетъ надежду на успѣхъ, то будетъ поддерживать гетмана, потому что послѣдній старъ, можетъ скоро умереть». А между тѣмъ Кейзерлингъ далъ знать, что саксонскіе приверженцы находятся не въ одной Варшавѣ; онъ писалъ императрицѣ: «въ величайшемъ секретѣ примасъ сказалъ намъ (ему и Репнину), что Мерси открылся ему о своей перепискѣ съ Бестужевымъ, который совершенно противенъ намѣреніямъ императрицы относительно Польши. Екатерина написала на донесеніи: «переловить бы здѣсь или тамъ писемъ ихъ [284]».

Масальскій прежде всего допытывался у Кейзерлинга, существуетъ ли на счетъ ихъ королевскихъ выборовъ соглашеніе между Россіею и Пруссіею, и получилъ въ отвѣтъ, что соглашеніе существуетъ. Какъ же произошло это соглашеніе?

Въ началѣ года, между обоими дворами отзывалась еще прошлогодняя горечь. Берлинскій дворъ еще безпокоило заступничество Екатерины за Саксонію. Воронцовъ старался успокоить Сольмса на этотъ счетъ: «Лично, говорилъ онъ, императрица вовсе не такъ расположена въ пользу Саксоніи, чтобъ изъ-за нея объявила войну вашему государю; но я боюсь, что Бестужевъ, который все также продолжаетъ ненавидѣть вашего короля и который сохраняетъ еще большое вліяніе на императрицу, не осилилъ современемъ ея миролюбиваго расположенія». Сольмсъ началъ ободрять Воронцова, уговаривать его, чтобъ онъ не покидатъ своего мѣста до окончательнаго улаженія дѣлъ между Россіею и Пруссіею. Сольмсъ представлялъ Воронцову, что если онъ, канцлеръ, соединится съ Панинымъ, то соединенными силами они одолѣютъ Бестужева, ибо Панинъ, хотя и обязанъ послѣднему, однако не доведетъ своей благодарности до того, чтобъ жертвовать ему собственною мирною системою. Воронцовъ обязался не просить объ увольненіи этою зимою.

Заключеніе мира между Пруссіею, Австріею и Саксонію положило конецъ непріятнымъ объясненіямъ между русскимъ и прусскимъ дворами. Началось сближеніе, котораго такъ сильно желалъ Фридрихъ. «Пруссія, пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, очутилась послѣ войны въ одиночествѣ безъ союзниковъ: прежній союзъ съ Англіею смѣнился враждою и ненавистію; правда, что никто не нападалъ на короля (Фридриха), но не было также никого, кто бы его защитилъ. Такое положеніе не должно было продолжаться.... Начались переговоры съ Россіею о союзѣ»....

Поводомъ къ сближенію была Польша.

Отъ 8 февраля изъ Москвы къ русскому послу въ Берлинѣ, князю Владиміру Долгорукому пошелъ рескриптъ, что императрицѣ и королю прусскому надобно поступать взаимно съ откровенностію и дѣйствовать въ Польшѣ чрезъ своихъ министровъ единогласно, положа за правило—сохраненіе тишины и возведеніе на престолъ пріятнаго обѣимъ сторонамъ короля; Долгорукій долженъ былъ представить Фридриху II, что у императрицы нѣтъ намѣренія стѣснять свободу избранія, но охранять и защищать ее по силѣ принятой Россіею гарантіи въ 1716 году. «Сихъ представленій, говорилось въ рескриптѣ, кажется на первый случай довольно будетъ, ибо дальнѣйшія наши резолюціи будутъ зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ знанія, которое будемъ мы имѣть о намѣреніяхъ короля прусскаго, о распознаніи которыхъ надлежитъ вамъ всевозможное употреблять стараніе, а особливо не думаетъ ли онъ котораго изъ братьевъ своихъ или изъ другихъ ему преданныхъ германскихъ принцевъ возвысить на престолъ польскій». Фридрихъ II только этого и ждалъ. Долгорукій отвѣчалъ: «Король, выслушавъ мои рѣчи, показалъ очень довольный видъ, что узналъ намѣренія вашего императ. величества и сказалъ мнѣ, что теперь самое время принять мѣры касательно Польши, потому что по послѣднимъ письмамъ извѣстился онъ, что король польскій отчаянно боленъ и въ жизни его надежды никакой нѣтъ; онъ къ тому прибавилъ, что ему все равно, кто ни будетъ королемъ польскимъ, и въ томъ онъ легко можетъ согласиться съ вашимъ императ. величествомъ, лишь бы выключены были всѣ принцы австрійскаго дома, въ чемъ онъ надѣется, что и ваше императ. величество сами согласны будете; впрочемъ онъ думаетъ, что лучше будетъ, ежели въ ко-

роли выбранъ будетъ природный Полякъ, а не кто-нибудь изъ чужестранныхъ принцевъ. Король потомъ сказалъ, что какъ ваше императ. величество имѣете партизановъ въ Польшѣ, такъ и онъ имѣетъ своихъ, которые, соединясь, могутъ и королевство все склонить, что весьма полезно будетъ для того, что окончивъ нынѣ долгую и многокроволивную войну, онъ бы очень не желалъ начинать новую. Я на то королю доносилъ, что ваше императорское величество, не желая также ничего другаго, кромѣ мира и добраго согласія, находите нужнымъ съ нимъ о томъ совершенно согласиться посредствомъ партикулярной и персональной переписки, на что король сказалъ, что онъ самъ думаетъ, что этимъ способомъ дѣло скорѣе и надежнѣе къ концу привесть можно. Предъ тѣмъ, какъ я пошелъ отъ короля, онъ еще мнѣ сказалъ, что нѣкоторыя мысли имѣетъ съ вашимъ императ. величествомъ заключить такой союзъ, чтобъ отъ того могло быть на долгое время спокойствіе во всей Европѣ».

Переписка началась. Фридрихъ сообщалъ Екатеринѣ извѣстія изъ Вѣны, что тамъ думаютъ, какія имѣютъ подозрѣнія относительно видовъ Россіи на Польшу; просилъ не тревожиться мнѣніями и подозрѣніями вѣнскаго двора, потому что въ Вѣнѣ нѣтъ денегъ и Марія Терезія вовсе не въ такомъ выгодномъ положеніи, чтобъ могла начать войну: «Вы достигнете своей цѣли, писалъ Фридрихъ, если только немножко прикроете свои виды и накажете своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ опровергать ложные слухи, тамъ распускаемые; въ противномъ случаѣ ваши дѣла пострадаютъ. Вы посадите на польскій престолъ короля по вашему желанію и безъ войны, и это послѣднее во сто разъ лучше, чѣмъ опять низвергать Европу въ пропасть, изъ которой она едва вышла. Крики Поляковъ—пустые звуки; короля польскаго бояться нечего: онъ едва въ состояніи содержать семь тысячъ войска. Но они могутъ заключить союзы, которымъ надобно воспрепятствовать; надобно ихъ усыпить, чтобъ они заранѣе не приняли мѣръ, могущихъ повредить вашимъ намѣреніямъ.» Фридрихъ писалъ, что желалъ бы видѣть на польскомъ престолѣ Пяста; Екатерина отвѣчала, что это и ея желаніе, только бы этотъ Пястъ не былъ старикъ, смотрящій въ гробъ, ибо въ такомъ случаѣ сейчасъ же нач-

нутся новыя движенія и интриги съ разныхъ сторонъ въ ожиданіи новыхъ выборовъ.

Въ апрѣлѣ Долгорукій доносилъ о второмъ разговорѣ своемъ съ Фридрихомъ: «Императрица пишетъ, сказалъ король, что не желаетъ избранія на польскій престолъ кого-нибудь изъ бурбонской фамиліи: по моему, ни вѣнскому, ни версальскому двору въ томъ помогать не надобно, а впрочемъ, какъ я уже писалъ императрицѣ, я на все соглашаюсь, только думаю, что лучше будетъ природный Полякъ. Въ этомъ дѣлѣ надобно имѣть великую осторожность и стараться, чтобъ до времени намѣреніе императрицы не могло открыться; и въ этомъ я сильно сомнѣваюсь: когда я былъ въ Саксоніи и имѣлъ свиданіе съ королевскою фамиліею, то наслѣдная принцесса мнѣ говорила, что императрица старается объ избраніи въ польскіе короли князя Чарторыйскаго; я ей отвѣчалъ, что все пустое, что король еще здоровъ, и пока онъ живъ думать не для чего о его преемникѣ, и что я, равно какъ императрица, не намѣрены лишать Поляковъ свободы въ королевскихъ выборахъ». Потомъ Фридрихъ началъ говорить о союзѣ, который онъ намѣренъ заключить съ Россіей: «Такой союзъ, говорилъ онъ, не можетъ быть противенъ императрицѣ, ибо извѣстна склонность ея къ миру, и ни что не можетъ такъ способствовать миру, какъ нашъ союзъ: хотя вѣнскій дворъ теперь со мною и заключилъ миръ, однако какъ скоро поправитъ свои внутреннія дѣла, то вступитъ въ новую войну; а этого не осмѣлится сдѣлать, когда узнаетъ о союзѣ между мною и Россіею. Мнѣ уже отъ версальскаго и стокгольмскаго дворовъ сдѣланы предложенія вступить съ ними въ союзъ; но я отвѣчалъ въ учтивыхъ и нерѣшительныхъ выраженіяхъ, ожидая рѣшенія императрицы».

Фридрихъ прямо объявлялъ, что ему нуженъ союзъ съ Россіею и для чего нуженъ; соглашеніе въ дѣлахъ польскихъ будетъ слѣдствіемъ этого союза. Фридрихъ желалъ Пяста; но его министръ въ Варшавѣ, Бенуа, былъ опытнѣе и внимательнѣе Кейзерлинга; онъ хорошо зналъ, что Чарторыйскіе воспользуются своимъ торжествомъ для проведенія преобразованій несогласныхъ съ интересами Россіи и Пруссіи. «Я, писалъ Бенуа своему королю, твержу постоянно графу Кейзерлингу, что у Россіи и Пруссіи одинакія отношенія къ Польшѣ, и потому ихъ

существенный интересъ требуетъ не позволять, чтобъ республика стала значительною державою, пришла въ такое состояніе, въ которомъ могла бы быть опасна обоимъ дворамъ. Онъ далъ мнѣ честное слово, что не допуститъ до этого». Но для Бенуа было ясно, что не допускать до этого, значитъ раздѣлывать собственное дѣло, что Россія и Пруссія будутъ теперь усиливать людей, съ которыми послѣ неминуемо должны будутъ вступить въ борьбу. Онъ писалъ королю: «У Чарторыйскихъ, и особенно у стольника Понятовскаго, только и въ головѣ, что преобразованіе польской конституціи; они приступятъ къ реформѣ, какъ только образуется конфедерація, которую, какъ они надѣются, будетъ поддерживать Россія». И въ самомъ дѣлѣ Кейзерлингъ, по крайней мѣрѣ, былъ за конфедерацію. Бенуа былъ противъ нея, боясь всеобщей войны и совѣтуя своему королю быть нейтральнымъ; иначе при согласномъ дѣйствіи Россіи съ Пруссіею, вся Европа увидитъ, что дѣло идетъ объ увеличеніи этихъ державъ на счетъ Польши. Фридрихъ отвѣчалъ, чтобъ Бенуа держалъ себя страдательно среди этихъ движеній, но чтобъ не давалъ Россіи ни малѣйшаго повода подозрѣвать, что Пруссія дѣйствуетъ противъ нея.

26 сентября князь Долгорукій пріѣхалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Финкенштейну, и былъ встрѣченъ извѣстіемъ о смерти короля польскаго. «Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сказалъ Финкенштейнъ, я бы очень желалъ, чтобъ союзный трактатъ между Россіею и Пруссіею былъ заключенъ, чтобъ король имѣлъ оправданіе предъ другими государями, почему онъ поступаетъ въ Польшѣ согласно съ императрицею». Долгорукій отвѣчалъ, что проектъ оборонительнаго союза, присланный королемъ императрицѣ, разсматривается ею, и скоро заготовленъ будетъ съ русской стороны контръ-проектъ. «Хотя договоръ еще и не заключенъ, прибавилъ Долгорукій, однако я надѣюсь, что король не откажется отъ своихъ словъ, что относительно выбора короля польскаго во всемъ будетъ согласенъ съ императрицею; король сказалъ это мнѣ и то же самое написалъ императрицѣ».— «Король, отвѣчалъ Финкенштейнъ, остается при прежнемъ намѣреніи, только желательно, чтобъ союзный договоръ могъ быть заключенъ поскорѣе».

11 октября у Долгорукаго былъ новый разговоръ съ Финкенш-

тейномъ о союзѣ, по поводу польскихъ дѣлъ. Министръ объявилъ, что новый курфюрстъ саксонскій писалъ королю, что явится кандидатомъ на польскій престолъ и надѣется не встрѣтить этому препятствія со стороны Пруссіи, ибо Польша будетъ гораздо сильнѣе, имѣя королемъ Пяста; Марія Терезія также ходатайствуетъ въ пользу саксонскаго курфюрста. Такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что еще станутъ приставать къ королю съ этимъ, то онъ проситъ императрицу какъ можно скорѣе дать ему знать о своей резолюціи и поскорѣе привести къ концу заключеніе союзнаго договора, чтобъ дать королю право прямо отвѣчать державамъ на счетъ польскаго дѣла.

Дѣйствительно, едва Августъ III испустилъ духъ, какъ невѣстка его, новая курфюрстина саксонская, отправила письмо къ Фридриху II съ просьбою помочь ея мужу въ достиженіи польскаго престола, и быть посредникомъ между нимъ и Россіей, предлагая сдѣлать для послѣдней всевозможныя удовлетворенія. Фридрихъ, отправляя копію этого письма въ Петербургъ писалъ Екатеринѣ: «Если в. и. в. подкрѣпите теперь свою партію въ Польшѣ, то никакое государство не будетъ имѣть права этимъ оскорбиться. Если образуется противная партія, то велите только Чарторыйскимъ попросить вашего покровительства; эта формальность доставитъ предлогъ, въ случаѣ нужды, отправить войско въ Польшу; мнѣ кажется, что если вы объявите саксонскому двору, что не можете согласиться на избраніе курфюрста въ короли польскіе, то Саксонія не двинется и не запутаетъ дѣла».

На встрѣчу этому письму шло письмо изъ Петербурга въ Берлинъ: «Получивши извѣстіе о смерти короля польскаго, мнѣ было естественно обратиться къ в. величеству, писала Екатерина Фридриху: такъ какъ мы согласны на счетъ избранія Пяста, то слѣдуетъ намъ теперь объясниться, и безъ дальнѣйшихъ околичностей я предлагаю в. величеству между Пястами такого, который болѣе другихъ будетъ обязанъ в. величеству и мнѣ за то, что мы для него сдѣлаемъ. Если в. величество согласны, то это стольникъ литовскій, графъ Станиславъ Понятовскій, и вотъ мои причины. Изъ всѣхъ претендентовъ на корону онъ имѣетъ наименѣе средствъ получить ее, слѣдовательно наиболѣе будетъ обязанъ тѣмъ, изъ рукъ которыхъ онъ ее получитъ.

Этого нельзя сказать о вождяхъ нашей партіи: тотъ изъ нихъ, кто достигнетъ престола, будетъ считать себя обязаннымъ сколько намъ, столько же и своему умѣнью вести дѣла. В. величество мнѣ скажете, что Понятовскому нечѣмъ будетъ жить; но я думаю, что Чарторыйскіе, заинтересованные тѣмъ, что одинъ изъ родственниковъ будетъ на престолѣ, дадутъ ему приличное содержаніе. В. величество не удивляйтесь движеніямъ войскъ на моихъ границахъ: это въ связи съ моими государственными правилами. Всякая смута мнѣ противна, и я пламенно желаю, чтобы великое дѣло совершилось спокойно».

Фридрихъ отвѣчалъ, что согласенъ и немедленно же прикажетъ своему министру въ Варшавѣ дѣйствовать заодно съ Кейзерлингомъ въ пользу Понятовскаго; по варшавскимъ извѣстіямъ, Французы и Саксонцы интригуютъ изо всѣхъ силъ, чтобъ внушить Полякамъ отвращеніе къ Пясту; но онъ не боится этихъ интригъ, ибо твердо увѣренъ, что если русскій и прусскій министры вмѣстѣ объявятъ главнымъ вельможамъ о желаніи своихъ государей, то сейчасъ согласятся. Вѣнскій дворъ не вмѣшается въ выборы, лишь бы соблюдены были формальности. Относительно Порты онъ предупредилъ желанія императрицы: приказалъ своему министру въ Константинополѣ дѣйствовать согласно съ желаніями обоихъ дворовъ; въ Берлинѣ ожидаютъ пріѣзда турецкаго посланника, которому внушится, что избраніе Пяста въ короли польскіе вполнѣ согласно съ интересами султана. «Я, съ своей стороны, писалъ Фридрихъ, не пощажу ничего, чтобы могло успокоить умы; употреблю всѣ усилія, чтобы все прошло спокойно и безъ кровопролитія, и заранѣе поздравляю ваше императ. величество съ королемъ, котораго вы дадите Польшѣ». Король не упускалъ случая утверждать, что смотритъ на мирное избраніе Понятовскаго какъ на дѣло рѣшенное. Екатерина послала ему въ подарокъ астраханскихъ арбузовъ; Фридрихъ отвѣчалъ на эту любезность (7 ноября): кромѣ рѣдкости и превосходнаго вкуса плодовъ, безконечно дорого для меня то, отъ чьей руки получилъ я ихъ въ подарокъ. Огромное разстояніе между астраханскими арбузами и польскимъ избирательнымъ сеймомъ: но вы умѣете соединить все въ сферѣ вашей дѣятельности; та же рука, которая разсылаетъ арбузы, раздаетъ короны и сохраняетъ миръ въ Европѣ».

Вся эта податливость и любезность оказывалась въ ожиданіи скораго заключенія союза. Но въ Петербургѣ хотѣли извлечь всевозможныя выгоды изъ этого ожиданія, и заключить союзъ только въ крайности. Въ октябрѣ Панинъ говорилъ Сольмсу на маскарадѣ: «Только императрица да я стоимъ за прусскую систему; я поддерживаю эту систему не изъ-за какихъ-нибудь выгодъ, но потому что вижу въ ней самыя большія выгоды для моего двора и самую громкую славу для моей государыни. Вѣнскій дворъ имѣетъ здѣсь столько друзей, которые стоятъ за старую систему. Я одинъ противъ нихъ и требую поддержки. Одинъ король вашъ государь можетъ меня поддержать полнымъ соглашеніемъ съ видами моей государыни».

«Дѣйствуйте съ нами заодно въ Польшѣ и въ награду ожидайте союза»—говорили въ Петербургѣ.—«Прежде заключите союзъ, и тогда мы будемъ дѣйствовать заодно съ вами въ Польшѣ», говорили въ Берлинѣ....

А союза заключать не хотѣлось въ Петербургѣ. Сольмсъ писалъ Фридриху: «У императрицы обычай каждаго выслушивать, и чрезъ это она подчиняется различнымъ вліяніямъ. Люди неблагонамѣренные нашли слабое мѣсто, которымъ пользуются при каждомъ случаѣ: они увѣряютъ Екатерину, что въ томъ или другомъ случаѣ она не угодитъ народу. Страхъ потерять любовь націи вкоренился въ ней и дѣлаетъ ее робкою». Екатерина не хотѣла союза ни съ одною державою, считая это преждевременнымъ; тѣмъ болѣе она должна была останавливаться предъ союзомъ съ Пруссіею, который слишкомъ бы сблизилъ ея царствованіе съ царствованіемъ предшествовавшимъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было сажать на польскій престолъ Понятовскаго?

Въ Берлинѣ никакъ не хотѣли допустить, чтобъ Россія въ дѣлахъ польскихъ дѣйствовала заодно съ Пруссіею, т.-е. чтобъ Пруссія подчинялась здѣсь желаніямъ Екатерины; а въ дѣлахъ турецкихъ дѣйствовала заодно съ Австріею. По поводу заявленія такой политики была любопытная сцена у князя Долгорукаго съ Финкенштейномъ.

Турецкій посланникъ, о которомъ писалъ Фридрихъ, наконецъ пріѣхалъ въ Берлинъ, и Финкенштейнъ сообщилъ Долгорукому, что по требованію посланника самъ король хочетъ написать про-

ектъ союзнаго договора между Пруссіею и Портою. Долгорукій поблагодарилъ за такую откровенность, но замѣтилъ, что о союзѣ между Портою и Пруссіею узнаютъ въ Петербургѣ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ, ибо хотя онъ будетъ заключенъ только съ цѣлію обороны противъ Австріи, однако со многихъ сторонъ можетъ коснуться и Россіи, которая должна быть тѣсно связана съ вѣнскимъ дворомъ относительно Порты, для общей безопасности обѣихъ странъ и для охраны всего христіанства. Поэтому императрицѣ будетъ очень пріятно, если король уклонится отъ турецкаго союза въ виду общеевропейскаго интереса, ибо это будетъ союзъ съ непримиримымъ врагомъ всѣхъ христіанскихъ народовъ; нужды же для Пруссіи въ этомъ союзѣ нѣтъ никакой, а произойдетъ предосужденіе славѣ короля и подозрѣніе на счетъ вредныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ имъ противъ христіанскихъ государей, особенно сосѣднихъ; тогда какъ уклоненіе отъ турецкаго союза будетъ вполнѣ соотвѣтствовать настоящимъ обстоятельствамъ, чести и значенію прусской державы и настоящей откровенной дружбы съ императрицею; уклоненіе это послужило бы для императрицы несомнѣннымъ опытомъ соглашаемаго теперь между Россіею и Пруссіею союза. Финкенштейнъ перебилъ дальнѣйшую рѣчь Долгорукаго, сказавши, вовсе не кстати, что получено извѣстіе объ арестованіи гессенскимъ ландграфомъ агента голландской республики. Изъ этого болѣе чѣмъ безцеремоннаго поступка князь Долгорукій убѣдился, что король и его министерство не захотятъ слушать объ уклоненіи отъ турецкаго союза, почему и далъ знать о союзѣ австрійскому посланнику барону Риду, съ тѣмъ, чтобъ вѣнскій дворъ дѣйствовалъ противъ него въ Константинополѣ [285].

Но въ Вѣнѣ никакъ не могли помириться съ русскою политикою, ни до, ни послѣ Губертсбургскаго мира.

Отъ 2 января отправленъ былъ рескриптъ въ Вѣну къ князю Дмитрію Мих. Голицыну: «Находящійся здѣсь прусскій министръ графъ Сольмсъ къ нашему министерству отзывался, что король его собственно желаетъ мира и никакихъ конкетовъ имѣть не хочетъ, что очищеніе Саксоніи охотно по присовѣтованію нашему произведетъ, если за тѣмъ послѣдуетъ и миръ съ вѣнскимъ дворомъ при условіи, что прусскій король удерживаетъ всѣ свои владѣнія, какія имѣлъ до войны, а иначе, не заклю-

чивъ мира, не отдастъ Саксоніи польскому королю. Объ этихъ отзывахъ прусскаго министра повелѣваемъ вамъ сообщить тамошнему двору чрезъ министерство словеснымъ разговоромъ въ дружеской конфиденціи, и навѣдаться при этомъ, захочетъ ли вѣнскій дворъ заключить миръ на этомъ условіи». Канцлеръ отвѣчалъ Голицыну, что прусскому королю нечего толковать о завоеваніяхъ, когда онъ долженъ хлопотать о возвращеніи у него завоеваннаго. Этимъ и ограничились всѣ объясненія. На внушеніе Голицына, что императрица готова быть посредницею въ мирныхъ переговорахъ между Австріею и Пруссіею, былъ отвѣтъ, что переговоры должны скоро кончиться или миромъ, или разрывомъ. Переговоры кончились миромъ. Начались сношенія по поводу польскихъ дѣлъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, по указу императрицы, Голицынъ сдѣлалъ Кауницу внушеніе о польскихъ дѣлахъ, потребовавъ прежде сохраненія непроницаемой тайны: такъ какъ надобно ожидать скорой кончины короля польскаго, то императрица уже начала помышлять о назначеніи ему преемника, и хотя выборъ не опредѣленъ, а предоставленъ вольнымъ голосамъ, однако хорошо имѣть въ запасѣ достойнаго кандидата, и потому императрица спрашиваетъ у императрицы-королевы въ дружеской откровенности о тѣхъ особахъ, которыя были бы способны для взаимныхъ интересовъ обоихъ императорскихъ дворовъ, а всего нужнѣе, чтобъ австрійскому министру въ Варшавѣ велѣно было поступать съ русскимъ министромъ единодушно. Графъ Кауницъ въ своемъ отвѣтѣ увѣрялъ Голицына, что Маріи Терезіи очень лестно и пріятно будетъ услышать о такой дружеской откровенности со стороны императрицы Екатерины, при чемъ объявилъ, что съ австрійской стороны не было еще относительно Польши никакихъ намѣреній и распоряженій, слѣдовательно ничего въ отвѣтъ сказать не можетъ; но спросилъ, не имѣетъ ли русскій дворъ въ виду какого-нибудь кандидата; Голицынъ отвѣчалъ, что кандидата еще нѣтъ, и императрица желаетъ одного, чтобъ выборъ произошелъ вольными голосами и не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ это дѣло, пока не представится опасность нарушенія вольности и законовъ польскихъ.

Между тѣмъ въ Вѣнѣ были сильно встревожены слухомъ, что между Россіею и Пруссіею заключенъ союзный договоръ, и

Мерси сдѣлалъ запросъ объ этомъ въ Петербургѣ. Голицыну велѣно было увѣрить Кауница, что извѣстіе ложное, вымышленное недоброжелательными людьми, которые, завидуя доброму согласію между обоими императорскими дворами, стараются ихъ поссорить; что не только нѣтъ такого трактата на дѣлѣ, но и предложенъ онъ никогда не былъ. Когда Голицынъ потребовалъ у Кауница копіи мнимаго договора и указанія, откуда она получена, то Кауницъ отвѣчалъ, что копіи нѣтъ, и слухъ дошелъ изъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ и самъ король прусскій давалъ знать о союзѣ нарочными знаками и примѣчаніями.

Относительно польскаго дѣла Кауницъ увѣдомилъ, что Марія Терезія желаетъ избранія одного изъ саксонскихъ принцевъ, если только выборъ можетъ произойти свободно. Этимъ дѣло пока и кончилось въ виду выздоровленія Августа III; но когда послѣдовала его кончина, Голицынъ 12 октября имѣлъ аудіенцію у Маріи Терезіи, на которой между другими разговорами, императрица-королева упомянула партикулярнымъ образомъ, что ей было бы очень пріятно, еслибъ императрица Екатерина заступилась за новаго курфюрста саксонскаго, чтобъ онъ могъ быть выбранъ польскимъ королемъ, при чемъ она желаетъ и надѣется, что выборъ новаго короля будетъ произведенъ спокойнымъ образомъ и на основаніи законовъ польскихъ. Изъ дальнѣйшихъ объясненій и переписки между обѣими императрицами оказалось, что вѣнскій дворъ прежде всего желалъ свободнаго выбора; въ случаѣ, еслибъ австрійскій кандидатъ, курфюрстъ саксонскій при вполнѣ свободныхъ выборахъ не былъ предпочтенъ другому кандидату, то императрица - королева согласна, чтобъ король былъ выбранъ изъ Пястовъ, но только такой, который бы подавалъ несомнѣнную надежду, чтобъ при немъ не было и помышленія о раздѣлѣ Польши; наконецъ сборъ русскаго войска на польскихъ границахъ въ Вѣнѣ не признавали необходимымъ, и считался опаснымъ, потому что это обстоятельство можетъ подать поводъ къ безпокойству другимъ интересующимся державамъ.

Голицынъ писалъ, что въ Вѣнѣ опять сильно обезпокоены извѣстіями о союзномъ договорѣ между Россіею и Пруссіею, извѣстіями, что между Екатериною и Фридрихомъ II-мъ производится непосредственная переписка и часто пересылаются курьеры. Панинъ сдѣлалъ на донесеніи Голицына свое замѣчаніе:

«Ваше величество конечно дать изволили опыты познанія общаго натуральнаго интереса съ австрійскимъ домомъ; а союзъ съ прусскимъ дворомъ развѣ тогда вѣнскій можетъ безпокоить, когда оный насъ своими конфискованными сдѣлать похочетъ: инакоже тотъ союзъ съ Пруссіею дѣло есть совсѣмъ не новое, а при настоящемъ и толь важномъ для Россіи дѣлѣ безпомѣшательнаго избранія польскаго короля, уже и необходимо нужное». Когда Голицынъ донесъ, что Кауницъ настаивалъ на одинакой необходимости для обоихъ императорскихъ дворовъ сохраненія правъ и преимуществъ Польши, то Панинъ сдѣлалъ такую замѣтку: «Господинъ Кауницъ суетно поставляетъ свои интересы равными съ нашими въ разсужденіе Польши. Нѣтъ политика, который бы не зналъ великой разницы: мы потеряемъ треть своихъ силъ и выгодъ, если Польша будетъ не въ нашей зависимости [286]».

Чтобъ помѣшать сближенію Россіи съ Пруссіею, вѣнскій дворъ указывалъ петербургскому на опасность сношеній Пруссіи съ Турціею. Императрица замѣтила на счетъ этого указанія: «Все сіе не иное, какъ одна ревность, а время всѣмъ покажетъ, что мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся».

До конца года Екатерина надѣялась справиться съ польскимъ дѣломъ безъ заключенія союза съ Пруссіею, хотя Панинъ и внушалъ о его необходимости. Надежду императрицы особенно поддерживало то, что со стороны Австріи и Франціи не предвидѣлось большихъ препятствій.

Еще въ февралѣ Екатерина поручила повѣренному въ дѣлахъ при французскомъ дворѣ, князю Дмитрію Алексѣевичу Голицыну, спросить министерство слегка, нѣтъ ли у нихъ уже кандидата на польскій престолъ. Голицынъ отвѣчалъ, что, какъ онъ могъ замѣтить, во Франціи прочатъ польскій престолъ одному изъ Чарторыйскихъ. Тогда, 4-го апрѣля пошелъ къ нему рескриптъ: «Ваше извѣстіе нѣкоторымъ образомъ согласно съ тѣмъ, что донесъ намъ графъ Кейзерлингъ изъ Варшавы, а именно, что съ французской стороны обнадеживали фамилію Чарторыйскихъ въ добромъ расположеніи къ ней христіаннѣйшаго короля, который готовъ ей во всемъ способствовать, если только она окажетъ къ Франціи чистосердечную довѣренность и не допуститъ усиливаться въ Польшѣ русскому вліянію. Такое внушеніе съ

французской стороны сдѣлано было не однимъ Чарторыйскимъ, но и Понятовскимъ, изъ чего естественно заключить можно, что Франція старается, чтобъ будущій король польскій былъ преданъ ей одной, а Россіи недругъ». Въ слѣдствіе выздоровленія Августа III Голицыну предписано было не вызываться самому о польскомъ вопросѣ, но прилежно развѣдывать о прямыхъ склонностяхъ и намѣреніяхъ Французскаго двора по этому важному дѣлу.

Во французскихъ извѣстіяхъ мы не находимъ подтвержденія словъ Голицына о Чарторыйскихъ. Надобно думать, что онъ принялъ выраженіе желанія содѣйствовать замыслу Чарторыйскихъ относительно преобразованій за желаніе видѣть одного изъ Чарторыйскихъ на польскомъ престолѣ. Дѣйствительно Бретейль предлагалъ своему правительству содѣйствовать преобразованію польской конституціи въ видахъ усиленія Польши. «Страшно подумать, писалъ онъ, что должность или земля, данная одному, а не другому, дѣлаетъ почти всѣхъ Поляковъ врагами общаго блага и сохраненія свободы. Я знаю, сколько подобное поведеніе имѣетъ отвратительнаго (dégoûtant) для державъ, заботящихся о поддержаніи этого республиканскаго государства. Чѣмъ болѣе я обращаю вниманія на Россію и на честолюбіе ея правительницы, тѣмъ болѣе склоняюсь къ мысли, что необходимо сжалиться надъ ослѣпленіемъ Поляковъ и вывести знать изъ корыстнаго застоя». Въ этомъ смыслѣ могъ дѣйствовать и представитель Франціи въ Варшавѣ; но иначе смотрѣли на дѣла въ Версали. Вотъ что писалъ Людовикъ XV 17 марта (н. с.): «Относительно будущихъ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ, я прежде всего желаю, чтобъ Поляки были свободны въ своемъ выборѣ; потомъ желаю, чтобъ выбранъ былъ одинъ изъ братьевъ дофины (одинъ изъ саксонскихъ принцевъ), преимущественно Ксаверій. Если Поляки возьмутъ принца Конти, я противиться не буду. Другіе принцы нашего дома не пригодны». Но еще прежде король писалъ о положеніи Франціи вообще и относительно польскаго вопроса въ частности. «Никто лучше меня не знаетъ, что мы заключили невыгодный и безславный миръ; но при нашихъ несчастныхъ обстоятельствахъ лучшаго заключить было нельзя, и я отвѣчаю, что еслибы мы продолжали войну, то въ будущемъ году заключили бы худшій

миръ. Пока я живъ, я не отстану отъ союза съ императрицею (Маріею-Терезіею) и никогда не войду въ тѣсную связь съ этимъ прусскимъ королемъ. Будемъ поправляться собственными средствами, будемъ готовиться, чтобъ настоящіе наши враги насъ не поглотили. Для этого не должно возобновлять войну. Жаль, что польскій тронъ становится празднымъ въ эту минуту; къ счастію королю лучше послѣ операціи. Будемъ содѣйствовать, по возможности, новому выбору; но съ такимъ ничтожнымъ количествомъ денегъ, какое у насъ остается, я не начну войны изъ-за польскаго престола».

8-го мая (н. с.) въ королевскомъ совѣтѣ читался министерскій докладъ о польскихъ дѣлахъ. «Надобно изслѣдовать, говорилось здѣсь, имѣетъ ли Франція политическій интересъ вмѣшиваться въ польскія дѣла. Одной отдаленности Польши отъ Франціи уже довольно, чтобъ рѣшить вопросъ отрицательно во всякое время. Настоящая система предписываетъ такое рѣшеніе еще настоятельнѣе. Напрасно толкуютъ о раздѣлѣ Польши. Интересъ державъ, которыя могли бы произвести раздѣлъ, охраняетъ Польшу отъ этой опасности. Польша находится между Австріею, Пруссіею, Россіею и Турціею: эти четыре державы, смотрящія другъ на друга глазами зависти и соперничества, болѣе охранители Польши, чѣмъ враги ея. Каждая изъ нихъ имѣетъ прямой и существенный интересъ защищать ее, потому что каждая больше всего боится усиленія другой на счетъ Польши. Такимъ образомъ Франція можетъ сложить на эти четыре державы заботу блюсти за сохраненіемъ Польши. Раздѣлъ этого государства долженъ произойти только въ слѣдствіе особенныхъ событій, послѣ кровопролитныхъ войнъ, въ которыхъ королю не для чего принимать участія. Наконецъ, если даже предположить, противъ всякаго вѣроятія, что эти четыре державы согласятся раздѣлить Польшу, или, въ слѣдствіе какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, одна изъ нихъ овладѣетъ какою-нибудь польскою областью, то еще сомнительно, чтобъ это событіе могло интересовать Францію. Теперь боятся, чтобъ Россія и король прусскій не согласились овладѣть пригодными имъ польскими землями; но такой раздѣлъ будетъ одинаково противенъ интересамъ Австріи и Турціи, и должно положиться на ихъ бдительность; но еслибы, по нерадѣнію, они не могли помѣшать этому, то и

тутъ Франціи нечего тревожиться. Согласіе, установленное между Россіею и Пруссіею съ цѣлію увеличенія ихъ владѣній, не можетъ быть продолжительно. Это увеличеніе, приближая ихъ другъ къ другу, заставитъ ихъ болѣе бояться другъ друга; оно возбудитъ между ними зависть, которая скоро перейдетъ во вражду, и эти двѣ державы сами образуютъ равновѣсіе силъ на сѣверовостокѣ Европы. Раздѣлъ Польши—это широкое поле, по которому могутъ разгуливать праздные мечтатели, но на которомъ мудрые политики не должны рисковать заблудиться. Надобно держаться простого, вѣрнаго и вѣроятнаго, и кажется достаточно доказано, что польскія революціи не касаются Франціи, что она можетъ получить отъ нихъ или выгоду или вредъ очень отдаленные. Поэтому имѣется право заключить, что не существуетъ никакого прямого отношенія между Франціею и Польшею, а если и есть, то такое темное, невѣрное, зависящее отъ такихъ необыкновенныхъ и отдаленныхъ обстоятельствъ, что неразумно заниматься ими предпочтительно предъ другими предметами, заслуживающими все вниманіе короля и его министерства и требующими издержекъ дѣйствительно полезныхъ и необходимыхъ для сохраненія французской монархіи. Не должно скрывать, что если король рѣшится доставить польскій престолъ какому-нибудь кандидату, то надобно пожертвовать для этого значительными суммами. Издержки не ограничатся одними выборами: надобно будетъ еще поддерживать избраннаго короля. И такъ предстоитъ опасность понапрасну пожертвовать достоинствомъ короля и деньгами для такого дѣла, въ которомъ, даже при употребленіи самыхъ сильныхъ средствъ, успѣхъ, по меньшей мѣрѣ, очень невѣренъ. Притомъ нельзя поручиться, чтобъ дѣло, вовсе не касающееся Франціи, не возбудило новыхъ волненій въ Европѣ и не воспламенило всеобщей войны, которую съ трудомъ потушили, и возобновленія которой необходимо избѣгать».

Этотъ докладъ объясняетъ намъ вполнѣ поведеніе Франціи въ польскихъ дѣлахъ описываемаго времени.

Отъ 2-го октября Голицынъ писалъ: «заподлинно могу донести, что прямого и основательнаго намѣренія относительно новаго польскаго короля здѣшній дворъ еще не принялъ. Если ваше императ. величество заблагоразсудите нынѣ въ томъ благо-

временно съ нимъ согласиться, то время къ тому весьма способное по многимъ резонамъ: 1) Франція находится въ слѣдствіе недавней войны и слабости правительства въ изнуренномъ состояніи. 2) Казна ея совершенно истощена и долги чрезвычайные, а источники доходовъ до сихъ поръ еще не найдены. 3) Несмотря на то, неестественно, чтобъ она осталась спокойною по польскому дѣлу; она будетъ интригами своими перечить всѣмъ намѣреніямъ вашего величества; но 4) чувствуя, какъ мало ей надежды пересилить ихъ, она теперь, не болѣе какъ для одного виду, нѣсколько можетъ быть и поспоритъ, а наконецъ съ радостію согласится на все, что ваше величество ни пожелаете, дабы показать, что она имѣетъ въ Польшѣ большое вліяніе и безъ ея согласія ничто въ Европѣ не дѣлается». На этомъ донесеніи Панинъ приписалъ: «Представленіе князя Голицына разумно, и, основавъ систему здѣсь, конечно требуетъ достоинство политики знатной имперіи вашего величества, чтобъ открытымъ образомъ въ дѣлахъ дѣйствовать, не примѣшивая персоналитетовъ; а Франція конечно сіе приметъ съ удовольствіемъ и будетъ беречь и уважать насъ для переду».

Герцогъ Пралэнъ при свиданіи съ Голицынымъ послѣ полученія извѣстія о смерти Августа III, сказалъ дружески, а не министеріально: «Я не вѣрю слуху, будто императрица договорилась съ королемъ прусскимъ отнять у Польши нѣкоторыя провинціи и раздѣлить между собою: въ такомъ случаѣ Франція не можетъ остаться спокойною, потому что она гарантировала оливскій договоръ. Но кромѣ этого случая, вы можете быть увѣрены, что король мой государь желаетъ одного только, чтобъ дана была польской республикѣ полная власть выбрать самой себѣ короля, а для насъ все равно, будетъ ли онъ Полякъ или иностранецъ». 21 октября Пралэнъ объявилъ Голицыну оффиціально, что король не будетъ вмѣшиваться въ польскія дѣла, кромѣ случая нарушенія правъ республики другими державами, ибо онъ, король, не можетъ тутъ остаться равнодушнымъ, какъ порука за оливскій договоръ; и что хотя естественно желаніе короля видѣть на польскомъ престолѣ саксонскаго курфюрста по ближнему родству и союзу, однако онъ отнюдь не станетъ принимать сильныхъ къ тому мѣръ и способовъ, а желаетъ, чтобъ выборы были свободные». Голицынъ, передавая слова

Пралэна своему двору, прибавилъ: «Дофинъ и дофина употребляютъ всѣ старанія, чтобы здѣшній дворъ принялъ болѣе горячее участіе въ интересахъ брата ихъ курфюрста саксонскаго; но заподлинно могу донести, что никакого успѣха въ томъ не имѣютъ, и что до сихъ поръ настоящее намѣреніе версальскаго двора—не мѣшаться сильно въ дѣло, а оставаться почти нейтральнымъ, къ чему Франція понуждается дурнымъ внутреннимъ своимъ состояніемъ». Панинъ на этомъ донесеніи сдѣлалъ замѣтку: «На сіе просто совсѣмъ положиться нельзя; отсюду до время избранія польскаго короля остается почти цѣлый годъ; между тѣмъ Франція будетъ размѣривать польскія дѣла прогрессами, а можетъ быть и нѣкоторыми перемѣнами своей политической системы, и ея въ Польшѣ посолъ безмолственнымъ не будетъ, а имѣвъ общую съ курфистромъ партію и своихъ собственныхъ партизановъ, коихъ конечно совсѣмъ не кинетъ, можетъ, согласясь съ курфистромъ, кинуть милліона два или три ливровъ, чтобъ или сюрпризомъ или замѣшательствомъ сдѣлать своего короля, а потомъ негоспровать, особливо если между тѣмъ усмотритъ какую-либо слабость въ мѣрахъ имъ противныхъ и въ томъ Поляковъ своихъ друзей удостовѣритъ».

9 декабря Голицынъ объявилъ французскому министерству конфидентно, что императрица приняла намѣреніе помогать избранію Пяста, надѣясь, что и французскій король не откажется приказать своимъ министрамъ въ Варшавѣ и Дрезденѣ дѣйствовать согласно съ Русскими. Пралэнъ обѣщалъ донести объ этомъ королю; но замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ у Польши отнимется свобода выбрать себѣ короля какого хочетъ; а декларація посла, графа Кейзерлинга, гдѣ онъ совершенно исключаетъ изъ кандидатовъ саксонскаго курфюрста, противна заявленному желанію сохранять права польской республики; тогда какъ Франція желаетъ, чтобъ выборы были совершенно отданы на волю республики, все равно—выберетъ ли она Пяста или иностраннаго принца.

Пришло извѣстіе о кончинѣ курфюрста саксонскаго; но это нисколько не перемѣнило рѣшенія французскаго двора; Пралэнъ сообщилъ Голицыну отвѣтъ королевскій: король не можетъ содѣйствовать избранію Пяста съ исключеніемъ иностранныхъ кандидатовъ, ибо такое избраніе уже не будетъ свободное; от-

вѣчая довѣрію императрицы, король не скрываетъ, что его желаніе было и есть, чтобъ избранъ былъ саксонскій курфюрстъ, а такъ какъ онъ умеръ, то кто-нибудь изъ его братьевъ; но король обѣщаетъ, что никакихъ насильственныхъ мѣръ къ тому не употребитъ, а станетъ дѣйствовать одними увѣщаніями и добрыми услугами, если только другія державы своими насиліями не заставятъ его дѣйствовать иначе.—Панинъ, на донесеніи Голицына объ этомъ отвѣтѣ, сдѣлалъ замѣтку: «Франція подлинно такъ говоритъ, какъ думаетъ, и слѣдовательно кромѣ большихъ интригъ и нѣкоторой суммы денегъ для препятствія намъ не употребитъ, а оное однако же распространитъ несумнѣнно противъ насъ и тогда, когда будетъ выборъ и между однихъ Піастовъ, абы не исключить себя изъ участія въ польскихъ дѣлахъ».

Отношенія Россіи къ Франціи, какъ они уже достаточно опредѣлились въ первый годъ царствованія Екатерины, не требовали, чтобъ Франція держала въ Россіи знатнаго представителя, тѣмъ болѣе, что значеніе русскаго представителя при версальскомъ дворѣ, кн. Голицына, не соотвѣтствовало значенію барона Бретёйля, и послѣдній былъ перемѣщенъ въ Швецію. Весною, въ Москвѣ онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у императрицы. «Вы будете моимъ врагомъ въ Швеціи, сказала ему Екатерина: вы будете моимъ врагомъ; въ этомъ я увѣрена». Посланникъ изъ учтивости началъ увѣрять, что напрасно императрица такъ думаетъ, что съ этого времени Европа станетъ жить въ мирѣ, подъ покровительствомъ русской государыни.—«Такъ вы думаете, сказала Екатерина, что Европа теперь смотритъ на меня? Такъ я имѣю какое-нибудь значеніе въ кабинетахъ? Дѣйствительно, я думаю, что Россія заслуживаетъ вниманія. У меня лучшая армія въ цѣломъ мірѣ; у меня есть деньги, и чрезъ нѣсколько лѣтъ у меня будетъ ихъ много. Еслибы я слѣдовала моимъ склонностямъ, то война приходилась бы мнѣ больше по вкусу, чѣмъ миръ; но человѣколюбіе, справедливость и разсудокъ меня удерживаютъ. Я надѣюсь постоянно сохранять миръ. Однако меня не надо подталкивать, какъ императрицу Елисавету, чтобъ я начала войну: я буду воевать, когда это будетъ необходимо, буду воевать по убѣжденіямъ разума, а не изъ угодливости». Потомъ императрица склонила разговоръ на неспособность своихъ министровъ: «къ счастію, сказала она, молодые

люди утѣшаютъ меня надеждою; а я не пренебрегаю ничѣмъ, что можетъ нравиться моему народу». Дошла очередь до Турціи. Бретейль замѣтилъ, что на Востокѣ вліяніе Франціи можетъ быть полезно для Россіи.—«Такъ вы думаете, гордо возразила императрица, что въ диванѣ у васъ больше вліянія, чѣмъ у меня?» Бретейль выставилъ на видъ старую дружбу у Франціи съ Портою, дружбу, основанную на дальнемъ разстояніи одного государства отъ другаго; онъ упомянулъ объ услугахъ, оказанныхъ Франціею Россіи, при заключеніи послѣдняго мира съ Турціею при императрицѣ Аннѣ.—«Война, отвѣчала Екатерина, велась Россіею блистательно, миръ былъ бы еще болѣе блистателенъ, еслибъ Австрійцы вели себя добросовѣстно. Но они насъ завязили тамъ. Петръ III отплатилъ имъ. Мы поквитались».

Беранже, оставшійся въ Россіи повѣреннымъ въ дѣлахъ, по отъѣздѣ Бретейля, успокоилъ свой дворъ относительно замысловъ Россіи и Пруссіи увеличить свои владѣнія на счетъ Польши. Онъ писалъ въ декабрѣ: «Теперь нѣтъ больше вопроса о раздѣлѣ Польши: долженъ ли я вѣрить словамъ русскихъ министровъ, что у нихъ никогда и не думали посягать на цѣлость Польши, или единогласно высказанное рѣшеніе всѣхъ державъ— воспротивиться такому намѣренію остановило ихъ, вѣрно одно, что Россія въ эту минуту не предприметъ завоеваній. Я разговаривалъ объ этомъ съ вице-канцлеромъ, и онъ объявилъ, что интересъ Россіи требуетъ поддержанія польскихъ владѣній во всей ихъ цѣлости и не допускать ни одну державу усиливаться на ея счетъ. Этотъ министръ выставлялъ мнѣ чистоту намѣреній императрицы въ этомъ отношеніи; онъ прибавилъ, что со стороны прусскаго короля возможны менѣе безкорыстные виды, но что Россія будетъ имъ противодѣйствовать, какъ только они обнаружатся»[287].

Можно было успокоиться со стороны Пруссіи, Австріи, Франціи. Опаснѣе была Турція, которую могли возбудить другіе.

Обрѣзковъ началъ свои донесенія обнадеживаніями въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Порты. Въ апрѣлѣ прислалъ онъ любопытное донесеніе о черногорскихъ дѣлахъ: «Многія бѣдствія и притѣсненія, настоящія и впредь быть могущія отъ Турокъ и венеціанской республики черногорскому народу, предъявленныя въ доношеніи въ св. Синодъ митрополитовъ Саввы и Василія Петровичевъ, по большей части раждаются въ непокойномысліи

послѣдняго изъ оныхъ преосвященныхъ, и которое не допускаетъ его съ нѣкоторымъ сосѣдомъ жить въ добромъ согласіи. Я имѣлъ случай съ разными людьми, такъ латинскую, какъ и грекороссійскую православную вѣру исповѣдующихъ, да и самими Черногорцами разговаривать и отъ всѣхъ единогласно слышу сколько похвалы о преосвященномъ Саввѣ, толико хуленія о Василіи, съ таковымъ предреченіемъ, что ежели перваго смерть застигнетъ, послѣдній, по бѣглому разуму и неспокойному его духу, черногорскій народъ всемѣрно чрезъ непродолжительное время въ совершенное раззореніе приведетъ, почему данный имъ совѣтъ въ письмѣ государственнаго канцлера, въ отвѣтъ на оное ихъ доношеніе писанномъ,—имѣть мирожитіе со всѣми сосѣдями, былъ весьма ко времени, который и впредь для собственной черногорскаго народа пользы подтверждать не безнужно есть. Да и предъявленія ихъ касательно происковъ венецкой республики со употребленіемъ нарочитаго иждивенія ввести въ окрестныя ихъ мѣста архіерея-уніата также сомнѣнію подвержены, ибо какъ каждому извѣстно, что между всѣми державами, латынскую вѣру исповѣдующими, венецкая республика наименѣе заботится преклонять народы къ признанію папы за главу церкви, но совершенно терпитъ во владѣніи ея вольность совѣсти, чему жители острововъ Корфу, Цанте и Цефалонія, исправляющіе православную вѣру безъ наималѣйшаго притѣсненія, явнымъ доказательствомъ служить могутъ; однакожъ я, изыскавъ случай, не премину съ св. константинопольскимъ патріархомъ о семъ поизъясниться, хотя по истинѣ сказать, по извѣстнымъ его качествамъ и который за деньги все сдѣлать въ состояніи, изъ того невеликой пользѣ быть уповаю».

Но съ половины года начинаютъ приходить изъ Константинополя тревожныя извѣстія. Въ іюлѣ Обрѣзковъ добылъ инструкцію Порты посланнику, отправлявшемуся въ Берлинъ для заключенія союза съ Пруссіею. Въ инструкціи говорилось: во время пребыванія въ Польшѣ дать знать Полякамъ, что Оттоманская Порта не лишитъ польской республики помощи и покровительства и отнюдь не позволитъ нарушенія ея древнихъ правъ и вольностей. Съ прусскими министрами совѣщаться о польскихъ дѣлахъ въ случаѣ смерти настоящаго короля и дать имъ знать о точномъ намѣреніи Порты, что она никогда не по-

терпитъ на польскомъ престолѣ австрійскаго принца. На этой инструкціи, сообщенной Обрѣзковымъ въ Петербургъ, Панинъ написалъ: «Какъ пріемлемое Портою въ польскихъ дѣлахъ участіе происходитъ наипаче по просьбамъ и жалобамъ Поляковъ чрезъ хана крымскаго, при ней Портѣ производимыхъ и отъ представленій хана крымскаго, на которыхъ она совершенно утверждается, то консулю Никифорову указомъ предписано уже, да и впредь подтверждено будетъ, дабы онъ употребилъ прилежное стараніе преклонить хана въ здѣшнюю сторону, а чрезъ него и Порту удалить отъ всякаго заступленія за Поляковъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и въ другихъ будущихъ происшествіяхъ въ польской республикѣ, въ чемъ нынѣ можно предуспѣть болѣе при ханѣ, нежели при Портѣ и безъ дальнихъ иногда издержекъ въ разсужденіи посланныхъ уже къ нему съ консулемъ подарковъ». Изъ этой замѣтки узнаемъ, что исполнилось наконецъ давнее желаніе русскаго двора имѣть консула при ханѣ крымскомъ. 20 февраля кіевскій генералъ-губернаторъ Глѣбовъ далъ знать иностранной коллегіи, что онъ посылалъ къ крымскому хану съ письмами поручика Баставика, которому ханъ объявилъ, что согласенъ имѣть при себѣ русскаго консула, но требовалъ, чтобъ объ этомъ русское правительство прямо къ нему написало, ибо тогда только онъ будетъ имѣть возможность представить Портѣ объ этомъ дѣлѣ. Потомъ Баставикъ обратился къ придворнымъ ханскимъ старшинамъ съ вопросомъ, чѣмъ генералъ-губернаторъ можетъ поблагодарить хана за его благосклонность, и они продиктовали ему реестръ подаркамъ, которые состояли въ тысячѣ червонныхъ, мѣхахъ и каретѣ съ лошадьми. 9 апрѣля императрица писала канцлеру: «Для Бога скорѣе назначьте кандидата для крымской посылки, можете обнадежить, что кто добровольно поѣдетъ, можетъ себя ласкать великихъ авантажей впередъ, и дѣйствительно я ничто не пожалѣю за такую знатную и нужную услугу». Не раньше какъ черезъ мѣсяцъ былъ отысканъ кандидатъ, и 9 мая императрица пишетъ опять Воронцову: «Михайло Ларіоновичъ, пожалуй поспѣшите поѣздкою Никифорова и, сколько можно, снабдите его всѣми подарками, что они требуютъ, дабы для бездѣлицы не испортились столь великія и важныя дѣла. Я не могу довольно Бога благодарить за столь счастливый во всѣхъ дѣлахъ успѣхъ. Продолжи Богъ милость свою далѣе!»

20 октября пришло въ Константинополь извѣстіе о кончинѣ Августа III и въ тотъ же день былъ свергнутъ великій визирь и на его мѣсто назначенъ былъ Мустафа-паша, бывшій два раза прежде визиремъ. Въ 1756 году Обрѣзкову велѣно было стараться о его сверженіи и прислано было для этого 10,000 червонныхъ; деньги тогда остались цѣлы, потому что Мустафа былъ свергнутъ и безъ Обрѣзкова. Мустафа, по отзывамъ резидента, былъ не только преисполненъ злостью и хитростью, но изо всѣхъ Турокъ самый способный къ командованію войскомъ. На донесеніи Обрѣзкова объ этихъ событіяхъ Панинъ замѣтилъ: «Новый визирь можетъ быть теперь не столько противъ насъ пойдетъ, когда узнаетъ перемѣну нашей системы въ разсужденіи вѣнскаго двора и съ нимъ сопряженныхъ польскихъ дѣлъ». Обрѣзкову послано было приказаніе: 1) доказывать Портѣ ея собственную выгоду въ раздѣленіи польскими дѣлами нашего интереса отъ интереса австрійскаго; 2) въ разсужденіи тѣснаго союза вѣнскаго двора съ Франціею, Испаніею и со всѣми италіанскими державами, отступленіе отъ него Россіи по польскимъ дѣламъ также полезно Туркамъ; 3) внушенія эти должны быть умѣренны и клониться только къ тому, чтобъ удержать Порту въ покоѣ, а деньги употреблять именно съ этою цѣлью; 4) если не удастся удержать Порту въ покоѣ, то стараться тѣми же деньгами низвергать визиря, если онъ свои безпокойныя намѣренія оказывать станетъ.

Въ Константинополѣ началась дипломатическая борьба: французскій посланникъ Верженъ представилъ Портѣ необходимость для нея вмѣшаться въ польскія дѣла и не позволять Россіи господствовать въ Польшѣ; прусскій посланникъ Рексенъ выставилъ соглашеніе Россіи и Пруссіи по польскимъ дѣламъ за самое полезное для Польши, и требовалъ, чтобъ Порта не допустила уловить себя французскими и другими внушеніями, клонящимися къ тому, чтобъ доставить польскую корону въ третій разъ саксонскому дому и такимъ образомъ сдѣлать ее наслѣдственною. Обрѣзковъ обѣщаніемъ хорошаго подарка уговорилъ переводчика Порты сдѣлать ей заявленіе, будто онъ узналъ, что между Франціею и Австріею положено: если не удастся возвести на польскій престолъ саксонскаго принца, то стараться возвести герцога пармскаго, тестя эрцъ-герцога Іосифа, близкаго

родственника и французскому королю; такимъ образомъ всѣ католическія державы и папа со всѣмъ духовенствомъ и іезуитами станутъ притѣснять вольность польской республики. Въ слѣдствіе обоихъ этихъ представленій Порта объявила прусскому посланнику, что ей пріятно согласіе Пруссіи съ Россіею относительно предоставленія Полякамъ свободы выбрать себѣ короля изъ своихъ. За три тысячи червонныхъ Обрѣзкову удалось побудить Порту дать и французскому посланнику отвѣтъ въ томъ же смыслѣ, и послать указы крымскому хану, господарямъ молдавскому и волошскому, чтобъ они сообразовались съ рѣшеніемъ Порты, ибо при дворахъ этихъ владѣтелей велись всякаго рода интриги противъ Россіи [288].

Сильная дипломатическая борьба между Россіею и Франціею должна была происходить также на другомъ, сѣверномъ полуостровѣ Европы. 28 марта Остерманъ доносилъ: «По нынѣшнимъ здѣшнимъ изнурительнымъ обстоятельствамъ нельзя думать, чтобъ шведскій дворъ покусился вмѣшаться въ польскія дѣла, развѣ будетъ побужденъ къ тому Франціею, которая заплатитъ ему допмочныя субсидіи и будетъ продолжать свое прежнее ремесло, подкупать шведскіе государственные чины». 26 августа Остерманъ далъ знать, что Франція предложила Швеціи новый десятилѣтній оборонительный союзъ на такихъ условіяхъ: Франція въ 1763 году заплатитъ Швеціи милліонъ ливровъ, потомъ съ будущаго года во все время союза будетъ платить по полтора милліона ливровъ въ годъ, а Швеція за это отдастъ во французскую службу шесть линейныхъ кораблей и шесть фрегатовъ вооруженныхъ, которые Франція возвратитъ по минованіи союза натурою или по оцѣнкѣ деньгами. На этомъ донесеніи Панинъ написалъ: «О представленіи французскаго двора шведскому можно, кажется, въ конфиденцію аглинскому двору чрезъ его здѣсь посла и здѣшняго министра въ Лондонѣ дать знать, дабы чрезъ то, съ одной стороны, возбудить атенцію и жалюзію аглинскаго двора къ французскому пріумножить; съ другой стороны уваженіе, нужду и склонность онаго вступить съ здѣшнимъ въ тѣснѣйшее содруженіе и тѣмъ кондиціи по мѣрѣ полагаемаго союзнаго оборонительнаго и коммерціи трактатовъ выгоднѣе и полезнѣе для здѣшняго двора учинить». Но шведскій сенатъ постановилъ — требовать отъ Франціи уплаты субсид-

ныхъ доимокъ, простиравшихся до четырехъ милліоновъ ливровъ и прежде этого не входить ни въ какія новыя соглашенія; Шляпы и Колпаки соединились въ общемъ негодованіи на Францію. Одинъ *благонамѣренный* сенаторъ говорилъ по этому поводу Остерману: «Положеніе нашихъ дѣлъ дошло до крайности: Франція, повидимому, не въ состояніи удовлетворить нашимъ требованіямъ, и мы принуждены будемъ созвать чрезвычайный сеймъ; французская партія сама этого хочетъ, а между народомъ сильное неудовольствіе вслѣдствіе принятыхъ государственными чинами на послѣднемъ сеймѣ противорѣчивыхъ мѣръ; начинаютъ говорить о пересмотрѣ и поправкѣ основныхъ законовъ. Благонамѣренные патріоты находятся при этомъ безо всякой подпоры, ибо съ англійскимъ дворомъ, за неимѣніемъ здѣсь его министра, они не могутъ имѣть прямого сношенія, а Россія, по всѣмъ примѣтамъ, не хочетъ мѣшаться въ наши внутреннія дѣла. Слѣдовательно имъ не остается другаго способа, какъ въ видахъ самосохраненія повиноваться времени и слѣдовать безпрекословно случайнымъ обстоятельствамъ, которыя не много добраго обѣщаютъ. Я не могу скрыть, что дѣйствительное оказаніе нѣкоторой малой подпоры и покровительства со стороны вашей императрицы много бы помогло благонамѣреннымъ и для отстраненія новыхъ обязательствъ съ французскимъ дворомъ, и для возстановленія своего значенія въ народѣ; и еслибъ императрицѣ угодно было предложить шведскому двору 300,000 рублей или хотя меньше, то я могу честію своею обнадежить, что нація обратитъ свою довѣренность къ совѣтамъ императрицы, а министерство съ французскою партіею не посмѣютъ принуждать народъ къ наложенію на себя новаго французскаго ига». Остерманъ донося объ этомъ внушеніи со стороны благонамѣреннаго сенатора, прибавилъ: «При настоящемъ движеніи здѣшней національной мысли, открытіе чрезвычайнаго сейма очень деликатно. Во-первыхъ, съ нѣкотораго времени Шведы, отъ мала до велика, приписываютъ всѣ свои непорядки фундаментальнымъ законамъ, почему желаютъ ихъ пересмотрѣть и переправить. Къ этому стремятся трое важныхъ лицъ: генералъ графъ Ферзенъ, государственный секретарь баронъ Германсонъ и полковникъ Синклеръ, которые находятся въ самомъ тѣсномъ согласіи другъ съ другомъ и явно хвалятся без-

предѣльною къ себѣ довѣренностью королевы. Во-вторыхъ, окончательное истощеніе государственныхъ доходовъ, не достаетъ денегъ на необходимыя государственныя потребности. Въ-третьихъ, при настоящихъ вексельныхъ замѣшательствахъ къ немалому государственному разоренію служитъ остановка въ торговлѣ иностранной. Въ-четвертыхъ, явная ненависть между дворянскимъ и мѣщанскимъ чинами, и въ-пятыхъ, несносная дороговизна необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Вину всего этого народъ возлагаетъ на несовершенство правительственной формы и нарушенія равновѣсія между тремя властями: королевскою, сенатскою и государственныхъ чиновъ. Съ основаніемъ можно полагать, что первымъ и главнымъ дѣломъ на сеймѣ будетъ возстановленіе этого равновѣсія, и тутъ нельзя угадать, которая сторона перетянетъ. Мнѣ предписано сохранять равновѣсіе между партіями посредствомъ внушеній; но теперь однихъ внушеній недостаточно: когда французской партіи не будетъ большой денежной подпоры изъ Франціи, то она соединится съ придворною партіею, и тогда старинные Боннеты (Колпаки) останутся яко овцы безъ пастыря, и мало-помалу исчезнутъ, а придворная партія получитъ всю силу въ свои руки, и на чемъ она остановится, это предсказать трудно».— Панинъ замѣтилъ: «Трудно ожидать, чтобъ шведская нація обратила свою любовь и довѣренность къ здѣшней сторонѣ, имѣя во вѣки чувствовать и Россійской имперіи приписывать потерю своей консидераціи и инфлюенціи въ европейскихъ дѣлахъ, и особливо настоящее свое весьма изнурительное состояніе. Все сіе однакожъ не мѣшаетъ Швеціи чувствовать всю тяжесть французскаго ига и вслѣдствіе того, стараясь онаго избавиться, послѣдовать здѣшнимъ видамъ».

Изъ Франціи пришло извѣстіе, что тамъ опредѣлено заплатить Швеціи 3 милліона ливровъ съ разсрочкою, послѣ чего Людовикъ XV открылъ шведскому правительству свое намѣреніе относительно польскихъ дѣлъ по смерти Августа III: король желаетъ возведенія на польскій престолъ саксонскаго курфюрста, но предоставляетъ дѣло свободнымъ выборамъ, и если жребій падетъ на Пяста, то препятствовать этому не будетъ; если же кѣмъ-нибудь будетъ принято намѣреніе раздробить польскую республику по частямъ, то онъ будетъ противиться этому всѣми

силами и будетъ просить содѣйствія въ этомъ дѣлѣ у всѣхъ своихъ союзниковъ; поэтому желаетъ знать, какъ думаетъ объ этомъ шведское правительство, правительство такой державы, которой собственный интересъ требуетъ сохраненія въ цѣлости польской республики. Изъ Швеціи отвѣчали, что взгляды шведскаго короля вполнѣ согласны съ французскими. Король достаточно чувствуетъ важность сохраненія вольности республики польской, конституціи и ея цѣлости, и потому нимало не намѣренъ препятствовать вольнымъ выборамъ, и если курфюрстъ саксонскій получитъ корону, то это будетъ очень пріятно королю шведскому. Панинъ замѣтилъ: «Шведскій отвѣтъ весьма цѣломудренъ».

Между тѣмъ въ Петербургѣ почли необходимымъ выдать шведскому правительству 300,000 недоплаченныхъ субсидій. Получивъ объ этомъ извѣщеніе отъ своего двора, Остерманъ обратился къ извѣстному *благонамѣренному* сенатору, и тотъ отвѣчалъ, что надобно сдѣлать это предложеніе не прежде открытія сейма, иначе министерство воспользуется возможностію удовлетворить финансовымъ нуждамъ, возьметъ деньги и сейма не созоветъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришло изъ Петербурга объявленіе императрицы, что она намѣрена поддерживать въ Польшѣ избраніе Пяста; шведскій король отвѣчалъ, что вопросъ о королевскомъ избраніи въ Польшѣ возникъ такъ недавно, что трудно относительно него принять какое-нибудь рѣшеніе; королевскіе выборы есть собственно дѣло польскаго народа, который и долженъ рѣшить, кто ему лучше—свой или чужой [289].

Относительно участія Даніи въ польскомъ вопросѣ Корфъ писалъ, что это государство войскомъ никому не поможетъ, какія бы большія субсидіи ни были предложены. Финансы въ печальномъ положеніи. Гораздо ближе были дѣла шведскія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Бернсторфъ говорилъ Корфу: «Видно, что Франція противъ прежняго уже не такъ много занимается шведскими дѣлами; поэтому польза сосѣднихъ дворовъ требуетъ принять въ уваженіе ту опасность, въ которой повидимому Швеція теперь находится; благоразуміе требуетъ принимать предосторожности противъ готовящейся бури. Для спокойствія Европы нѣтъ ничего вреднѣе самодержавія въ Швеціи. Исторія доказываетъ, что безпрестанныя и кровопролитныя войны на-

добно приписывать самодержавнымъ шведскимъ королямъ». Корфъ замѣтилъ, что если такъ, то между Россіею и Даніею должно быть заранѣе сдѣлано соглашеніе на этотъ счетъ. — «Мы уже думали объ этомъ, отвѣчалъ Бернсторфъ, но какъ начать? Изъ всѣхъ мѣстъ и изъ самаго Стокгольма получили мы извѣстія, что шведская королева сыскала способъ войти въ сильную дружбу съ императрицею россійскою и вовлечь ее въ интересъ своего дома; я не буду изслѣдовать, вѣрно это или нѣтъ; но такъ какъ разглашеніе уже сдѣлано, то при такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ, можемъ ли мы, не подвергнувъ себя отвѣтственности, предложить своему государю объ установленіи такого соглашенія, которое императрица тѣмъ легче отклонитъ, что по своимъ большимъ силамъ не можетъ такъ много опасаться отъ Швеціи, какъ Данія; чтоже выйдетъ, если мы сдѣлаемъ первое предложеніе о такомъ соглашеніи? только то, что навлечемъ на своего короля непримиримую злобу шведскаго двора!»—«Страхъ совершенно напрасный, отвѣчалъ Корфъ: императрица поступаетъ по правиламъ, основаннымъ на существенныхъ интересахъ своей имперіи. Если вы хотите узнать мнѣніе императрицы по шведскимъ дѣламъ, то пусть вашъ посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Остенъ предложитъ войти въ соглашеніе по этимъ дѣламъ при условіи глубочайшей тайны». Бернсторфъ обѣщалъ посовѣтоваться съ товарищами, и въ слѣдующую конференцію объявилъ, что король далъ предложенное Корфомъ порученіе Остену, причемъ Бернсторфъ далъ знать, что король велѣлъ своему министру въ Варшавѣ дѣйствовать согласно съ русскими министрами относительно королевскихъ выборовъ [290].

Англійскій посолъ графъ Бёкингамъ сильно хлопоталъ о скорѣйшемъ заключеніи союзнаго и коммерческаго трактата; но мы видѣли, съ какою осторожностію относились въ Россіи къ заключенію союзовъ. 15-го февраля Екатерина писала канцлеру: «Мнѣ кажется послу аглинскому отвѣтствовать удобно на сіе домогательство о союзномъ трактатѣ, что желательно было бъ напередъ согласиться о мѣрѣ въ случаѣ выбора будущаго короля польскаго, такъ какъ я уже не одиножды оному послу внушить приказала, но еще мнѣніе его двора неизвѣстно; а если онъ на то скажетъ, что они на все согласны, что я по онымъ дѣламъ предпріиму, тогда можно отвѣтствовать, что сіи генераль-

ные термины не довольны, если они не въ инструкціи англійскаго министра въ Варшавѣ, дабы онъ согласно могъ поступать съ моимъ посломъ». На конференціи съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ въ Москвѣ 8-го марта Бёкингамъ жаловался, что дворъ его сердится на него, будто бы онъ съ своей стороны не довольно старается о союзѣ. Воронцовъ и Голицынъ отвѣчали ему, что онъ самъ можетъ быть свидѣтелемъ, какъ много императрица уважаетъ дружбу англійскаго короля, и если до сихъ поръ не начато дѣло о возобновленіи обоихъ трактатовъ, то всю вину надобно приписать множеству нужнѣйшихъ внутреннихъ дѣлъ, которыми теперь занята императрица и которыя, повидимому, до возвращенія двора въ Петербургъ не оставятъ ей свободнаго времени заняться внѣшними дѣлами. 22-го апрѣля Бёкингамъ объявилъ, что король его государь отправилъ въ Варшаву къ своему резиденту указъ, чтобъ онъ во всѣхъ случаяхъ и особенно въ случаѣ смерти королевской дѣйствовалъ согласно съ русскимъ посломъ.

8-го іюля Бёкингамъ подалъ записку: «Король мой государь отложилъ свои домогательства о возобновленіи союза на томъ основаніи, что дворъ не долго пробудетъ въ Москвѣ. Теперь же, расчитывая что дворъ долженъ уже находиться въ Петербургѣ, приказалъ мнѣ самой императрицѣ и министрамъ ея изъявить свое прискорбіе о томъ, что еще не начато дѣло, столь нужное для сохраненія европейскаго мира и для выгодъ обоихъ народовъ, между которыми сама природа опредѣлила союзъ. Желательно было бы, чтобъ Россія это дѣло разсмотрѣла внимательно, ибо союзу уже давно надлежало быть постановленнымъ. Медленность въ заключеніи союза умалила кредитъ обоихъ дворовъ, а прочія державы, имѣющія виды, противные видамъ Англіи и Россіи, этимъ временемъ воспользовались. Англійскій дворъ ни о какомъ другомъ союзѣ такъ не старается, какъ о русскомъ; онъ знаетъ, какъ важенъ этотъ союзъ для обоихъ народовъ не только въ разсужденіи ихъ самихъ, но и въ разсужденіи обязательствъ, постановляемыхъ ими съ прочими державами, и потому королю мало понятна политика русскаго двора, отлагающая возобновленіе оборонительнаго союза во время всеобщаго мира въ Европѣ; и для чего бы также не заключить коммерческаго трактата, который болѣе важенъ для Россіи,

чѣмъ для Англіи. Короля ни въ чемъ нельзя упрекнуть, ибо онъ подалъ всевозможные опыты своего почтенія къ императрицѣ удовлетвореніемъ ея желаній относительно польскихъ дѣлъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Искренній союзъ съ Россіею необходимо почитается первымъ и лучшимъ основаніемъ политики, и когда разъ онъ будетъ установленъ, то легко можемъ установить систему мудрую и правильную, согласную съ нашими собственными интересами и съ сохраненіемъ спокойствія въ Европѣ. Когда мы будетъ дѣйствовать согласно и говорить однимъ языкомъ, то будемъ говорить съ другими дворами вѣско и съ достоинствомъ, и на наши слова будутъ обращать вниманіе».

Такое сильное представленіе побудило составить проектъ союзнаго договора. Если съ такою неотвязчивостью требуютъ союза, если прямо говорятъ, что союзъ съ Россіею считается въ Англіи первымъ и лучшимъ основаніемъ политики, то не должны скупиться на удовлетвореніе русскимъ требованіямъ. Финансы имперіи не въ завидномъ положеніи; выборы польскаго короля потребуютъ большихъ издержекъ; богатая Англія должна помочь. Еще больше побужденій для Англіи помочь Россіи въ Швеціи, ибо тамъ будетъ борьба противъ Франціи, а эта борьба для Англіи всегда на первомъ планѣ. Въ такомъ смыслѣ составлены были двѣ секретныя статьи русскаго проекта союзнаго договора съ Англіею. Въ первой говорилось, что въ случаѣ смерти Августа III-го, англійскій министръ въ Варшавѣ долженъ дѣйствовать сообща съ русскимъ министромъ и употреблять всѣ усилія для возведенія на польскій престолъ такого лица, относительно котораго оба двора согласились между собою, и такъ какъ при этомъ нельзя обойтись безъ издержекъ, то англійскій король обѣщаетъ имѣть въ Польшѣ значительную денежную сумму для достиженія этой общей цѣли; императрица сдѣлаетъ то же съ своей стороны. Но если дѣла въ Польшѣ дойдутъ до такой крайности, что русская императрица, по сосѣдству, будетъ принуждена оружіемъ поддерживать виды обѣихъ договаривающихся державъ, въ такомъ случаѣ англійскій король обѣщаетъ прислать императрицѣ 500,000 рублей, какъ скоро русскія войска вступятъ въ Польшу. Во второй секретной статьѣ говорилось, что и въ Швеціи русскій и англійскій министры должны дѣйствовать сообща для ослабленія партіи, под-

держиваемой другими государствами, и для сохраненія равновѣсія между этою партіею и другою, ей противоположною.

Въ Англіи обѣ эти статьи нашли совершенно невозможными. Бёкингамъ долженъ былъ представить русскому министерству, какъ неудобно для Англіи входить въ споры по поводу выборовъ польскаго короля съ опасностью вовлечься въ новую войну. Кромѣ того была еще третья статья, на которую посолъ ни какъ не соглашался, именно на включеніе Турціи въ число державъ, противъ которыхъ, въ случаѣ ихъ нападенія на Россію, Англія должна помогать послѣдней.

«Наше министерство, говорилъ Бёкингамъ, не можетъ принять этого пункта, не подвергнувъ себя великому негодованію торгующей въ Левантѣ компаніи; какъ скоро Порта услышитъ о такомъ союзѣ, то совершенно уничтожитъ англійскую торговлю въ своихъ владѣніяхъ». Вице-канцлеръ возражалъ ему, что если съ одной стороны исключить Турцію, то съ другой надобно будетъ исключить Францію, и тогда нечего будетъ заключать безполезный для обѣихъ сторонъ союзъ. Бёкингамъ хлопоталъ, чтобъ одновременно шли переговоры о торговомъ трактатѣ; но съ русской стороны было рѣшено сдѣлать союзный договоръ условіемъ для заключенія торговаго, чтобъ принудить Англію къ большей податливости относительно перваго.

Легко понять, какъ въ слѣдствіе этой медленности въ заключеніи договоровъ было непріятно положеніе русскаго министра въ Лондонѣ, графа Александра Воронцова. Англійскіе министры говорили ему, что при европейскихъ дворахъ толкуютъ о неуспѣхѣ Бёкингама въ заключеніи договоровъ, приписывая этотъ неуспѣхъ вліянію Франціи, и что эти толки вредятъ значенію Англіи. Эти толки подтверждались газетными извѣстіями объ отличіяхъ, какими пользовался при русскомъ дворѣ французскій посланникъ Бретёйль. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, графъ Галифаксъ, объявилъ Воронцову, что по заключеніи союзнаго договора между Россіею и Англіею можно допустить къ нему и берлинскій дворъ, который присоединится съ охотою по затруднительности своего положенія, ибо дворы вѣнскій и версальскій остаются въ союзѣ; наконецъ отъ императрицы будетъ зависѣть допустить въ союзъ и другіе дворы, потому что лондонскій дворъ будетъ во всемъ сообразоваться съ ея намѣреніями.

Къ этой непріятности для графа Александра Воронцова присоединилась еще другая: дядя его, графъ Михаилъ Ларіоновичъ перестал завѣдывать иностранными дѣлами и уѣхалъ за границу. Но передъ оставленіемъ иностранныхъ дѣлъ канцлеръ столкнулся съ Бёкингамомъ: послѣдній прислалъ ему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что король назначилъ ему, Воронцову, двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ вознагражденія за убытки, причиненные ему англійскими каперами, которые овладѣли принадлежавшими ему вещами; но при этомъ Бёкингамъ далъ знать, что такая щедрость оказана на такой именно случай, когда между Россіею и Англіею постановленъ и подписанъ будетъ торговый договоръ на выгодныхъ для Англіи условіяхъ. Воронцовъ закричалъ объ оскорбленіи, безчестіи. Бёкингамъ заявилъ канцлеру свое сильное сожалѣніе о случившемся, приписалъ все своей излишней горячности и самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его забыть дѣло, которое этимъ и кончилось. Графъ Александръ писалъ дядѣ отъ 30-го іюля: «Ваше сіятельство легко себѣ представить можете, съ какимъ возчувствованіемъ увидѣлъ я неожиданность поступка лорда Букингама; сколь малую идею ни имѣлъ я о талантахъ сего посла, не могъ я себѣ вообразить, чтобъ его безразсудность до такой превратности и безумности простираться могла, какъ онъ теперь явно оказалъ симъ страннымъ своимъ письмомъ. Я заподлинно вашему сіятельству донесть могу, сколь дворъ его за то съ справедливостію на него негодуетъ. Его величество король, подошедъ сего дня ко мнѣ, говорить изволилъ, сколь онъ имѣетъ причину быть недовольнымъ поступкомъ своего посла, особливо въ разсужденіи его къ вамъ письма, который (поступокъ) ни мало не основанъ на данныхъ ему повелѣніяхъ, что онъ меня проситъ вашему сіятельству о томъ донесть и притомъ увѣрить, что зная честность вашего характера, никто здѣсь не могъ бы когда-либо осмѣлиться съ успѣхомъ вамъ толь странную пропозицію, какъ онъ посолъ то учинилъ, уповательно отъ своего незнанія».

Наконецъ положеніе графа Воронцова въ Лондонѣ ухудшилось въ слѣдствіе поднятія польскаго вопроса по смерти Августа III. Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ Англія энергически содѣйствовала видамъ Россіи въ Польшѣ; въ Лондонѣ были очень далеки отъ сколько-нибудь энергическихъ мѣръ въ такомъ дѣлѣ, въ

которомъ интересы Англіи вовсе не затрогивались, слѣдовательно всѣ представленія русскаго министра должны были оставаться безуспѣшными. Доносить императрицѣ о своихъ не успѣхахъ было очень непріятно для Воронцова, особенно когда теперь иностранными дѣлами сталъ прямо завѣдывать человѣкъ, сильно къ нему нерасположенный. Панинъ выражалъ это нерасположеніе въ замѣткахъ, которыя онъ дѣлалъ на донесеніяхъ Воронцова. Такъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Воронцовъ писалъ, что всѣ его представленія со времени смерти польскаго короля не имѣли большаго успѣха у англійскаго министерства. Панинъ замѣтилъ: «Можно было бы загодя биться объ закладъ, что эти представленія останутся безъ успѣха, потому что они были необдуманы и дурно ведены». Тамъ, гдѣ Воронцовъ употребилъ обычную извинительную фразу, что при всей ревности къ службѣ императрицы у него недостаетъ надлежащаго знанія и искусства, Панинъ замѣтилъ: «Ни что не можетъ быть справедливѣе этого». Воронцовъ извѣщалъ, что онъ ѣздилъ въ деревню къ бывшему министру и теперь главѣ оппозиціи, знаменитому Питту, чтобъ поговорить съ нимъ о дѣлахъ, и особенно вывѣдать его мысли о Польшѣ, о томъ, чего можно ожидать отъ Англіи въ вопросѣ, долженствующемъ интересовать всѣ великія державы Европы. Питтъ, по словамъ Воронцова, отвѣчалъ ему съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ, но осторожно. Панинъ замѣтилъ: «Бьюсь объ закладъ, что онъ говорилъ съ нимъ какъ говорятъ съ мальчикомъ, не заслуживающимъ уваженія». Впрочемъ смыслъ словъ Питта былъ тотъ, что такъ какъ по всему видно, что при королевскихъ выборахъ въ Польшѣ прусскій король будетъ дѣйствовать заодно съ Россіею, то, по его мнѣнію, Англія должна съ жаромъ поддерживать требованія этихъ двухъ государствъ, которыхъ дружба для нея очень дорога; но что трудно опредѣлить съ точностію, въ чемъ должно состоять содѣйствіе Англіи, ибо оно зависитъ отъ множества обстоятельствъ, которыя не могутъ быть ему извѣстны, какъ человѣку, уже два года находящемуся внѣ дѣлъ. Воронцовъ писалъ, что одинъ общій пріятель Питту и ему увѣрялъ его, что Питтъ выражалъ крайнее удивленіе, почему настоящее министерство ничего не дѣлаетъ по польскому вопросу, почему оно послѣ полученія извѣстія о смерти Августа III не отправило немед-

ленно курьера въ Петербургъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, и съ увѣреніемъ, что если Франція вмѣшается въ дѣло, то Англія не только употребитъ всѣ средства воспрепятствовать этой державѣ въ исполненіи ея намѣреній, но постарается совершенно уничтожить ихъ. Питтъ прибавилъ, что если министерство будетъ и впередъ вести себя такъ въ польскомъ дѣлѣ, то онъ выскажетъ свое мнѣніе въ палатѣ общинъ, выразитъ свое удивленіе, что лондонскій дворъ обнаруживаетъ такое равнодушіе въ такомъ важномъ дѣлѣ. На это Панинъ замѣтилъ: «Онъ обманываетъ, онъ лжетъ. Никогда человѣкъ со смысломъ не скажетъ, что извѣстный дворъ долженъ отправить курьера къ другому двору съ предложеніемъ услугъ. Дворы предлагаютъ другъ другу добрыя услуги только въ случаѣ несчастія; здѣсь это великодушіе, тогда какъ въ другомъ случаѣ это низость и подлость».

Воронцовъ долженъ былъ потребовать отъ польскаго министерства, чтобъ оно перевело своего резидента Ратона (Wroughton) изъ Дрездена въ Варшаву. Воронцовъ въ письмѣ къ графу Галифаксу имѣлъ неосторожность прибавить, что исполненіе этого желанія императрицы можетъ ускорить желанное заключеніе союзнаго договора съ Россіею. За это онъ получилъ отъ императрицы такой рескриптъ: «Какъ мы вообще имѣемъ причину довольными быть ревностію и тщаніемъ вашимъ къ службѣ, такъ напротивъ того не хотимъ нынѣ скрыть удивленія нашего по поводу французской піесы, которую прислали вы сюда, по сообщеніи оныя статскому секретарю графу Галифаксу. Вы не можете сами не признаться, что весьма неумѣренно и неприлично окончаніе помянутой піесы, когда въ замѣну переведенія аглинскаго резидента изъ Дрездена въ Варшаву полагается нѣкоторымъ образомъ кондиціею съ нашей стороны ускореніе трактуемыхъ между нами и Англіею трактатовъ. Мы требовали отъ аглійскаго двора такой угодности, которая сама по себѣ ничего не значитъ и не можетъ имѣть слѣдствій, ибо весьма равно для Англіи содержать министра своего въ Дрезденѣ или Варшавѣ, потому что въ одномъ и другомъ мѣстѣ можетъ онъ ей равныя показывать услуги, а въ соотвѣтствіе сей малой угодности обязали вы насъ въ такомъ дѣлѣ, которое интересуетъ пользу и честь имперіи нашей, когда мы не инако съ Англіею или съ

другою какою державою намѣрены заключать трактаты, какъ съ равною для обѣихъ сторонъ выгодою. Сверхъ того вышепомянутое важное, но по всѣмъ околичностямъ крайне излишнее прибавленіе въ Французскомъ переводѣ вами передѣланнаго рескрипта, не только не имѣетъ основанія правды, но съ собственнымъ вашимъ графу Галафаксу торжественнымъ увѣреніемъ, что вы неправды сказать ни для чего на свѣтѣ не въ состояніи, совсѣмъ несогласно, когда о такомъ кондиціальномъ требованіи къ вамъ не писано, да и писать о томъ невозможно было. Итакъ вы, объявя оное за истину, подвергли какъ собственный свой, такъ и дворовый кредитъ безвременно явному предосужденію. Примѣчая вамъ такимъ образомъ справедливое наше по сему случаю удивленіе, удостовѣрены мы, что ошибка ваша произошла отъ избытка усердія и для того довольствуемся только въ запасъ подтвердить вамъ, дабы вы впредь осторожнѣе поступая не дѣлали безъ нужды письменныхъ сообщеній, а особливо въ такихъ дѣлахъ, гдѣ и одни словесныя изъясненія достаточны быть могутъ».

Воронцовъ оправдывался, но противорѣчилъ себѣ въ своихъ оправданіяхъ: выставлялъ, что сдѣланная имъ прибавка ни къ чему не обязываетъ Россію, представляя голый комплиментъ, и въ то же время утверждалъ, что безъ этого прибавленія англійскій дворъ не рѣшился бы исполнить требованіе русскаго, перевесть Ратона изъ Дрездена въ Варшаву, по своей холодности къ польскимъ дѣламъ.

Въ концѣ ноября Воронцовъ писалъ, что Англія долго не приметъ никакого участія въ общихъ дѣлахъ Европы. Но въ Петербургѣ, кромѣ польскихъ дѣлъ, считали нужнымъ содѣйствіе Англіи еще въ шведскихъ дѣлахъ. По поводу субсиднаго трактата, предложеннаго Франціею Швеціи, Екатерина приказала Воронцову въ дружеской откровенности обратить вниманіе англійскаго министерства на это французское предложеніе и побудить его къ скорой посылкѣ своего посланника въ Стокгольмъ. Воронцовъ отвѣчалъ, что это было бы совершенно согласно и съ англійскими интересами, ибо несмотря на заключеніе мира между Франціею и Англіею, британскіе министры не могутъ не понимать, что союзъ между Испаніею и Франціею имѣетъ цѣлью одну Англію, чтобъ современемъ, при первомъ удобномъ

случаѣ, нанести ей ударъ. Несмотря на то онъ, Воронцовъ долженъ сказать, что хотя бы лондонскій дворъ и держалъ въ Швеціи своего министра, то никакъ не помѣшаетъ союзу этой державы съ Франціею, развѣ только обѣщаніемъ субсидій; но извѣстно, что Англія никому въ мирное время субсидій не дастъ, а еще менѣе при настоящемъ министерствѣ, которое не посмѣетъ потребовать у націи ни малѣйшей суммы. Туча, собирающаяся отъ оппозиціи, страшитъ министровъ болѣе, чѣмъ всѣ политическія въ Европѣ приключенія и союзы, противъ Англіи заключенные. На этомъ донесеніи Екатерина написала: «Когда другія виднѣйшія политическія консидераціи не дозволяютъ распространить свое стараніе, чтобъ совсѣмъ того не допустить, или другимъ подобнымъ перебить то, что заключается въ предосужденіе интересовъ; тогда благоразуміе требуетъ старанія изыскивать и положить такія антравы тому заключенному дѣлу, дабы оно въ слѣдствіяхъ своихъ оставалось безъ всякаго дѣйства. Таковой надлежитъ теперь быть нашей съ англійскимъ дворомъ общей политикѣ въ разсужденіи шведской съ Франціею новой аліянціи. Ибо совсѣмъ ея не допустить къ заключенію, намъ надобно употребить такую корюбцію (коррупцію), которая бъ произвела чрезвычайный сеймъ и революцію въ правительствѣ шведскомъ, а Англія бъ дала столько субсидей, чтобъ та держава могла себя искупить изъ всѣхъ своихъ нуждъ и недостатковъ. Но какъ ни то, ни другое не можетъ согласоваться съ нашими другими настоящими дѣлами, то и надлежитъ соединенно стараться при тамошнемъ дворѣ сочинить и содержать такую партію, которая бъ своимъ перевѣсомъ въ дѣлахъ національныхъ приводила въ слабость помянутую аліянцію и не допускала бъ ея дѣйствія. Я о семъ пространно разсуждала съ посломъ аглинскимъ, а и на случай пріѣзда въ Стокгольмъ аглинскаго министра тоже можетъ служить новыми инструкціями графу Остерману».

16 декабря Воронцовъ увѣдомилъ свой дворъ о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ графомъ Сандвичемъ, преемникомъ Галифакса по сѣверному департаменту иностранныхъ дѣлъ. Сандвичъ именемъ короля объявилъ ему, что къ англійскому резиденту въ Варшавѣ посылаются указы, чтобъ онъ при избраніи новаго польскаго короля наблюдалъ двѣ вещи: свободу голосовъ при выборахъ и непремѣнное сохраненіе областей польской ре-

спублики, чтобъ они никѣмъ не были захвачены. Воронцовъ отвѣчалъ, что никакъ не ожидалъ такого сообщенія, и что касается сохраненія въ цѣлости польскихъ владѣній, то предписаніе на этотъ счетъ излишне послѣ объявленія Россіи, что она не имѣетъ намѣренія раздроблять Польшу. На этомъ объявленіи дѣйствительно основана цѣлость всѣхъ частей Польши, ибо еслибы русская императрица намѣрена была отнять у Польши какую-нибудь область, то какимъ бы образомъ англійскій резидентъ, господинъ Ратонъ могъ спасти отъ этого республику? Этотъ отвѣтъ очень понравился Екатеринѣ, она написала на депешѣ: «Сей отвѣтъ похвалы достоинъ, лучше сказать было невозможно [291]».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) *Протоколъ учрежденнаго при дворѣ собранія.* 1762 года, 18-го мая. Тайный секретарь Волковъ вручилъ собранію подписанное его и. в—ствомъ оному повелѣніе, въ томъ состоящее, чтобъ 1) стараться получить отъ Даніи наслѣдныя его величества земли силою, и къ тому нетокмо все потребное тотчасъ пріуготовить, но и дѣйствительно за дѣло приниматься. 2) Чтобъ армія всегда въ хорошемъ состояніи содержана была и никакого недостатка не претерпѣвала. 3) Чтобъ потребныя для того денежныя суммы имѣть и въ готовности содержать, и о всѣхъ государственныхъ доходахъ попеченіе возымѣть, а излишніе расходы сократить. 4) Чтобъ въ будущемъ примиреніи принять участіе, и 5) чтобъ не оставлять въ небреженіи и прочія обширныхъ здѣшнихъ областей границы. И въ слѣдствіе того онъ же тайный секретарь словесно объявилъ, что начатіе войны противъ Даніи почитаетъ его и. в—ство толь нужнымъ и справедливымъ, а нынѣшнее время въ разсужденіи пребыванія здѣшнихъ войскъ въ Германіи и генеральной почти всюду войны толико къ тому удобнымъ, что подобнаго можетъ быть никогда не случится, что потому пропущеніе онаго было бы во всемъ непростительно. Потому его и. в—ство и хощетъ, чтобъ данныя его о томъ повелѣнія какъ наискорѣе возможнѣйшимъ образомъ и по лучшему разумѣнію самимъ дѣломъ исполняемы, а никакія къ затрудненію онаго клонящіяся представленія его в—ству подаваемы не были. И наконецъ, что буде потребныхъ на то денежныхъ суммъ, яко главнѣйшихъ и необходимыхъ способовъ на лицо нѣтъ, а пріисканные сенатомъ четыре милліона рублевъ на чрезвычайные расходы не такъ скоро получены быть могутъ, какъ того настоящая нужда требуетъ, то его и. в—ство находитъ удобное и ближайшее къ тому сред-

ство въ дѣланіи банкоцеттелей. По выслушаніи всего того предъявленный способъ къ скорому полученію денегъ найденъ основательнымъ.

2) *Записка графа А. П. Бестужева-Рюмина императрицѣ Екатеринѣ II:*

«Для всевысочайшаго ея и. в—ства извѣстія и на всемилостивѣйшее благоизобрѣтеніе. Ея и. в—ству безъ сумнѣнія отъ коллегіи иностр. дѣлъ донесено о заступленіи здѣшняго голландскаго посланника за нѣкотораго купца Рейнгольда по дѣлу заключеннаго коммерцъ-коллегіею контракта (на полѣ собственноручная замѣтка Бестужева: «которые во всемъ свѣтѣ свято содержатся») о смолѣ: но какъ помянутый посланникъ нѣсколькократно просилъ о томъ графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, а напослѣдокъ и приложенную при семъ записку прислалъ, то графъ Бестужевъ обойтиться не можетъ оную при семъ всенижайше представить, въ такомъ намѣреніи, что не соизволитъ ли ея и. в—ство сенату повелѣть, по разсмотрѣніи сего дѣла непродолжительную резолюцію, и буде можно купцу удовольствованіе учинить, на основаніи того, что онъ проситъ».

Замѣчаніе императрицы: Я видела оная прозба и она отослана въ сенатъ монополіи признани за вредни и не одинъ городъ разаренъ всѣ exclusions служитъ другимъ въ примеръ и много такихъ примеръ будетъ есть ли одному дадутъ въ прочемъ я услышу сенатская разсужденія. Гдѣ общество выгриваетъ тутъ на партикулярной ущербъ не смотрютъ.

3) Записка и. Екатерины II. (1-го іюня 1763 г.). Мнѣ кажется легкоможно отвѣтствовать Киргись касацкому хану на его домогательствы о дозволеніи перейтить съ своимъ скотомъ Яика. Онъ признается за подданной Россіи, слѣдовательно онъ послушенъ будетъ и не пайдетъ съ своимъ скотомъ гдѣ имъ заказано понеже всякой Россійской подданной не смѣетъ переходить гдѣ ему не позволено, а естьли у ихъ корма для скота не довольно, то покупаютъ за деньги или вымѣняютъ на товаръ, или запасаютъ на зиму, чего и имъ совѣтуется дѣлать, и естьли бы они хотѣли порядошно селиться, то бы имъ удобнѣе было всего нужное для человѣческой жизни имъ имѣть, о семъ Тевкелевъ имѣетъ идеи кажется изрядные. Онъ савѣтуетъ пригласить ихъ дабы они дали одну крѣпость построить и берется на то самъ

оныхъ внутренихъ народовъ склонить, и какъ бы онъ интриговъ не дѣлалъ противъ Давыдова не худо бы было, естьлибъ вице-канцлеръ князь Галицынъ позволя (должно быть: позвавъ) его Тевкелеву къ себѣ и объявилъ бы ему, что я приказала съ нимъ посовѣтовать о вышеписанномъ а князю Александру Михаиловичу надобно въ ту свиданіи имѣть великую терпѣнію понеже Тевкелевъ нѣсколько радотироваетъ, и дабы онъ болѣе гаварилъ надобно ему показать податливость входить въ его представленіи, онъ многово полезного знаетъ и весьма великая вѣра тѣ народы къ нему имѣютъ, а послѣ того разговора желаю знать мнѣнія вице-канцлера и коллегіи иностранныхъ дѣлъ дабы можно было установить систематическая обхожденія съ ними что служить опослѣ можетъ и съ прочими похожими народами, а по сю пору не видно, чтобъ инако ихъ вели какъ du jour à la journée».

4) *Реляція Кейзерлинга изъ Варшавы отъ 26 марта 1763 года.* «Дѣлалъ я нѣкоторыя покушенія, чтобъ литовскаго гетмана Мосальскаго къ принятію пенсіи склонить, токмо тщетно, ибо онъ всегда стоялъ на томъ, дабы ничего не принимать. О благонамѣренности же его, такъ и сына его, епископа виленскаго я удостовѣренъ, что послѣ подтвердилъ и поступокъ ихъ на послѣднемъ сенатусъ-консиліумѣ. Результата никто изъ нихъ не подписалъ, и гетманъ еще до окончанія сенатусъ-консиліума въ Вильну отъѣхалъ, а епископъ всѣмъ покушеніямъ и понужденіямъ твердо противился. Я знаю, что фамилія Мосальскихъ охотно желала бы за справедливую цѣну купить маетности Домбровенскія, принадлежавшія прежде сего князю Меншикову, а нынѣ состоящія за фамиліею Сапѣговъ. Процессъ о томъ еще не рѣшенъ, да и быть этому сумнительно, потому что дѣло принадлежитъ до трибунала, котораго судьи избираются. Еслибъ князя Меншикова склонить, чтобъ онъ притязанія свои на сіи маетности уступилъ Мосальскому за справедливую цѣну, тобъ я уступательное письмо къ нему для подписанія переслалъ. (Здѣсь замѣтка и. Екатерины: о семъ гг. канцлеры могутъ говорить съ кн. Меншиковымъ, однако я никакъ его къ тому принудить или приневолить не желаю, но кажется сумма денегъ лучше, нежели пустыя претензіи). — Я и самъ помышлялъ, не надобно ли гетмана Браницкаго пенсіею къ интересу в. и. в—ства

приклонить. Токмо его кредитъ не столь великъ, и не больше силы его, какову онъ по своему чину при арміи имѣетъ, которая изъ шляхетства состоитъ. Онъ непостояненъ, нескрытенъ и находится совсѣмъ въ рукахъ жены старосты Торжинскаго, такъ и его самого да нѣкотораго духовнаго, коихъ преданность Франціи весьма извѣстна. По такимъ обстоятельствамъ сумнительно его на нашей сторонѣ имѣть, къ тому же нельзя ему и тайности нашего дѣла ввѣрить. Изъ пересланныхъ денегъ я безъ нужды ничего не употреблю, токмо и предусмотрѣть не могу же будетъ ли отъ того всегда польза, такъ какъ пахарь не знаетъ, всѣ ли посѣянныя имъ сѣмена взойдутъ».

5) *Письмо Фридриха II къ императрицѣ Екатеринѣ изъ Бреславля отъ 7 февраля 1762 года.*

Madame Ma soeur. Je felicite votre Majesté imperialle de tout mon coeur sur son avenement au Trone, vous pouvez etre persuadé Madame que j'y prens une tres sincere part, je ne puis m'empechér de vous regardér ainsi que l'Empereur comme mes vrais amis, je ne puis m'expliquér plus librement sur ce sujet mais je me flate que votre Majesté imperialle sera perssuadé que mes sentimens repondent entierement au siens et que je ne desire que de vous donner Madame ainsi qu'a l'Empereur des marques de ma haute estime et de mon atachement etant avec la plus grande consideration Madame ma soeur de V. M. J. le fidelle et bon frere Federic.

6) *Собственноручная инструкція императрицы Екатерины II полковнику Пучкову* (1763 года).

Секретная инструкція полковнику Пучкову: 1) Надлежитъ вамъ ѣхать въ Вильну въ Литву. 2) Изъ иностранной коллегіи вамъ даны будутъ восемь тысячь рублей. 3) Канцлеръ графъ Воронцовъ вамъ письмо отдастъ отъ себя къ графу Флеммингу великому подскарбію Литванскому, сей послѣдній вамъ поможетъ дѣйствомъ и совѣтомъ. 4) А коммиссія ваша состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Потому что королевская польская партія стараестя во всѣхъ мѣстахъ республики усилиться, то и ищетъ она и нынѣ въ будущемъ въ Литвѣ трибуналѣ учинить, чтобъ отъ ея воли и желаній оный зависѣлъ, воевода виленскій признаетъ по ихъ обстоятельствамъ чрезъ допущеніе или недопущеніе къ присягѣ избранныхъ депутатовъ, въ которомъ намѣреніи молодому князю

Радзивилу оное мѣсто дано, чтобъ чрезъ него на свою сторону перевѣсъ сдѣлать; а потому что большая часть дворянства къ 4/15 апрѣля въ Вильну сберется такъ мы разсудили, чтобъ для лучшаго исполненія намѣренія нашего, а польскому двору противные по курляндскимъ пограничнымъ распрямъ между нами и внутреннимъ польскимъ обстоятельствамъ, по которымъ надлежитъ нашей россійской партіи перевѣсъ имѣть васъ отправить и дать вамъ восемь тысячь рублей дабы вы тѣмъ могли себя подкрѣплять по обстоятельствамъ, и посовѣтовавъ съ графомъ Флеммингомъ; и какъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ оскорбительныя и вымышленныя противъ Россіи всѣваютъ между мелкимъ дворянствомъ мысли, такъ слѣдовательно, чтобъ оныя во всѣхъ мѣстахъ сколь можно отвращать стараться надлежитъ. Екатерина.

7) Собственноручное письмо императрицы Екатерины II-й къ графу Кейзерлингу.

Monsieur le comte Kayserling, je vous fait cette lettre pour savoir votre avis; l'Angleterre me presse extremement pour conclure un traité de Commerce et d'Alliance avec moi, j'ai voulu voir avant que d'y entendre quel tour les affaire de l'Europe prendroit, c'est a cet effet que j'ai éludé sous différent pretexte de meme entrer dans les propositions qu'on me faisoit, apresent que je n' a plus de bons pretexte á aleguer, j'ai ordonner d'entendre les propostions de l'ambassadeur d'Angleterre, le college des affaires étrangere a fait un projet pour un traité d'Alliance et deffensive, mais avant que d'y entrer je voudrais savoir ce que vous en pensé, j'ai ordonnée de declarer à la cour de Vienne et celle de Prusse en confidence que l'Angleterre me faisoit des propositions de traitté d'Alliance que je n'y avoit pas voulu entrer avant que de leur en faire part, j'ai fait cela afin que les deux cours ne prenne point d'ombrage et puisse me faire des propositions de traité d'amitié de quoi j'ai écrite au roy de personne il y a huit jours. Je vous dirai tout net que mon but est d'être liés d'amitié avec toutte les puissances et meme jusqu'a la deffensive afin de pouvoir toujours me ranger du coté du plus oppressé et etre par la l'Arbitre de l'Europe; je vous prie de me dire si je me trompe et cela tres librement je vous envoye si joint le projet fait au college.

8) Отъ той же къ тому же:

a Peterhof 6 juillet 1763. Monsieur le Comte Kayserling. Ensuite de Vos rapports secrets addressés à moi en propre, je vous ai fait connaitre mes intentions que je ne veus ni ne puis statuer d'autre epoque que la mort du roy de Pol. pour donner la main a la confederation de ce pais la. je ne m'etonne pas cependant de l'impatience que mes amis font voir par leurs demarches empressés, afin d'amener les affaires a ce denouement avant le terme, leur interet est si grand et leur vues sont si importante que si ils y parvienent, ils seront excusables aux yeux du publique dans tous les moyens. jl n'en est de meme a mon ègard, ma vraie gloire souffrira sans doute si je vais contribuer au detronement d'un prince voisin et ami et sela pour aucune autre cause que sa trop grande confience peut etre dans un ministre fourbe et faible (qui est meme au bord du tombeau) qui est antaut temeraire dans les entreprises que lache dans leur execution. Mais comencer la confederation et la faire durer jusqu'a sa mort, ce tems indeterminé ne pourra-t-il pas absorber chez moi des somes d'argens si considerables et alterer et varier tout mon credit et l'influence ches les autres, que surement on aura de la peine a evaluer le pris de l'un et de l'autre par cet avantage que mon Empire doit se promettre par la suite de l'élection d'un roy national, au reste je ne crois pas avoir besoin a Vous parler ici de la nature politique relative a mon Empire d'une confederation courte qui se termineroit par le retablissement du bon ordre dans les affaires interieures du pais (si tout est que cet ordre en effet peut avoir lieu dans un gouvernement comme celui la) je vous connais trop M-r le comte Kayserling pour un ministre éclairé et fidel pour que je puis se douter un instant de votre zele et votre penetration pour l'interet autant principal que permanent de mon Empire; car ce n'est pas sans doute cette sorte de despotisme casuelle d'un parti soutenu par des intrigues et des ressources de sa cour qui puis se former a la fin un gouvernement monarchique qui est un objet d'allarmes seul et vrai pour des voisins, ainsi ne doit on point regarder ce despotisme present plutot comme la perpetuité d'une anarchie fondée dans le principe de leur forme de gouvernement que comme un acheminement reelle a un etat regulier de la nation. J'ai voulu vous indiquer ces considerations primitives uniquement pour votre propre direction afin que vous

puissiès reconoitre mes principes sur lesquels je vous ai envoyé les derniers ordres de ma main, de retenir mes amis de la confederation prematurée en leur donnant en meme tems das assurances des plus positives que nous les soutiendrons fidelement en tout ce qui est raisonable jusqu'au termes de la mort du roy auquel terme nous agirons sous donte en leur faveur. j'ai cru d'autaut plus necessaire de vous faire cette lettre que j'ai vue dans votre depeche adressé au college sous № 47 du $^{9}/_{20}$ de ce mois que le parti mal intentionnée se donne beaucoup de mouvemens pour exiger un armement entre eux et dans leurs trouppes, quand je confronte cet avis avec celui que vous m'aviés donnés dans votre derniere relation adressés a moi en propre et qui est que nos amis s'arment et enrolent le monde avec autaut d'ardeur et d'empressement comme si ils avoient deja mon consentement positif a former la confederation sur le champ, je trouve asses vraissemblable que les premiers ayent cru y etre agacé d'aventages par cette ardeur inconsideré des notre. L'entrée presente en Pol: de mes quatres regimens peut occasionner encore plus de fermentation dans les esprits, surtout relativement aux marches et a la conduite de ces trouppes que vous avés a diriger en consequence de mes ordres. Ainsi je trouve bon de vous prescrire que vous ayés a diriger l'un et l'autre avec toute la prudence et la sagacite que je vous connais, en vos contentant d'adoucissiment de ceux qui peuveut se trouver veritablement insuportables pour les bien intentionnés dans la conduite du tribunal de Vilna, afin que cet expedient que nous avons accordé a leur solicitation n'excede point notre intention qui est de ne point laissé venir leurs affaires a une rupture ouverte avant notre terme, et pour cette fin je veut que vous abregiés le sejour du mes regimens dans ce pays la, autant, qu'il vour sera possible et que vous leurs fassiés prendre le chemin le moin afecté pour leur retour dans leur quartier. Vous sentirés bien vous meme que tout ce que je vous prescrit ici n'est que pour prevenir une confederation contraire a mes interets.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Журналы и протоколы Сената, 7 февраля.
2. Тамъ же.
3. Архивъ кн. Воронцова, VII, 526.
4. Hermann, Geschichte des russ. Staats, V, 243.
5. Иностранцы говорятъ, будто при восшествіи на престолъ Петра III было возвращено изъ ссылки 20,000 человѣкъ! Эту цифру можно было бы объяснить тѣмъ, что число ссыльныхъ при Елисаветѣ дѣйствительно увеличилось въ слѣдствіе отмѣны смертной казни; но мы не имѣемъ извѣстій, чтобы при Петрѣ были возвращены изъ ссылки всѣ разбойники и смертоубійцы. Князь Щербатовъ (о поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 64) считаетъ до 15,000 человѣкъ сосланныхъ за корчемство; но мы знаемъ, что они возвращены по указу Елисаветы. Екатерина II въ одной изъ записокъ своихъ говоритъ: „Хотя при смерти своей императрица Елисавета Петровна освободила до 17,000 колодниковъ, однако при коронаціи моей оныхъ еще до 8000 было“. (Записка въ Государ. Архивѣ).
6. Записки кн. Шаховского, 174.
7. Журналы и протоколы Сената.
8. Записки кн. Шаховского, стр. 181.
9. Журналы и протоколы Сената, 25 апрѣля, 6 марта.
10. Тамъ же. Сенатъ слушалъ указъ 20 мая; но какъ видно изъ перваго приложенія къ нашей книгѣ, совѣтъ уже собирался 18 мая.
11. Тамъ же 4 марта.
12. Тамъ же, означенныя числа.
13. Biographie Peter's III, II, 16.
14. Пол. Собр. Зак. № 11444.
15. Исторія Россіи, XXIV.
16. Русская Старина, 1874, кн. XI.
17. Исторія Россіи, XX, 174 и слѣд.
18. Русскій Архивъ 1867 г., № 1.

19. Пол. Собр. Зак. № 11445.—По свидѣтельству Кастера (Histoire de Catherine II, I, 264) декларацiи о вольности дворянской и объ уничтоженiи Тайной Канцелярiи были переданы канцлеромъ Воронцовымъ Гудовичу, а послѣднимъ императору, который, не разсматривая ихъ, прочелъ въ Сенатѣ; Гудовичъ убѣдилъ Петра сдѣлать это, представивъ, какое вредное впечатлѣнiе производитъ на народъ дурной образъ жизни его, Петра, и что надобно поправить дѣло, объявивъ важныя милости.

20. Русскiй Архивъ 1867 г., № 1.

21. Журналы и протоколы Сената 29 января.

22. Тамъ же 19 февраля и 22 марта.

23. Пол. Собр. Зак. № 11481, 11493.

24. Тамъ же, № 11,560.

25. Тамъ же, № 11,420.

26. Тамъ же, № 11,434, 11,435.

27. Журналы и протоколы Сената 11 января; 1, 11 и 22 марта; 30 мая; 3 и 20 iюня.

28. Тамъ же, 8 и 23 мая. Пол. Собр. Зак. № 11,489.

29. Пол. Собр. Зак. № 11550, 11581. О банкѣ см. Прилож. 1.

30. Тамъ же № 11,461.

31. Тамъ же № 11,442.

32. Тамъ же № 11,458.

33. Тамъ же № 11,532.

34. Тамъ же, № 11,416.

35. Исторiя Россiи, XXIV, 59.

36. Mémoires de la princesse Daschkoff, I, 56, 57, 58 (Bibliothèque russe et polonaise vol. IX). Есть одно указанiе на то, что въ началѣ Семилѣтней войны Петръ какъ-то успѣлъ дать знать Фридриху о своемъ желанiи, чтобъ тотъ не заключалъ союза съ королемъ датскимъ. Это указанiе находится въ письмѣ Фридриха къ своему посланнику Гольцу, отправлявшемуся въ Петербургъ: „Vous lui (Петру III) direz que j'avais décliné jusqu'ici soigneusement toutes les propositions d'alliance que le Danemark m'avait faites, comme l'Empereur l'avait souhaité de moi au commencement de la guerre“. Приводя эту выдержку изъ письма, г. Щебальскiй въ своемъ соч. „Политическая система Петра III“ говоритъ: „Это письмо (отъ 7 февраля н. с.) находится въ берлинскомъ государ. архивѣ, гдѣ его списалъ вмѣстѣ со многими другими любопытными документами и отдалъ въ мое распоряженiе почтенный изслѣдователь русскихъ архивовъ Г. В. Есиповъ“. Эти документы приложены подъ № XV къ упомянутому сочиненiю и состоятъ преимущественно въ депешахъ Гольца.

37. Прассе у Германна, V, 229.

38. Архивъ кн. Воронцова, VII, 525.—Фридрихъ II во время войны увѣдомлялъ Русскій дворъ о событіяхъ въ своемъ семействѣ чрезъ министра своего въ Варшавѣ.

39. Дѣла Прусскія 1762 года.

40. Oeuvres de Frédérie XXV, 307; XXVI, 236.

41. Тамъ же, XVII, 365. Письмо Фридриха II къ Гудовичу отъ 22 мая: „Je vous regarde comme la colombe qui porta la branche d'Olivier à l'arche; vous étes le premier instrument dont la Providence s'est servie pour cimenter cette heureuse union aver ce cher et admirable empereur. Je vous en conserve une reconnoissane éternelle et. c.

42. Дѣла Прусскія 1762 года.

43. Русская Старина 1871 годъ, кн. 3.

44. Журналы и протоколы Сената, 6 мая.

45. Memoires de Fréderic II, II, 224.

46. Дѣла Прусскія 1762 года.

47. Дѣла Датскія 1762 года.—Собственноручный ультиматумъ Петра III относительно требованій отъ Даніи: „№ 1: die Restitution Schleswig Femern und Heiligland. № 2 zur Wiedervergütung die danische Hälfte von Holstein mit allen Vestungen die dazu gehören".

48. Дѣла Австрійскія 1762 года.

49. Русская Старина, 1871 годъ, № 3.

50. Дѣла Французскія 1762 года.

51. Дѣла Англійскія 1762 года.—Шеферъ II, 463 и слѣд.

52. Дѣла Шведскія 1762 года.

53. Депеши прусскаго резидента въ Варшавѣ Бенуа, извлеченныя изъ Берлинскаго архива Гейссеромъ и помѣщенныя въ изданіи Мюнхенской Академіи: Forschungen zur deutschen Geschichte.

54. Приводимъ это любопытное письмо въ подлинникѣ: Madame, Vostre Majesté me permettra de lui adresser ces lignes pour lui dire aves le plus profonds chagrin que hier ayant entendue par le comte Schuwaloff quelle etoit faché contre moy par a port le prince de Saxe j'ose lui representer les raisons qui m'ont forcé a estre avec lui si froid et que je ne lui parle presque pas. Vostre Majesté scaura dont que ce meme prince s'est montré a la bataille de Zorndorff en lache poltron. Mais ce qui est encore plus pis c'est que le prince par sa fuite indigne n'a pas seulement fait du tort a lui mais plus encore a Vostre Majesté par ce que quelques regiments voyant fuir le prince coururent avec pensent sil le prince est deja obligé a fuire nous sommes tous perdues par ca V. M. peut aisement elle meme voir que je fletrirai trop mon honneur par ca si jaurais avec lui des grandes liaisons et plus que je ferai du torp au nom dun neveu d'elle si je ferai cette basesse.

55. Дѣла Курляндскія 1762 года. Биронъ отрекся отъ Курляндіи въ пользу принца Георгія 16 апрѣля; нѣмецкій подлинникъ отреченія утвержденъ императоромъ чрезъ собственноручную подпись: „approbatur—Peter"; конференціи совѣтникъ Сальдернъ сообщилъ актъ канцлеру 21 апрѣля.

56. Дѣла Турецкія 1762 года.

57. Архивъ кн. Воронцова, кн. VII.

58. Письмо М. Л. Воронцова къ Петру III въ Госуд. Архивѣ; второе изъ приведенныхъ писемъ отъ 12 апрѣля.

59. Письмо на французскомъ языкѣ въ Государств. Архивѣ: Vous saver, M-re, plus que moi que le honheur d'un état consiste que toutes ler parties qui le forment, soient dirigées avec l'ordre et l'exactitude. Je vous en recommende deux qui font dans les siecles eclairés, la gloire et l'honneur des Nations: ce sont les sciences et les arts. C'est l'université et l'academie qui sont sous ma direction, il me faut des réglemens, il me faut des instructions. Ie demande votre conseil, dois-je présenter à S. M. J. par ecrit, ou vous me ferez de bouche. Ce que ma plume ne sauroit faire ni sitôt ni si parfait.

60. Русскій Архивъ 1867, № 1.

61. Тамъ же.

62. Mémoires de la princesse Daschkoff, I, 41.

63. Указъ въ Государ. Архивѣ.

64. Болотовъ.

65. Castera, Histoire de Catherine II, t. I, p. 273.—О сильномъ неудовольствіи духовенства говоритъ также Кейтъ въ своей депешѣ 7 іюня (La cour de la Russie 184).—Что касается Кастера, то имъ надобно пользоваться съ большою осторожностію, но съ осторожностію же должно и отвергать сообщаемыя имъ извѣстія. Онъ слышалъ и читалъ много вѣрнаго и не вѣрнаго, не имѣя возможности отнестись критически къ своему матеріалу, не записывалъ немедленно, а составлялъ потомъ по памяти свой разсказъ. Такъ напримѣръ, въ разсказѣ о судьбѣ Ивана Антоновича, наполненнаго невѣрностями, у Кастера сохранилось извѣстіе о бурѣ, застигшей Ивана при перевозкѣ его изъ Шлюссельбурга въ Кексгольмъ, извѣстіе вполнѣ вѣрное какъ увидимъ; но и тутъ у Кастеры это извѣстіе отнесено къ другому времени.

66. On peut dire que ce prince a beaucoup contribué à rendre les Allemands haissables et à precipiter la chute de son maitre.

67. Herrmann, V, 251.—Записки Штелина въ Госуд. Архивѣ.

68. Болотовъ, II, ч. 8, письмо 92.

69. Тамъ же.—Подтвержденіе отзыва о Трубецкомъ см. у кн. Дашковой, I, 53.

70. Записки Штелина.
71. Herrmann V, 265.
72. Дашкова, I, 59.
73. Анекдоты Н. К. Загряжской въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Пушкина, изд. Исакова.
74. Журналы и протоколы Сената, 5 апрѣля.
75. Пол. Собр. Зак. № 11401 и 11477.
76. Записки Штелина.
77. Раумеръ, II. 517. La cour de la Russie, 185; Herrmann V, 257.
78. Сборникъ Русск. Истор. Общ. IX, 509.
79. Архивъ кн. Воронцова, VII, 448.
80. Указы Петра III въ Государ. Архивѣ.
81. Москов. Отд. Военнаго Архива, Дѣла Румянцева; Щебальскаго—Политическая система Петра III, стр. 176 и слѣд.
82. Письмо въ Государ. Архивѣ.
83. См. примѣч. 81.
84. Слова Болотова.
85. Исторія Россіи XXII, гл. II; XXIV, стр. 30.
86. Дѣло о Брауншвейгской фамиліи въ Государ. Архивѣ.
87. Раумеръ II, 509.
88. Письмо въ Forschungen zur deutschen Geschichte.
89. La cour de la Russie, 187 et squ. Раумеръ, II, 508.
90. La cour de la Russie, 202; Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 68.
91. Замѣчанія Екатер. II къ сочиненію Денины въ Москов. Публич. Муз.; напечат. въ Дневникѣ Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 482.
92. Mémoires de Frédèric II. изд. Бутарика, II, 227.
93. Записки въ Государ. Архивѣ.
94. Correspond. secrète de Louis XV; t. II, p. 25.
95. Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 61. Дашкова разсказываетъ, что Петръ III произвелъ Панина въ генералы отъ инфантеріи; Панинъ сказалъ Мельгунову, объявившему ему объ этомъ пожалованіи, что если онъ не можетъ уклониться отъ этой чести, которой онъ недостоинъ, то онъ немедленно удалится въ Швецію. Императоръ съ изумленіемъ услыхалъ объ этомъ отказѣ. „Я всегда думалъ, сказалъ онъ, что Панинъ умный человѣкъ; но съ этихъ поръ я такъ думать не буду“. Тутъ въ разсказѣ долженъ быть пропускъ: вѣроятно Мельгуновъ прибавилъ, что при новомъ чинѣ Панинъ долженъ будетъ принять участіе въ военныхъ упражненіяхъ, ибо Панинъ, будучи дѣйствительнымъ камергеромъ, имѣлъ и военный чинъ генералъ-поручика, и Петру III было естественно дать ему слѣдующій военный чинъ.
96. Исторія Россіи XXIV, 64.

97. Castéra, Hist. de Cather., I, 263.

98. Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 82.—Vie de Pierre III, I, 230.—

99. Указы Петра III въ Государ. Архивѣ.

100. Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 18.

101. Тамъ же, стр. 102.

102. Исторія Россіи XXIV, 187.

103. По свидѣтельству Болотова.

104. Письмо къ Понятовскому, въ Государ. Архивѣ.—Изъ Орловыхъ Екатерина указываетъ троихъ, не называя по именамъ; всѣхъ Орловыхъ было пятеро: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Ѳедоръ и Владиміръ.

105. Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 110, 132.

106. Сочиненія Державина, по изданію Грота, VI, 429 и слѣд.— Кромѣ разсказа Державина, до насъ дошли нѣкоторыя извѣстія о событіяхъ въ Преображ. полку въ автобіографической запискѣ графа Семена Романовича Воронцова, служившаго въ первой гренадерской ротѣ. Узнавши, что въ Измайловскомъ и Семеновскомъ полкахъ провозглашена Екатерина, графъ Семенъ поскакалъ въ свой полкъ, который нашелъ выстроеннымъ и готовымъ выступить. На выходки Воронцова противъ переворота, офицеры—Бредихинъ, Баскаковъ, кн. Ѳ. Борятинскій ничего не отвѣчали, только переглядывались другъ съ другомъ. Полное сочувствіе нашелъ онъ въ капитанѣ Петрѣ Ив. Измайловѣ, вмѣстѣ съ которымъ они стали уговаривать гренадеръ сохранить вѣрность Петру III. То же дѣлалъ и второй майоръ полка, Петръ Петров. Воейковъ. Гренадеры отвѣчали на увѣщанія: „Мы умремъ за него". Воейковъ повелъ ихъ къ Казанскому собору. Но на дорогѣ присоединился къ нимъ князь Меншиковъ и сзади колонны крикнулъ: „Vivat императрица Екатерина Алексѣевна, наша самодержица!" и вдругъ вся колонна повторила этотъ крикъ. Старанія Воейковыхъ и Воронцова удержать ее были тщетны. Воейковъ (который?) бросилъ шпагу, крича изо всѣхъ силъ: „Ступайте къ черту, канальи, е. м., измѣнники! Я съ вами не буду!" поворотилъ лошадь и поскакалъ къ себѣ домой. Воронцовъ бросился къ рѣкѣ, чтобъ нанять первую лодку и плыть въ Ораніенбаумъ, но былъ схваченъ. (Архивъ кн. Воронцова, кн. VIII, 4 и слѣд.). Извѣстія Воронцова и Державина не противорѣчатъ другъ другу: Преображенцы, въ числѣ которыхъ находился Державинъ, встрѣтили гренадерскую роту на Литейной послѣ того какъ та стала повторять крикъ Меншикова, и когда Воейковъ, послѣ тщетныхъ попытокъ остановить ее, принужденъ былъ бѣжать.

107. Пол. Собр. Зак. № 11582.

108. Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 101 и слѣд.

109. Тамъ же.

110. Дашкова, I, 110.—Прассе у Германна V, 291.

111. Сочин. Державина VI, 864.—Castéra I, 375.—Дашкова, I, 113.—Письмо Воронцова къ Екатеринѣ въ Моск. Ар. Мин. Ин. Д.

112. Бумаги о восшествіи на престолъ Екатерины II въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ.

113. Mémoires de Segur, ed. Barrière, I, 292.

114. Журналы Сената 10 августа и 2 декабря 1764 года; 6 іюня 1765 года.—Записки Державина 433.

115. Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 108 и слѣд.

116. Записки кн. Шаховского, стр. 192.

117. Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 29.

118. Письмо отъ 27 августа, хранится въ Государ. Архивѣ.

119. Полн. Собр. Зак. № 11659.

120. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 128, 131.

121. Teplow m'a servi beaucoup. Adadourof radote, Elagin est près de moi.—Въ чемъ состоитъ бредъ Ададурова? Бредилъ ли онъ отъ восторга, или въ этомъ словѣ высказался не очень лестный взглядъ Екатерины на Ададурова?

122. Депеша Кейта въ Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 12.

123. См. бумаги, относящ. къ восшествію на престолъ Екатерины II въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

124. Le tout se passait sous ma direction très particulière, говоритъ она въ письмѣ къ Понятовскому.

125. Ivan Schouvalow, le plus bas et le plus lâche des hommes, a écrit, dit on, à Voltaire qu'une femme de dixneuf ans avait changé le gouvernement de cet empire: détrompez, je vous prie, ce grand écrivain.

126. Эту записку можно отнести къ первымъ мѣсяцамъ царствованія Екатерины, но никакъ не слѣдующія двѣ: 1) Иванъ Перфильевичъ! съѣзди къ Роману Ларіоновичу и скажи ему, что я даю позволеніе дочери его Елисаветѣ Романовнѣ, дабы она въ его домѣ на Москвѣ жила до тѣхъ поръ, покамѣсть у ней свой будетъ; также скажи ему, чтобъ онъ непремѣнно отдѣлилъ ее, дабы она имѣла съ чѣмъ жить, и вы сами видѣли, что онъ не такъ бѣденъ, какъ притворяется. Дай ему также знать, чтобъ она на Москвѣ жила въ тишинѣ, не подавая людямъ много причинъ о себѣ говорить; но сіе ты какъ отъ себя скажешь». Во второй запискѣ говорится о покупкѣ дома въ Москвѣ для Елисаветы Романовны. Ясно, что обѣ записки относятся къ 1763 году, когда послѣ отъѣзда императрицы изъ Москвы дѣло шло о переводѣ Воронцовой изъ деревни въ этотъ городъ. Всѣ три записки напечатаны въ Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 149,150; но издатель невѣрно отнесъ всѣ три къ первымъ мѣсяцамъ Екатерининскаго царствованія. Мы не хотимъ настаивать, что и первая непремѣнно принадлежитъ къ этому времени.

127. Съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III; но возвратился съ дороги въ слѣдствіе событій 28 іюня.

128. Архивъ кн. Воронцова, кн. V.

129. Тамъ же, VII, 573.

130. Сборн. Русск. Истор. Общ VII, 138.

131. Въ Государств. Архивѣ.

132. Сборникъ указовъ II. Екатерины 1764 года; перепечатано въ въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ", кн. IV.

133. Журналы и протоколы Сената, 6 іюля. — По возвращеніи изъ Сената Екатерина писала генералъ-прокурору Глѣбову: Пришлите ко мнѣ списокъ: 1) сколько у меня въ Лифляндіи мызъ? 2) и кому они отданы на аренды? 3) и есть ли порожнія или нѣту? Велите табель сдѣлать и принесите ко мнѣ. *Благодарствую за ваше давишное поведеніе въ Сенатѣ.* Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 120.

134. Фридрихъ II говорилъ Сегюру: „Catherine couronnée et libre a cru, comme une jeune femme sans expérience que tout était fini; un ennemi si pusillanime ne lui paraissait pas dangereux. Mais les Orloff, plus audacieux et plus clairvoyants ne voulant pas qu'on fit contre eux de ce prince un étendard, l'ont abattu. L'impératrice ignorait ce forfait et l'apprit avec un désespoir qui n'était pas feint; elle pressentait justement le jugement que tout le monde porte aujourd'hui contre elle; car l'erreur de ce jugement est et doit être ineffaçable, puisque, dans sa position, elle a recueilli les fruits de cet attentat et s'est vue obligée, pour avoir des appuis, non seulement de ménager, mais même de conserver près d'elle les auteurs du crime puisqu'eux seuls avaient pu la sauver. Je vous conseille, pour approfondir ce fait, de voir un vieillard très estimable qui est je crois a présent à Mittau; c'est M. de Kaiserling. Il a tout vu, tout su; il a été à cette époque l'intime confident des chagrins secrets de l'impératrice". Mèmoires de Ségur, I, 292. Надобно замѣтить, что Фридрихъ II въ это время былъ сердитъ на Екатерину.— Въ мемуарахъ кн. Дашковой (I, 146) читаемъ слѣдующее извѣстіе о письмѣ, присланномъ императрицѣ отъ Алексѣя Орлова изъ Ропши: „Cette lettre importante fut conservée avec grand soin par Catherine II, parmi d'autres documents précieux, dans une cassette dont Paul, après la mort de l'impèratrice, confia l'examen au prince Besborodko. Le prince lisait ces papiers en présence du nouvel empereur. Quand il eut achevè la lecture de la lettre d'Alexis Orloff, Paul faisant le signe de la croix s'écria: „Dieu soit loué! Les quelques doutes que j'avais sur ce sujet relativement à ma mère sont maintenant dissipés!" L'impératrice et M-elle Nelidoff étaient présentes et l'empereur ordonna que la lettre fût lue aussi aux grands-ducs et au comte Rostoptschin.

135. Пол. Собр. Зак. № 11599.

136. Журналы и протоколы Сената означ. чиселъ.

137. Мужа извѣстной Екатерины Романовны.

138. Пол. Собр. Зак. № 11616.

139. Журн. и прот. Сената, 7 августа.

140. Тамъ же, 11 іюля, 12 и 19 августа.

141. Тамъ же, означенныя въ текстѣ числа.

142. Письмо отъ 12 іюля, хран. въ Государ. Архивѣ.

143. Архивъ Синода, дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ.

144. Журналы Сената.

145. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 135.

146. Письмо отъ 13 августа, наход. въ Государ. Архивѣ.

147. Mémoires, I, 137.

148. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 151.

149. Исторія Россіи, XXIV, 193.

150. Въ Государ. Архивѣ.

151. Указаніе на запечатаніе домовыхъ церквей при Петрѣ III.

152. Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ императорскую древнюю резиденцію, богоспасаемый градъ Москву, и освященнѣйшаго коронованія ея августѣйшаго в—ства, всепресв., держав., великія госуд. имп. Екатерины Вторыя, самодержицы всероссійскія, матери и избавительницы Отечества.

153. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 157.

154. Письмо въ Госуд. Архивѣ.

155. Дѣло о Брауншвейгской фамиліи.

156. Въ коронацію всѣ Орловы получили графскій титулъ.

157. Дѣло въ Государств. Архивѣ.

158. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 171.—Сохранился приказъ Екатерины о наградахъ людямъ, показавшимъ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ; роль Мих. Шипова видна изъ этого документа: „ротмейстеру конной гвардіи Яминскому 3000 рублей, капитану Измайловскаго полка Гриневу 3000 рублей, капитану поручику того же полка Михаилу Шипову 1000 червонныхъ, да табакерку по моему выбору. Сержанту Преобр. полка Толстому 600 червонныхъ. Побѣдинскому 2000 рублей. Ивану Хрущову 2000 рублей. Объ Шиповѣ, Побѣдинскомъ и Толстомъ поговорить съ графомъ Григорьемъ Орловымъ, онъ ихъ сыщетъ, а Ивана Хрущева Василій Шкуринъ знаетъ. Чихачеву 1000 рублей. Тамъ же, стр. 178. Въ Государ. Архивѣ сохранилось письмо Екатерины къ Кейзерлингу: „M. le comte Kayserling, je vous envoye par le sergent de mes gardes Tolstoi (c'est le meme qui a decouvert le complot des Chruschow et Gouriew).

159. Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова, прилож. стр. 5.

160. Депеша Бёкингама отъ 25 октября н. с. въ Сборникѣ Русск. Истор. Общ. XII, 46.

161. Тамъ же, стр. 52.

162. La cour de la Russie, 224, 225, 226.
163. Журналы Сената, 18 ноября.
164. Пол. Собр. Зак. № 11689.
165. Дѣла въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ 1762 года.
166. Журналы и протоколы Сената 20 августа, 17 сентября, 9 октября, 14, 22 и 26 ноября.
167. Журналы и протоколы Сената, 30 окт., 7 и 15 ноября.
168. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 188.
169. Пол. Собр. Зак. № 11716.
170. Дѣла 1762 года въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ.
171. Журналы и проток. Сената 30 сентября.
172. Тамъ же, 6 ноября.
173. Тамъ же, означ. число.
174. Тамъ же, 16 сентября.
175. Бумаги, относящіяся къ этому дѣлу, находятся частію въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ, частію въ Архивѣ Мин. Ин. Д. въ Москвѣ.
176. Blum—Ein russischer Staatsmann (Сиверсъ), I, 144 и слѣд.
177. См. подроб. въ моемъ курсѣ Новой Исторіи, II, 168.
178. Alexis de S. Priest—Le partage de la Pologne 87.
179. Mémoires de Frédéric II, II, 258.
180. Forschungen zur deutschen Geschichte.
181. Mémoires, II, 226.
182. Дѣла Прусскія 1762 года.—Forschungen zur deutsch. Gesch.
183. Дѣла Датскія 1762 года.
184. Дѣла Шведскія того же года.
185. Письмо Бестужева къ и. Екатеринѣ отъ 29 авг. въ Моск. Ар. Мин. Ин. Д. Тамъ же другое письмо, показывающее продолженіе отношеній Бестужева къ Биронамъ: „Всемилостивѣйшая государыня мать отечествія, всенародная радость. Припадая къ стопамъ в. и. в., всенижайше прошу по всевысочайшему вашему ко мнѣ милосердію и издавна особливому благоволенію сіе мое дерзновеніе всещедрѣйше отпустить, что всенижайшее герцога курляндскаго прошеніе о всемилостивѣйшемъ пожалованіи герцогинѣ его ордена св. Екатерины на всевысочайшее ваше соизволеніе и великодушіе осмѣлился представить, не соизволено ль будетъ всемилостивѣйше при отпускѣ оный наложить для кредиту герцогу у короля и республики польской и для его тамъ подкрѣпленія“.
186. Тамъ же.
187. Письмо въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.
188. Дѣла Польскія 1762 года.
189. Forschungen zur deutsch. Geschichte.
190. Дѣла Курляндскія 1762 года.

191. Дѣла Турецкія того же года.

192. Дѣла Австрійскія того же года.

193. Дѣла Французскія того же года. — Correspondance secrète de Louis XV, I, 279.

194. Дѣла Англійскія 1762 года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. т. XII.

195. С.-Петербургскія Вѣдомости 1763 года, № 3.

196. Тамъ же, № 9.

197. Журналы Сената 16 января, 19 февраля 1763 года.

198. Соч. Державина, VI, 437.

199. Журналы Сената, 9 іюня.

200. Тамъ же, 5 августа, 5 ноября.—Записки Екат. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

201. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 637. Можно догадываться, что Чернышеву оказано было неудовольствіе по поводу дѣла Хитрово (см. ниже), что и заставило его подать въ отставку.

202. Письмо собственноручное изъ Москвы, 13 января 1763 г. въ Московск. Арх. Мин. Ин. Д. Письмо оканчивается такъ: „И такъ въ ожиданіи другова отъ васъ письма, въ которомъ имѣете мнѣ знать дать, исполните ли вы жадное желаніе всей вашей фамиліи видѣть васъ или остатестесь ли вы при силѣ вашего послѣдняго письма. Въ томъ и въ другомъ случаѣ я неотмѣнно остаюсь вамъ доброжелательная Екатерина“.—Это второе письмо императрицы къ Румянцеву; сохранилось въ томъ же архивѣ первое письмо, не собственноручное, а только подписанное, отъ 5 августа 1762 г., гдѣ Екатерина въ отвѣтъ на письмо Румянцева, извѣщавшаго о своей болѣзни, позволяла ему для излѣченія жить въ деревнѣ или ѣхать на воды.

203. Журналы Сената, 13 іюня; Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 278.

204. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 282, 283.

205. Исторія Россіи, XXIV, 55.

206. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 298.

207. Журналы Сената, 2 апрѣля.

208. Депеша Сольмса отъ 9 января. Forschungen zur deutsch. Geschichte.

209. Депеша Сольмса отъ 12 августа, тамъ же.

210. Замѣтка Екатер. на книгу Денины, рукоп. Моск. Публ. Муз. № 1350.

211. Дѣло объ Арсеніи въ Архивѣ св. Синода.—Второе слѣдств. дѣло по доносу Лебедева въ Гос. Архивѣ.—Любопытна записка Екатерины кн. Вяземскому объ Арсеніи: „Какъ Г. П. фонъ Бенкендорфъ нынѣ оберъ-коммендантомъ въ Ревелѣ опредѣленъ, то не изволишь ли писать къ нему, чтобъ онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе, такое какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ, а то боюсь, чтобъ, не бывши ему поручентъ, Враль не

заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни на есть штуки, и чтобъ не стали слабѣя за симъ звѣркомъ смотрѣть, и намъ отъ того не выливались новыя хлопоты". — Арсеній умеръ 28 февраля 1772 года, исповѣдавшись и пріобщившись Св. Таинъ.

212. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 287.

213. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 234.

214. Госуд. Архивъ.—Переписка Екатер. съ Суворовымъ напечатана въ Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 289 и слѣд. — Дашкова (I, 169) вмѣсто Панина заставляетъ объясняться съ императрицею дядю своего, Воронцова, говоритъ, что Ржевскій сообщилъ Орлову о замыслѣ.

215. Пол. Собр. Зак. № 11843.

216. Письмо и дѣло въ Гос. Архивѣ. — Въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. сохранилось письмо Николая Рославлева изъ крѣпости св. Елисаветы отъ 12 августа 1763 года, къ Елагину: „Государь мой братецъ Иванъ Перфильевичъ! Если братецъ хочешь помочь бѣднѣйшему и несчастливѣйшему человѣку, такъ единаго ради человѣколюбія прошу, чтобъ меня отсюда вывесть хотя умереть поближе къ Москвѣ, а я очень боленъ, кровь изъ горла идетъ и съ постели не встаю, лѣчить же некому, худой самый лѣкарь, жена бѣдная также больна да притомъ брюхата" и проч.

217. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 292.

218. Пол. Собр. Зак. № 11855.

219. Тамъ же, № 11,845.

220. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 235.

221. Журналы Сената означ. чиселъ.

222. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 324.

223. Тамъ же, 279.

224. Пол. Собр. Зак. № 11989.

225. Журналы Сената.

226. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 286.

227. Полн. Собр. Зак. № 11869.

228. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 286.

229. Тамъ же, 285.

230. Журналы Сената, 8 января.

231. Исторія Россіи XXIV, 364, 431.

232. Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 218; неудачное оправданіе Глѣбова см. тамъ же, VII, 340.

233. Журналы Сената, 13 ноября.

234. Донесеніе въ Гос. Архивѣ.

235. Журналы Сената, 25 февраля.

236. Тамъ же, 2 іюня.

237. Тамъ же, 17 ноября.

238. Донесеніе въ Госуд. Арх.

239. Журналы Сената, 7 ноября.
240. Тамъ же, 31 іюля.
241. Тамъ же, 15 января.
242. Тамъ же, 23 октября.
243. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 232.
244. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Письмо къ Голицыну отъ 5 іюня 1763 г.
245. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 234.
246. Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
247. Собр. постановл. по части раскола, I, 598.
248. Пол. Собр. Зак. № 11814, 11844.
249. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 316.
250. Пол. Собр. Зак. № 11790.
251. Журналы Сената, 14 апрѣля.
252. Тамъ же, 1 іюля.
253. Тамъ же, 12 сентября.
254. Тамъ же, 21 іюля.
255. Мнѣніе въ Гос. Арх.
256. Журналы Сената, 5 августа.
257. Тамъ же, 23 октября.
258. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 322.
259. Записка Екатер. въ Гос. Архивѣ.
260. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 234.
261. Журналы Сената, 16 сентября.
262. Пол. Собр. Зак. № 11988.
263. Журналы Сената 21 августа и 15 октября.
264. Сенатскій Арх. въ С.-Петербургѣ.
265. Сенатскія меморіи въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
266. Журналы Сената, 9 декабря.
267. Тамъ же, 18 апрѣля и 4 ноября.
268. Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
269. Пол. Собр. Зак. № 11908. Мысли Бецкаго о воспитаніи будутъ изложены въ 3-й главѣ слѣдующаго тома: Просвѣщеніе въ Россіи отъ основанія Москов. Университета до кончины Ломоносова (1755—1765 г.).
270. Журналы Сената, 13 мая.
271. Тамъ же, 19 ноября.
272. Тамъ же, 15 и 29 мая, 6 іюня, 9 іюля.
273. Пол. Собр. Зак. № 11749.
274. Журналы Сената, 15 апрѣля.
275. Пол. Собр. Зак. № 11879, 11880.
276. Указы Петра III въ Гос. Арх.

277. Mémoires de la pr. Daschkoff. I, 90.

278. Извѣстія изъ бумагъ Госуд. Арх.

279. Пол. Собр. Зак. № 11861.

280. Журналы Сената, 23 января. — Моск. Арх. Мин. Ин. Д. — См. прилож. 3.

281. Донесеніе въ Гос. Архивѣ.

282. Дѣла Курляндскія 1763.

283. Французское письмо оканчивается нѣмецкою фразою: die Haidamouken werden in Pohlen geliebt.

284. Дѣла Польскія 1763 года.

285. Дѣла Прусскія 1763 года.—Переписка и. Екатерины съ Фридрихомъ II въ Госуд. Архивѣ. - Forschungen zur deutsch. Geschichte.

286. Дѣла Австрійскія 1763 года.

287. Дѣла Французскія 1763 года.—Correspondance secrète de Louis XV; I, 288, 290.—Alexis de S. Priest—Etudes diplomatiques, I, 73, 95.

288. Дѣла Турецкія 1763 года.

289. Дѣла Шведскія 1763 года.

290. Дѣла Датскія 1763 года.

291. Дѣла Англійскія 1763 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			*Должно читать:*
Стран.	строка		
11	19	происходитъ	происходитъ
19	20	повершить	повернуть
31	32	даже	якоже
—	34	и нашей	о нашей
82	29	зеленымъ	зеленыхъ
84	23	привыки	привычки
8›	38	но только	не только
87	5	претензіи	презрѣніе
94	22	дрору	двору
95	18	Фридрихъ III	Фридрихъ II
103	16	и имѣли	и имѣвшіе
113	26	повернувъ	повернулъ
139	17	обыкновенными	обыкновеннымъ
196	30	невыгодныя	невыгодный
236	31	Еще 17 декабря	Еще 17 декабря 1762 года
272	18	высказывалось	высказывалась
282	10	привычка: у нѣкоторыхъ	привычка у нѣкоторыхъ
289	12	званія	знанія
290	7	часъ	годъ
303	15	съ тѣмъ вмѣстѣ	съ тѣмъ вмѣстѣ объявляло, что
314	18	могли	могло
331	31	считался	считали
338	13	абы	дабы
352	38	но отправило	не отправило